В. И. Старцев

НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ
И
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского

Санкт-Петербург
2006

УДК 947+947(093.2)
ББК 63.3
С77

Научный редактор д. и. н. Б. Д. Гальперина

Старцев В. И.
С77 Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. — СПб.: Крига, 2006. — 288 с.
ISBN 5-901805-25-9

Книга крупнейшего специалиста по политической истории России начала XX в. члена-корреспондента РАО, профессора В. И. Старцева (1931–2000), впервые опубликованная в 1994 г., посвящена финансированию германским правительством партии большевиков — одному из самых спорных и загадочных сюжетов в истории русской революции 1917 г. В ней в форме увлекательного документального расследования рассказывается о деятельности в революционном Петрограде талантливого журналиста и авантюриста Ф. Оссендовского, ставшего позднее знаменитым польским писателем. На основе документов, хранящихся в Национальном архиве США в Вашингтоне, историку удалось доказать, что именно Оссендовский является автором огромного комплекса документов (в том числе знаменитых «Документов Сиссона»), многие годы служивших подтверждением связей большевистской партии с немцами. Книга рассчитана на специалистов-историков, а также на всех интересующихся историей России начала XX в.

ISBN 5-901805-25-9

К 75-летию
со дня рождения автора

Памяти историка

Вопрос о немецких деньгах, о финансировании Германией партии большевиков до сих пор привлекает внимание не только специалистов, но и всех, кто интересуется отечественной историей. В октябре 1918 г. в США были опубликованы так называемые «документы Сиссона» о германо-большевистском заговоре. На их основании делается вывод, что Германия планировала финансирование большевистской партии еще до Первой мировой войны, что еще тогда большевики стали немецкими агентами. В подлинность этих документов поверили и в правительстве, и в Госдепартаменте, эта версия получила широкое распространение за пределами США. Даже относительно недавно, в 1995 г., в журнале «Отечественная история» были опубликованы главы из книги С. Р. Томпкинса, где автор утверждает, что некоторые из «документов Сиссона» могли быть «почти наверняка» подлинными. Но ведь американский историк Джордж Кеннан еще в 1956 г. доказал, что «документы Сиссона» о германо-большевистском заговоре подделка, что они вышли вовсе не из немецкого Генерального штаба, а сочинил их Фердинанд Оссендовский, петроградский журналист польского происхождения, прославленный польский писатель и, добавим мы, талантливый авантюрист. В кратком предисловии не буду раскрывать историю того, как Ф. Оссендовскому удавалось многие десятилетия дурачить правительства и ученых. Об этом блистательно написано в книге, отсылаю читателя к ней.

Предлагаемую вниманию читателей работу сам автор озаглавил «Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского», но ее вполне можно было назвать «Роман о Фердинанде Оссендовском, написанный Виталием Старцевым». Талантливый и эрудированный ученый, блестящий источниковед Виталий Иванович Старцев познакомился с «документами Сиссона» во время научных командировок в Стэнфордский университет (Калифорния, США) в конце 1991 г. и в Национальный архив в Вашингтоне в 1994 г.

Результатом этих поездок явилась данная работа. Эта книга представляет собой не только великолепное научное исследование, но, написанная ярко, занимательно, она читается как настоящий детективный роман. Со страниц книги встает портрет ее героя Фердинанда Антония Оссендовского: писателя и авантюриста, конспиратора и актера, психолога и импровизатора.

Виталий Иванович Старцев, ученый, широко известный не только в России, но и в Англии, США, Израиле, Японии, Китае и многих других странах, скончался 8 августа 2000 года. В одном из многочисленных некрологов заголовок, напечатанный в газете, звучал так: «Не стало Виталия Старцева». Думается, это не совсем точно; он ушел из жизни, но остался с нами, прежде всего в своих многочисленных трудах, которых насчитывается более 600, в памяти благодарных студентов и аспирантов, в памяти его друзей и родных, знавших его как яркого и талантливого человека.

д. и. н., проф. Б. Д. Гальперина

Предисловие

Герой этой книги, польский писатель Фердинанд Антоний Оссендовский, совершенно не известен нашему читателю. Даже специалисты-историки, которым в первую очередь я предназначаю эту книгу, вряд ли о нем слышали. Знают о нем как о писателе специалисты по истории польской литературы. А между тем человек этот, не задаваясь, возможно, прямо такой целью, оставил след в мировой политической истории XX в.

Хочу привести справку о нем из «Советской литературной энциклопедии», чтобы сразу поделиться с читателем сведениями, которые собрали специалисты. «Оссендовский Антон Мартынович (настоящее имя — Фердинанд Антоний; 27.05. (8.06.) 1878, г. Витебск — 1945, Жолвен под Варшавой), — можем мы там прочитать, — польский писатель; писал также на русском языке. Учился в Петербургском университете и Сорбонне. Работал инженером в Сибири и на Дальнем Востоке. За участие в революции 1905 г. был осужден и находился в заключении по 1907 г. В 1909 г. выпустил книгу о царских тюрьмах "Людская пыль" (1-е изд. уничтожено цензурой, 2-е изд. "В людской пыли", СПб., 1911). Затем печатал в петербургской прессе повести и рассказы, преимущественно в фантастическом и приключенческом жанре. В 1919–1920 гг. был в Омске, служил у Колчака. С 1922 г. жил в Польше». Автор заметки, Л. Н. Чертков, конспективно изложил некоторые факты из биографии Оссендовского до переезда в Польшу. Правда, скажу сразу, здесь есть натяжки (касающиеся, в частности, революционного прошлого нашего героя). А о самом главном событии в петроградской жизни Оссендовского в 1917–1918 гг., вполне в духе «фантастического и приключенческого жанра», вообще не сказано ничего. Но, опять же, если бы было сказано, то, наверное, и писать новую книгу об этом не стоило бы...

Впрочем, продолжим нашу цитату: «Оссендовский много путешествовал по Азии, Африке, Америке, Европе. В 1923 г. издал книгу "Сквозь

край людей, зверей и богов" ("Przez kraj ludzi, zwierząt i bogów"; в русском изд. "Звери, люди, боги", Рига, 1925) о путешествии в 1919–1920 гг. в Тибет и Маньчжурию, в которой дал тенденциозное изображение гражданской войны в Сибири. Издал на польском и английском языках несколько десятков книг. Среди них произведения автобиографического характера — "От президента до тюрьмы" ("From president to prison", 1925), исторические романы — "Под польским знаменем" ("Pod po1ska bandera", 1928) и др., приключенческие и географические книги — "Под порывами самума" ("Pod smaganiem samumu", 1926), "Маленькие победители" ("Mały zwycięzcy", 1930), "Карпаты и Прикарпатье" ("Karpaty i Podkarpacie", 1939). Некоторые произведения Оссендовского переизданы в народной Польше».

Характеристика творчества Оссендовского, даже в тех пределах, в которых я сегодня познакомился с ним, выглядит здесь неполной и односторонней. Из нее не узнаешь, что он был не только автором «нескольких десятков книг» (что тоже не каждому писателю удается!), но и одним из самых популярных на Западе писателей в двадцатые годы, что книги его были переведены на 28 языков! В Лондоне и Нью-Йорке книги Оссендовского на английском языке выходили подчас раньше, чем в Польше. Найденная им «жила» приключенческого жанра и описания личных рискованных путешествий принесла ему широкую известность. Его называли даже «польским Лоуренсом», сравнивая со знаменитым английским разведчиком, действовавшим в странах Востока. Винить автора статьи, конечно, нельзя: ограничения, накладывавшиеся цензурой, хорошо известны. Пишущие старались обходить их, используя иносказания, эзопов язык. Нужно было самому догадываться о многом, читая между строк.

Впрочем, признаюсь откровенно, мне не было особого дела ни до Оссендовского, скончавшегося еще в 1945 г. в своем особняке в местечке Жолвен под Варшавой, ни до его романов, из которых до апреля 1994 г. я в глаза не видел ни одного. Хотя с делом рук Оссендовского (и его, несомненно, выдающегося хитроумия) я довольно близко познакомился немного ранее, в ноябре 1988 г. И связано это «дело рук» с проблемой «немецких денег», которые якобы получали еще со времени начала Первой мировой войны большевики и на которые они смогли совершить целых две революции в России! Но тогда имя Антона Мартыныча еще не было в поле моего зрения. А фигурировали две другие фамилии: журналист Семенов (Коган) и американский журналист Эдгар Сиссон. Может быть, кто-то из читателей вспомнит сейчас о «документах Сиссона»? Я, будучи историком революции в России, знал, что в конце 1918 г. в США были опубликованы «документы» о «германо-большевистском заговоре». Их

купил в Петрограде в марте 1918 г. посланец американского президента В. Вильсона Эдгар Сиссон. Поэтому-то в историю они и вошли под именем «документов Сиссона». Но, как единодушно утверждала вся советская историческая наука (и это оказалось сущей правдой), выяснилось, что документы являются фальшивыми, поддельными. Этого мне тогда было достаточно. Ни брошюры с «документами Сиссона», хранившейся где-то в спецхранах, ни содержания ее я не видел. Читая лекции по истории революции, я часто получал записки с просьбой рассказать подробно о «немецких деньгах» у большевиков. Но всегда отвечал, что я никаких документов не читал и, пока сам с такими документами (если они существуют!) не познакомлюсь, ничего по этому поводу говорить не буду.

Случай самому прочитать опубликованные документы на эту тему представился мне первый раз в конце 1991 г. во время двухмесячной научной командировки в Стэнфордский университет (Калифорния, США). Правда, еще раньше, во время первого короткого приезда в Стэнфорд в конце 1988 г., я познакомился там с аспирантом профессора Терренса Эммонса Семеном Ляндресом. Тема диссертации Семена была связана с источниковедческой оценкой телеграмм между Ганецким (Фюрстенбергом) в Стокгольме и Козловским и Суменсон в Петрограде в первой половине 1917 г. Ганецкий и Козловский были польскими социалистами и одновременно большевиками. И хотя телеграммы с виду были обычными коммерческими, юстиция Временного правительства использовала их для обвинений против большевиков в шпионстве в пользу Германии и получении денег от противника. Дело о шпионстве возникло после июльской вооруженной демонстрации в Петрограде, квалифицированной правительством А. Ф. Керенского как попытка мятежа с целью захвата власти. Ляндрес и изучал эти телеграммы. В 1993 г. он успешно защитил докторскую диссертацию, в которой доказал, что телеграммы действительно были коммерческими, а не «крышей» для оплаты за шпионско-заговорщические услуги. Но это — к слову. Семен Ляндрес показал мне несколько вырезок из парижской эмигрантской русской газеты «Последние новости» за 1921 г., в которой некий Е. Семенов рассказывал о том, как он продавал документы о большевистско-немецком заговоре Э. Сиссону. Но я не обратил тогда на это особенного внимания. Моей главной целью за те три дня, что я смог заниматься в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, было скопировать документы о деятельности русских политических масонов из коллекции Б. И. Николаевского. Лишь через три года, попав вновь в этот архив в Стэнфорде, я занялся темой «немецких денег» более обстоятельно, хотя и тут масоны все еще были у меня на первом плане. Я прочитал сборник докумен-

тов из архива германского имперского Министерства иностранных дел, изданный в 1958 г. в Англии под редакцией З. Зеемана. В сборнике были подобраны документы о планах использования революционеров для главной цели германской политики: заключить сепаратный мир с Россией и прекратить войну на два фронта. Другой, четырехтомный сборник о германских поисках мира в годы Первой мировой войны, изданный в Париже, показывал, что такие же планы немцы имели и в отношении Франции. Я убедился, что, помимо попыток непосредственно склонить к заключению сепаратного мира Николая II и его правительство, немцы давали небольшие суммы денег своим платным агентам, — эсеру Цивину и эстонскому националисту Кескюла. Те утверждали, что передавали деньги своим «агентам» для доставки их интернационалистам социал-демократам и социалистам-революционерам. Однако документов о фактическом поступлении денег в Россию пока обнаружить не удалось.

Таким образом, до Февральской революции, всего вероятнее, большевики никаких денег ни в России, ни в Швейцарии от немцев не получали. Этот вывод можно сделать из опубликованных на сегодня документов германского МИД. Более вероятно поступление каких-то сумм с марта по октябрь 1917 г. Тут мы имеем заявление одного из германских генералов в сентябре 1917 г., повторенное в тех же выражениях в декабре того же года, о том, что большевики не смогли бы поставить так хорошо свою газету «Правда» без немецкой финансовой помощи. Затем опубликован доклад немецкого агента, швейцарского социалиста Карла Моора, о ведении переговоров в Швейцарии в апреле–мае 1917 г. с русскими интернационалистами о формах, в которых «немецкие друзья русской революции» могли бы оказать финансовую поддержку социалистам, борющимся за достижение демократического мира. Доктор С. М. Ляндрес в своей диссертации доказал, что Моор действительно передал большевистским представителям в Стокгольме деньги в сумме около 40 тыс. долларов. Но они тоже не поступили в Россию и частично были потрачены на проведение Третьей циммервальдской конференции, а частично привезены в Советскую Россию Ганецким из Риги только в 1920 г.

Наконец, опубликованные документы, с которыми я подробно познакомился тогда, свидетельствуют, что только с 8 ноября 1917 г. немцы стали оказывать систематическую финансовую помощь большевистской партии, уже захватившей власть в Петрограде. Эта помощь оказывалась ими вплоть до октября 1918 г. и составила по косвенным данным (заявления отдельных лидеров немецких социал-демократов в 1919 г.) до 50–60 млн золотых марок. Следовательно, обе революции 1917 г. сделаны не на «немецкие деньги», а самими нашими русскими людьми под

русским же руководством. Но большевистское правительство вряд ли удержалось бы у власти, если бы не имело в своем распоряжении почти в течение года постоянный поток бесконтрольных валютных поступлений.

Но при чем тут Сиссон и Оссендовский? А вот при чем. На фоне знакомства с этой достоверной информацией я вновь обратился к публикации главного редактора «Последних новостей» П. Н. Милюкова, напечатавшего после своей вводной статьи семь материалов питерского журналиста, в прошлом близкого к эсерам Е. П. Семенова (Когана) о том, как были получены документы о связях большевиков и германских властей вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. и как они были переданы Эдгару Сиссону. В этих статьях Семенов утверждал, что все документы, которые Сиссон опубликовал в первой части своей брошюры «Германо-большевистский заговор», были получены им от одного знакомого журналиста в Петрограде. Фамилия этого журналиста названа в газете не была. Все эти материалы, которыми я теперь пользовался, тщательно собирал и хранил Б. И. Николаевский, меньшевик, а позднее коллекционер разнообразных материалов по истории освободительного и революционного движения в России в XIX–XX вв. В коллекции Николаевского находилась и сама брошюра Сиссона, изданная в Нью-Йорке в октябре 1918 г.

Так я впервые увидел и прочел «документы Сиссона». Должен сказать, что они произвели на меня ошеломляющее впечатление. По внешнему виду и по первому впечатлению они казались стопроцентно подлинными. Помимо английского перевода Сиссон напечатал фотокопии уменьшенных вдвое немецких и русских оригиналов документов. Они выглядели вполне убедительно: угловые штампы немецкого «Разведывательного бюро Германского Генерального штаба» в Петрограде, круглая печать этого бюро, входящие и исходящие номера, резолюции Троцкого, Скрыпник, многих других видных членов большевистского руководства. А содержание документов говорило о том, что Совнарком в Петрограде являлся-де послушным исполнителем приказов немецких офицеров, обосновавшихся в Смольном. Если даже на меня, опытного исследователя-источниковеда, воспитанника юридического факультета, документы произвели такое впечатление, то что же говорить о первых читателях «документов Сиссона»? И о всех последующих, кто брал эту брошюру в свои руки?

Но вскоре первое впечатление прошло, и стали вылезать ослиные уши фальсификации. Пожалуй, самый фундаментальный документ серии, «доказывающий», что большевикам уже 2 марта 1917 г. (!) был открыт большой кредит Немецким банком, для специалиста сразу выгля-

дел невероятным. Там говорилось, что деньги даются Ленину, Троцкому, Суменсон, Коллонтай и некоторым другим. Всякий историк, знакомый с историей большевистской партии, знает, что 2 марта 1917 г. (даже если считать, что это старый стиль, отстающий от нового в XX в. на 13 дней) В. И. Ленин находился в Цюрихе, в Швейцарии, Л. Д. Троцкий — в Нью-Йорке, А. М. Коллонтай — в столице Норвегии, которая тогда называлась Христианией, а никому не известная Суменсон — в Петрограде. Ленин и Троцкий в этот момент были еще не членами одной партии, не союзниками в борьбе за власть, а заклятыми соперниками и врагами. Впервые все эти фамилии стали связываться вместе только после начала «июльского дела», преследования большевиков за организацию июльского антиправительственного движения. В марте 1917 г. никто этого предположить не мог. Обнаруженная подделка одного документа ставила под вопрос все документы, опубликованные в брошюре Сиссона.

Я нашел немало несообразностей и в других документах обеих частей брошюры и решил для себя, что это несомненно фальшивка, а бланки с немецкими угловыми штампами попали к фальсификаторам от русских контрразведчиков. Тем более что Е. П. Семенов в своих статьях 1921 г. в «Последних новостях» напирал на то, что его «организация», установившая слежку за большевистскими руководителями в Смольном и перехватывавшая-де и копировавшая документы об их связях с германцами, включала в свой состав и несколько военных контрразведчиков. Бросалось в глаза и то, что на фотокопиях «подлинных документов» было видно, что бумаги, исходившие вроде бы от разных учреждений, напечатаны были на одной и той же пишущей машинке. Что касается авторства подделки, то в тот момент этот вопрос меня не интересовал, но я полагал, что Семенов, скорей всего, и был автором «документов Сиссона». С. М. Ляндрес, правда, дал мне ксерокопии двух статей, связанных с анализом брошюры 1918 г. Я поблагодарил, но читать их в тот момент мне было некогда. Желание же разобраться во всей этой проблеме по-настоящему во мне сидело.

Осенью 1993 г., получив до этого отказ от Института Кеннана в Вашингтоне в гранте на поездку для исследовательской работы в архивах и библиотеках США на длительный срок, я попытался получить деньги хотя бы на один месяц. И в качестве темы указал изучение подлинников «документов Сиссона», хранящихся в Национальном архиве США в Вашингтоне. Об этом я узнал, просматривая статью Джорджа Кеннана, полученную еще в начале 1992 г. Оценивая весьма пессимистически перспективу получения и этого маленького гранта, я дал тему об исследовании документов Сиссона в свете новых документальных публика-

ций о германо-большевистских связях одному своему новому аспиранту, скопировав для него имевшиеся у меня листы брошюры Сиссона и статью Дж. Кеннана. Добросовестно изучив статью, он стал сомневаться, можно ли написать работу на эту тему, поскольку Кеннан уже доказал, что автором подделки был петроградский журналист Оссендовский, а Семенов был только посредником и продавцом документов. После этого я сам стал читать статью Джорджа Кеннана и впервые получил некоторое представление о фигуре Оссендовского. Автор весьма убедительно доказывал его авторство на основании документов, собранных Госдепартаментом по делу о публикации Сиссона, и приводил некоторые сведения о жизненном пути Оссендовского. Но меня и после этого интересовали сами подлинники этих «документов», а не фигура их создателя. Я надеялся, что, применив все известные мне методы текстологического и источниковедческого анализа, я смогу получить из подлинных текстов какую-то новую информацию.

И вдруг в начале 1994 г. я узнал, что научный совет Института Кеннана решил предоставить мне грант для месячной поездки в Вашингтон! Так состоялось мое погружение на три недели в бумаги Сиссона, по-нашему, архивный фонд Сиссона, хранящийся среди колоссального архивного фонда Государственного департамента США. Это были три картонных вертикальных коробки, каждая толщиной сантиметров в 10–12, битком набитые «файлами», тоненькими папочками с разными документами. Сразу скажу, что подлинников и копий, приобретенных Эдгаром Сиссоном у Е. П. Семенова 3 марта 1918 г. в Петрограде, в этих бумагах не оказалось. Где они и сохранились ли, сказать пока невозможно. Относительно документов Сиссона есть только его первоначальный доклад, содержащий английские переводы первой (большей, свыше 50 документов) части будущей брошюры «Германо-большевистский заговор». Но полной неожиданностью для меня стало наличие подлинников еще около сорока документов того же происхождения, что и сиссоновские, но имеющих более поздние даты и до сих пор не опубликованных! Они имели внутреннее название серии Госдепартамента, в отличие от серии Сиссона. Имелся также и список третьей серии аналогичных документов, предложенных для покупки, но не купленных ответственными американскими дипломатами в апреле 1918 г.

Кроме того, имелись два варианта документов, вошедших во вторую часть брошюры Сиссона.

Сиссон видел и сравнивал три других набора этих «документов», ходивших по стране в ноябре–декабре 1917 г., но этих двух вариантов, находясь в Петрограде, не видел. Справедливости ради надо отметить, что

глухое упоминание о существовании серии Госдепартамента имеется и в статье Дж. Кеннана 1956 г.

Таким образом, предметом изучения для меня стали все сто с лишним документов, вышедших из «мастерской» Антона Мартыновича Оссендовского. И если критиками брошюры Э. Сиссона были многочисленные политики и историки из разных стран мира, то единственным «критиком» других серий документов оказался сам Сиссон. Дело в том, что Государственный департамент США посылал ему на отзыв каждый вновь полученный документ или их группы. И Сиссон писал заключения об их подлинности и ценности. Точно так же Сиссону отправлялись на отзыв и критические замечания по поводу опубликованных им документов. Все это накапливалось в бумагах Сиссона, которые я теперь, в апреле 1994 г., и изучал в Национальном архиве. Там был экземпляр брошюры финского социалиста Нуортевы, первого заявившего в октябре 1918 г. о сфальсифицированности «документов Сиссона». Тут же лежала брошюра Джона Рида 1919 г., очень логично опровергавшая документы с позиций очевидца событий. Даже экземпляр газеты «Известия», от 28 декабря 1918 г., присланный из Москвы, лежал в этих бумагах. Редакция высмеяла публикаторов документов. Правда, известинцы видели только публикацию русского перевода с польского в газете «Голос Киева» со ссылкой на одну варшавскую газету. Ссылок на американский источник не было. «Известия» сами перепечатали четыре документа, в том числе и об «уничтожении всех следов финансовых связей большевиков с имперским правительством».

Меня поразило, насколько серьезно американцы отнеслись к «документам Сиссона». Большинство работников Госдепартамента, не говоря уже о самом Сиссоне, свято верили в подлинность всех документов и абсолютную достоверность их содержания. Они вели тщательное наблюдение за всеми людьми (как с немецкими фамилиями, так и с русскими), упомянутыми в «документах Сиссона». Чиновники Госдепартамента верили, что это наблюдение позволит им выявить новые факты о связях большевиков и германцев и найти дополнительные подтверждения подлинности документов. Особенно интенсивно поиски проводились в 1919–1920 гг. Американские агенты искали начальника мифического «Разведывательного бюро Германского Генерального штаба» Бауэра как в послевоенной Германии, так и во всей Европе и Азии. Но тщетно. Человека этого найти не могли. Они охотились за подлинными подписями Ленина, Троцкого, Иоффе, Ганецкого и других, чтобы произвести экспертизу подписей этих лиц, встречающихся на «документах Сиссона». Результаты были неутешительными, но это не обескураживало Сиссона и его друзей.

Социал-демократическое правительство послевоенной Германии в 1919 г. опубликовало собственный памфлет, камня на камня не оставивший от брошюры «Германо-большевистский заговор» Сиссона. Немцы доказали, что упоминающиеся там немецкие разведывательные учреждения никогда не существовали в составе немецкой армии, а офицеры, якобы подписывавшие предписания для выполнения их большевиками, не числились на службе. Они опубликовали подлинные штампы и печати сходных немецких разведывательных учреждений рядом с печатями и штампами с «документов Сиссона». И каждый мог убедиться, что последние являются подделками. Впрочем, в те же годы некоторые немецкие генералы и даже лидеры социал-демократии сделали заявления, что помощь большевикам оказывалась. И тогда Сиссон сказал, что он больше верит им, чем Шейдеману, написавшему предисловие к немецкой брошюре.

Но я хочу оставить разбор опубликованных в брошюре 1918 г. «документов Сиссона» и полемики вокруг них другим исследователям, здесь я буду касаться их лишь между прочим, лишь в той мере, в какой они связаны со всем производством подделок Оссендовским. Забавно, что, когда Сиссон ознакомился с показанием Е. П. Семенова (Когана) о том, что все проданные ему документы получены были только от А. Оссендовского, он не поверил этому. Лишь единицы из служащих Госдепартамента или американских военных сомневались в подлинности документов. Специальная американская графическая экспертиза заявила, что все подписи под документами Сиссона, в частности подписи «начальника» «Разведывательного бюро Германского Генерального штаба» в Петрограде Бауэра, являются подлинными. В то же время английская графическая экспертиза утверждала, что подписи Бауэра поддельные. Материалы экспертиз тоже лежат в бумагах Сиссона и до меня уже использовались Дж. Кеннаном в его статье 1956 г.

Все это вызвало у меня огромный интерес к личности создателя всех этих документов, Оссендовского. На остававшуюся мне в Вашингтоне неделю я перебрался в Библиотеку Конгресса и посмотрел все, что было там об Оссендовском: его романы и повести на английском, польском и немецком языках. И потом, работая еще двадцать дней в библиотеках Стэнфордского университета, я продолжал эти поиски. Вечерами я вчитывался в тексты документов всех серий, составлял таблицы, изучал их с точек зрения исходящих и входящих учреждений, содержания, тем, которых они касались, и пр. Так старался я проникнуть в тайны мастерской «любителя-фальсификатора», которым оказался журналист Оссендовский. Тайн этих было немало. И о них я расскажу в этой книге. Но еще

более поразительным открытием было то, что к выдуманным им персонажам немецких разведчиков Оссендовский отнесся как к литературным героям. Они получали у него свои характеры, их «поступки», отраженные в фальшивых документах, имели внутреннюю логику и пр. И он, как кукловод, направлял их в ту сторону, которая казалась ему нужнее и выгоднее в каждый данный момент. Выведенные им большевики, носившие реальные фамилии Троцкого, Дыбенко, Урицкого и пр., тоже в своем поведении, характерах, иерархии внутри большевистского руководства отличались от своих реальных прототипов. И эта черта «творчества» Антона Оссендовского (он же Фердинанд) и заставила меня понять, что писатель перевешивал в нем политика. Анализ всех документов показывал, что перед нами как бы остов еще одного, ненаписанного романа Фердинанда Оссендовского. Это и дало мне право так назвать эту книгу.

Частично Оссендовский реализовал свой замысел, написав роман «Ленин — бог безбожных». Он неплохо подготовился к его созданию, изучив много исторических материалов о Ленине и других главных большевиках. Там нет тех грубых ошибок, которыми переполнены «документы» всех серий. Но некоторые фигуры перекочевали из них в роман «Ленин — бог безбожных» в неизменном виде. Сравнение это дает много интересного.

И самое последнее, что хотелось бы сказать в этих предварительных строках. Отвергая подлинность и «документов Сиссона», и серии Госдепартамента, я далек от того, чтобы не признавать за ними силу исторического источника. Нет, это очень важный и интересный исторический источник. Но не о том, что является его заявленной темой, не о германо-большевистских связях и заговорах. Это источник, повествующий о политической борьбе тех дней и ее методах, о том образе большевиков, который складывался в умах их политических противников; это догадки о сути и направлениях реальных целей политики большевистской власти. Это источник не о большевиках, а об их восприятии частью общества. Оссендовский, отражая мнения определенных кругов оборончески настроенной, близкой к правой части меньшевиков и эсеров русской интеллигенции в Петрограде, пытался нащупать и обнажить уязвимые места в политике большевиков, разоблачить их, показать антинациональный характер их политики. Ну и конечно, он рассчитывал убедить союзников — французов, англичан, американцев — оказать давление на большевиков, заставить их прекратить мирные переговоры с немцами, возобновить войну, а лучше всего — свергнуть!

Безумный лабиринт

Наш рассказ начинается в ноябре 1917 г. Это были дни, когда развитие революции, начавшейся еще в феврале, приняло отчетливые катастрофические формы. Россия уже вошла в фазу полной анархии, раздробления и уничтожения центральной власти. Все, казалось, зашло в тупик. Все достижения революции обернулись ее поражениями. Борьба партий превращалась в борьбу вооруженных групп. Гражданская война загоралась то тут, то там. Авторитет правительственной власти пал так низко, что представлялось, будто ее вообще не существует. Бывшие министры Временного правительства или сидели в казематах Петропавловской крепости, или скрывались, или открыто жили в своих квартирах. Кое-кто уже уехал на юг, чтобы попытаться там сколотить какие-то силы для борьбы с самозваным большевистским правительством, захватившим власть вопреки воле и желанию большинства организованных политических сил страны.

Полная неразбериха царила и в армии. На одних фронтах власть переходила к армейским комитетам, находившимся под влиянием большевиков, на других все еще оставалась в руках эсеровско-меньшевистских. Генералы кое-где заигрывали с полновластными комитетами, а в других местах грозили им. Чем дальше от Петрограда, чем ближе к югу и востоку, тем больше веса имели эсеры и меньшевики, местные деятели, военные и гражданские, тем меньше влияния имели большевики.

Политические партии лихорадило: центральные и столичные комитеты ежедневно и еженощно заседали, выносились резолюции, планировались союзы и демарши. Нужно было что-то делать, искать путь выхода из этого безумного лабиринта. Нужно было воссоздавать Временное правительство или создавать новое, которое пришло бы на смену смехотворному и оскорбительному Совету Народных Комиссаров. На носу были выборы в Учредительное собрание, но не было уверенности, что его не сорвут большевики.

Сами они заперлись в Смольном институте и погрузились во внутреннюю свару. Успешно захватив власть 24–25 октября, арестовав правительство, большевики смогли, пользуясь апатией большинства воинских частей, собрать небольшой кулак из матросов, красногвардейцев и солдат гвардейских резервных полков и разгромить восстание юнкерских училищ 29 октября, подготовленное эсеро-меньшевистским Комитетом спасения родины и революции (создан был в противовес большевикам в ночь на 26 октября). Министр-председатель последнего Временного правительства А. Ф. Керенский, сумевший уехать на фронт утром 25 октября, привел под Петроград несколько тысяч казаков. Они сумели захватить Гатчину и Царское Село. Но двинуться дальше в Петроград сил не хватило. Бешеная энергия Ленина и Троцкого сумела поднять против войск Керенского до 30 тыс. матросов, красногвардейцев и солдат. Медленно и неумело, но они вытеснили казаков и заставили их сдаться. Генерал Краснов был арестован и отпущен под честное слово, а Керенскому удалось скрыться, и где он, никто не знал.

Счет жертвам гражданской войны в столице и ее окрестностях приближался уже к сотне: при штурме Зимнего дворца было убито всего шесть человек, но уже юнкеров погибло около двух десятков, да еще несколько человек и со стороны большевиков; на Пулковских высотах во время артиллерийских обстрелов и атак погибло в два-три раза больше.

А в Москве погибших было уже много сотен. Неумелое, ведущееся с чисто русской расхлябанностью и неорганизованностью восстание советских частей, переговоры, сменявшие военные действия, затянули установление новой власти на целую неделю. Миллионы людей в столицах и провинции, втянутые революцией в водоворот политической жизни, с тревогой и надеждой следили за новостями. Радио и телевидения еще не было, газеты были главным источником новостей, да еще телеграф и телефоны, звонившие круглосуточно в обеих столицах. Создавалось впечатление, что большевики или будут разогнаны вооруженной силой, или сами дрогнут и уступят власть. Ведь против них выступили буквально все: Комитет спасения, комитеты общественной безопасности столичных городских дум, железнодорожники, военные. Викжель (Всероссийский исполком Железнодорожного союза) пригрозил, что если не прекратится гражданская война и не начнутся переговоры о создании однородного социалистического правительства, то он объявит всероссийскую всеобщую политическую стачку на железных дорогах. У большевиков Каменев, Зиновьев, Ногин и многие другие члены ЦК добились от Ленина и Троцкого согласия на ведение переговоров. Ленин согласился, считая их хорошим «дипломатическим прикрытием» для ведения во-

енных действий против Керенского. Колебания в ЦК зашли так далеко, что 29 октября он согласился не настаивать на вхождении в однородное социалистическое правительство Ленина и Троцкого. Это никак не устраивало последних. И как только обозначился военный успех в борьбе против мизерных войск Керенского, Ленин потребовал прекратить переговоры. Он хитростями и маневрами сумел склонить на свою сторону большинство членов ЦК и предъявил оставшимся ультиматум о прекращении переговоров.

Те в ответ подали в отставку со своих постов, надеясь, что это заставит капитулировать Ленина и Троцкого. Но не тут-то было: они смогли провести через Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК), избранный на Втором съезде Советов, резолюцию, поручавшую Совнаркому заполнить освободившиеся посты в правительстве. Небезынтересно процитировать «Заявление группы народных комиссаров», оглашенное на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г. «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий, — говорилось там. — Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного политического режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦИК звание народных комиссаров»[1]. Это заявление подписали десять комиссаров, а Ногин, Рыков и Милютин, являвшиеся и членами ЦК РСДРП(б), присоединились также к письму Каменева и Зиновьева о выходе из ЦК[2]. Но, увидев, что им не удалось поколебать решимость Ленина и Троцкого править страной только от имени большевиков, эти партийные диссиденты в течение ноября потихоньку вернулись обратно и приняли новые важные посты в советском правительстве.

И все же эти десять дней, когда большевики с оружием в руках вынуждены были защищать только что рожденную в Актовом зале Смольного власть и ликвидировать раскол в собственных рядах, дали политикам возможность немножко оправиться от октябрьского шока и попытаться наметить новые линии борьбы. Напрашивались три направления: игнорирование «большевистской власти» и бойкот ее, воссоздание или созда-

ние вновь какого-то антибольшевистского единого правительства, подготовка вооруженных сил для военного, в случае необходимости, давления на большевиков или свержения их, если они не отдадут власть созданному вновь правительству добровольно. При любых таких расчетах важно было опереться на союзников, на их дипломатические представительства в Петрограде прежде всего, ибо большевики уже на Съезде Советов приняли Декрет о мире, объявив тем самым о своей главной цели: прекращении войны. А это задевало жизненные интересы стран Антанты в первую очередь.

Должен сказать, что все эти вопросы, которые я стараюсь здесь коротко изложить, много десятилетий были предметом изучения советских и западных историков, которые, естественно, давали им разное освещение[3]. Мне особенно хотелось бы выделить монографию Р. Ш. Ганелина «Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г.» (Л., 1975), которая ближе всего и по тематике, и по материалам подходит к изучаемым мною здесь проблемам. Не имея возможности по соображениям экономии места рассказать обо всех событиях этого трагического и неповторимого времени только на основе источников, я вынужден буду прибегать к сведениям, уже имеющимся в опубликованной литературе, хотя и давать им собственную интерпретацию.

6 ноября Центральный комитет меньшевиков принял резолюцию, требующую создания Всероссийского комитета объединенной демократии, включающего в себя представителей всех социалистических партий и демократических организаций, «ввиду отказа большевиков от соглашения и очевидной неспособности их своими силами организовать управление страной, обеспечить снабжение городов и армии продовольствием, предотвратить финансово-экономический крах, заключить мир и созвать Учредительное собрание». Комитет, по мысли меньшевиков, должен был попытаться мирно разрешить кризис путем переговоров с большевиками и подготовить «создание однородной демократической власти, которая могла бы быть признана всей страной и за которой стояли бы пролетарские и демократические массы»[4]. Путь этот был явно утопичным, так как большевики только что отвергли переговоры о создании однородной власти.

7 ноября в поисках поддержки посольства Великобритании и США посетили меньшевик-оборонец, бывший министр Временного правительства М. И. Скобелев и член ЦК партии социалистов-революционеров Н. В. Чайковский, принадлежавший к правому крылу партии. Особое значение этому визиту придавало то обстоятельство, что М. И. Скобелев должен был в эти дни находиться в Париже вместе с сидевшим теперь

в Петропавловской крепости министром иностранных дел последнего правительства Керенского М. И. Терещенко как делегат российской «революционной демократии». Упоминавшийся нами выше Р. Ш. Ганелин так излагает в своей монографии по мемуарам английского посла Дж. Бьюкенена и донесениям американского посла в России Фрэнсиса содержание этих бесед. «Начав с визита к Бьюкенену, — пишет Ганелин, — Скобелев и Чайковский сразу же пообещали ему “образование социалистического правительства, куда не войдут большевики и которое будет включать представителей казачьей демократии и будет поддерживаться кадетами”. Такой “социализм” не мог быть Бьюкенену не по душе, и он лишь задал своим гостям вопрос, “каким образом они собираются свергнуть большевиков”. “Силой”, — воинственно отрубили Чайковский и Скобелев и изложили английскому послу свой план. Состоял он в том, чтобы собрать “некоторые войска, достаточные для этой цели”, с помощью самых нечистоплотных политических маневров вокруг лозунга мира. Для этого они просили дать им “полномочия заявить армии, что союзники готовы обсуждать условия мира с целью привести войну к скорому концу”. Заявление это должно было носить характер, направленный против Советского правительства. Оно должно было раз и навсегда засвидетельствовать, что какие бы то ни было переговоры союзники будут вести не с большевиками, а только с их противниками»[5]. Английский посол требовал в ответ, чтобы русская армия продолжала хотя бы держать оборону против немцев.

В разговоре с Фрэнсисом Скобелев и Чайковский утверждали, что Советское правительство не сможет заключить мир, поскольку союзники не поддержат его. Обманутые в своих ожиданиях народные массы свергнут тогда большевистскую власть, претендующую на то, чтобы именовать себя правительством, наступит анархия, большая, чем ныне. Но если бы была проведена межсоюзническая конференция, на которой было бы заявлено, что страны Антанты желают прекратить войну, то это вдохнуло бы новые силы в армию, которая ныне деморализована[6]. После осторожных обещаний послов Скобелев выехал в Ставку, в Могилев, где вместе с Верховным главнокомандующим генералом Н. Н. Духониным предполагал начать формирование новой антибольшевистской власти. Но большевики тоже выбрали Ставку в качестве места, откуда должен был раздаться официальный призыв к германской стороне начать переговоры о мире. 7 ноября В. И. Ленин как Председатель Совета Народных Комиссаров, Н. В. Крыленко как комиссар по военным делам отправили телеграфный приказ в Ставку Духонину. В нем говорилось: «Гражданин Верховный главнокомандующий! Совет Народных Комиссаров взял по

поручению Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов в свои руки власть вместе с обязательством предложить всем воюющим народам и их правительствам немедленное перемирие на всех фронтах и немедленное открытие переговоров в целях заключения мира на демократических основах»[7]. Приказ требовал срочного обращения к военным властям неприятельских армий с предложением «немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров».

Духонин вечером 8 ноября запросил подтверждение распоряжения у возглавлявшего технически Военное ведомство генерала А. А. Маниковского. В разговоре по прямому проводу 9 ноября с руководителями большевиков Духонин отказался выполнить приказ. Тогда Совнарком уволил его от должности и назначил новым Главнокомандующим прапорщика Н. В. Крыленко. Одновременно по радио было передано распоряжение всем войсковым комитетам и солдатам выбирать уполномоченных и заключать соглашения со стоящими напротив них неприятельскими войсками[8]. Крыленко стал готовиться к отъезду в Ставку.

Эти инициативы Советского правительства обострили обстановку, сделали вопрос о мире еще более жгучим и актуальным и уменьшили шансы тех меньшевиков, которые надеялись еще на возможность достижения какого-то соглашения с большевиками по вопросу о власти. Формирование лагеря активных противников Советской власти пошло теперь быстрее. 9–11 ноября в Петрограде проходило совещание земских и городских представителей, главным образом принадлежавших к партиям меньшевиков и эсеров. На нем дважды выступил признанный лидер меньшевистской партии, в прошлом министр Временного правительства И. Г. Церетели. «Надо признать, — говорил он, — что демократия в настоящий момент переживает пассивное состояние, в то время как кучка авантюристов опирается на активную часть демократии, питающуюся теми иллюзорными лозунгами, которые кидают ей вожаки. Новая власть была создана. Страна не успела противопоставить ей свою организацию, но она не признала и не признает эту новую власть»[9]. Церетели требовал создать единый общедемократический центр, который мог бы привести к прекращению анархии и возрождению России «без гражданской войны и без излишнего кровопролития». Коснулся Церетели и проблемы мира. «Есть еще одна задача, — сказал он, — на почве которой должны объединиться демократические элементы страны, задача эта лежит во внешней политике. Нам всем должно быть ясно, что изолирование России может повести к великому несчастью — разделу и падению ее, но не потеряна еще возможность заключить мир такой, который даст гарантию целости России. Возможно еще, не откладывая в долгий ящик, заключить

народный мир, который не погубил бы Россию». Но общий тон церетелевских речей был пессимистическим: «Здесь справедливо указывалось, что в моем докладе не было ясных указаний на выход из нашего тяжелого положения. Должен признаться, что при теперешних условиях отсутствия всякой власти я не вижу никакого выхода. Сегодня мы получили из Ставки сообщение, что противник отказывается вести переговоры о мире. Он отказывается не потому, что не хочет мира, а потому, что ему выгоднее, чтобы побежденный сдался на милость победителя»[10].

Игра на тяге народа к миру (игра, прямо скажем, запоздалая) продолжалась и в заключительном выступлении И. Г. Церетели. Он говорил, что объективное положение вещей делает существенно необходимым для России заключить немедленный мир, но такой мир, который, в отличие от большевистского мира, не изолировал бы Россию от союзников. «И я глубоко убежден, — продолжал Церетели, — что если бы теперь в России была власть, признанная всем народом, то союзники, исходя из реального положения вещей, не сочли бы начало с нашей стороны мирных переговоров за повод порвать с ними»[11]. Можно было бы только пожалеть, что такие мысли не приходили на ум Церетели дней двадцать тому назад, когда «признанное всем народом» Временное правительство Керенского еще находилось у власти.

Позиция Церетели определила и новую резолюцию ЦК РСДРП о политическом положении от 13 ноября. Одна из двух задач партии на ближайший момент формулировалась так: «Подготовлять создание общедемократической власти для восстановления гражданских свобод, приступа к переговорам о всеобщем демократическом мире, а не о таком мире, который изолирует Россию и отдает ее народы на поток и разграбление германскому империализму; передача земли в ведение земельных комитетов и организация государственного контроля и регулирования промышленности и торговли»[12].

Лидеры партий меньшевиков и эсеров, высшие чины армии, союзные послы в эти дни прикладывали максимум усилий, чтобы помешать предложению и началу прямых переговоров с немцами о перемирии и мире. Управляющий Военным министерством Маниковский и начальник штаба Марушевский 9 ноября послали телеграмму в Вашингтон с советами предотвратить обсуждение вопроса об условиях мира на проходившей уже в Париже конференции союзников. В тот же день Бьюкенен, тогда — дуайен (старшина) дипломатического корпуса в Петрограде, собрал послов и посланников стран Антанты для обсуждения ответа на циркулярную ноту Народного комиссариата иностранных дел с предложением о немедленном перемирии на всех фронтах и открытии мирных

переговоров. Решено было не отвечать на ноту. Английский, французский и итальянский послы заявили, что их представители в Ставке выразят протест против начала переговоров о перемирии с немцами, так как это нарушает Лондонскую конвенцию осени 1914 г. о незаключении сепаратного мира. К ним должен был присоединиться и американский представитель подполковник Керт[13].

В Ставке Духонин в разговоре по прямому проводу с Марушевским выражал надежду, что при восстановлении антибольшевистской власти союзники согласятся на выход России из войны. Находившийся под влиянием меньшевиков и эсеров Общеармейский комитет в Ставке распространил обращение к солдатам, направленное против усилий большевиков вступить в переговоры с немцами о заключении перемирия. Указывая, что Ленина союзники не признают и за две недели на его призывы к миру не ответили, комитет призывал к созданию «общесоциалистического правительства», которое должен возглавить лидер партии эсеров В. М. Чернов; «такое правительство будет признано и страной, и иностранными державами и немедленно приступит к мирным переговорам»[14].

Там, в Могилеве, собрались Чернов, Церетели, Авксентьев (один из лидеров правого крыла эсеров, в недавнем прошлом председатель Предпарламента — Временного совета Российской республики, распущенного 25 октября большевистским Военно-революционным комитетом), Чайковский. Но дело пока ограничивалось общими разговорами, правительство создано так и не было, а 13 ноября 1917 г. Крыленко через парламентеров Северного фронта вручил германским офицерам предложение начать переговоры о перемирии. Предложение Совета Народных Комиссаров было передано германскому правительству, и 15 ноября немцы ответили согласием на прекращение огня и на начало переговоров о перемирии. Этим Советское правительство несомненно опередило своих политических противников и союзных послов. В новой ноте союзникам оно отсрочило начало переговоров для того, чтобы дать еще один шанс союзникам присоединиться к ним. Переговоры о перемирии должны были начаться в Брест-Литовске 22 ноября.

Все дни с 15 по 22 ноября были по-прежнему заполнены лихорадочной политической деятельностью. Накануне прошли выборы в Учредительное собрание при невиданной активности избирателей. Почти миллион петроградцев побывали на избирательных участках. Это давало надежду на то, что большевики все же не посмеют запретить Учредительному собранию открыться. А следовательно, и обсуждение всех важнейших вопросов революции, включая и вопрос о мире, оставалось

тоже открытым. 16–17 ноября проходило собрание активных работников петроградской организации меньшевиков-интернационалистов. Оно обсуждало вопрос: входить ли в новый ЦИК Советов? Мартов, Астров, Семковский, Абрамович выступали против вхождения, большинство — за. Аргументы Мартова и других были такими: «1) возможность влияния на ЦИК весьма гадательна; 2) Центральный Исполнительный Комитет волей-неволей влечется на путь борьбы с Учредительным собранием и возможного разгона его, в чем меньшевики участия принять не могут; 3) необходимо ясное и недвусмысленное заявление большевиков о готовности передать всю полноту власти Учредительному собранию, на что рассчитывать со стороны большевиков не приходится; 4) линия Ленина ничего общего с марксизмом не имеет. Понятие класса заменилось у него окончательно понятием трудового народа, то есть понятием не социал-демократическим, марксистским, а чисто эсеровским. Ввиду этого трудно рассчитывать на то, чтобы удалось оторвать левых эсеров от большевиков»[15].

Сделав уступку по отношению к Учредительному собранию, большевики в то же время перешли в наступление на другом участке политического фронта. Они объявили о роспуске Петроградской городской думы, которая с 25 октября являлась открыто действовавшим центром сплочения всех антибольшевистских сил. Правда, одновременно они заявили о проведении новых выборов в Думу. Но большинство оппозиционных сил объявило о бойкоте этих выборов. Продолжалось наступление на свободную печать. Буржуазные газеты были закрыты в Петрограде на третий день после победы Октябрьского восстания. Теперь настало черное время и для партийной печати. Закрыт был центральный орган меньшевиков «Рабочая газета», ряд других ежедневных изданий. После того как меньшевики выпустили свою газету под названием «Луч», красногвардейцы и матросы заняли типографию и лишили меньшевиков возможности издать новую газету.

18–19 ноября прошла конференция меньшевиков-оборонцев. Они заявили протест против роспуска Петроградской городской думы. В докладе по текущему моменту, который сделал А. Н. Потресов, говорилось в частности: «Меньшевики-оборонцы считают, что в соответствии со своей общеполитической позицией в области международной нужно бороться против сепаратного мира большевиков, подчеркивая необходимость отстаивания государственной самостоятельности России, ее независимости от агрессивного империализма Германии. В области внутренней политики необходимо отстаивать идею создания общенациональной власти, как единственно способной возродить государственный организм

России. Предшествовавший период, который под видом коалиции был в действительности периодом гегемонии революционной демократии, показал всю безнадежность идеи однородной социалистической власти. Основные идеи оборонческой социал-демократии, усвоенные передовыми слоями рабочего класса, его рабочей интеллигенцией, дадут возможность бороться с бунтарскими настроениями той мещански-крестьянской массы, которая заполняет собою промышленность военного времени»[16].

Между тем новый Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко во главе отряда советских войск прибыл в Могилев. Он сместил Н. Н. Духонина и установил свой контроль над учреждениями Ставки. Но, несмотря на его усилия, генерал Духонин был вытащен из вагона и на глазах нового главковерха буквально растерзан толпой озверевших матросов[17]. Известие о самосуде над Духониным еще больше сгустило кризисную обстановку в стране. А за несколько дней до этого из превращенной в тюрьму женской гимназии в белорусском городе Быхове совершили побег генерал Л. Г. Корнилов и его сподвижники по августовскому заговору против Временного правительства. По слухам, они направились на Дон, в Ростов, где генерал М. В. Алексеев уже предпринимал первые попытки по созданию антибольшевистской армии.

В Париже на союзнической конференции был принят документ, в самой резкой форме заявлявший о непризнании Советского правительства. Послы союзников в Петрограде отказались от участия в переговорах с германцами о перемирии. Утром 23 ноября вышло правительственное сообщение Совета Народных Комиссаров о начале переговоров о перемирии, в котором говорилось о позиции сторон, об оглашении советской делегацией политических условий демократического мира. Сообщение обвиняло страны Антанты в том, что они отказались от участия в переговорах и не прислали в Брест-Литовск своих представителей[18]. На Дону же и в ряде других мест России антисоветские силы начали прямые военные действия. 26 ноября Совет Народных Комиссаров опубликовал обращение «Ко всему населению», где возлагал ответственность за начавшуюся гражданскую войну на противников Советской власти. «В то время, — говорилось в этом документе, — как представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа — империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы — предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов.

Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей»[19]. Тогда же было выпущено и аналогичное воззвание прямо к казакам.

В Петрограде же близился день открытия Учредительного собрания, который был назначен еще Временным правительством на 28 ноября 1917 г. За день до него Совнарком принял декрет, в котором говорилось, что собрание будет открыто представителем правительства тогда, когда в Петроград прибудет не менее 400 депутатов. Но 28-го по инициативе партии кадетов, поддержанной и другими политическими партиями, в столице была организована демонстрация под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». Демонстрация была разогнана, а члены ЦК кадетской партии, собравшиеся на квартире графини Паниной, были арестованы. Одновременно Совет Народных Комиссаров издал декрет, объявляющий кадетскую партию «партией врагов народа» и ставящий ее вне закона[20]. В то же время переговоры в Брест-Литовске успешно завершились подписанием соглашения о перемирии на 28 дней, начиная со 2 декабря 1917 г.

В такой противоречивой обстановке острейшей борьбы, где газетные и словесные выпады сменялись уже полицейскими и военными мерами, действовали политические силы в Петрограде. Вопреки многим предсказаниям большевистское правительство продержалось у власти уже больше месяца.

Находясь в изоляции, оно обзавелось союзником лишь в лице маленькой группки «левых эсеров», отколовшихся от своей партии. Успешно раскалывая демократические организации, большевистская власть медленно, но верно укрепляла свои позиции. Союзные представительства, несмотря на отрицательное отношение к большевикам, не торопились с открытым разрывом с ними. Больше всех терпимости проявляли американцы, а несколько их представителей (правда, не дипломатов) поддерживали регулярные отношения с Совнаркомом, надеясь, что им удастся удержать Советскую Россию в лагере Антанты для продолжения войны с Германией.

«Нить Ариадны»

В этой обстановке возрождающегося насилия, острейшей политической борьбы, кажущегося хаоса, отчаяния и новых надежд и появляется на петроградской сцене наш герой. Но выступает он не открыто, а как бы из-за кулис, тайно, под прикрытием других фигур или буквально под чужой личиной, маскируясь, принимая вид то рабочего в картузе и косоворотке, то служащего новых советских учреждений. Он предлагает идею, уже опробованную администрацией Керенского, идею, крайне близкую его сердцу и опыту предшествовавших лет. Идею, которая, как ему представляется, может стать путеводной нитью в этом безумном лабиринте. Он со всей страстью берет на себя главный труд по воплощению своей идеи в жизнь, выпускает ее в мир, как молодого волка, чтобы она сама росла и набиралась сил.

Вообще говоря, нельзя утверждать, что эта идея приходила в голову ему одному в эти тревожные дни, последовавшие за успешным выступлением большевиков в столице. В Москве еще вечером 25 октября на экстренном заседании Городской думы выступил городской голова, член ЦК кадетской партии Н. И. Астров. Он заявил, что «хитрая обдуманность» плана большевистского переворота «свидетельствует об участии германцев»[1]. 27 октября в московской кадетской газете «Русские ведомости» было напечатано письмо из Петрограда, автором которого был другой член ЦК партии народной свободы, бывший министр Временного правительства А. И. Шингарев.

Описывая действия большевистских войск в городе, он говорил, что, по слухам, в одной квартире после обыска солдаты «оставили кое-что и свое: на полу после их ухода нашлась германская марка»[2]. Посланник США в Стокгольме Моррис 21 (7) ноября встретился с бывшим личным секретарем А. Ф. Керенского Д. Соскисом. Тому удалось уехать из Петрограда 3 ноября старого стиля. За несколько дней до этого Соскис виделся с Керенским в Гатчине. Выражая его и свое мнение, Соскис сказал, что «все большевистское движение было подстроено из Германии»[3].

Тут надо вспомнить, что такой образ мыслей был не только удобным объяснением нежелательного для стоявших ранее у власти деятелей развития событий, но и имел под собой как бы документальные основания. После июльских дней было начато дело против руководителей большевиков по обвинению в государственной измене. Еще 4 июля во второй половине дня на Дворцовой площади по инициативе тогдашнего министра юстиции П. Н. Переверзева были оглашены показания русского военнопленного, завербованного немцами и сдавшегося военным властям в апреле 1917 г., прапорщика Ермоленко, о том, что германские офицеры, переправляя его через линию фронта, советовали ему связаться с Лениным, который-де является их агентом. Известие об «измене» Ленина способствовало перемене настроения части войск петроградского гарнизона. 7 июля был опубликован приказ об аресте В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и некоторых других по обвинению в государственной измене и шпионаже в пользу Германии. Основанием для этого послужили кроме показаний Ермоленко также телеграммы, которыми обменивались Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг), находившийся в Стокгольме, а также М. Ю. Козловский и Е. М. Суменсон, находившиеся в Петрограде. Ганецкий служил в посреднической экспортно-импортной скандинавской фирме, которую учредил небезызвестный Парвус, в прошлом радикальный польский, немецкий и русский социал-демократ, близкий к большевикам, а теперь немецкий патриот. На поставках дефицитных материалов Парвус нажил огромное состояние во время войны. Часть его он использовал для «подкормки» Социал-демократов, занимавших интернационалистские позиции. Телеграммы, которыми обменивались трое обозначенных выше лиц, говорили о переводе денег и пересылке товаров, но французские контрразведчики в Стокгольме и Петрограде еще в июне 1917 г. высказали свое подозрение русским коллегам и дипломатам, что деньги и товары лишь код или шифр, которым прикрывается финансирование большевиков (Козловский и Ганецкий, являясь членами социал-демократии Польши и Литвы, были одновременно и членами большевистской партии) немецкими властями через фирму Парвуса и шведские и немецкие банки. Телеграммы были готовы для опубликования уже в конце июня, а июльская вооруженная демонстрация, в организации которой власти обвинили большевиков, дала для этого удобный повод [4]. Дело завертелось, были арестованы сотни офицеров, руководителей демонстрации. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение, опубликовав вскоре свои ответы на обвинения. Каменев добровольно сдался властям, позднее были еще арестованы Троцкий и Луначарский.

Но ни материалы допросов солдат и офицеров, ни тщательный анализ содержания телеграмм ничего определенного не дали. Следствие за-

буксовало. Вскоре Каменев и Троцкий, а также часть офицеров, были выпущены, хотя Ленин и Зиновьев официально оставались в розыске, а свыше ста офицеров-большевиков были освобождены только 24 октября 1917 г. Теперь версия о немецких деньгах переживала второе рождение. К ее восприятию были готовы прежде всего члены кадетской партии во главе с ее лидером П. Н. Милюковым. Тот даже в февральских забастовках 1917 г. видел результат деятельности немецких агентов, подкупавших крайних социалистов и рабочих. Именно кадетская печать подняла пропагандистскую кампанию против Ленина и его сторонников из-за проезда через Германию при возвращении в Россию. Они организовали уже в апреле 1917 г. кампанию протестов против деятельности Ленина в воинских частях, устроили демонстрацию инвалидов войны в столице под лозунгом «Ленина обратно в Германию!». Кампания эта особого успеха не имела, так как Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов признал объяснения Ленина и Зиновьева в связи с их вынужденным проездом через территорию Германии удовлетворительными и защитил их от всех обвинений буржуазной печати.

Но среди эсеро-меньшевистского руководства Советом были разные люди. Оборончески настроенные меньшевики и правые эсеры все равно отнеслись к Ленину и взятому под его влиянием большевистскому антивоенному курсу с подозрением. Они не только горячо приветствовали начатое эсером Керенским дело по обвинению лидеров большевиков в измене, но и сами активно участвовали в распространении и поддержке версии о шпионстве. Отличалась этим и оборонческая социалистическая или околосоциалистическая журналистская братия, с начала войны кормившаяся в буржуазных газетах, публикуя «патриотические» и антинемецкие материалы. В числе этих журналистов были бывший эсер Евгений Петрович Семенов (С. М. Коган)[5] и Антон Мартынович Оссендовский, в 1905 г. тоже бывший близким к социалистам.

Позднее сам Семенов в мемуарных статьях в газете «Последние новости» (апрель 1921) писал об этом: «В течение лета 1917 г. я заведовал редакцией “Демократического издательства”, созданного Межсоюзнической комиссией пропаганды во время пребывания в Петрограде французского министра Альбера Тома (апрель — май 1917). Благодаря моей работе в упомянутом издательстве я мог взять на себя всю ответственность перед Y., издателем “Живого слова”, и убедить его в ночь на 5 июля опубликовать на следующий день документы Переверзева — Бессарабова о предательской деятельности Ленина, Козловского, Фюрстенберга (Ганецкого), Зиновьева, Коллонтай и др. “Живое слово” одно

опубликовало упомянутые документы, переданные печати гг. Алексинским и Панкратовым»[6].

Стремясь повысить свой авторитет антибольшевистского борца, Семенов сообщал о себе далее такую интересную подробность. «Вскоре после этого (то есть обнародования документов, обвиняющих большевиков. — *В. С.*), — писал Е. П. Семенов, — один известный молодой писатель и я, мы по приглашению Всероссийского съезда членов военно-судного ведомства прочитали им маленький курс о деятельности германской пропаганды в России и за границею»[7]. Семенов не указывает фамилию этого «молодого писателя», но это, вероятно, был не А. М. Оссендовский (тому в этот момент было уже 39 лет). Кроме того, Оссендовский упоминается ниже, с другими прилагательными. Говоря о Семенове, добавим еще, что он сотрудничал в издаваемой в Петрограде на французском языке газете «L'Entente». А основным местом работы Е. П. Семенова была редакция буржуазной газеты «Вечернее время», где он занимал руководящий пост.

Там же работал во время войны и Оссендовский. В апреле 1919 г. в белом Омске, добиваясь денег для поездки в США, он написал большое письмо в Министерство финансов колчаковского правительства. В нем, независимо от Семенова (они потеряли друг друга весной 1918), он писал: «Гг. Бубликов, Любович и Новоселов меня знают по работам моим в Совете съездов представителей промышленности и торговли, совещательной конторе золотопромышленников и Особом экономическом совещании, состоящем под председательством б[ывшего] м[инист]ра иностранных дел Н. Н. Покровского; знают они меня в качестве редактора сначала "Биржевых ведомостей", а затем за время войны — "Вечернего времени", где я вел борьбу с германцами во всех отраслях нашей жизни, пользуясь материалами и денежными средствами, предоставленными в мое распоряжение Н. А. Второвым, А. И. Гучковым, польскими деятелями и др. Вместе с Панкратовым и Алексинским я разоблачал большевиков после их первого выступления в июле 1917 г., а затем вошел в организацию генералов Алексеева и Корнилова, получил поручение установить, где после июльского выступления находятся Ленин, Зиновьев и другие большевистские лидеры. Я установил, что в июле же 1917 г., после бегства из Петрограда, Ленин, Дыбенко, Раскольников, Ильин[8] и Зиновьев учредили Пролетарское правительство в Кронштадте, развернувшееся затем в Совет Народных Комиссаров»[9].

Подождем смеяться и запомним эту претензию на то, что именно Оссендовский открыл и подпольное пребывание в Кронштадте Ленина и Зиновьева в июле 1917 г., и созданное ими там «пролетарское прави-

тельство». Пока отметим только совпадение «заслуг» Семенова и Оссендовского в разоблачении большевиков после июльских дней «вместе с Панкратовым и Алексинским», антибольшевистскую и антигерманскую направленность их работы после июля 1917 г. Вольное же обращение с истиной в приведенном выше отрывке[10] вообще характерно для стиля любого произведения Оссендовского. Но и в мемуарных статьях Семенова, как мы увидим в дальнейшем, тоже очень много, мягко говоря, отступлений от правды.

Чтобы продолжить рассказ о том, что предприняли Семенов и Оссендовский в ноябре, вернемся к статье в «Последних новостях» в апреле 1921 г. под названием «Германские деньги у Ленина. История “кампании документов”». Е. П. Семенов писал там далее: «При таких обстоятельствах вполне естественным является факт получения мною вскоре после большевистского переворота следующего письма (не по почте):

X. Y. редакция. 13 ноября 1917 г. Господину Е. П. Семенову. Петроград.

Многоуважаемый Е. П.!

Сохраните это письмо как документ. Мне из определенных нейтральных источников из заграницы предлагают подробные сведения о германской агентуре и тайной работе в России, нейтральных и союзных странах при помощи фирм, а также список немецких шпиков в России... Я получу один экземпляр этих сведений и буду в состоянии помочь России в тот момент, когда немцы постараются наложить на нас экономические цепи...

Ваш N».

К подписи, зашифрованной латинской буквой N, Е. П. Семенов сделал следующее примечание: «Не знаю точно, где сейчас N находится, я сообщаю его имя, отчество и фамилию редактору “П. Н.”»[11]. Все же, чтобы дать намек, Семенов несколько очертил портрет своего корреспондента: «Письмо мне было передано самим автором, известным экономистом, редактором распространенного органа печати, в котором он вел определенную кампанию против “германского шпионажа”»[12].

У нас есть возможность раскрыть хотя бы часть иксов и игреков, а также N. Среди бумаг Сиссона в Национальном архиве США имелся и английский перевод полного текста этого письма, отправленного дипломатической почтой из Лондона 24 ноября 1920 г. среди других документов, представленных английским и американским представителям самим Е. П. Семеновым[13]. Цитирую его в обратном переводе с английского:

«Вечернее время. Редакция. Ноября 13, 1917.

Многоуважаемый Евгений Петрович!

Сохраните это письмо как документ. Мне предложили из официальных нейтральных источников из заграницы подробные сведения о секретной германской разведывательной работе в России, в нейтральных и союзных странах, с помощью фирм, а также список немецких шпионов в России. *За все это количество информации они запрашивают 50 000 руб. Я не имею таких денег, и я хочу предложить ознакомить с этим материалом союзных послов.*

Таким образом я получу копию этих сведений и буду в состоянии помочь России в тот момент, когда немцы постараются надеть на нас экономические цепи *и заставить нас забыть прекрасные дни первой революции и признать опять Романовых или других “царей”.*

Ваш А. Оссендовский[14]».

Я выделил курсивом те места письма, которые Е. П. Семенов (или редакция «Последних новостей») изъяли из текста. Они, с одной стороны, говорили о том, что Оссендовский был небескорыстен в своем предложении, а во-вторых, об определенных политических симпатиях автора в этот момент. Он против восстановления монархии Романовых и других царей, он за «прекрасные дни первой революции» (видимо, Февральской). Но, конечно, прежде всего он против немцев. Бросается также в глаза «экономический уклон» предложения: германцы ведут свой шпионаж «при помощи фирм». Большой политикой пока еще здесь не пахнет.

Как же отреагировал Е. П. Семенов тогда, 13 ноября 1917 г., на это предложение своего коллеги и собрата по редакции? Читаем дальше его рассказ. «Мы условились, — говорит Семенов, — принять полученное от “нейтральных источников” предложение. Я представил г. N некоторым союзным посольствам, которым он передал списки нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших на Германский Главный штаб в России, Финляндии, Польше и за границей. Я эти списки передал в феврале 1918 года Сиссону для правительства Сев. Ам. Соед. Штатов»[15]. Забегая вперед, скажем сразу, что в опубликованных «документах Сиссона» есть несколько списков германских агентов, работающих в Финляндии, и Сибири, и Дальнем Востоке, с указанием фирм, где они служат. Но количество агентов исчисляется несколькими десятками, а фирм едва и один полный десяток наберется. Так что даже в отношении изготовленных Оссендовским документов из «нейтральных источников» Е. П. Семенов преувеличивает «сведения» в сотни раз. Но и в

отношении самого факта передачи списков союзным посольствам есть большие сомнения. В изданных после Первой мировой войны мемуарах английского и американского послов, французских дипломатов ничего не говорится о получении или покупке этих документов. Никто не упоминает в этой связи и фамилий Семенова, а тем более Оссендовского.

Дж. Кеннан, внимательно изучавший все материалы в бумагах Сиссона в Национальном архиве США, в своей статье, специально посвященной «документам Сиссона», писал: «Союзные представители, как позднее отмечал Семенов, отклонили это предложение. После этого Семенов загадочно говорит: "Я организовал кампанию другим образом". К тому времени, когда Семенов вернулся после своей поездки из казачьих областей, двумя месяцами позже, документы точно такого характера, как описывается в письме Оссендовского, но полученные якобы из другого и более интригующего источника, начали поступать в обращение»[16].

Таким образом, наиболее вероятным будет вывод о том, что Семенов сам связался с посольствами, в первую очередь с французским (английского языка, подчеркнем это, он не знал), и предложил купить «списки», изготовленные Оссендовским, за 50 тыс. рублей. Но получил отказ. К этой идее Семенов и Оссендовский вернулись в начале марта, когда действительно предложили Сиссону «списки» германских агентов, работающих «против США и Японии» на Дальнем Востоке. Думается, что Кеннан не прав, когда говорит, что в обращение через два месяца поступили документы «точно такого характера, как описывается в письме Оссендовского». Как вскоре увидит читатель, это были документы другого характера. Вместо списков фирм, которые оказывали помощь германским шпионам, и списков таких шпионов, распространявшиеся «через два месяца» документы являлись уже «доказательствами» того, что большевики являются платными германскими агентами и с начала мировой войны получали деньги от противника. Но и о фирмах Оссендовский не забывал.

У него к этому времени был уже большой опыт «германоведа», а скорее «германоеда», поскольку еще с 1913 г. он постепенно стал профессионалом по «разоблачению» деятельности германских фирм и капитала в России, которая, как доказывал Оссендовский, направлялась против российской промышленности и торговли и подрывала национальные интересы страны. Дж. Кеннан писал в этой связи, что еще задолго до Октябрьской революции Оссендовский «зарабатывал себе на жизнь в качестве профессионального поставщика антигерманской пропаганды», а летом 1917 г. — как поставщик материалов, направленных на обвинение большевиков в том, что они являются немецкими

агентами. «Захват власти большевиками, — писал далее Кеннан, — естественно прервал всю открытую деятельность такого рода и, следовательно, прикрыл устоявшиеся источники дохода»[17]. Тогда-то и появилось письмо Оссендовского Семенову от 13 ноября — делает общий вывод Кеннан. Как нам кажется, это соображение не лишено смысла. Вспомним про 50 тыс. рублей, которые А. М. Оссендовский явно хотел получить для себя, а не для мифических информантов из «нейтрального источника». Но это связано и с тем, что большевистское правительство закрыло газеты «Вечернее время» и «Новое время», где преимущественно печатался Оссендовский. И все же нельзя сбрасывать со счетов и «идейные соображения»: то дело, за которое он боролся пять лет, рухнуло. Примириться с этим для такого активного человека, которым являлся наш герой, было совершенно невозможно.

Кроме того, Оссендовский имел уже определенный опыт подделки документов, шантажа и фальсификации (правильнее будет сказать пока чуть помягче, скажем, *мистификации*). Пока еще трудно установить, в чем заключалась причина ненависти А. М. Оссендовского к одной особенной германской фирме «Кунст и Альберс», вернее, к её отделению во Владивостоке, которое довольно долго возглавлял в довоенное время некто Адольф Даттан, являвшийся также и германским консулом в этом русском портовом городе. Кампания, которую повел против Даттана Оссендовский, началась еще в 1913 г., а может быть, и ранее. Статьи на эту тему он подписывал псевдонимом Мзура. Он собрал их в книге, вышедшей в начале войны и названной автором «Дальневосточный паук». Затем Оссендовский решил снять во Владивостоке фильм под названием «Мирные завоеватели», рисующий «быт и приемы германских шпионов, шпионскую деятельность крупных немецких фирм на Дальнем Востоке»[18].

В июне 1915 г. Оссендовский посылает во Владивосток два анонимных письма с целью выманить у Даттана большую сумму денег в обмен на обещание прекратить травлю немецких фирм. Письма достаточно ярко рисуют стиль и приемы А. М. Оссендовского, впоследствии примененные им и против большевиков. Поэтому есть смысл привести их целиком. Заказное письмо без даты (сужу по его фотокопии, находящейся в составе бумаг Сиссона), отправленное из Петрограда 16 июня (дата штемпеля 29-го почтового отделения), имело адрес: «Владивосток. Торговый дом “Кунст и Альберс”. Господину Альберсу. Лично». Его текст гласил: «Господину Альберсу. Довожу до Вашего сведения и прошу Вас передать другим немецким фирмам во Владивостоке, что туда едет один из редакторов “Вечернего времени” и “Нового времени”, А. Мзу-

ра, с большими полномочиями от газет и министерств торговли и промышленности, а также и военного. Цель поездки — провести кампанию против немецких фирм на Дальнем Востоке, особенно против “Кунст и Альберс”. Мзура весь июль проведет в Томске, где будет жить у начальника Горного управления Боголюбского (тайного советника). Мой совет: немедленно послать к Мзуре Вашего доверенного и заплатить Мзуре за то, чтобы он не писал о немецких фирмах на Дальнем Востоке»[19]. Тут мы видим и желание произвести впечатление своим весом и связями, и неприкрытый шкурный интерес, цинизм и расчет. Ведь никто не мешал бы Мзуре, после получения денег, травить немецкие фирмы под другим псевдонимом. Приемы расположения и оформления машинописного текста из этого письма (в частности подчеркивания, употребление заглавных букв) повторятся затем и в новых сериях «документов» конца 1917 и начала 1918 гг., направленных против большевиков.

Второе письмо было отправлено в начале июля (судя по нечеткому на фотокопии штемпелю все того же 29-го почтового отделения, 4 июля), но имело дату «Петроград 15 июня 1915 г.». Таким образом, оба письма были составлены одновременно и лишь отправлены с большим интервалом. Адрес и письмо были напечатаны на той же пишущей машинке, но с некоторыми различиями в обращении, чтобы создать впечатление того, что письма написаны разными отправителями. Так, в отличие от первого письма, название фирмы и фамилия адресата стояли в других падежах. Здесь говорилось: «Торговому дому “Кунст и Альберс”» и «Господину Альберс». Если первое письмо начиналось со слов «Господину Альберс», то второе: «Милостивый государь господин Альберс», что тоже должно было убедить получателя, что пишет ему уже другой человек. Текст письма был следующий: «В Петрограде ведется ожесточенная кампания против всех немецких торговых домов в России, независимо от того, принадлежат ли они русским или иностранным подданным. В настоящее время, как Вы усмотрите из газетной вырезки, ставится кинематографическая пьеса, в которой в качестве германских шпионов фигурируете Вы, г. Даттан и некоторые из Ваших служащих, как, например, г. Рель. Одновременно выпускается на рынок, и главным образом на Дальнем Востоке, 10 000 экземпляров книги “Мирные завоеватели”, где Ваш торговый дом выставляется в очень неприглядном свете; так как автор книги человек с большими связями, то книга и пьеса найдут широкое распространение. Сообщая Вам об этом, делаю это для того, чтобы парализовать, насколько можно, результаты травли против таких больших фирм, как Ваша, Артура Коппеля, Сименса, Гейтман-Аурнгаммера, Лангелитье и др. Если Вас интересуют подробности и нужно содействие

в этом деле, обратитесь по телеграфу к Штиглицу, Петроград, Литейный пр., 60, кв. 18»[20].

В этом письме обращает на себя внимание такая способность Оссендовского, как занятие позиции стороны, противоположной ему по интересам. Приемом этим, будучи литератором, сочиняющим характеры своих героев, он уже владел прекрасно.

В письмо была вложена следующая газетная вырезка: «В настоящее время готовится к постановке новая большая кинематографическая пьеса “Мирные завоеватели”. Сценарий составлен по изданной в мае повести Марка Чертвана “Мирные завоеватели”, на днях выходящей вторым изданием. Пьеса, как и самая повесть, написана на основании документов и рисует быт и приемы германских шпионов и шпионскую деятельность крупных немецких фирм на Дальнем Востоке»[21]. Судя по всему, Марк Чертван — это еще один псевдоним Оссендовского. Позднее в беседе с Харпером в США 25 ноября 1921 г. Оссендовский утверждал, что Даттан клюнул на приманку и предлагал ему взятку в 200 тыс. руб. за прекращение его кампании. Он якобы имел свидетеля в соседней комнате, когда предлагалась взятка. Фирма обратилась в суд в Петрограде с обвинениями против Оссендовского в шантаже, однако вплоть до Февральской революции процесс так и не начался, так как представитель фирмы не прибыл в Петроград. Эти сведения записали американцы со слов самого Оссендовского[22].

Таким образом, в ноябре 1917 г. А. М. Оссендовский был подготовлен всем своим предшествующим опытом к тому, чтобы лично составить документы, которые он предложил Е. П. Семенову показать союзным посольствам в Петрограде.

Первые «документы»

Потерпев неудачу в попытке сбыть союзным послам списки фирм и германских шпионов, Семенов и Оссендовский стали искать новые варианты для своей инициативы. При этом я не хочу сказать, что ими двигал только корыстный интерес. Деньги, и немалые, они, конечно, хотели получить. Но не менее важно было для них и выразить свой протест против начавшихся переговоров о перемирии, а затем и против самого этого «незаконного» перемирия, вступившего в действие со 2 декабря и без всякого согласия или одобрения союзников. Они решили теперь действовать обходным маневром: попробовать опубликовать часть сфабрикованных заново, на потребу последней злобе дня, «документов» в печати, а потом уже вновь привлечь к ним внимание союзников.

Сделать это в Петрограде было практически невозможно, так как контроль большевиков над столичной печатью становился все жестче. Но тут подоспело важное событие: 2 декабря в Ростове была свергнута власть местного Совета рабочих и солдатских депутатов и контроль над городом установили казаки атамана А. М. Каледина. Туда, на Дон, потянулись сотни и тысячи людей, не желавших занимать выжидательную позицию в борьбе с большевиками. Решил податься туда и Е. П. Семенов. Но поехал он туда не с пустыми руками. Вскоре после приезда в Ростов Е. П. Семенова газета «Приазовский край» опубликовала сенсационные документы о связях большевиков с немецкими властями и о получении ими в 1917 г., сразу же после Февральской революции, крупных денежных сумм. Эти документы стали перепечатывать другие газеты, затем их напечатал один московский журнальчик. Одновременно их стали перепечатывать на машинках. Копии их продавали с некоторым риском уличные газетчики по всей России. Пик распространения этих документов падает на конец декабря 1917 г., январь и февраль 1918 г. (Напомним читателям, что с февраля месяца по декрету Совнаркома Россия перешла на новый стиль и после 31 января старого стиля — 13 февраля нового — сразу наступило 14 февраля 1918 г.)

23 февраля 1918 г. антибольшевистская власть в Ростове пала, и он был занят советскими войсками. Этот период, ограниченный началом декабря 1917 г. и началом февраля 1918 г., и явился периодом поступления в широкое обращение первой серии «документов», изготовленных А. М. Оссендовским и распространяемых Е. П. Семеновым.

В целом операция эта им удалась. Они добились «отчуждения» документов от их автора и распространителя. Документы как бы пришли в Петроград извне, с юга, маскируя тот факт, что изобретены-то они были именно в столице. Современники событий никак не связывали происхождение документов с редакторами «Вечернего времени». Это давало им возможность наблюдать, потирая руки от удовольствия, как эти документы дошли наконец до их подлинных адресатов, союзных представительств. И если во второй половине ноября 1917 г. посольства отвергли списки фирм и шпионов, изготовленные Оссендовским, то теперь они сами набросились на новые «документы», происходившие на самом деле из того же источника.

Мировой общественности эта первая серия «документов» стала известна из приложения № 1 к основному тексту «документов Сиссона». Эта основная часть содержит номера с 1-го по 53-й, а приложение № 1 — с 54-го по 68-й. Эти пятнадцать документов и являются большей частью компрометирующих большевиков материалов, изготовленных А. М. Оссендовским, судя по всему, во второй половине ноября и в начале декабря 1917 г. В отличие от основной части «документов Сиссона», базирующейся на фотокопиях «подлинников», а в нескольких случаях — на самих «подлинниках», материалы первой серии не претендовали на то, что являются оригиналами. Они представляли собой с самого начала машинописные копии документов, подлинников которых никто не видел. Оссендовский имел все возможности изготовить «подлинники», как это и было выполнено им для второй и третьей серий «документов». Но все это требовало гораздо больше времени. Судя по всему, его у него не было и документы готовились в спешке к отъезду Е. П. Семенова на Дон. Скажу сразу, что ни я, ни какой-либо другой исследователь пока не видел оригиналов, которые когда-то были доставлены в редакцию газеты «Приазовский край». Сиссон располагал двумя вариантами английского перевода этой серии, сделанными неизвестными переводчиками, и одной русской копией. Другие получатели, возможно, имели другие копии. Я лично в составе фонда «документов Сиссона» в Национальном архиве США обнаружил один английский перевод, который был неизвестен Сиссону в феврале 1918 г., и один русский машинописный текст (более расширенный, о котором мы поговорим чуть ниже), тоже Сиссону весной 1918 г. неизвестный.

Только Дж. Кеннан высказал обоснованное предположение, что именно Семенов привез «документы» первой серии на Дон. Однако он не связывал прямо происхождение этих документов с деятельностью Оссендовского, а скорее считал их украденными из материалов, собранных контрразведкой царского и Временного правительств. Он видел преемственность публикации антибольшевистских документов в июле 1917 г. (телеграммы, о которых мы рассказывали выше) с документами первой серии, опубликованными в декабре 1917 г. на Дону.

Приведу две цитаты из статьи Кеннана «Документы Сиссона». Вот, например, что он пишет в начале своей статьи: «Сиссон прибыл в Петроград в конце ноября 1917 г. и оставался там всю зиму. В начале февраля в его руки попали документы, которые тогда тайно циркулировали в Петрограде. Они состояли из того, что казалось официальными циркулярами германского правительства раннего периода войны, и частной переписки между отдельными лицами летом 1917 г. Общая тенденция этих документов была в том, чтобы внушить, что большевики служили платными германскими агентами, хотя в определенных случаях уместность этого тезиса была сомнительной. Некоторые из этих документов или их содержание стали впервые известны во время июльских беспорядков в Петрограде в июле 1917 г. Часть материалов просочилась в петроградскую прессу во времена министра юстиции Переверзева в качестве способа дискредитации большевиков. Документы были затем опубликованы полностью в декабре 1917 г. и январе 1918 г. газетами на антибольшевистской территории донских казаков. Вскоре после этого их копии начали циркулировать в Петрограде. Эти копии привлекли внимание Сиссона из нескольких источников, он оказался владельцем комплектов их как на русском языке, так и в английском переводе. Он проявил большую заинтересованность в установлении их смысла. Необходимо проявлять осторожность, чтобы не путать эти более старые материалы, включенные только в приложение № 1 к официальной американской брошюре, с главными документами, которые будут рассматриваться ниже»[1].

Мы видим здесь, что Кеннан не только объединяет действительно поступившие из правительственных источников антибольшевистские документы июля 1917 г. с первой серией, но и отрывает их от основной части «документов Сиссона», имеющей поддельное происхождение. Этим самым внушается мысль, что хотя документы приложения № 1 и более «старые» и копийные, но все же подлинность их якобы выше. Можно с полным основанием утверждать, что Дж. Кеннан тут ошибается. Мы постараемся показать ниже, что и документы первой серии произошли из того же источника, что и материалы основной части «докумен-

тов Сиссона»,— из рабочего кабинета А. М. Оссендовского. Июльские телеграммы и показания Ермоленко стали как бы «темой сочинения» для Оссендовского, они назвали фамилии основных фигурантов, упомянули банки, связанные с деловой перепиской Ганецкого (Фюрстенберга) и Козловского и Суменсон. Но сами документы первой серии явились полностью плодом фантазии Антона Мартыновича Оссендовского.

Но в отношении появления этой серии в Ростове Дж. Кеннан делает совершенно определенный вывод: их привез туда Е. П. Семенов. Вот еще одна цитата из его статьи: «Будучи настроенным как антигермански, так и антибольшевистски, Семенов оказался полезным для лидеров Временного правительства, когда сразу же после июльских беспорядков 1917 г. сделал попытку дискредитировать большевиков как германских агентов, публикуя материал из контрразведывательных источников, намекающих на то, что большевики получали деньги от немцев. Семенов, как кажется, был вовлечен в собирание некоторых из этих материалов. Вскоре после Октябрьской революции, когда “Вечернее время” было закрыто, он поехал на казачью территорию, чтобы примкнуть к Корнилову. Это именно он, вероятно, тот, кто привез туда документы, которые впоследствии сформировали приложение № 1 к сиссоновской коллекции, и тот, кто организовал их публикацию там»[2].

Я цитирую статью Кеннана по копии, которую дал мне С. Ляндрес, сделав ксерокопию со своего экземпляра. И на этой копии сохранились пометы, которые он делал с присущей ему всегда тщательностью, изучая статью Дж. Кеннана. Так вот, он совершенно верно заметил, что Семенов был вовлечен не в «собирание» антибольшевистских материалов, а только в их опубликование. Кеннан здесь ошибся, а следовательно, ошибся и в происхождении материалов первой серии, считая их почерпнутыми из архивов русской контрразведки. Но в том, что документы эти привез Семенов и он же добился их публикации, Дж. Кеннан совершенно прав.

И последнее соображение Дж. Кеннана, которое тоже должно быть принято во внимание. «Семенов, — пишет Кеннан, — вернулся в Петроград в январе 1918 г., будучи уполномоченным, в силу своих хороших отношений с союзными посольствами, вести переговоры о предоставлении союзного займа антибольшевистским силам на донской казачьей территории. И именно вскоре после его возвращения копии “старых” документов начали привлекать внимание союзных посольств в Петрограде. Ясно, что, если бы союзные представители были бы убеждены в том, что большевики были германскими агентами, шансы на финансовую поддержку союзников антибольшевистским силам увеличились бы»[3]. Мотивы поведения Семенова, как нам кажется, подмечены правильно, вот только средства,

с помощью которых Семенов хотел достигнуть этой цели, были уж совершенно фальшивыми и не имели и той степени доверия, которую призывал нас оказывать им Дж. Кеннан, отделяя документы первой серии от основного массива «документов Сиссона».

Теперь рассмотрим еще несколько свидетельств, касающихся появления и распространения материалов первой серии. Мы уже приводили выше публикацию «Последних новостей» 1921 г. Но, предваряя напечатание воспоминаний Е. П. Семенова, редактор газеты П. Н. Милюков сам поместил своеобразное введение к ним. Оно тоже называлось «Германские деньги у Ленина». Вот что писал там кадетский лидер: «В конце декабря 1917 г. в штабе Добровольческой армии в Новочеркасске был получен из Петрограда со специальным курьером ряд документов, являвшихся дополнением к тем, которые были напечатаны в дни июльского выступления большевиков, и окончательно разоблачавших как те источники, из которых субсидировалось “предприятие” Ленина, так и те пути и каналы, которыми субсидии германской Schwerindustrie переходили в карманы Ленина, Троцкого и их соучастников. Ссылки под документами не оставляли никакого сомнения в происхождении этих документов. Это были данные, приобретенные агентами союзной разведки. Документы носили и все внутренние признаки достоверности. Тогда же эти документы были напечатаны в новочеркасских и ростовских газетах, а пишущий эти строки написал особую брошюру, составлявшую комментарии к ним. Эта брошюра, однако, не увидела свет, так как набор еще не был закончен, когда большевики захватили Ростов»[4].

Как видим, и Милюков обманулся, считая материалы первой серии продолжением июльской публикации. Но в отличие от Дж. Кеннана, полагавшего, что источником документов была русская контрразведка, Милюков, считал, что их собрала разведка союзная. Впрочем, Милюков обманулся с радостью и удовольствием, потому что был глубоко убежден сам в том, что большевики являются платными немецкими агентами. Восторг от получения нужных для него как политика «доказательств» подавил в нем осторожность историка-источниковеда.

Но есть и еще одно любопытное свидетельство в этом отрывке. То, что Милюков был в таком счастье от полученных документов, что согласился написать «особую брошюру» с комментариями к ним. Брошюра не увидела света, так как красные захватили Ростов. Это случилось 23 февраля 1918 г., и это дает нам крайнюю дату бытования материалов первой серии. Но вот что интересно. В апреле 1918 г. на одном из пароходов в Нью-Йорк прибыла некая гражданка Л. Никифорова, жена одного из российских специалистов, отправленного в США еще при Временном правительстве.

Во время осмотра ее багажа сотрудник американской почтовой цензуры нашел несколько машинописных листков, переданных затем в Госдепартамент. На первом листе в правом верхнем углу было написано: «Способствуйте наибольшему распространению». А ниже: «Документы о работе немцев, перехваченные в разное время и в разных местах и находившиеся в российской контрразведке». Почти под каждым «документом» был и комментарий, часто весьма пространный, касающийся значения этого документа[5]. У меня есть подозрения, что эти «документы Никифоровой», которых на четыре больше, чем напечатано в приложении № 1 к «документам Сиссона» и есть брошюра П. Н. Милюкова.

В то же время содержание предисловия Милюкова к воспоминаниям Е. П. Семенова дает материал и для несколько иного толкования. П. Н. Милюков писал далее: «В начале 1919 года, выехав за границу, я узнал, что собирание документов о подкупе Ленина не ограничивалось этой первой пачкой, полученной нами в Новочеркасске. Эдгар Сиссон, специальный представитель американского “Информационного комитета” (Committee on public information), собирал их в России в течение всей зимы 1917–1918 гг. Документы известной мне серии содержали в себе данные за время до большевистского переворота (они напечатаны американцами в приложении к документам Сиссона, за номерами 54–68, к сожалению, без большей части ссылок на происхождение, имевшихся в копии, присланной в Новочеркасск)»[6]. Следовательно, можно было бы предположить, что «документы Никифоровой» являются образцом той полной копии со всеми примечаниями, которая была в распоряжении П. Н. Милюкова в Новочеркасске. Но экземпляр английского перевода тех же документов, хранящийся тоже в составе фонда «Документов Сиссона» в Национальном архиве США, в тексте статьи лейтенанта Свечникова, содержит гораздо меньше комментариев, чем в «документах Никифоровой». Да и самих документов только 15, а не 19. Это ближе к той редакции, которая была опубликована в приложении № 1 к «документам Сиссона». Вернее так: ссылки на происхождение имеются в документах из статьи лейтенанта Свечникова, а вот комментариев об их значении, которые помещены в «документах Никифоровой» после текстов документов, у Свечникова нет. Поэтому гипотезу о том, что «документы Никифоровой» и есть брошюра Милюкова, мы пока оставляем в действии. Окончательный вывод по этому вопросу читатель узнает в следующей главе.

Дополнительную информацию об опубликовании и обращении документов первой серии мы можем найти в машинописной копии английского перевода статьи лейтенанта Свечникова «Кто такие большевики?»[7]. «Мы

имеем доказательства обвинений против большевиков, — говорилось в статье, — в форме аутентичных документов, опубликованных в южнорусской газете “Приазовский край” от 6 января 1918 г., а позднее — в московском еженедельнике “Фонарь” № 13 за 22 января 1918 г. Эта газета была позднее закрыта большевиками. Эти копии разоблачительных документов вывешивались вечерами на углах улиц в Москве и срывались красногвардейцами, когда они их обнаруживали. Эти документы показывали, что, в то время как Россия вела борьбу против Германии, в 1914 г. Ленин, Троцкий, Луначарский и их товарищи получали деньги за работу по пропаганде под маской большевизма»[8]. К сожалению, пока нам не удалось увидеть ни газеты «Приазовский край», ни еженедельника «Фонарь» за указанные числа, точно так же, как и номер парижской газеты «Petit Parisien» за начало 1918 г., где, как указывается в ряде источников, были тоже напечатаны документы первой серии во французском переводе. Хотя молва связывала эту акцию с решением французского военного министра Пишона, думаю, что и здесь не обошлось без Е. П. Семенова. Он сотрудничал, как мы знаем, во французской газете «Антанта», издававшейся в Петрограде, хорошо был известен во французском посольстве, возможно, сохранял и французское гражданство.

Таким образом, можно утверждать, что данная попытка распространения антибольшевистских документов, предпринятая Оссендовским и Семеновым, оказалась более успешной, чем первая инициатива продать списки пронемецких фирм и германских шпионов. Действительно, смотрите сами: опубликование «документов» в ростовской (а может быть, и в новочеркасской, как утверждал Милюков) и московской газетах, распространение «самиздатовских» копий, ознакомление с переводами и русскими текстами серии союзных посольств, переправка их во Францию и опубликование в парижской газете. Это ли не успех? Но наибольшим успехом, обеспечившим этой первой серии долгую жизнь, явилась передача «документов» в американское посольство и лично Эдгару Сиссону.

Вышло это вначале случайно, и не Е. П. Семенов принес материалы первой серии Сиссону. Это был Раймонд Робинс, уполномоченный американской миссии Красного Креста, широко известный одно время в СССР как один из преданных друзей России, симпатизировавший большевикам. Вот как описывал сам Эдгар Сиссон получение этих документов в своих последующих воспоминаниях: «2 февраля (нового стиля, по старому стилю это 20 января. — *В. С.*) Робинс принес мне английскую версию пачки документов, которая, если она была истинной, показывала, что Ленин, Троцкий, Зиновьев, Луначарский, Фюрстенберг-Ганецкий и некоторые другие большевистские лидеры были аккредитованными

и оплачиваемыми агентами Германии в момент их возвращения в Россию, а также способы финансирования. Документы не показывали германских связей после революции, не имели более поздних, чем октябрь 1917 г., дат. Являясь не более чем ключом сами по себе, скоро став частью общего политического фона, документы оказали важное моральное воздействие на нас двоих, изучавших их. Робинс, против его собственного желания, принес мне эти документы, доставшиеся ему по случаю. Почему? Потому что он не мог сделать ничего другого: ответственность была слишком тяжела, чтоб нести ее одному. Ни один из нас не знал многого о большевистской организации, еще меньше мы были способны провести мало-мальски стоящее расследование. Но фактом было то, что мы уже знали большевиков достаточно хорошо, чтобы найти себе извинения за бездействие. Если бы мы, однако, согласились с тем, что интересы политики заставляют нас не придавать большого внимания этому, шансы на другое американское расследование были бы незначительными. Может быть, Робинс ожидал, что я посоветую не беспокоиться. Он сразу же стал выступать за то, чтобы отвергнуть документы»[9].

Интересно, что именно в оценке этих документов разошлись Сиссон и Робинс, которые до этого действовали в основном солидарно и не теряли надежды на то, что им удастся добиться от Советского правительства согласия на возобновление военных действий против Германии. Поздно вечером 2 февраля Робинс, как рассказывает Сиссон, увиделся с человеком, который дал ему эти документы. Он не смог добиться у него дополнительных сведений и «не знал, что делать», но на следующий день отказался сообщить Сиссону при их новой встрече фактические нити, которые он сам имел. Человек этот был не Семенов.

Пока Сиссон обдумывал ссору с Робинсом, события продолжали быстро развиваться. «Материалы, однако, распространялись в Петрограде более широко, чем он знал, — вспоминал Э. Сиссон, — и 4 февраля другая английская копия была послана мне в наш офис на Гороховой ул.; я также обнаружил копию на русском языке у нашего переводчика. Было очевидно, что распространение их является организованным. В моем позднейшем правительственном докладе этот комплект циркуляров был напечатан как приложение к докладу, помещенный туда для документации. Это была единственная часть содержания доклада, которую видел Робинс и о которой он знал. Я просил его помощи для дальнейшего расследования, и он отказался»[10]. Только на следующий день Сиссон впервые встретился с Е. П. Семеновым, который принес послу Фрэнсису первый документ из новой серии. Но эту историю мы будем рассматривать позже. А пока еще раз дадим слово Эдгару Сиссону.

Во введении к приложению № 1 к основной части своей брошюры под названием «Документы, распространяемые антибольшевиками в России», Сиссон писал: «Это приложение состоит из циркуляров (за исключением двух случаев, оговоренных особо), оригиналов которых или заверенных копий я никогда не имел. Большое число подобных комплектов на русском языке было выпущено в Петрограде и в других местах России оппонентами большевиков зимой 1917–1918 гг. Документы, как говорилось, являлись копиями документов, изъятых из контрразведки правительства Керенского, сопровождаемых более ранними материалами контрразведки императорского правительства. Возможность для доставания их была легкой благодаря услугам агентов и служащих контрразведки, большинство которых, когда большевики встали у власти, ушло со службы, захватив свободно содержание дел своих департаментов. Некоторые из документов были включены в публикацию, произведенную в Париже, к которой мы также отсылаем. Я не имел возможности произвести их проверку, но они соответствуют другим, поддающимся проверке, и в этом свете выглядят более ценными, чем когда они рассматриваются отдельно».

Таким образом, Э. Сиссон положительно свидетельствовал о том, что документы получены от бывших сотрудников царской контрразведки и контрразведки Керенского, что сотрудников этих было немало, а распространение документов производили многочисленные «противники большевиков». Как мы теперь знаем, все это были голословные утверждения и, хотя действительно к публикации и распространению материалов первой серии примазались многие антибольшевистские силы, источник-то документов был один: Семенов да Оссендовский, а вовсе не агенты контрразведки.

И последнее свидетельство Сиссона, которое необходимо здесь привести. «Эта группа циркуляров, — указывает он, — попала в мои руки в первую неделю февраля 1918 г. в английской версии с примечаниями неизвестного переводчика, а несколькими днями позже — еще одна английская и русская. Я подготовил общую редакцию, и посол Фрэнсис отправил ее кодом в Госдепартамент 9 февраля»[11]. Таким образом, в этот день осуществилась главная цель, которую ставили перед собой Оссендовский и Семенов еще 13 ноября 1917 г.: привлечь внимание наиболее могущественных из союзников для того, чтобы столкнуть их на путь решительной борьбы с большевистским правительством и сорвать договоренность с Германией о перемирии или сепаратном мире. Через несколько дней материалы первой серии читал государственный секретарь США Лансинг. Он отнесся к их содержанию с одобрением и поручил послу

Фрэнсису действовать в том же направлении, то есть доставать новые документы о связях большевиков с немцами.

Интересно в заключении этой главы познакомиться с оценкой всех этих событий, связанных с получением Эдгаром Сиссоном материалов первой серии, советским историком. Я имею в виду Р. Ш. Ганелина, одного из самых честных и порядочных исследователей этой эпохи. В своей книге «Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г.», вышедшей в свет, как уже знает читатель, еще в 1975 г., Р. Ш. Ганелин посвятил две страницы и «документам Сиссона». Он писал: «“Документы”, о которых идет речь, попали к Фрэнсису и Сиссону в начале февраля. С 9 по 13 февраля Фрэнсис передавал их тексты в Вашингтон по телеграфу. Фальшивый характер их был настолько несомненен, что его признали даже российские контрреволюционные круги и эмигрантские авторы, которые изо всех сил поддерживали версию о “немецких деньгах у большевиков”. Робинс разглядел фальшивку тотчас же. Фрэнсис и Сиссон, именно в этот момент порвавший с Робинсом и ощутивший себя главной фигурой в борьбе с большевиками, заняли другую позицию. “Документы”, которым Сиссон с горячей готовностью дал свое имя, уже были к этому времени — в явном расчете на увеличение союзнических субсидий — напечатаны в “Приазовском крае”, кадетской газете, выходившей в лагере южнороссийской контрреволюции. Тем не менее и Фрэнсис, и Сиссон старались придать своему “открытию” самый сенсационный характер. “С большим интересом” отнесся к делу и Лансинг, с необычной для него поспешностью приславший Фрэнсису против обыкновения пространную инструкцию о сборе дальнейших “сведений”. Петроградское контрреволюционное подполье с готовностью удовлетворяло потребности в “документах”, заявленные не только Сиссоном, но и английской секретной службой»[12]. Автор дает в целом верную картину событий. Конечно, тут есть некоторые уступки цензуре: и осуждение Сиссона, и «горячие симпатии» к Робинсу, который «разглядел фальшивку тотчас же». Нет, Сиссон свидетельствует, что Робинс переживал и колебался, он хотел разделить ответственность за прикосновение к этой ужасной «тайне» с Сиссоном. Но это пустяки. К сожалению, в авторской оценке есть и другие неточности. Преувеличением является утверждение, что российские контрреволюционные круги и эмигрантские авторы признали фальшивый характер «документов Сиссона». Ну а сам он «дал свое имя» не тем документам, которые опубликовал «Приазовский край», а тем, которые опубликовал он первым, то есть основной части документов. Повторяет Р. Ш. Ганелин за Сиссоном, по сути дела, и версию о многочисленных противниках большевиков, поставлявших

документы. Не «контрреволюционное подполье» с готовностью удовлетворяло потребность американцев в «документах», а только один контрреволюционер: А. М. Оссендовский, с помощью Е. П. Семенова, а затем и другого посредника. Впрочем, будем благодарны автору, который и двадцать лет тому назад сумел дать более объективную, чем другие, информацию об этих документах.

Театр теней. Акт первый

Эдгар Сиссон, представляя читателю документы приложения № 1 к своей брошюре «Германо-большевистский заговор», говорил, что он не имел их оригиналов или заверенных копий. Это, с его точки зрения, снижало их ценность по сравнению с «документами» основной части брошюры (Доклада), в достоверности которых он был уверен абсолютно. Но, говорил Сиссон, есть два исключения, которые он оговаривал особо: «Два документа из этих циркуляров (первой серии. — *В. С.*) — это циркуляр о мобилизации промышленности от 9 июня 1914 г. и циркуляр о диверсантах (“агентах-разрушителях”. — *В. С.*) от 28 ноября 1914 г. (См. документ № 3 моего Доклада)». Далее Сиссон напоминает, что спустя четыре недели после получения трех вариантов документов первой серии он достал другую серию документов, представлявших собой оригиналы или фотокопии оригиналов. И среди них были оба этих циркуляра, которые ранее он имел в виде машинописных незаверенных копий. Это явилось доказательством подлинности как собственно этих циркуляров, так и всей серии, помещенной в приложении № 1.

Не могу здесь не согласиться с Сиссоном. Его логика была абсолютно правильной. Вот только исходная посылка неверной. Сегодня мы знаем, что документы, которые Эдгар Сиссон включил в свой Доклад (то есть основная часть из 53 документов), сочинил А. М. Оссендовский. Это вытекает из превосходной статьи Дж. Кеннана еще 1956 г., посвященной анализу происхождения именно этих 53 документов. И следовательно (строго по логике Сиссона!), если два документа первой серии оказались сочиненными Оссендовским, то и вся серия также является результатом его работы.

Мы не хотим здесь занимать читателя подробным источниковедческим анализом первой серии, хотя, вообще говоря, необходимость в этом есть, ибо тот же Дж. Кеннан, считая документы серии более или менее верными копиями документов русской контрразведки, не стал анализи-

ровать их с той же обстоятельностью и скрупулезностью, которые он проявил по отношению к 53 документам сиссоновского Доклада. Поэтому некоторые элементы текстологического и источниковедческого анализа мы вынуждены применить, о чем и предупреждаем читателя, который может их опустить, если это покажется ему слишком скучным.

В качестве основного текста для анализа мы избираем «документы Никифоровой», поскольку они являются самым полным вариантом первой серии, никогда еще не публиковались и пролежали в архиве 76 лет. Затем, они имеют не только «ссылки на происхождение», но и комментарии неизвестного автора, показывающие их значение. Мы будем сравнивать этот главный текст «документов Никифоровой» с неопубликованным же вариантом первой серии из статьи лейтенанта Свечникова «Кто такие большевики?» и текстом приложения № 1 к Докладу (основной части брошюры) Э. Сиссона. Как мы уже отмечали выше, «документы» свечниковского варианта и сиссоновского (с отмеченными им расхождениями) совпадают и по их количеству, и по лаконичным ссылкам на их происхождение.

«Документы Никифоровой» представляют собой копию фотостата оригинального русского машинописного текста, статья и документы лейтенанта Свечникова — машинописную копию английского перевода, приложение № 1 Сиссона — типографский английский текст. При обратном переводе документов с английского на русский язык мы будем ориентироваться на редакцию текста «документов Никифоровой».

Желая дать общую оценку и показать сфальсифицированность документов первой серии, я, повторяю, не ставлю здесь задачу их всестороннего анализа, но для того, чтобы дать такую возможность заинтересованным исследователям, помещаю полный текст «документов Никифоровой» в своем приложении № 1 к данной книге. Для экономии места я буду в случае необходимости давать ссылки на номера документов в этом приложении. Всего этих документов, как уже говорилось, девятнадцать.

Начнем, однако, с маленькой характеристики, которую всем документам первой серии дал Дж. Кеннан. «О пятнадцати документах, которые образуют приложение № 1 к брошюре “Германо-большевистский заговор”, можно мало что сказать. Нет причин полагать, что Оссендовский был автором какого-либо из них, — писал Кеннан. — Для семи писем оригиналы или фотостаты были недоступны. Совершенно невозможно оценить аутентичность предъявленных переводов такого свойства. Упрямым и показным манипулированием именами Ленина, Троцкого и Горького эти письма производят, нужно сказать, неправдоподобное

впечатление. Что же касается циркуляров, то, как было отмечено выше, только относительно двух из них имеется что-то, что может рассматриваться как оригинал; и недостатки этих документов были так очевидны, что даже Харпер и Джемисон не могли заставить себя поверить в их аутентичность»[1].

Итак, Кеннан критически настроен относительно подлинности документов приложения № 1, кроме двух циркуляров, оговоренных и самим Э. Сиссоном. В то же время он отводит предположение о том, что они сочинены А. М. Оссендовским. Как говорилось уже, мы не согласны с этим выводом. Что же касается ссылок на Харпера и Джемисона, то имеется в виду отзыв этих двух американских историков о содержании брошюры «Германо-большевистский заговор», которым и заканчивается сама эта брошюра.

Они писали там: «Относительно документов нашей третьей группы, кроме №№ 56 и 58 (это те два циркуляра, о которых говорили выше и Сиссон, и Кеннан. — *В. С.*), мы имеем только русский текст, выполненный на мимеографе. Оригиналы большинства из них должны были бы быть написаны по-немецки. Мы не видели ни оригиналов, ни фотостатов, не видел их и м-р Сиссон, который справедливо поместил их в приложение и выразил меньше доверия их ценности как свидетельствам, чем документам главной серии, с 1-го по 53-й. Учитывая такие неэффективные средства проверки их подлинности, которыми мы располагаем относительно русских переводов, мы не можем сделать уверенного заявления. Возвращаясь же к одним внутренним свидетельствам самих документов, мы сможем только сказать, что в этих текстах не видно ничего, что положительно бы исключало представление об их подлинности, мало что может заставить считать сомнительным любой из них, хотя гарантии того, что они были аккуратно скопированы и аккуратно переведены на русский язык, очевидно отсутствуют»[2].

Как видим, Кеннан несколько преувеличил скептицизм Харпера и Джемисона относительно документов первой серии. Они толковали свои сомнения все же в пользу признания документов приложения № 1 подлинными. Ссылки на возможные недостатки перевода, на неаккуратность копирования давали Харперу и Джемисону удобные поводы для сохранения своего научного лица, поскольку дело, для которого их пригласили, было грязным, предназначенным для оправдания официальной государственной политики вмешательства в русские дела и интервенции. В архиве Харпера были найдены потом свидетельства (их привел Дж. Кеннан в часто цитировавшейся нами статье) о том, что он рассматривал свое участие в комиссии по «документам Сиссона» прежде всего

как свой гражданский долг во время войны и вынужден был приглушить свои сомнения историка. Мы можем пожалеть его в этом смысле и понять, поскольку, скажем, некоторые советские историки были включены в состав комиссии, которая должна была доказать, что польские офицеры в Катыни были расстреляны немцами, а не НКВД.

Но, по сути дела, эти разговоры про несовершенство переводов с немецкого на русский кажутся немного несерьезными. Нет, эти документы и были написаны только на русском языке и никогда не переводились с немецкого. За это говорит и стиль этих «документов», и словоупотребление, построение фраз, формы обращения и пр. А те циркуляры, фальшивые «оригиналы» которых были предъявлены Э. Сиссону в той или иной форме, являлись переводами с русского на немецкий, а не наоборот. Но к этим вопросам мы еще вернемся.

Для начала давайте познакомимся со списком всех «документов Никифоровой» и отметим расхождения их с публикацией Сиссона, а также с документами из статьи лейтенанта Свечникова. После девиза «Способствуйте наибольшему распространению», размещенного в правом верхнем углу первого листа и выполненного заглавными буквами и подчеркнутого прерывистыми тире, ниже по центру был помещен заголовок: «Документы о работе немцев, перехваченные в разное время и в разных местах и находившиеся в российской контрразведке». Таким образом, мы сразу можем отвергнуть утверждение П. Н. Милюкова из его статьи в «Последних новостях» от 3 апреля 1921 г. о том, что документы были найдены «союзной контрразведкой». Нет, сами их распространители заявляли, что они находились в контрразведке русской.

Сиссон же предварил публикацию данных «документов» таким заголовком: «Анализ германского заговорщического материала с примечаниями, подготовленный мной и переданный по телеграфу Госдепартаменту кодированной телеграммой посла Фрэнсиса 9 февраля 1918 г. С некоторыми дополнительными примечаниями, как указано»[3]. В статье лейтенанта Свечникова документы следуют без всякого заголовка, в тексте, после обширного авторского введения (это введение, комментарии и заключение автора мы публикуем в приложении № 2 к данной книге). Сиссон делает к своему заголовку такое примечание: «Текст, представленный в этой публикации, взят в основном из английского перевода, сделанного неизвестным переводчиком, который и был передан по телеграфу в Госдепартамент. Для удобства мы называем его версией “А”. Второй английский перевод, отличающийся от первого по объему и фразеологии, именуется версией “В”. Мимеографированный экземпляр этих циркуляров, который достал м-р Сиссон, называется версией “С”. Он со-

гласуется в главном с версией “B” в отношении объема. Версия “B” не содержит документы с 61-го по 68-й включительно. Абзацы, набранные курсивом в тексте, имеются только в версии “A” и не содержатся в версиях “B” и “C”; абзацы в квадратных скобках есть только в версиях “B” и “C”, но отсутствуют в версии “A”»[4]. Это очень важно и для анализа содержания, и для установления времени работы автора документов над их текстом, поскольку разночтения не носят технического или случайного характера, а подчиняются, как мы увидим, определенной тенденции, то есть учитывают изменения в политической позиции тех или иных упоминаемых в «документах» лиц.

Итак, «документы Никифоровой» содержат:

№ 1. Циркуляр № 17 Генерального штаба от 2 января 1914 г. всем окружным интендантам. Примечание к нему. (У Сиссона и Свечникова этого документа нет.)

№ 2. Циркуляр № 3737 Министерства (?), по отделу иностранных операций от 18 февраля 1914 г. всем группам германских банков и по соглашению с австро-венгерским правительством «Остеррейхишер-Кредитанштальт». Два примечания к нему. (У Сиссона и Свечникова с этого документа открываются публикации. Номер в брошюре Сиссона — 54.)

№ 3. Циркуляр Генерального штаба (без номера) от 8 марта 1914 г. всем фабричным и горным инспекторам. Примечание к нему. (У Сиссона и Свечникова этого документа НЕТ.)

№ 4. Циркуляр Генерального штаба (без номера) от 9 июня 1914 г. военным агентам в государствах, смежных с Россией, Францией, Италией, и в Норвегии. (У Сиссона этого документа нет, у Свечникова это документ № 2, ошибочно датированный при перепечатке или переводе 2 ноября 1914 г.)

№ 5. Циркуляр № 21 (по мобилизации) Генерального штаба от 9 июня 1914 г. всем интендантам. Примечание к документам №№ 4 и 5. (У Сиссона — № 56, у Свечникова этого документа НЕТ.)

№ 6. Циркуляр Имперского банка (без номера) от 2 ноября 1914 г. в адрес представителей «Ниа-Банкен» в Стокгольме и агентов «Дисконто-Гезельшафт» и «Дейч-Банк» об открытии кредитов Зиновьеву и Луначарскому. Большое примечание. (У Сиссона — № 57, у Свечникова — № 3, вместо Зиновьева — Зензинов.)

№ 7. Циркуляр Морского Генерального штаба № 92 (по разведочному отделу) от 28 ноября 1914 г. морским агентам. Примечание к нему. (У Сиссона — № 58, у Свечникова № 4.)

№ 8. Циркуляр Генерального штаба (без номера) от 15 января 1915 г.

военным агентам в С. А. С. Штатах. Примечание к нему. (У Сиссона — № 59, у Свечникова — № 5.)

№ 9. Циркуляр Отдела печати при Министерстве иностранных дел (без номера) от 23 февраля 1914 г. всем послам, посланникам и консульским чинам в нейтральных странах. Примечание к нему. (У Сиссона — № 60, у Свечникова — № 6.)

№ 10. Циркуляр (без номера) Генерального штаба от 23 сентября 1916 г. военным наблюдателям на русско-шведской границе. Примечание к нему. (У Сиссона этого документа НЕТ, у Свечникова — № 9, дата — 23 октября.)

№ 11. Циркулярное письмо председателя Рейнско-Вестфальского промышленного синдиката Кирдорфа от 14 октября 1916 г. центральной конторе «Ниа-Банкен» в Стокгольме, представителю «Дисконто-Гезельшафт» в Стокгольме Свенсену-Бальцеру и представителю «Дейче-Банк» в Швейцарии Кирх. Два примечания к нему. (У Сиссона — № 61, у Свечникова — № 10.)

№ 12. Приказ № 7433 Имперского банка от 2 марта 1917 г. представителям германских банков в Швеции об удовлетворении финансовых требований Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Перкальна. Примечание к нему. (У Сиссона в приложении № 1 этого документа нет, но он есть в основной части Доклада под № 1 в абсолютно той же редакции, но по другому «источнику». У Свечникова этого документа НЕТ.)

№ 13. Письмо представителя «Дейч-Банк» из Женевы от 15 июня 1917 г. Фюрстенбергу в Стокгольм. Примечание к нему. (У Сиссона — № 63, дата — 16 июня; у Свечникова — № 13, дата — 15 июля.)

№ 14. Письмо Свенсона из Копенгагена Руфферу в Гельсингфорс от 18 июня 1917 г. Примечание к нему. (У Сиссона — № 62, у Свечникова — № 11.)

№ 15. Письмо Свенсона из Стокгольма Фарзену в Кронштадт (через Гельсингфорс) от 12 сентября 1917 г. Примечание к нему. (У Сиссона — № 65, у Свечникова — № 12.)

№ 16. Письмо Фюрстенберга из Стокгольма Рафаилу Шолану в Хапаранде (город на границе Швеции с Финляндией) от 21 сентября 1917 г. Примечание к нему. (У Сиссона — № 64, у Свечникова — № 14.)

№ 17. Письмо Парвуса из Берлина Мору в Стокгольме от 14 июля 1917 г. Примечание к нему. (У Сиссона — № 68, у Свечникова — № 8.)

№ 18. Письмо Шейдемана из Берлина Ольбергу в Стокгольм от 25 августа 1917 г. Примечание отсутствует. (У Сиссона — № 67, у Свечникова — № 7.)

№ 19. Письмо Фюрстенберга из Люлео Антонову в Хапаранду от 2 октября 1917 г. Примечание к нему. (У Сиссона — № 66, у Свечникова — № 15.)

Заканчивая это сравнение, хотел бы обратить внимание читателей на то, что в составе материалов в статье лейтенанта Свечникова я обнаружил один «документ», которого нет ни в трех версиях Сиссона, ни в «документах Никифоровой». Приводим его целиком в переводе с английского:

«№6. Копенгаген, 11 апреля 1917 г. Адресовано г-ну Тифланду в Стокгольме. Настоящим извещаю Вас, что сегодня здесь открыт счет в “Ниа-Банке” для г-на Мартова из Швейцарского банка. *Примечание:* г-н Мартов — Цедербаум»[5].

Этот документ не был учтен мною вначале, и поэтому я даю его здесь под № 6а. Кроме того, при перепечатке лейтенантом Бразолем или еще раньше, видимо, была допущена ошибка, поскольку перед этим № 6а имеется фрагмент другого письма, заканчивающегося словами: «С дружеским приветом Я. Фюрстенберг»[6]. В то же время документ № 15 (телеграмма из Люлео от 2 октября 1917 г.) не имеет ни адресата, ни подписи. Аналогичная телеграмма в «документах Никифоровой» — это № 19: от Фюрстенберга г-ну Антонову в Хапаранду от 2 октября 1917 г. Она-то и имеет подпись: «С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг». Следовательно, подпись на с. 5 документов из статьи лейтенанта Свечникова — это ошибочно перенесенная подпись под документом со с. 8 к телеграмме Я. Фюрстенберга Антонову в Хапаранду от 2 октября 1917 г.

Переходим теперь к их анализу. Документы тематически распадаются не на две части: циркуляры и письма, — а, как нам кажется, на четыре. Во-первых, это циркуляры, «доказывающие», что к войне Германия стала готовиться за полгода до ее начала. Во-вторых, циркуляры правительственных и экономических институтов об использовании финансирования через банки в нейтральных странах террористов-диверсантов («агентов-истребителей» или «разрушителей») для действий против воюющих стран как в них, так и в нейтральных странах. В-третьих, документы о финансировании лидеров большевиков для проведения пропагандистской кампании против войны. И, наконец, в-четвертых, переписка о ходе финансирования деятельности большевиков непосредственно с марта по октябрь 1917 г.

Говоря о первой группе, мы можем отнести туда документы №№ 1, 3, 5. Так, документ № 1, датированный еще 17 января (здесь и далее нигде не оговаривается, какой стиль применен в документах; по логике, это дол-

жен был бы быть новый стиль, поскольку публикаторы претендовали на то, что все документы были написаны по-немецки, но по содержанию, а главное, по тому, как составитель комментариев обращается с датами, получается, что даты приводятся по-старому, русскому стилю), предписывал от имени Германского Генерального штаба всем окружным интендантам представить в трехдневный срок сведения о роде, количестве и месторасположении неприкосновенного запаса сырья. Такой же циркуляр от 8 марта требовал произвести осмотр и учет всех двигателей германского происхождения. Публикатор делал примечание: «Из этих трех первых документов ясно, что Германия не была втянута в войну в июле 1914 г., но, наоборот, сама лихорадочно готовила ее еще за полгода до ее начала». Этот вывод должен был подтвердить и документ № 5, требовавший от имени того же штаба, чтобы интенданты в 24 часа известили всех владельцев промышленных предприятий о вскрытии пакетов с мобилизационно-промышленными планами (дата — 9 июня 1914 г.). К этому было сделано следующее примечание: «Из документов №№ 4 и 5 ясно, что война была окончательно решена Германией за два месяца до ее фактического начала и за три недели до покушения на австрийского наследника».

Спрашивается, для чего необходимо было изобретать эти документы? Ответ дан в процитированных примечаниях: чтобы доказать, что именно Германия была инициатором войны. Этот вопрос получил новую актуальность в связи с угрозой заключения мира, в связи с большевистской пропагандой о том, что все империалистические государства способствовали возникновению войны.

Документы второй группы должны были доказать, что Германия с самого начала замышляла войну коварную, с нарушениями норм человеческой морали и проводила ее последовательно уже в ходе военных действий. Так, документ № 2 претендовал на то, чтобы изобличить германское Министерство финансов в том, что оно еще 18 февраля 1914 г. рекомендовало всем группам немецких и австро-венгерских банков учредить конторы в маленьких шведских поселках вдоль границы с Финляндией (Люлео, Хапаранда, Варде), что «может потребоваться при некоторых обстоятельствах, изменяющих конъюнктуру промышленного и финансового рынка». Тут же для «теснейших и совершенно секретных сношений с финляндскими и американскими банками» рекомендовались шведский «Ниа-Банкен», банкирская контора «Фюрстенберг» и торговый дом «Вальдемар Ганзен»[7]. К этому было сделано примечание: «Все эти конторы, как видно из дальнейшего, были денежно связаны с большевиками».

Уже в этом документе ясно видна его сфальсифицированность: если «Ниа-Банкен» действительно существовал[8], возможно, существовал и

торговый дом В. Ганзена в Копенгагене, то банкирской конторы «Фюрстенберг» никогда не существовало. Я. С. Фюрстенберг действительно стал директором экспортно-импортной фирмы Парвуса в Копенгагене, но в 1915 г. В феврале 1914 г. Ганецкого (Фюрстенберга) вообще еще не было в Дании. Он жил тогда в Австро-Венгрии, а после начала войны перебрался в Швейцарию. В отношении же всей серии действует закон, сформулированный американскими чиновниками из Госдепартамента, которые по долгу службы явились первыми «исследователями» документов Сиссона: если будет доказано, что хоть один документ подлинный, то подлинной является вся серия, и наоборот. Выше мы говорили, что документы №№ 56 и 58 из приложения № 1 брошюры Сиссона (у Никифоровой — №№ 5 и 7) входят одновременно и в основные документы Доклада, относительно которого доказано, что все они являются сфальсифицированными. Теперь мы показали, что и документ № 2 данной серии (в приложении № 1 Сиссона — № 54) является сфальсифицированным. Следовательно, и вся эта серия тоже состоит из поддельных документов. Но в нашу задачу входит не только установление этого факта, хотя нам и приходится выступать по отношению к документам первой серии в качестве пионеров. Мы хотим показать и мотивы, и приемы самой «производственной деятельности» А. М. Оссендовского. Поэтому продолжим начатый уже анализ. Фантастическая банкирская контора Фюрстенберга, как и «Ниа-Банкен», уже «засвеченные» в антибольшевистских публикациях июля 1917 г., нужны были А. М. Оссендовскому, чтобы внушить читателям его «документов», что коварные немцы еще за полгода до начала войны решили использовать в ней «предателей-большевиков» и загодя создавали пункты финансового обеспечения их антивоенной пропаганды. Воистину, чем абсурдней ложь, тем легче ей поверят!

Этот явный абсурд присутствует и в документе № 4. Германский Генеральный штаб объявляет 9 июня 1914 г., что им открыты во всех отделениях германских банков в Швеции, Норвегии, Швейцарии и США «специальные военные кредиты на вспомогательные нужды войны». Швеция, Норвегия и Швейцария — страны, оказавшиеся нейтральными в годы Первой мировой войны (и США до марта 1917 г. тоже). Но как в июне 1914 г., *до начала войны*, можно было предсказать, какие именно страны останутся нейтральными? Для Оссендовского характерен ретроспективный подход, а вовсе не исторический. Для него (как и для большевиков) история — лишь обращенная в прошлое политика данной минуты. Смотрим дальше. Кому адресован этот циркуляр? «Военным агентам в государствах, смежных с Россией, Францией, Италией, и в Норвегии». Да, Оссендовскому хватило географических познаний,

чтобы не упоминать Англию: она ни с кем не граничит; чтобы выделить Норвегию: она граничит посуху только со Швецией. Но так как он абсолютно антиисторичен, то в список будущей антигерманской коалиции он включает *Италию*! В 1917 г. все уже привыкли к тому, что Италия — член Антанты, что она союзница России. Но в июне 1914 г. Италия была членом Тройственного союза, и следовательно, союзницей *Германии* и Австро-Венгрии. Поэтому помещение ее в этот список — абсолютный нонсенс. Но наш автор рассчитывает на людей с короткой памятью, озлобленных и ослепленных ненавистью к немецким агентам большевикам. Итак, и этот «документ», при применении простых приемов исторической критики, явно оказывается поддельным.

Документы №№ 7 и 8, как и содержание затронутого выше документа № 4, посвящены организации диверсионной работы против противников на их территориях и в нейтральных странах. Заслуживает упоминания то, что Оссендовский от имени германских Генерального и Морского штабов советует «военным агентам» обратить внимание (особенно в Америке) на артели грузчиков, среди которых много «анархистов». Из ненависти к капиталистам они с радостью будут взрывать пароходы и склады! И опять же это сделано для того, чтобы привязать эти «рекомендации» в примечаниях к событиям в России, например, к взрывам пароходов с боеприпасами в Архангельске во время войны. К этой же группе примыкает и документ № 10 от 23 сентября 1915 г., призывающий от имени Генштаба «военных наблюдателей на русско-шведской границе» вербовать финнов, желающих вступить в ряды германской армии, для посылки их в качестве диверсантов в Петроград и другие железнодорожные узлы. К этому опять же делается примечание: «Теперь ясна причина взрыва на одной из товарных станций Петрограда целого поезда с артиллерийскими снарядами для армии».

Но гвоздем всей серии, конечно, являются «документы» о финансировании немцами большевиков и их лидеров. Собственно, уже документ № 2, который мы разбирали выше, подсказывал читателю, что Фюрстенберг и «Ниа-Банкен» были избраны немцами для этой цели еще за полгода до войны. Циркуляр Имперского банка от 2 ноября 1914 г. (документ № 6) информировал «Ниа-Банкен» и агентов «Дисконто-Гезельшафт» и «Дейч-Банк», что «в настоящее время закончены переговоры между полномочными агентами Имперского банка и русскими революционерами гг. Зиновьевым и Луначарским». Они-де «обратились к некоторым финансовым деятелям, которые, в свою очередь, обратились к нашим представителям. Мы согласны поддержать проектируемую ими агитацию и пропаганду в России, при одном непременном условии, чтобы агитация

и пропаганда, намеченные вышеупомянутыми гг. Зиновьевым и Луначарским, коснулась армий, действующих на фронте».

Вздорность и нелепость содержания этого документа ясна в наши дни любому специалисту по истории России XX века, тем более по истории КПСС. Но Оссендовский не был еще «историком КПСС» даже в том объеме знаний, какие он потом продемонстрировал в романе-памфлете «Ленин — бог безбожных». Зиновьев и Луначарский входили в тот момент в высшее советское руководство, их имена были у всех на слуху в связи с событиями октября — ноября 1917 г. И вот вам: оказывается, они просили немецкую помощь уже в начале войны и получили ее для предательских, антипатриотических действий по разложению боевого духа русской армии!

А то, что, скажем, Луначарский в это время числился во врагах Зиновьева и Ленина, об этом Оссендовский и миллионы читателей первой серии и знать не знали. Тем более не знал этого Э. Сиссон, именно из этого документа первой серии узнавший, что приехавшие в Петроград весной 1917 г. большевики уже были платными и аккредитованными агентами Германского Генерального штаба. А. В. Луначарский разошелся с ленинцами еще в 1909 г., присоединившись к левацкой группе «отзовистов» А. А. Богданова. Он вел фракционную борьбу против Ленина и Зиновьева вплоть до начала войны. Жил он во Франции, а Зиновьев и Ленин были депортированы из Австро-Венгрии после начала войны и переехали в Швейцарию, в Берн. Луначарский во время войны сотрудничал с Троцким и Мартовым, издавая вместе с ними интернационалистическую газету в Париже. Ее травили и бичевали Ленин и Зиновьев в своей газете «Социал-демократ». Только перед самой Февральской революцией Луначарский стал наводить мосты для возобновления контактов с Лениным, поскольку Троцкий был выслан из Франции и он остался без «коренника». Поэтому появление Зиновьева и Луначарского в «одной связке» было в октябре — ноябре 1914 г. абсолютно невозможным.

Но это надо было знать, а у Оссендовского не было ни знаний, ни времени, чтобы эти знания приобрести. Зато было страстное желание «отхлестать» (хотя бы словесно) «предателей-большевиков». Интересно, что в документах статьи лейтенанта Свечникова вместо фамилии Зиновьев стоит фамилия Зензинов. В. М. Зензинов, член ЦК партии социалистов-революционеров. С 1911 по 1915 г. он находился в ссылке в Якутии. Затем вернулся в Петроград. После Февральской революции стал секретарем Петроградского городского комитета ПСР[9]. Известен тем, что после корниловщины участвовал в предъявлении ультиматума Керенскому о том, чтобы в правительство больше не входили представи-

тели буржуазной кадетской партии. Требовал от Керенского политически упредить большевиков 24 октября 1917 г. Поэтому оговорка кажется нам многозначительной. Но все же это оговорка. И Сиссон, например, ее просто исправляет. К своему документу № 57 он делает следующее примечание: «Дополнение как часть документа: Зиновьев и Луначарский вошли в контакт с Германским Имперским банком через банкиров Д. Рубинштейна, Макса Варбурга и Парвуса. Зиновьев обратился к Рубинштейну, а Луначарский через Альтфатера к Варбургу, через которого он получил поддержку Парвуса». Затем Сиссон делает еще одно примечание, уже как бы от себя лично: «Луначарский в настоящее время является народным комиссаром просвещения. Парвус и Варбург оба фигурируют в документах Ленина и Троцкого. Парвус является агентом в Копенгагене (см.: New Europe. January 31. 1918. P. 94–95). Утверждали, что Варбург был недавно в Петрограде»[10]. Но в «документах Никифоровой», по тексту которых мы сейчас работаем, примечание к этому документу является очень большим и красочным. Вначале сообщаются те же сведения, кто через кого вышел на Имперский банк. Разумеется, эти сведения были также абсолютно вымышленными и сообщались только для еще большей компрометации тогдашних большевистских лидеров. Как, например, Зиновьев мог бы войти в контакт с Д. Рубинштейном, петроградским банкиром из распутинского кружка, сам находясь в Берне?

Затем порочащие большевиков сведения «утяжелялись» следующим образом: «Между прочим, с этим же Варбургом вел в Стокгольме, за спиной народа, секретные переговоры о сепаратном мире с Германией и свергнутый в феврале 1917 г. бывший распутинский министр Протопопов. Личность Парвуса хорошо известна всякому — это крупный международный аферист, скрывающийся под маской социалиста и устраивающий самые темные дела для германских хищников». После этого следовало дополнение, явно внесенное позднее, чем самая первая редакция первой серии, которая была известна Сиссону. «Продав свои услуги Германскому Имперскому банку, — говорилось в этом примечании, — гг. Луначарский и Зиновьев-Апфельбаум, совместно с другими большевиками, тотчас же по приезде в Россию в “запломбированном” вагоне стали исполнять свой контракт с Германским банком». Опять Оссендовскому нет дела до того, что в начале апреля в запломбированном вагоне приехал только Зиновьев, а Луначарский прибыл в Петроград только в середине мая, через Англию и Скандинавию, вполне легально. Но он, опираясь на факты, уже застрявшие в массовом сознании, наворачивает одну ложь на другую. «С этой целью, — утверждалось далее, — они начали проповедовать братанье с немцами, чем в корне разрушили мощь

нашей армии, причем особое усердие проявлял г. Зиновьев-Апфельбаум, ныне состоящий председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Так примечание «подтверждало» то, что говорилось выше в циркуляре: деньги были обещаны за разложение армии! Между прочим, упоминание о Зиновьеве как председателе Петроградского Совета дает нам дату, ранее которой это примечание не могло быть написано: конец ноября, так как Зиновьев был избран на этот пост вместо Троцкого в двадцатых числах этого месяца.

Заключение же этого примечания выливало грязь на Луначарского: «Г. Луначарский, как известно, состоит народным комиссаром народного просвещения: был момент после разгрома московских святынь, когда г. Анатолий Луначарский заявил письмом в Совет Народных Комиссаров, что он больше выносить варварства, учиняемого большевиками, не может, но затем, под влиянием прямой угрозы, что если он не сумеет преодолеть свою чувствительность, то будут опубликованы документы, изобличающие его связь с немцами, а также под влиянием обещаний дальнейшего денежного вспомоществования г. Луначарский счел возможным взять свой отказ от должности назад и продолжать разрушение русского просвещения». Еще один прекрасный пример творческого стиля Оссендовского: даже приведя верный факт о несостоявшемся протесте Луначарского, он добавляет туда солидную порцию лжи об угрозе разоблачения его «связей с немцами». И со стороны кого? Тех, кого сам Оссендовский уже не раз объявлял немецкими шпионами и собирался продолжить эти обвинения.

Так в этом черном романе политических ужасов появлялись первые герои. Так А. М. Оссендовский вырезал устрашающие силуэты для своего театра теней. Чудовищный, как дракон, Парвус, коварный «банкир» Фюрстенберг, иуда-христопродавец Зиновьев-Апфельбаум, юродивый и трусливый Луначарский, отказавшийся от принципов за немецкие марки...

Но это было только началом. Документ № 9 выдавался за циркуляр Отдела печати при кайзеровском МИДе от 23 февраля 1915 г. В нем сообщалось послам, посланникам и «консульским чинам» (прекрасное, истинно русское выражение из «немецкого документа») в нейтральных странах, что там у них созданы уже «специальные конторы для организации дела пропаганды в государствах воюющей с Германией коалиции».

Программа для контор такая: возбуждение «социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также аги-

тация разоружения и прекращения кровавой бойни». Все это тоже слеплено исключительно для русского читателя, ибо какой сепаратизм мог, скажем, быть в Италии или Франции! У вас были забастовки — немцы устроили, социальные движения — их работа, революционные вспышки 23–27 февраля 1917 г. — все на немецкие деньги. Методика Оссендовского была простой и четкой: берется событие и «под него» готовится «документ немецкого происхождения». Она в невиданных размерах будет применяться им далее, для документов сиссоновской серии и последующей.

Для придания этим документам большей убедительности далее готовится примечание, разъясняющее и уточняющее их содержание читателю. «По достоверным сведениям, — говорится в примечании к документу № 9, — подобными лицами (ведущими пропаганду от имени «контор». — *В. С.*) были: князь Гогенлоэ, Бьернсон, Эпелинг, Карберг, Сукенников, Парвус, Фюрстенберг-Ганецкий, Рипке и, вероятно, Колышко. Германцы очень заботливо посредством налаженного их банками аппарата контор и агентств (опять любимая тема Оссендовского! — *В. С.*) начали вести в России и союзных с ней странах агитацию в пользу прекращения “кровавой бойни”, виновниками которой они сами являются. На своей же территории германские правящие круги сурово подавляли всякие попытки какой бы то ни было агитации против войны. При этом весьма характерно, что большевики повели у нас агитацию в тех самых выражениях, которые им подсунуло германское министерство, так как в своих речах и газетах они всегда вместо слова “война” употребляли выражение “кровавая бойня”».

Здесь Оссендовский превзошел самого себя. Оказывается, народное выражение «кровавая бойня», использовавшееся в политическом лексиконе всех социалистических партий, тоже подсунуто немецким МИДом. В этом проявилась самоуверенная недооценка Оссендовским большевиков как самостоятельной политической силы, которая характеризует и многие другие, вышедшие из-под его пера «документы».

Документ № 11 претендовал уже на то, чтобы исходить от немецкой тяжелой промышленности, как заявлял Милюков в своей статье от 3 апреля 1921 г. в газете «Последние новости». Председатель Рейнско-Вестфальского промышленного синдиката предоставлял для «Ниа-Банкен» и других банков средства «на предмет поддержки русских эмигрантов, желающих вести агитацию среди русских военнопленных и русской армии». Дата — 14 октября 1916 г. И тут сделано примечание: «Вот на чьи деньги велась агитация среди русских рабочих, солдат и крестьян. Из дальнейших документов будет видно, как велась работа».

Но самым ударным документом среди серии Никифоровой был, конечно, приказ Имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. представителям германских банков в Швеции. Приведем здесь полностью его текст: «Настоящим доводим до сведения, что из России через Финляндию будут поступать требования на отпуск денег на цели пропаганды мира в России. Эти требования будут поступать от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Перкальна, счет коих нашим ордером за № 2754 открыт в агентствах немецких частных кредитных учреждений в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны быть скреплены одной из двух подписей: Диркау или Молькенбург. При наличии этих удостоверительных подписей требования этих вышепоименованных деятелей из России считать правильными и подлежащими немедленному исполнению».

Нам уже приходилось касаться выше этого документа и говорить о его очевидной неправдоподобности с разных сторон. Но сейчас хочется еще добавить об одной загадочной несообразности. Мы отмечали выше, что этого документа нет ни в трех версиях документов приложения № 1 к основной части брошюры Э. Сиссона, ни в документах из статьи лейтенанта Свечникова. А есть он только в самом Докладе Сиссона и «документах Никифоровой». Законен вопрос, где появился он раньше? Все три версии документов первой серии Сиссон получил 2–4 февраля 1918 г. нового стиля, а следующую серию документов А. М. Оссендовского приобрел у Е. П. Семенова 3 марта нового стиля. В этой, второй серии вышеназванный документ (тоже в копийном виде) уже присутствовал. Следовательно, весь комплект «документов Никифоровой», включая и те пять документов, которых не было в трех версиях документов приложения № 1, готовился в период после 13 февраля (дата окончания кодированной телеграфной пересылки документов первой серии в Госдепартамент), а может быть, и в марте 1918 г., уже после отъезда Сиссона. К приказу № 7433 Оссендовский присовокупил одно из самых больших своих примечаний. «Из упомянутых в этом документе лиц, — эпически начинает он, — об одних было сказано выше, остальные после Октябрьской революции занимают весьма важные посты. Так, г-жа Коллонтай состоит народным комиссаром общественного призрения, Перкальн[11] — комиссар почты, г. Козловский — председатель следственной комиссии революционного трибунала, т. е. высшего суда. Г. Каменев-Розенфельд — видный член той делегации, которая вела с германцами переговоры о мире. Ленин и Троцкий — современные диктаторы, Суменсон — крупная международная аферистка, арестованная после июльского бунта большевиков, т. к. через нее переводились немецкие деньги из Шве-

ции для организации этого бунта[12]. Сиверс — бывший жандарм — ныне командует одним из отрядов большевиков в Донской области».

Возвращаясь к проблеме датировки этого комплекта документов первой серии, обратим внимание на то, что Каменев называется среди членов делегации, которая вела с немцами переговоры о мире. Сказано в прошедшем времени, следовательно, написано после заключения мира. Что же касается самих характеристик большевиков, то Оссендовский, как всегда, не может удержаться от обвиняющей лжи. Сиверс назван бывшим жандармом. А ведь это двадцатипятилетний младший офицер Рудольф Фердинандович Сиверс, командовавший сводной бригадой советских войск, взявшей Ростов 23 февраля 1918 г. Никогда никаким жандармом он не был. Примкнувший к большевикам в апреле 1917 г. Р. Ф. Сиверс после июльских дней был арестован и просидел в тюрьме «Кресты» до 24 октября 1917 г. Отряд Сиверса появился вблизи Донской области в конце января 1918 г. (старого стиля), когда он занял Таганрог[13]. Это указание может быть использовано для датировки «документов Никифоровой». Конец примечания к документу № 12 представляет собой еще одно обвинение всех большевиков чохом в том, что они пользовались германской «денежной субсидией».

Последующие семь документов данного комплекта, с № 13 по № 19, претендуют на то, чтобы считаться телеграммами разных лиц, осуществлявшими перевод германских денег большевикам, но не только им. Оссендовский стремился «замарать» как можно больше людей, известных своими антивоенными и интернационалистскими взглядами. Так, в документе № 13 Фюрстенберг в Стокгольме извещается Немецким банком о том, что по требованию господина Каца (левого эсера Б. Д. Камкова) выдано 82 тыс. франков «на предмет издания максималистских социалистических брошюр». В примечании к этому документу, в частности, говорилось: «Так как он питался вместе с большевиками деньгами из одного источника, то естественно, что оплачиваемые немцами левые эсеры идут вместе с оплачиваемыми же немцами большевиками и образуют вместе русско-немецкий социалистический блок, поддерживающий власть Совета Народных Комиссаров». Кстати, мы знаем, что после ратификации Брестского мира левые эсеры вышли из Совета Народных Комиссаров. Этот факт не отражен здесь; видимо, цитируемое примечание написано до получения автором данного известия.

Документ № 17 содержал компромат на Ю. М. Стеклова, который-де переписывался с Парвусом, а в документе № 19 говорилось, что жена Стеклова, «товарищ Соня» получает 400 тыс. шведских крон от Фюрстенберга для передачи Троцкому. Добавим к этому приводившийся выше

документ о Мартове и получим, что документы первой серии нападали не только на большевиков (бывший лидер Петроградского Совета меньшевик-объединенец Ю. М. Стеклов в сентябре уже вступил в большевистскую партию, но об этом вряд ли знал А. М. Оссендовский), но и на левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов.

Но, конечно, главным объектом обвинений оставались большевистские вожди. Пожалуй, самая удачная выдумка Оссендовского содержалась в документе № 16. Это была телеграмма Я. Фюрстенберга некоему Рафаилу Шолану[14] в Хапаранду следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Контора банкирского дома М. Варбурга открыла по телеграмме председателя Рейнско-Вестфальского синдиката счет для предприятия товарища Троцкого. Адвокат приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Варде (вспомним документ № 2 от 18 февраля 1914 г. Вот когда, мол, немцы уже готовились к этому моменту! — *В. С.*). Вышлите приемщиков конторе "Эссен и сын" в Люлео и доверенное лицо для приема требуемой товар. Троцким суммы». «Предприятие товарища Троцкого» — этот удачный эвфемизм для обозначения Октябрьской революции — гуляет с тех пор за рубежом по страницам антибольшевистских изданий уже 76 лет, а с 1991 г. проник и в Россию.

О передаче денег непосредственно Ленину (140 тыс. марок) говорилось в документе № 17 от 14 июля — телеграмме Парвуса Мору в Стокгольм[15]. А документ № 14 от 18 июня 1917 г. говорил о «переводе» Ленину прямо «в Кронштадт» через г-на Руффера 315 тыс. марок из Копенгагена. К этому было сделано такое примечание: «Вот как на немецкие денежки готовилось июльское выступление большевиков в Петрограде». Документ № 15 представлял собой телеграмму, якобы отправленную из Стокгольма опять же в Кронштадт (ведь именно там, как мы помним, Оссендовский учредил свое «пролетарское правительство» во главе с Лениным и Троцким) через Гельсингфорс некоему г-ну Фарзену от 12 сентября 1917 г. В ней говорилось, что паспорта и сумма в 207 тыс. марок выдана по ордеру Ленина указанным им лицам. Выбор лиц одобрен германским посланником в Швеции. Эта выдумка сопровождается глубокомысленным примечанием: «...приведенный документ устанавливает факт тесного сотрудничества Ленина с германским посланником в Швеции в деле подготовки Октябрьского большевистского переворота, на который немцы давали такие огромные суммы».

Процитируем еще последнее примечание к документу № 19: «В чем именно состояло предприятие г-на Троцкого-Бронштейна, ныне народного комиссара по иностранным делам, выяснить очень нетрудно, если обратить внимание на то, что эти 400 000 крон, т. е. на наши деньги

около миллиона рублей, пересылались через жену Нахамкеса (выше, в примечании к документу № 17, была названа эта настоящая фамилия Ю. М. Стеклова и сообщено, что он обращался к Николаю II с просьбой изменить ему фамилию. — *В. С.*) г. Троцкому за три недели до большевистского переворота, после которого г. Троцкий и сделался народным комиссаром по иностранным делам и тотчас, возобновив братание на фронте, приступил к переговорам о сепаратном мире с Германией; следовательно, этот крупный куш г. Троцкий получил от Германии вперед в виде задатка за обязательство заключить Брестский мир».

Это примечание дает нам еще возможность окончательно установить дату подготовки данного комплекта документов первой серии. Итак, мирные переговоры, которые вел Каменев, уже в прошлом, мир уже заключен, но левые эсеры еще не вышли из правительства, а Троцкий еще не заявил о своей отставке с поста народного комиссара по иностранным делам. Все это дает нам время с 5 по 15 марта 1918 г.

В первом акте того спектакля театра теней, который представил нам А. М. Оссендовский в своей первой серии «документов» о связях большевиков с немцами, должен был появляться еще один силуэт. Заглянем в документ № 67 приложения № 1 брошюры Э. Сиссона. По версии «С» (русская копия, полученная Сиссоном 4 февраля от переводчика), в нем говорилось (обратный перевод с английского): «Из Копенгагена, 25 августа 1917 г. Ольбергу. Ваше желание, основанное на вашей переписке с М. Горьким, полностью совпадает с целями партии. По соглашению с лицами, известными Вам, 150 тыс. крон переданы в Ваше распоряжение на контору Фюрстенберга через “Ниа-Банкен”. Будьте добры, уведомляйте “Форвертс” обо всем, что пишет газета М. Горького о текущих событиях. Шейдеман»[16]. Ольберг — стокгольмский корреспондент официального органа германской социал-демократической партии, газеты «Форвертс». Шейдеман — член руководства, немецкий «оборонец». Документ намекал на то, что Максим Горький установил связь с Ольбергом, а последний организовал ему кредит для продолжения выпуска «Новой жизни». Но о чудо! В английской версии «А», а также в «документах Никифоровой» (№ 16) документ этот претерпел следующее превращение: «Берлин (!), 25 августа 1917 г. Господину Ольбергу. Ваше желание вполне совпадает с намерениями партии. По соглашению с известными Вам лицами, в Ваше распоряжение через “Ниа-Банкен” на контору Фюрстенберга переводится 150 тыс. крон. Просим осведомлять “Форвертс” обо всем, что пишет в духе времени газета. С товарищеским приветом, Шейдеман».

Оссендовский «пожалел» Горького и вычеркнул его из списка немецких шпионов? Причина тут в том, что Максим Горький занял в эти

месяцы крайнюю антибольшевистскую позицию. Он мог пригодиться, и поэтому травить его можно было погодить, тем более что первый залп был уже сделан[17].

Подведем некоторые итоги. Приходится отказаться от предположения, что «документы Никифоровой» представляют собой ненапечатанную брошюру П. Н. Милюкова с комментариями к документам первой серии. Близкое знакомство с самой темой, свободное обращение с текстом примечаний, хлесткий, несдержанный стиль — все это свидетельствует скорее в пользу предположения о том, что автором расширенных комментариев в «документах Никифоровой» являлся сам Оссендовский. Это прямо подтверждается включением в состав данного комплекта документа № 12 из никифоровских и № 1 из Доклада Сиссона. Последнее совпадение особенно сближает по времени появления комплект «документов Никифоровой» и 53 документа Доклада, основной части «документов Сиссона».

Мы проанализировали пять редакций документов первой серии. Все они отличаются друг от друга по количеству помещенных в них документов. Самая короткая: английская версия «B», в которой нет телеграмм №№ 61–68 из приложения № 1 «документов Сиссона». Версия «A» Сиссона полнее, чем «B», но уже более поздняя, чем «C». Документы из статьи лейтенанта Свечникова содержат на один документ больше, чем английская версия «A» Сиссона, а редакция письма Шейдемана там такая же, как и в русской версии «C». Наконец самая полная версия — «документы Никифоровой», но там нет документа о Мартове, который есть у Свечникова, а письмо Шейдемана дается в сокращенном виде, как в версии «A» Сиссона. В «документах Никифоровой» имеются два циркуляра за 9 июня 1914 г., из которых один есть только в приложении № 1 у Сиссона (№ 5 Никифоровой и № 56 Сиссона), а другой — только в документах статьи лейтенанта Свечникова (№ 4 у Никифоровой и № 2 у Свечникова). Все это отражает авторскую работу над текстом. Наиболее ранними являются версия «C» и документы из статьи лейтенанта Свечникова, затем версии «B» и «A» и, наконец, «документы Никифоровой», сформированные в первой половине марта 1917 г.

Таким образом, в процессе обращения документов первой серии их автор возвращался к ним и редактировал в соответствии с изменениями политической обстановки: исключение документа о Мартове, снятие фамилии Горького и названия его газеты «Новая жизнь». За пределами нашего анализа пока остаются публикации документов в газете «Приазовский край» и в московском журнале «Фонарь» в январе 1918 г., а также во французской газете «Petit Parisien».

Смена декораций

Теперь нам необходимо еще раз вернуться к общему развитию политических событий в Петрограде и в стране. Противостояние новой большевистской власти и ее противников принимало в декабре 1917 г. и январе 1918 г. все более острые формы. После того как был в корне уничтожен возможный очаг сопротивления в г. Могилеве, в Ставке, там же, на территории Белоруссии, подняли мятеж польские полки под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Полыхали казачьим восстанием Донская область и Оренбург. На Украине власть захватила Центральная рада. Она завязала прямые сношения с германской стороной и стремилась добиться полного отделения от Российской республики. Близился к развязке кризис в отношениях с Финляндией: необходимо было выполнять многочисленные обещания о предоставлении ей независимости, которые делали большевики до взятия власти. Хотя у власти там и стояло сейчас буржуазное правительство.

Продолжалось быстрое разложение старой армии, дезертирство достигло невиданных размеров. После заключения перемирия боевой дух солдат упал до нуля: войска ждали мира и демобилизации. В столице большевики постепенно ужесточали внутренний режим. С одной стороны, это было вызвано невиданным всплеском преступности и анархии. Разнузданные солдатские и матросские шайки рыскали по городу в поисках складов спирта и вина. Даровая неограниченная выпивка превращала эти шайки в банды преступников. Начались погромы, незаконные обыски и ограбления, насилия и убийства. Для борьбы с этими преступлениями Совет Народных Комиссаров создал сначала Комитет по борьбе с погромами во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем. В то же время старая, разросшаяся чрезвычайная структура Военно-революционного комитета при Петроградском Совете была упразднена. Через пару дней была организована Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, знаменитая ЧК, под председательством Ф. Э. Дзержинского.

Все еще длился саботаж чиновников многих учреждений. Фактически он парализовал все центральное государственное управление. Новые наркоматы насчитывали иногда до десятка человек и опирались только на низших служащих и курьеров[1]. Лишь реальное овладение аппаратом Государственного банка, а затем национализация частных банков во второй половине декабря 1917 г. дала большевикам доступ к какой-то части государственных финансов. Промышленность Петрограда входила в жестокий кризис из-за нехватки сырья и топлива, из-за неизбежного сокращения военного производства. Рабочих пока не увольняли и заставляли капиталистов платить им среднюю зарплату. Но наиболее молодые и мобильные рабочие записывались тысячами в Красную гвардию, которая гарантировала сохранение средней зарплаты, а также еду и обмундирование за казенный счет. Как ни странно, много военных переходило на сторону новой власти. Причины этого были не только идейные (это характерно только для солдат, унтер-офицеров, младших офицеров), но и недовольство поведением Керенского и прочих «демократов» во время их восьмимесячного правления. Крутые меры, к которым сразу же стали прибегать большевики, нравились многим военным, увидевшим в них наконец «сильную власть».

Большевики вели между собой ожесточенные споры по вопросу о судьбе Учредительного собрания. Все же решено было открыть его 5 января 1918 г., но сделать условием его существования безоговорочное одобрение декретов Советской власти и только что выпущенной Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Собрание отказалось принять ее. Тогда большевистская фракция и правительство во главе с В. И. Лениным покинули Белый зал Таврического дворца, где проходило заседание. Под утро 6 января 1918 г. работа Учредительного собрания была самовольно прекращена матросским караулом во главе с известным анархистом Анатолием Железниковым[2].

На международной арене Советское правительство по-прежнему находилось в изоляции. 18 (31) декабря Совнарком признал государственную независимость Финляндии, но в то же время готовилась финская Красная гвардия для свержения буржуазной власти. В середине января 1918 г. в Финляндии началась гражданская война. С одной стороны, Совнарком заявлял о признании прав украинского народа на самостоятельную государственность, а с другой, под предлогом помощи, которую оказывает Центральная рада антисоветским силам на Дону, отказывался вести с ней переговоры об урегулировании отношений. В Харькове готовилось провозглашение Советской Украины, и, как только это было осуществлено, Совнарком объявил о поддержке харьковского правительства.

На Киев двинулись сводные отряды петроградских и московских красногвардейцев, матросов-балтийцев и отдельные воинские части, все еще сохранявшие боеспособность. Второй поток советских войск двигался от Харькова через города и поселки Донецкого угольного бассейна к Ростову. В конце января были захвачены Киев и Таганрог, а через несколько недель и Ростов.

Сложными были отношения с поляками. Временное правительство торжественно пообещало, что после победы над Германией будет воссоздано сильное независимое польское государство из всех его трех частей. Было разрешено формирование польских частей, возникли десятки польских общественных организаций разных направлений, продолжал действовать созданный еще царским правительством Ликвидационный комитет по делам Царства Польского. Большевики стали закрывать все эти организации, сосредоточив управление польскими делами в своем специальном комиссариате. Это вызвало недовольство большинства несоциалистической польской общественности в Петрограде и по всей стране. Полякам стало ясно, что Советская Россия, ищущая мира с фактическим победителем в войне, не будет бороться за интересы возрождения Польши и намерена уступить ее Германии. Поэтому количество врагов большевиков среди поляков резко увеличилось. Русские поляки поняли, что их надежды теперь связаны только с союзниками. Если они выиграют войну, Польша будет независимой, если нет — стонать полякам под германским и австрийским сапогом. Если же удалось бы подтолкнуть союзников к свержению большевистского правительства или оказанию эффективного давления на него, то Россия еще смогла бы сыграть какую-то роль в достижении польской независимости.

Так, кроме многолетней ненависти к немцам и только что родившейся ненависти к большевикам, А. М. Оссендовского толкал к изобретению новых «аргументов» для союзников и священный польский национальный эгоизм. Изготовленные им документы первой серии делали свое дело, но их теперь было недостаточно. Последний «документ» этой серии относился к середине октября 1917 г. Он, как и предыдущие, прекрасно отвечал главной цели: показать, что Октябрьскую революцию большевики подготовили и провели на немецкие деньги. Но «потребители» этих документов из воинственных антисоветских кругов и союзных посольств жаждали новых разоблачений. А. М. Оссендовский приспособил первую серию к этим нуждам, добавив комментарии, построенные по принципу «теперь ясно, что...» или нынешний «народный комиссар» такой-то получал тогда столько-то марок от немцев. В этих комментариях досталось не только Ленину и Троцкому, но и левым эсерам, и Стеклову. Оссендов-

ский даже включил в число лиц, которым немцы открыли счета «со 2 марта 1917 г.», Перкальна и Сиверса, абсолютно не известных никому в то время личностей, задним числом теперь зачисленных в важные персоны для Германского Генерального штаба и Имперского банка. И все равно, это был уже вчерашний день. Обострение внутренней обстановки, реальная угроза того, что мир с немцами будет все-таки заключен, побуждали его и Семенова напряженно думать о том, каким способом еще «помочь бедной России». И они придумали кое-что новенькое...

Отношения большевистского правительства с союзными посольствами в Петрограде в декабре 1917 г. и январе 1918 г. все более и более ухудшались. С одной стороны, в каждом союзном стане нашелся человек или несколько людей, которые считали целесообразным попробовать установить лояльные отношения с Троцким и Лениным. Это Садуль у французов, Сидней Рейли у англичан. Были такие и среди американцев: в первую очередь это Томпсон и Робинс, представлявшие миссию Красного Креста, но облеченные большими и разнообразными полномочиями. До начала февраля 1918 г., до получения от Робинса документов первой серии о германо-большевистских связях примыкал к ним и Сиссон. А Джон Рид и Луиза Брайант, Альберт Рис Вильямс и даже Бесси Битти — американские журналисты — не только с сочувствием отнеслись к большевикам, но и приняли активное участие в формировании первых отрядов Красной Армии, в интернационалистической пропаганде, которую возглавил Народный комиссариат по иностранным делам. Александр Гомберг, являвшийся штатным переводчиком при большинстве американских неофициальных представителей, выполнял «челночные рейсы», связываясь со своим родным братом, большевиком Зориным, ближайшим помощником Л. Д. Троцкого.

Но позиция старших дипломатических представителей по отношению к Советскому правительству была уже определенно враждебной. Ряд мер Совнаркома прямо провоцировал дипломатов на отпор. Чувства их выразил в своей телеграмме от 17 декабря 1917 г. государственному секретарю Лансингу посол США Фрэнсис: «Вчера не телеграфировал, потому что впервые стал чувствовать отчаяние и негодование по поводу того, что Россия позволила большевикам оставаться у власти в течение шести недель»[3]. Эту выразительную цитату привел в своей книге Р. Ш. Ганелин, которого мы цитировали и выше. К его монографии «Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г.» мы отсылаем того читателя, который хотел бы узнать о позиции американской стороны подробнее. Здесь же мы постараемся коротко дать сведения об изменении исторического фона нашего повествования перед переходом

к его еще более драматической части. Источниками для нас послужат не только монография Р. Ш. Ганелина, но и воспоминания Эдгара Сиссона «Сто красных дней», а также первый том сборника «Декреты Советской власти» и некоторые другие материалы, которые будут указаны.

Одним из инцидентов, омрачивших тогда и без того напряженные отношения между Совнаркомом и американским посольством, стало дело полковника Калпашникова. Оно заключалось в том, что американцы, используя каналы своих миссий Красного Креста, хотели перебросить на Дон, в распоряжение Каледина, 80 автомобилей, предназначавшихся ранее для румынской армии. Подполковник Г. У. Андерсон, начальник миссии американского Красного Креста в Румынии, телеграфировал об этом служащему американского Красного Креста в Петрограде, русскому полковнику А. Калпашникову, ранее работавшему военным атташе российского посольства в Вашингтоне. Советское правительство резко протестовало и опубликовало изобличающие материалы. Инцидент разыгрался в последней декаде декабря (нового стиля). Фрэнсису пришлось давать объяснения властям и прибегнуть к посредничеству Р. Робинса[4].

На позицию американцев и других союзных посольств влияли и изменения в конъюнктуре на российско-германских переговорах в Брест-Литовске. Когда 15 (28) декабря немцы предъявили свои условия мира, сводившиеся к тому, что линия фронта должна стать временной границей между Германией и Россией, а большая часть Латвии, Литва, русская Польша и часть Белоруссии останутся под полицейской властью Германии, советская делегация прервала переговоры и выехала в Петроград для консультаций. Это вызвало надежды даже у Фрэнсиса на то, что обещания военной и экономической помощи большевистскому правительству помогут ему сделать выбор в пользу возобновления состояния войны с Германией.

Еще 8 (21) декабря в совместном обращении ВЦИК, Всероссийского крестьянского съезда, Петроградского Совета, Главного штаба Красной гвардии, профсоюзов, полковых комитетов и районных советов Петрограда гордо провозглашалось, что центральные державы приняли условие русской делегации о заключении демократического мира и о запрещении переброски войск на Западный фронт во время действия перемирия. «Мы не согласны на мир, — говорилось в воззвании “К трудящимся массам всех стран”, — который освятил бы старые несправедливости, создал бы новые цепи и взвалил бы тягость войны на плечи трудящихся. Мы хотим мира народов, мира демократии, справедливого мира. Но такого мира мы достигнем лишь тогда, если народы всех стран продиктуют условия его своей революционной борьбой, если не толь-

ко Россия, но и все прочие страны пошлют на мирную конференцию не представителей капитала и милитаризма, а представителей народных масс. Соединенное заседание рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени многих миллионов трудящихся зовет вас, рабочие всех стран, на борьбу за всеобщее перемирие, за всеобщий мир, за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов! Да здравствует международная революционная борьба рабочих, солдат и крестьян! Да здравствует социализм!»[5]

Но всего через десять дней ВЦИК встретился с грубым нажимом со стороны германской стороны. По отчету мирной делегации соединенное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и Общеармейского съезда по мобилизации армии приняло 19 декабря (1 января 1918 г.) резолюцию, в которой обвиняло центральные державы в извращении идеи демократического мира, в отказе от одобренного формально ими ранее на переговорах принципа «мира без аннексий и контрибуций». «Смысл этого заявления, — говорилось в резолюции, — сводится к тому, что австрогерманские правительства отказываются дать немедленно безоговорочное обязательство вывести войска из оккупированных областей Польши, Литвы, Курляндии, частей Лифляндии и Эстляндии»[6]. Далее говорилось, что русская революция остается верной своей международной политике. «Мы стоим, — подчеркивалось в резолюции, — за действительное самоопределение Польши, Литвы, Курляндии. Мы никогда не признаем справедливым навязывание чужой воли каким бы то ни было народам»[7]. Собрание обращалось к народам союзных стран с призывом добиться их участия в мирных переговорах, а к народам австро-германской коалиции — не позволить своим правительствам вести войну «против революционной России во имя порабощения Польши, Литвы, Курляндии и Армении». Резолюция звала к восстанию трудящиеся классы всех стран.

Подобный поворот увеличивал надежды на возможное сопротивление германским требованиям. 9 января (27 декабря старого стиля) в своей ежедневной депеше Фрэнсис рекомендовал Лансингу официально признать одновременно Совет Народных Комиссаров в качестве правительства Петрограда, Москвы и окрестностей; Финляндию и Украину, управляемую Центральной радой; Область Донских казаков, и возможно, Северное правительство, образующееся в Архангельске. Он заключал, что начинает «считать сепаратный мир невероятным, а то и невозможным»[8]. К такому варианту склонялись и Англия, и Франция, в частности новый посол Великобритании в Петрограде Локкарт, сменивший уехавшего на родину Бьюкенена. Этот курс внушал им ил-

люзию на достижение какой-то конфедерации большевистского и антисоветских правительств, объединенных общей идеей отпора империалистическим требованиям Германии.

На следующий день, 10 января 1918 г., президент США Вильсон произнес речь с предложениями о мире, которые сформулировал в виде 14 пунктов. Получив текст речи, Р. Робинс и Э. Сиссон 11 января (29 декабря 1917 г. старого стиля) добились приема у председателя Совета Народных Комиссаров Советской России В. И. Ленина. Об этой встрече Сиссон рассказал в своих воспоминаниях. Так как они еще не публиковались на русском языке, то для нашего читателя я хотел бы привести из них большую цитату. Конечно, легко заметить, что на впечатлениях автора отразились полученные им в начале февраля и купленные позднее фальшивые материалы Оссендовского о «германо-большевистском заговоре». Но и это неплохо, поскольку подготавливает нас к тому полному перевороту в восприятии русской действительности, который произошел в душе Сиссона под влиянием этих «документов».

Итак, вот что писал Сиссон о беседе с Лениным:

«Мою встречу с Лениным 11 января я описал так, как она происходила, в своем письме. Он доставил мне удовольствие, так как сделал то, чего я ждал от него, тем большее, что сделал это быстро. Так как до этого случая мой ум имел только один фокус — поиск конца. Достигнув его, я был удовлетворен. В моих ранних воспоминаниях об этой встрече я отметил, однако, что ничто в моем недоверии к Ленину не уменьшилось, хотя мое уважение к его способностям возросло. Эффект, произведенный ею на Робинса, был совершенно другим. В нем был зажжен некий огонь. Ленин тоже должен был заметить что-то податливое в нем. Какое-то зло родилось от контакта между ними. Робинс настаивал, чтобы мы пошли вместе. С Троцким вне города (тот возглавил теперь советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске. — *В. С.*) он чувствовал себя лишенным канала "наверх". Возможность в действительности казалась блестящей. Он мог обсудить с Лениным планы, которые он имел по вопросу о распределении продовольствия, и Ленин был внимательным и охотно соглашался.

Несомненно, что, если бы эти люди не встретились тогда, они сделали бы это очень скоро. Но почти сразу же после этого мне захотелось, чтобы мы не ходили туда вместе. Так как буквально ежедневно мы ядовито спорили о Ленине, и, хотя отчуждение между нами замедлилось, именно тогда оно и началось. Когда я "прокручивал" события в ходе разговора с Лениным, низшие слои моего мысленного "я" посылали свои сигналы в верхние. Когда они вышли наружу, я нашел себя повторяющим ленинс-

кую фразу: “И тем не менее меня называют германским шпионом!” Без всякого побуждения с нашей стороны он говорил, повинуясь внутреннему порыву. Мы слышали голос его размышлений. Предмет был один из тех, которые он обсуждал сам с собой, как бы не желая того.

Ни одно из этих ощущений я не описал в своем письме, так как я просил мою жену показать это письмо Джорджу Крилю (председатель Комитета общественной информации, от имени которого Сиссон и прибыл в Россию. — *В. С.*), а он мог показать его другим. Письмо — не место для обсуждения проблем сознания. Но Робинс знал мои выводы и обижался на их высказывание. Он довольствовался тем, что в Ленине говорила оскорбленная невинность.

Если бы человек мог иметь твердую раковину, то таким человеком был бы Ленин. Я не имел таланта открыть ее. Я мог вообразить себе вместо этого, что, как диктатор, он чувствовал, что его престиж страдает от приписывания ему подчиненного положения; видя перед собой двух “профанов”, меня и Робинса, он воспользовался шансом распространить через нас свои опровержения. Но там, где Робинс увидел чувствительного человека, я увидел расчетливого.

Если бы Ленин не использовал прямое выражение “германский шпион”, я бы никогда не применил его по отношению к нему. Это только популярное модное словечко. Но оно запечатлелось в мозгу этого создателя популярных фраз и лозунгов. Таково его значение.

Я могу представить себе то горькое чувство, которое владело сердцем такого человека, как Ленин, и позволить себе изобразить мысли, которые проносились в его голове, примерно так:

“Германия считает меня своим орудием и слугой, поскольку я использовал помощь немцев и немецкие деньги, чтобы совершить революцию в России. Теперь я использую помощь русских и русские деньги, чтобы попытаться сделать революцию в Германии. Если я потерплю там поражение, я все еще буду иметь Россию в качестве лаборатории для моего уравнительного эксперимента и как плацдарм для борьбы за мировую революцию. Я поклоняюсь всегда великой силе, и только великой силе. Когда я должен повиноваться, я повинуюсь. Когда я способен восстать, я восстаю. Я — Великий Разрушитель. Я использую любое оружие: врагов, плутов, подонков, сентименталистов — всех. И они называют меня германским шпионом! Ха!”

Единственное согласие, которого мы с Робинсом смогли достичь, — это сделать Ленина постоянной темой обсуждения между нами. Я отмечаю споры в нашей резиденции 12 января как “робинсовское брюзжание”. Мы разделяли его оба. В течение дня возникли и другие причины

для плохого настроения. Большие расходы по распространению речи президента напомнили мне о необходимости вскоре получить дополнительные деньги из Государственного банка; утомительное и, возможно, трудное дело. А также циничный комментарий, который дала речи “Правда”. Но когда я кончал свои заметки за этот день, листовки уже начали печатать, а текст немецкого перевода пошел в машину»[9].

Приведенное описание не лишено интереса, но явно носит на себе следы модернизации. Сиссон уже не мог отрешиться от влияния документов, с которыми он познакомился через двадцать дней после этой встречи. В своих мемуарах (мы цитировали это место в предыдущей главе) Сиссон рассказывает о своем знакомстве в дни 2–4 февраля 1918 г. с первой серией документов, изготовленных Оссендовским. И там он четко писал, что именно из них получил сведения о том, что лидеры большевиков в момент возвращения из Германии в «запломбированном вагоне» уже являлись «платными агентами» Германии. Рассказывая же о встрече с Лениным, он излагает дело так, будто бы уже знал об этом, а ленинская фраза лишь подтвердила его уверенность. В приведенном нами только что отрывке Э. Сиссон преувеличивает «подчиненное положение» Ленина, хотя в отношении его планов использовать свою нынешнюю власть в интересах германской и мировой революции он, пожалуй, прав. Точно так же мнение о том, что Ленин «сделал революцию в России» на немецкие деньги, базируется исключительно на сделанной властями Временного правительства неверной интерпретации деловой переписки Ганецкого (Фюрстенберга) и Козловского — Суменсон, а главным образом на поддельных документах Оссендовского. Поэтому резко очерченный Сиссоном литературный портрет В. И. Ленина является тенденциозным.

Приведем еще мнение Р. Ш. Ганелина об итогах встречи Робинса и Сиссона с Лениным. «Сиссон довольно коротко описал беседу в своих воспоминаниях, о впечатлениях Робинса мы можем судить лишь по одной фразе, которой Фрэнсис изложил их Лансингу. В. И. Ленин прежде всего подчеркнул, что речь идет о заявлении, сделанном не единомышленником, а классовым противником. Однако, усматривая некоторую возможность использования заявления в интересах политики мира, Ленин передал его текст в Брест»[10]. Итогом встречи было и то, что Сиссон получил разрешение отпечатать массовым тиражом листовки с русским и немецким переводом 14 пунктов Вильсона, чем немедленно и воспользовался. Через день-два листовки начали распространяться.

Но 13–14 января нового стиля случились события, опять взбудоражившие весь дипломатический корпус и его дуайена, которым стал

после отъезда Бьюкенена американский посол Дэвид Фрэнсис. На Румынском фронте, где русские солдаты считали, что война для них уже закончилась, возникли инциденты с румынскими военными. Объектом недружественных действий со стороны румын стали полки 49-й дивизии. 194-й Троицко-Сергиевский полк был окружен румынами, а в 195-м арестовали избранный солдатами полковой комитет и «австрийских офицеров, приглашенных как гости в штаб 195 полка»[11]. Данный факт я заимствовал из ультиматума румынскому правительству от Совета Народных Комиссаров от 31 декабря (13 января 1918 г.). Советское правительство требовало освобождения арестованных, наказания виновных и гарантии, что такие действия не будут повторяться. «Неполучение ответа на это наше требование, — говорилось в заключении, — в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных»[12].

Ленин отдал распоряжение арестовать весь состав румынского посольства и румынской военной миссии. Оно было исполнено, а затем по радио был передан текст ультиматума румынскому правительству. «Обычные дипломатические формальности должно было принести в жертву интересам трудящихся классов обеих наций», — так объяснялось это неслыханное нарушение дипломатического иммунитета в специальном правительственном сообщении[13]. Далее там говорилось, что в час дня 1 (14) января 1918 г. американский посол позвонил Ленину и сказал, что в 4 часа дня весь дипломатический корпус во главе с ним желает быть принятым председателем Совета Народных Комиссаров. На встрече присутствовали Ленин и Сталин, Троцкого заменял Залкинд. Получив заверения в освобождении румынского посла Диаманди, Фрэнсис дал официальную телеграмму, что этот арест рассматривается только как выражение формального протеста против действий румынских властей. К сожалению, эта мера никак не подействовала на румын. Наоборот, они объявили об аннексии Бессарабии. 13 (26) января 1918 г. Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, замораживании в Москве румынского золотого фонда и об объявлении начальника штаба войск Румынского фронта генерала Щербачева «врагом народа»[14].

Вместе с тем внутри советского руководства шли ожесточенные споры, грозившие расколом, относительно судьбы германских предложений аннексионистского мира. Только Ленин и несколько других членов ЦК высказывались за безусловное принятие условий немцев. Около половины руководящих работников (их стали затем называть левыми коммунистами) высказались против подписания мира на немецких условиях

и потребовали провести экстренную партийную конференцию, угрожая отставкой, если мир будет все-таки подписан[15]. Ленину не удалось собрать нужное количество голосов, и ЦК высказался против подписания мира. Л. Д. Троцкий предложил в этих условиях свою формулу: «Мира не подписываем, состояние войны прекращаем, армию демобилизуем». Она была принята ЦК РСДРП(б), несмотря на ожесточенное сопротивление Ленина, и 14 февраля утверждена ВЦИК. В резолюции ВЦИК говорилось, что он «вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте». Договор, заключенный в тот же момент украинской Центральной радой, был назван «актом измены и предательства по отношению к революции» и объявлен недействительным. Резолюция торжественно провозглашала: «Российская Советская Республика вышла из империалистической войны... Старая русская армия, измученная 3 ½ годами кровавой бойни, демобилизуется. Но рабоче-крестьянской революции необходима новая армия для защиты наших завоеваний»[16]. В заключении резолюции выражалась уверенность, что «никакие силы в мире не задержат мировой социалистической революции».

В Бресте немцы пожали плечами после заявления Л. Д. Троцкого и сочли, что перемирие больше не действует. Однако они не заявили официально о его прекращении, и Ленин в Петрограде полагал, что еще имеет время, чтобы убедить своих коллег возобновить переговоры и принять немецкие условия мира. Вместо этого 18 февраля немцы начали наступление в Лифляндии и Эстляндии. Русская армия находилась в это время в шоке и смятении. Сначала Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко в соответствии с заявлением народного комиссара по иностранным делам Л. Д. Троцкого объявил о начале демобилизации армии. Но затем, получив противоположный приказ Ленина, отменил свое первое распоряжение. Но стихийная и неуправляемая демобилизация началась. После же начала немецкого наступления армия просто побежала. Целые полки бросали позиции, оружие и припасы при виде немецкого разведывательного разъезда.

19 февраля Ленин телеграфировал в Берлин о согласии принять все ранее высказанные условия[17]. Ответа не было. В Петрограде началась паника...

На сцене Евгений Петрович Семенов

Эдгар Сиссон в своем письме чиновнику Госдепартамента Картеру от 20 декабря 1920 г. утверждал, что Оссендовский не был известен ему в России и он никогда не слышал о нем в те дни[1]. Все контакты, связанные с получением документов о «германо-большевистском заговоре», осуществлялись только через Е. П. Семенова. Но в тех же бумагах Сиссона, которые собирались Госдепартаментом, сохранилось письмо Э. Сиссона от 17 июня 1919 г. Бэйзилю Майлзу, чиновнику Русского отделения Госдепартамента. Там говорилось: «Я обратил внимание, что проф. Оссендовский добрался до этой страны. Его можно найти в офисе А. Дж. Сака, издателя “Сражающейся России”, по адресу 233, Бродвей, Нью-Йорк. М-р Лэндфильд, которого, я думаю, Вы знаете, а я — нет, из того же учреждения, может подготовить эту встречу для Вас»[2]. Сам Сиссон тоже жил и работал в это время в Нью-Йорке. Возможно, что он тоже виделся с Оссендовским в те дни, поскольку все это письмо посвящено дальнейшим разысканиям, связанным с публикацией «документов Сиссона». Но в том, что Сиссон действительно не был знаком с Оссендовским зимой 1918 г. в Петрограде, он, вероятно, прав. Оссендовский старался быть в то время в тени. Он оставался в ней и в момент предложения «документов» Эдгару Сиссону, и в ходе дальнейших переговоров с консулом Имбри о продаже следующей серии.

Как же произошла встреча Сиссона и Семенова? Робинс тут был уже ни при чем. Семенов клялся, что он лишь однажды видел Робинса на каком-то приеме и не имел с ним деловых отношений. Но сам Семенов был знаком с союзными дипломатами всех посольств и миссий. И со своим первым предложением он пришел прямо к американскому послу Дэвиду Фрэнсису в посольство, на Фурштатскую, 34, вечером 4 февраля (22 января ст. ст.) 1918 г. Утром следующего дня Фрэнсис послал Сиссону записку с просьбой немедленно прибыть в посольство (Сиссон жил в гостинице «Европа», а офис его был расположен в зда-

нии, построенном в 1914 г. страховым обществом «Саламандра», на Гороховой, 4).

Когда они встретились, Фрэнсис сказал, что обеспокоен вчерашним визитом хорошо известного в городе русского, Евгения Семенова, одного из редакторов и ведущих авторов газеты «Вечернее время», теперь закрытой. Семенов передал ему в руки «письмо Иоффе», члена советской делегации в Брест-Литовске, фамилия которого называлась в связи с арестом румынского посла. У Семенова имелись само письмо, его фотокопия и английский перевод. Как только перевод был проверен и фотокопия сверена с оригиналом, Семенов забрал назад письмо, сказав, что его надо вернуть обратно в Смольный, в дело, из которого оно было взято. Фотокопию и перевод Фрэнсис теперь и передал Сиссону.

При обычных обстоятельствах, вспоминал позднее Сиссон, он не был бы особенно внимателен к этим материалам, но, как мы знаем, еще 2 февраля ему принес документы первой серии Робинс, с которым они горячо спорили об их значении. Затем, 4 февраля, он увидел еще два варианта тех же документов, содержавших «свидетельства» о том, что большевики получали деньги от Германии за пропаганду мира еще с самого начала войны. «Письмо Иоффе» показывало, что эти отношения продолжаются, более того, что арест сотрудников румынского посольства был осуществлен по прямому требованию германской стороны на переговорах в Брест-Литовске. Поэтому данный «документ» попал в руки Сиссона в самый благоприятный момент[3]. Давайте и мы познакомимся с содержанием этого «письма», которое произвело настолько сильное впечатление на Сиссона и Фрэнсиса, что вдохновило Семенова и Оссендовского на создание целой серии изобличающих большевиков документов и на сочинение легенды, объяснявшей, как эти документы попали в руки Семенова. (Сама фотокопия (13 x 18 см) этого «письма» и фотостаты с него находятся в фонде «документов Сиссона» в Национальном архиве США. Но мы будем цитировать его в обратном переводе с английского по брошюре «Германо-большевистский заговор», документ № 37А.) Скажем еще, что Сиссон сразу же уверился в подлинности «письма Иоффе» и рекомендовал Фрэнсису передать его вместе с документами первой серии в Госдепартамент, что и было сделано 9 февраля.

При публикации в брошюре Сиссон предварил текст таким примечанием: «Содержание этого письма, написанного Иоффе, было передано в Вашингтон по телеграфу в феврале, а фотокопия письма направлена послом Фрэнсисом в Госдепартамент»[4]. Далее следовал текст:

«№ 771. Дело мирной делегации
(Секретно)
Брест-Литовск, 31 декабря 1917 г.
В Совет Народных Комиссаров

Товарищ Л. Троцкий поручил мне довести до сведения мотивы его телеграфного предложения об аресте румынских дипломатических представителей в Петербурге.

Генерал Гоффман, ссылаясь на совещание, которое имело место между членами германской и австро-венгерской делегаций в Брест-Литовске 29 декабря, предъявил русской делегации от имени Германского и Австрийского верховного командования (расшифрованная радиотелеграмма была продемонстрирована в этой связи) секретное требование, касающееся немедленного побуждения румынской армии признать необходимость перемирия и одобрения условий демократического мира, сформулированных русской делегацией. Неумолимость штаба и всего командного состава румынской армии, в отношении которой Верховное командование германской армии получило точную информацию от своих агентов, портит блестящее впечатление, произведенное в Германии и на всех фронтах русскими мирными предложениями, которые сделали возможным снова возбудить народные чувства против Англии, Франции и Америки, и может привести к нежелательным и опасным осложнениям в вопросе о мире вплоть до начала наступления германской армии на нашем фронте и прямой аннексии территорий, оккупированных в России.

Генерал высказал свое мнение, что против мира могут быть казаки, некоторые украинские полки и Кавказская армия, к которым несомненно присоединится в этом случае и румынская армия, которая, согласно информации, имеющейся в распоряжении Германского штаба, учитывается в расчетах Каледина и Алексеева. В интересах германской и австро-германской делегаций, чтобы на всем Русском фронте в отношении условий перемирия и одобрения условий сепаратного мира между русскими и Германией преобладало полное согласие, исходя из которого Германское и Австрийское верховные командования предложат Румынии свои условия мира и будут в состоянии предпринять свои оперативные действия на Западном фронте весьма значительного масштаба; в то же самое время ген. Гоффман в ходе беседы с тов. Троцким дважды намекнул на необходимость немедленного начала этих военных операций.

Когда тов. Троцкий заявил, что в распоряжении Совета нет возможностей повлиять на Румынский штаб, ген. Гоффман указал на необходи-

мость посылки заслуживающих доверия агентов в румынскую армию и возможность ареста Румынской миссии в Петербурге и репрессивных мер против румынского короля и румынского командного состава.

После этого заявления тов. Троцкий телеграфно предложил арестовать всех членов Румынской миссии в Петербурге. Это письмо посылается со специальным курьером — товарищем И. Г. Бросовым, который лично передаст комиссару Подвойскому несколько сообщений секретного характера, касающихся посылки в румынскую армию тех лиц, имена которых тов. Бросов даст. Всем этим лицам будет выплачено наличными Германским нефтепромышленным банком, который купил компанию “Фанто и К°” около Борислава. Инструктирование этих агентов, согласно сообщению ген. Гоффмана, поручено некоему Вольфу Фонигелю, который возглавляет наблюдение за военными агентами союзных с нами стран. Что касается английских и американских дипломатических представителей, то ген. Гоффман выразил согласие Германского штаба с мерами, предпринятыми тов. Троцким и тов. Лазимировым в отношении наблюдения за их деятельностью.

Член делегации:
А. Иоффе».

Таков был основной текст документа. Но далее Фрэнсис передал и все пометы, которые имелись на письме. На полях было написано: «Тов. Шиткевич: сделайте копии и пошлите в Комиссариат иностранных дел, лично тов. Залкинду». Выше было напечатано курсивом: «Сандерсу. Доложено 4 января относительно ареста Диаманди и других. М. Шиткевич». А затем: «5 января 1918 г. Канцелярии: Пошлите срочную телеграмму Троцкому о аресте румынского посланника. Савельев»[5]. Пометы, показывавшие прохождение документа по кабинетам Смольного, должны были придать еще большую убедительность подлинности письма.

Затем Фрэнсис передал примечание к данному документу, составленное Сиссоном. В нем говорилось: «Дата — 12 января, канун русского Нового года. Румынский посланник был арестован этой ночью в Петрограде и был освобожден только после единодушного требования всех посольств и миссий в Петрограде. Письмо показывает, что Троцкий воспринял личное требование ген. Гофмана как приказ для действия. Важнее всего, однако, то, что документ срывает маски с публичных заявлений Ленина и Троцкого о том, что они борются против того, чтобы Германия получила в результате мирных переговоров военное преимущество против Соединенных Штатов, Англии и Франции. Вместо этого вскрывается цель помощи Германии в возбуждении чувств против Анг-

лии, Франции и Соединенных Штатов, в пособничестве Германии при подготовке наступления на Западном фронте. Назван германский банк, который будет оплачивать большевистских агитаторов среди румынских солдат. Является ли резидент "Вольф Фонигель" известным по американским данным Вольфом фон Игелем? Схожесть имен поразительна. Наконец, ген. Гофман удовлетворен слежкой Троцкого за американскими и английскими дипломатами. Иоффе, который подписал письмо, является членом русской мирной делегации. После того как это письмо было написано, Залкинд убыл в Швейцарию со специальной миссией». Примечание 6 июля 1918 г.: «Он не достиг ее тогда, не имея возможности проехать через Англию, и в апреле был в Христиании»[6].

Хотя документ очень насыщенный и даже на первый взгляд содержит много пластов, сегодня задача определения его подлинности по плечу даже студенту-историку. Опубликованные и доступные этому студенту материалы даже меньше по объему, чем та информация, которая была доступна Фрэнсису и Сиссону при чтении тогдашних петроградских газет. Весь вопрос в объективном подходе. Его-то и не было у американцев, уже настроенных подозрительно и недоверчиво к большевистским руководителям. Арест румынского посла потряс и возмутил всех союзных дипломатов, а больше всего Фрэнсиса, которому и пришлось вызволять Диаманди из тюрьмы. Симпатии подавляющего большинства союзных представителей были на стороне румын, а также казаков, Алексеева, Каледина и Корнилова. Поэтому, получив в руки такую информацию о мотивах действий большевиков, они клюнули на приманку фальсификаторов, поскольку она отвечала их чувствам и подозрениям. К тому же Сиссон был уже подготовлен к восприятию сведений о германо-большевистском сотрудничестве материалами первой серии.

Сегодня мы знаем (и мы старались показать это в предшествующей главе), что решение об аресте членов Румынской миссии принималось непосредственно в Петрограде, в Смольном, и вне всякой связи с Брест-Литовском. В какой степени Ленин был в курсе начавшейся мирной конференции? Вот данные биографической хроники. 28 декабря (только что вернувшись из кратковременного отдыха в санатории Халила на Карельском перешейке) Ленин ознакомился с информацией из Брест-Литовска о том, что в Германии берет верх партия сторонников войны против Советской России[7]. Соответствующая информация печатается в «Правде» 1 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.). 29 декабря Ленину доставляется отчет Л. М. Карахана о первом дне работы мирной конференции. 30 декабря Ленин принимает Робинса и американских журналистов, вручающих ему текст 14 пунктов президента Вильсона[8]. Ленин

тогда же посылает их телеграфом в Брест-Литовск Троцкому. Интересно, что в этот же день Ленин знакомится с сообщением из Брест-Литовска о протесте начальника штаба германских войск Восточного фронта генерала М. Гофмана по поводу распространения революционных воззваний среди немецких солдат и о советском ответе на этот протест. Ему представлен также меморандум советской делегации, зачитанный на заседании конференции[9]. На вечернем заседании Совнаркома Ленин вносит свой проект об отношении к Центральной раде в связи с запросом из Брест-Литовска.

Румынский вопрос возник утром 31 декабря. Ленину было доложено о враждебных действиях румын против полков 49-й дивизии. Тогда же обсуждается форма протеста, готовится ультиматум (мы цитировали его в предыдущей главе), Ленин подписывает его, а далее «пишет в Наркомвоен предписание арестовать членов румынского посольства»[10]. Интересно, что вслед за этим ему докладывают письмо председателя съезда Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области Л. И. Рузера от 23 декабря 1917 г. с просьбой ассигновать средства исполкому съезда («Румчероду»). Он поручает дать такой ответ: «Ваши сообщения получены. Согласны выдать деньги. Каким образом надеетесь получить их, известите немедленно»[11]. Далее мы узнаем, что И. А. Залкинд был не в курсе произведенного военными властями ареста румын, так как «Ленин разъясняет утром (1 января 1918 г. — *В. С.*) уполномоченному наркома иностранных дел Залкинду причину возникшего инцидента с румынским посольством»[12]. Этого не могло бы быть, если бы операция осуществлялась по инициативе Троцкого, так как Залкинд его официально замещал в Наркоминделе.

Неувязки получались и с русскими условиями «демократического мира», которым-де мешает в Германии нехорошее поведение румын. Ведь еще 15 декабря ст. стиля немцы отказались от этих условий и выдвинули требование об установлении границы по линии фронта. Поэтому Гофман не мог ни хвалить советские условия мира, как он делал это в предыдущий месяц, ни заново грозить аннексировать оккупированные территории России, это было сделано ранее. Уже эта, чисто историческая критика содержания главного сюжета «письма Иоффе» показывала, что оно не может быть подлинным.

Но сочиненный Оссендовским документ был, как мы говорили выше, многоуровневым, или «многоэтажным». Первый, самый видимый этаж касался собственно ареста Диаманди и других сотрудников Румынской миссии. Этого якобы потребовал Гофман, Троцкий воспринял заявление Гофмана от 29 декабря как приказ, телеграфировал в Петроград, в Пет-

рограде румыны были арестованы. Это уже плохо. Но у этого «этажа» есть подвал: до беседы с Троцким немцы и австрийцы провели свое совещание, Гофман предъявил ему секретную радиограмму и потребовал репрессалий по отношению к румынам. Следовательно, сотрудничество между русскими и германцами зашло так далеко, что им показывают свои секретные документы. Далее второй этаж: советские условия мира помогают немцам вновь поднять волну ненависти к странам Антанты! А это помогает готовить скорое наступление на Западном фронте. Эти отравленные стрелы, заготовленные А. М. Оссендовским, ощущались болезненнее, чем просто судьба Диаманди. Мы это видим по содержанию того примечания, которым заканчивалась передача текста документа в Госдепартамент. Третий этаж: спецкурьер «товарищ Бросов» (фамилия вымышленная: во всех опубликованных именных указателях к документальным изданиям материалов этого времени мы ее найти не могли) везет устные указания Подвойскому в военный комиссариат. Но «болтливый Иоффе» тут же раскрывает в письме содержание указаний тов. Троцкого: немцы требуют послать агитаторов на Румынский фронт, список их уже согласован. А платить им будет немецкий банк; и название его, вот и фамилия немецкого резидента-инструктора, пожалуйста! Что же тогда остается от секрета? Только сам список фамилий, который Оссендовский еще не успел сделать.

Так умело составленный и наполненный разнообразным содержанием документ исключительно удачно прошел первую апробацию и был с удовольствием использован. Ну, а о мелких ошибках, вроде фамилии «товарища Лазимирова» вместо Лазимира (это, кстати, еще один этаж документа: немцы одобряют установленную слежку за союзными посольствами), можно пока и не упоминать.

Но нельзя сказать, что Сиссон не проявил никакой осторожности. Он посетил посольство Великобритании и установил контакт с главным резидентом английской разведки, Е. Т. Бойсом. У того тоже были проблемы. Как писал Сиссон, он имел на руках своего Робинса — нового посла Локкарта, который тоже стремился лояльно относиться к большевистскому правительству и вел с ним собственную дипломатическую игру. Сначала Бойс принял Сиссона за посланца Робинса и увидел в этом визите новую интригу Робинса – Локкарта. Выяснив отношения, Сиссон и Бойс заключили своеобразный союз: Сиссон брал на себя собирание информации в Смольном, а Бойс — ее проверку и обработку[13].

Кроме того, Сиссон выяснил, что Бойс установил непрямую связь с некоторыми русскими военными и моряками, обслуживавшими буквопечатающие телеграфные аппараты Юза для связи «по прямому проводу»

между Брест-Литовском и Совнаркомом. Такие аппараты, как я точно знаю по документам, находились в Зимнем дворце, штабе округа и доме военного министра (набережная Мойки, 67). Сиссон, правда, в своих мемуарах говорит о связи прямо со Смольным. К моменту разговора с Сиссоном Бойс уже в продолжение трех недель ежедневно получал копии телеграмм из Бреста в Петроград и обратно, а также телеграмм между германской Комиссией по делам военнопленных в Петрограде и Берлином (часть этих копий, частично расшифрованных, имеется в делах фонда «документов Сиссона» в Национальном архиве США. В мемуарах Сиссон упоминает только одну — разговора по прямому проводу между Радеком и Бронским, которая была передана ему Бойсом).

Далее Сиссон писал в своих воспоминаниях: «Пригласив Бойса в посольство для доверительной беседы относительно “письма Иоффе”, я был вознагражден тем, что узнал, что он доверяет Семенову как “надежному” и умному врагу большевиков и верит, что тот находится в контакте с “телеграфной группой”, с которой и сам Бойс установил непрямой контакт. Расследование, концентрирующееся вокруг Семенова, я отсрочил временно для специальной акции, встречаясь с ним в течение следующей недели в посольстве, в которое он принес еще два или три письма, указывая, что они большевистского происхождения; одно из них имело более позднюю дату, чем “письмо Иоффе”»[14].

Но, как говорится, пусть будет выслушана и другая сторона. Дадим теперь слово Семенову с Оссендовским. Тем более что Сиссон-то перед судом истории оказался пострадавшей стороной, стороной, введенной в заблуждение. Он, приводя мысленный монолог Ленина в своих воспоминаниях, старался представить его человеком аморальным и циничным, использующим для достижения своих целей и плутов, и подонков, и наивных, сентиментальных людей. Сам же он стал объектом обманных действий со стороны двух политических плутов, а себе невольно отвел роль сентиментального простачка. Его намерения были честными и идеалистическими, но они были цинично использованы людьми недобросовестными, лгунами, ничем не отличавшимися от своих большевистских противников. Они тоже считали, что цель оправдывает средства, что нравственно то, что помогает скинуть и уничтожить большевиков. Эдгар Сиссон вовсе не был человеком такого рода, но он обладал возможностями, которых не было у Оссендовского и Семенова.

Трудно сказать, кто из них был большим обманщиком. Если Оссендовский всегда был склонен к блефу, к преувеличению, к фантазерству, к сочинительству, то Семенов рисуется из его поведения больше тактиком, прибегающим к правдоподобной лжи для достижения ближайшей

политической цели. И Сиссон, и Семенов спустя несколько лет уже не помнили точно, что они говорили друг другу в феврале 1918 г. Поэтому неточности есть и в воспоминаниях Эдгара Сиссона, вышедших в свет в 1931 г., и даже в его деловых письмах 1919–1921 гг. с отзывами на новые документы, которые доставлялись ему из Госдепартамента. Но Семенов-то и Оссендовский лгали намеренно и сознательно. Им надо было оправдаться, им надо было выставить свою деятельность в благородном свете борьбы с большевизмом, замазать и обман Семенова, и изготовление фальшивок Оссендовским.

Не одного Сиссона обманывал Семенов. Он давал лживое показание под присягой в американском консульстве в Архангельске (так называемый affidavit) в 1919 г., он обманывал дипломатов и разведчиков в Англии в 1920 г., он обманывал П. Н. Милюкова в редакции «Последних новостей» весной 1921 г. И именно Милюков, поместив несколько статей Семенова в своей газете, дал им, так сказать, «путевку в жизнь». Сославшись на заявление германского социал-демократа Эдуарда Бернштейна о том, что, по его сведениям, большевики получили от кайзеровского правительства 50 млн марок, П. Н. Милюков писал: «Как раз указанная Бернштейном цифра подкупа подтверждается одним из давно известных “документов Сиссона”. Ввиду этого получает исключительную важность показание не простого свидетеля, а участника передачи части этих документов Сиссону, показание, которое посчастливилось получить редакции “Последних новостей”. Посредником Сиссона при получении документов, как оказывается, был известный сотрудник “Вечернего времени” Е. П. Семенов. Г. Семенов — человек не нашего лагеря, но его статьи, которые мы начинаем печатать в “Последних новостях” со вторника 5 апреля, имеют всю цену и весь вес показания, которое должно будет фигурировать как одно из важнейших доказательств пред комиссией Рейхстага, если ей суждено состояться»[15]. Несколько ниже Милюков писал, что «разоблачения г. Семенова, несомненно, имеют выдающийся политический интерес. Их значение, во всяком случае, чрезвычайно важно для историка, которому отныне возвращается право пользоваться заподозренными документами, *внутренняя* достоверность которых была для меня лично и ранее несомненной»[16].

Итак, возвращаемся к первой статье Е. П. Семенова в «Последних новостях», которая имела подзаголовок «История “кампании документов”». Рассказав о попытке продать списки немецких фирм и шпионов, которые изготовил Оссендовский (напоминаю, что фамилию эту Семенов не называл, но англичанам и американцам представил процитированное им в статье письмо Оссендовского, которое идентифицирует

источник, откуда поступили эти списки), и заметив, что эти списки он передал Сиссону в феврале 1918 г., Семенов далее писал:

«Одновременно с этим мы с вышеупомянутым молодым писателем и лектором (фамилия его нам неизвестна, но это, как можно заключить по содержанию, не Оссендовский. — *В. С.*) организовали через наших друзей военно-судного ведомства с некоторыми "чиновниками" Смольного правильное получение сведений о деятельности большевиков. Они стали нам передавать все "интересные бумаги", поступавшие в Смольный от разных комиссаров большевистских учреждений и германского штаба.

Вначале работа была очень трудная, опасная именно вследствие беспорядка, царившего и в комнатах под нумерами в Смольном, и в штабах, и в комиссариатах (министерствах). Крайняя осторожность заставляла наших друзей и нас самих ограничиваться в первые недели копиями, которые наши друзья со страшным для себя риском снимали с поступавших в Смольный бумаг, циркуляров, писем и т. д.».

Уже в этих цитатах мы встречаемся с прямой ложью, а также с сомнительными утверждениями, трудно поддающимися проверке. В указанный период (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.) никаких «интересных бумаг» в Смольный от германского штаба не поступало. Наоборот, первый прямой контакт был установлен только 19 февраля 1918 г. телеграммой Ленина в Берлин о безоговорочном принятии германских условий мира[17]. Но ответа-то на него долго не было. Все сношения с германской стороной шли через мирную делегацию в Брест-Литовске. Только после заключения Брестского мира, переезда Совнаркома в Москву и открытия германского посольства правительство стало получать (через посольство) какие-то бумаги от германской стороны. Но Семенов продал Сиссону 3 марта 1918 г. около пятидесяти документов, среди которых были и документы «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба», и некоторых других германских учреждений (изготовленные А. М. Оссендовским!). Чтобы оправдать их присутствие в числе проданных Сиссону документов, и было сделано это «невинное» добавление.

Как нам кажется, выдумкой является и утверждение Семенова о наличии организованной группы «чиновников военно-судного ведомства», которая установила контакт со служащими Смольного. Безусловно, какие-то контакты у Семенова в Смольном существовали, но вряд ли это была целая группа. Более вероятен иной способ добывания информации, о котором упоминали и Семенов, и Оссендовский: переодевание в подходящую одежду и личные походы в Смольный для подслушивания, подглядывания и кражи некоторых бумаг. Этот способ был более надежным и не требовал никакой группы.

Но одно место нам представляется важным, поскольку находит подтверждение в характере первых полученных Сиссоном документов. Семенов пишет, что с документов снимались копии. И действительно, вспомним, что все «документы» первой серии претендовали на то, что являются машинописными копиями подлинников, хранившихся в русской контрразведке (а не в Смольном!). Но уже при изготовлении «письма Иоффе» стали применяться другие приемы. Семенов поясняет: «Мой коллега, который заведовал в нашей организации специально делами Смольного, вскоре, при помощи наших друзей, наладил съемку фотографий с документов. При этом наиболее боевые и интересные документы сообщались нам на одну ночь вместе с копиями и фотографиями — и к утру же возвращались на свое место на случай, если бы их хватились в Смольном».

Именно этот прием был для большей убедительности применен Е. П. Семеновым на встрече с Д. Фрэнсисом 4 февраля 1918 г. с «письмом Иоффе»: были предъявлены его «оригинал» и фотокопия, а также английский перевод. Оригинал был тут же взят обратно. Однако это была длительная и хлопотная процедура. Поэтому после установления постоянного контакта с Сиссоном Семенов стал поставлять ему и собственно «оригиналы». Для оправдания этого в статье 1921 г. он пишет следующее: «Как это ни покажется странным на первый взгляд, но кто знаком с положением дел и деятельностью большевиков после переворота, тот поймет меня, если я скажу, что по мере установления большего порядка в канцеляриях и комиссариатах мы с большей регулярностью получали документы, причем с начала 1918 года мы стали получать иногда и оригиналы документов. Для большего ознакомления с обстановкой моему коллеге удавалось проникать в самый Смольный». О каком коллеге идет речь: о «молодом ли писателе и лекторе» или об «известном экономисте» (Оссендовском), сказать трудно. Но думаю, что «молодой писатель» вообще выдуманная фигура, а вот Оссендовский вполне мог заниматься этим делом. Изготовленные им документы были достаточно сложными: они имели подписи, входящие и исходящие номера, пометы двух-трех лиц. Лица эти были не только вымышленными (таких было большинство), но и реально работавшими в Смольном сотрудниками аппарата Совнаркома или комиссариатов. Это предполагало наличие точной информации, в чем производитель документов должен был убедиться сам.

«Мой коллега, — продолжал Е. П. Семенов, — под видом "товарища" рабочего проник раз в Смольный в комнату X с фотографическим аппаратом. В разгар работы по фотографированию документа в комна-

ту вошел Урицкий, который, обменявшись с одним из “товарищей” несколькими словами, сейчас ушел, ничего не заметив...»[18] Это уже похоже на правду. То, что переодетый Оссендовский был в комнате, когда туда вошел Урицкий, и натерпелся страху. Но вот что именно там производилось фотографирование документов, весьма сомнительно.

Еще одно место из первой статьи Е. П. Семенова чрезвычайно важно, так как раскрывает один из методов работы фальсификаторов. «Одно из союзных центральных учреждений, — рассказывает Семенов, — затребовало от своего представителя, с которым я был в постоянном общении, оригинальные подписи Иоффе, Залкинда и др. комиссаров для сличения с подписями на некоторых документах. Это было в самый разгар Брест-Литовск. переговоров. Т. к. мы следили за всем, что делалось в центральных учреждениях у большевиков, то знали, что как раз в это время у входной двери в Ком. Ин. Дел (у Певч[еского] моста) за проволочной дверцей в раме под замком было вывешено новое распоряжение за подписью четырех комиссаров с Иоффе во главе (именно тех, которые фигурируют на факсимиле документа № 3 в брошюре Эдг. Сиссона). Чтобы удовлетворить желание друзей-союзников, мы решили действовать в первый же удобный вечер. Мы обдумали все подробности экспедиции, которую необходимо было совершить до закрытия комиссариата, так как рама с заветным документом висела не снаружи, а в здании комиссариата. Три человека участвовало в этом деле: мы с моим коллегой и морской офицер. Я пока не могу останавливаться на подробностях. Скажу только, что экспедиция удалась вполне, и документ с 4 подписями — ничего более аутентичного себе представить нельзя, конечно, — на следующий день был передан представителю одной из союзных держав. Подписи были как две капли воды похожи на те же подписи на переданных раньше документах».

В душе Семенов, конечно, гордился этой «экспедицией», вот только порядок действий несколько перепутан. Сначала они украли раму с документами из Народного комиссариата по иностранным делам. Завладев подлинными подписями, Оссендовский перерисовал их для будущего документа № 3 сиссоновской серии. Что же касается требования о разыскании подлинных подписей, то оно возникло у американцев, в Госдепартаменте, позднее, после публикации «документов Сиссона» и возникновения первых сомнений в их подлинности. Как показывает содержание фонда «документов Сиссона» в Национальном архиве США, там имеются фотокопии одного клочка бумаги с подписью А. А. Иоффе. Это расписка в получении пакета. Подпись, однако, недостаточно характерная. Только в 1920 г. Госдепартамент получил из Риги фотоко-

пию настоящей подписи Иоффе под мирным договором с Латвией. Как показывает проведенное мною сличение этой подписи с подписью под «письмом Иоффе» от 31 декабря 1917 г., последняя подпись явно является поддельной.

Рассказ Семенова свидетельствует о том, что подделыватели стремились завладеть образцами почерка своих персонажей. Так, единообразность подписей секретаря Совнаркома М. Н. Скрыпник на многочисленных пометах на «документах Сиссона» показывает, что Оссендовский всегда имел перед глазами подлинную роспись Марии Николаевны.

Хвастается Е. П. Семенов в своей статье и тем, как он «добыл» подпись И. А. Залкинда. В типографии, где печаталась газета «Антанта» на французском языке, в которой сотрудничал Семенов, начала печататься и советская газета на немецком языке «Факел». Залкинд, заменявший отсутствовавшего редактора этой газеты Л. Троцкого, как рассказывает Семенов, прибыл в типографию и обнаружил там набранную статью Семенова против брестских переговоров. «Это провокация!» — воскликнул Залкинд и разорвал статью в клочки. Наборщик запротестовал. Тогда Залкинд «тут же на клочке бумажки написал, что он берет на себя ответственность за содеянное им, что статья моя носит провокационный характер и т. п. Тут же он вынул из жилетного кармана печать Ком. Ин. Дел, приложил ее на том же клочке бумажки и расписался!»[19] Семенов забрал бумажку с образцом подписи Залкинда и «передал союзникам, г. Сиссон его не видел»[20].

Мы имеем также краткую версию событий, изложенную А. М. Оссендовским в беседе с сотрудником Госдепартамента США в Вашингтоне 25 ноября 1921 г. «Для Оссендовского, казалось, было сюрпризом, что я знаю о его связи с “документами Сиссона”, — писал в своей докладной записке интервьюер Оссендовского (он подписался только инициалами). — Он немедленно объяснил, что его связь с этим делом была крайне ограниченной: его кабинет (“офис”) был использован как временное место хранения документов перед их дальнейшей передачей. Все документы проходили через его офис, и он видел их, снимал фотографии, которые впоследствии изучал. Но в большинстве случаев документы не находились у него более чем два или три часа».

Следовательно, если верить этому показанию, фотографирование производилось не в «кабинетах Смольного», как писал Е. П. Семенов, а в кабинете (служебном или домашнем) Оссендовского. А так как мы знаем, что подлинных документов, которые бы ему на самом деле приносили на время, никогда не существовало, то это признание дает нам точные сведения о месте изготовления всех документов. Служебный кабинет

Оссендовского располагался в Эртелевом переулке, 11, где размещалась редакция «Вечернего времени», но газета давно была закрыта и занята большевиками, вряд ли кабинет сохранился за ним. А жил Оссендовский в 1917 г., по данным справочника «Весь Петроград», в Ковенском переулке, 4. Вот тут, скорей всего, и располагалась его «мастерская». Далее Оссендовский рассказывал сотруднику Госдепартамента о своих заслугах в разоблачении германских агентов начиная с 1913 г., особенно в отношении фирмы «Кунст и Альберс». Потом разговор опять вернулся к «документам Сиссона».

«Оссендовский дал следующую новую информацию относительно способа, которым документы были получены, — говорится далее в меморандуме. — Одна из трех групп возглавлялась Крафтоном, хорошо известным радикальным земским лидером шотландского происхождения. Я знаю этого человека лично, и очень хорошо, и могу поверить, что он мог быть вовлечен в такого рода деятельность (это ремарка автора меморандума. — *В. С.*). Крафтону можно доверять абсолютно; если он похищал документы от большевиков, то он определенно не подделывал их, чтобы обмануть союзников или использовать как орудие в политической борьбе. Следующая новая информация, данная Оссендовским, заключалась в том, что лидером офицерской группы был полковник одного из гвардейских полков Николаев, человек богатырского роста, который мог очень легко выдавать себя за простого солдата. Оссендовский не дал мне имена третьей, польской группы»[21]. Далее Оссендовский сказал, что во время подготовки к эвакуации Совнаркома из Петрограда один из ящиков с перепиской был умышленно разбит и документы расхищены различными «группами». Он заявил, что по Петрограду циркулировало много комплектов документов из того же самого источника в дополнение к тем, которые достал Сиссон.

Про разбитые ящики с документами очень живописно рассказывал и Семенов (что дает основание полагать, что они с Оссендовским заранее сговорились отвечать так на возможные вопросы о происхождении «оригиналов»): «Наши друзья заметили, в каких ящиках находились интересные для нас документы, и под строжайшим секретом сообщили оберегавшим ящики матросам, что именно в этих ящиках спрятано перевозимое в Москву золото! Конечно, в ту же ночь большинство ящиков оказалось взломанными и затем наскоро и кое-как снова закрытыми и даже незаколоченными. Наши друзья не преминули этим воспользоваться и достали из ящиков несколько оригинальных документов. Случай этот всполошил кое-кого в Смольном»[22]. По нашему убеждению, этот рассказ тоже является придуманным для того, чтобы объяснить наличие «оригиналов» в «документах Сиссона». Но опять-таки за давностью времени возникает

некоторая неувязка, обнаруживаемая при восстановлении хронологии тогдашних событий.

Брест-Литовский мирный договор был заключен только 3 марта 1918 г. Именно в этот день Эдгар Сиссон уже купил все документы у Е. П. Семенова, заключил с ним договор и 4-го выехал из Петрограда в Финляндию. Паника в Петрограде возникла ранее и усилилась после падения Пскова и Нарвы 23–24 февраля 1918 г. Только вечером 26 февраля 1918 г. Ленин пишет проект постановления об эвакуации Советского правительства в Москву, который на этом же заседании утверждается Совнаркомом[23]. Следовательно, подготовка к эвакуации могла начаться не ранее 27 февраля 1918 г. Возможно, что именно в эти четыре дня, остававшиеся до отъезда Сиссона, и имело место заколачивание ящиков, но скорей всего, работа эта развернулась уже после 3 марта и отъезда Сиссона из Петрограда. Оссендовский-то это помнит, поскольку он хорошо знает о третьей серии документов, проданной им только в апреле 1918 г. через посредника американскому вице-консулу Имбри. Эти документы, которые я изучил в Национальном архиве США, состоят только из «подлинников». Это знал сотрудник Госдепартамента, разговаривавший с Оссендовским, что мог предположить и его собеседник. Семенов же об этих документах уже не знал.

Что же касается других «новых» сведений, сообщенных Оссендовским, то они представляются сомнительными. О Крафтоне ни слова не говорит Семенов, его фамилия больше никем не упоминается в связи с «документами Сиссона». Фигура гвардейского полковника Николаева, переодевающегося солдатом для проникновения в Смольный, тоже действует только в этом рассказе. Семенов «посылает» в Смольный своего «коллегу», которым, скорее всего, являлся сам Оссендовский. Как писал в своих воспоминаниях Сиссон, Семенов познакомил его с полковником по фамилии Самсонов, которого он выдавал за главу «офицерской группы». К фигуре Самсонова мы еще вернемся, пока же укажем на это противоречие, которое говорит в пользу того, что, называя имена Николаева и Крафтона, Оссендовский привычно блефовал.

В нашем распоряжении есть еще несколько свидетельств, исходящих от Семенова и Сиссона, которые необходимо привести, чтобы окончательно сделать выводы о механике появления и передачи документов второй серии Эдгару Сиссону. Это, во-первых, «аффидавит» — показание под присягой, данное Е. П. Семеновым 21 февраля 1919 г. американскому консулу в Архангельске Лесли А. Дэвису.

Показание состоит из десяти пунктов[24]. В первом Семенов свидетельствует, что опубликованные осенью 1918 г. «документы Сиссона»

«переданы ему мною или в моем присутствии лицами, которые вместе со мной организовали получение этих документов». Во втором пункте говорилось, что эти лица, назвать которых еще невозможно по соображениям их личной безопасности, «установили связь с департаментами большевистского правительства через офицеров и служащих этих департаментов, которые продолжали свою работу там после захвата власти большевиками или которые поступили на службу с целью поисков свидетельств относительно истинного характера большевистских лидеров и их правительства». Третий пункт утверждал, что «некоторые из этих лиц были связаны с военным и морским штабами и имели право беспрепятственно входить в помещения штаба, большевистских департаментов в Смольном и Комиссариата иностранных дел».

Четвертый пункт гласил, что Семенов как член группы, которая участвовала в этой работе, и как человек, который планировал ее детали, ежедневно сносился с теми, кто ее проводил и кто был занят в правительственных учреждениях, как об этом рассказывалось выше. Поэтому он был знаком с фактами, касающимися доставания оригинальных документов и фотографий. В пятом пункте говорилось, что когда документы желаемого характера поступали в Народный комиссариат иностранных дел, Смольный или Военный и Морской штабы, то перед тем, как отправить их к соответствующему советскому комиссару, члены группы делали их списки. Они доставлялись Семенову, и он и его помощники отмечали на этих списках те документы, которые они хотели бы иметь. В шестом пункте Семенов заявлял, что давал эти списки Сиссону и тот помогал в определении желаемых документов. Седьмой пункт утверждал, что оригиналы этих документов фотографировались названными выше офицерами и служащими при первой же возможности. И так как документы могли потребоваться для текущей работы, они изымались только на несколько часов, фотографировались в том же здании и возвращались обратно в дела. В некоторых случаях документы уносились из Смольного на один или два дня. В отдельных случаях документы фотографировались в тех же комнатах, где шла ежедневная работа. В одном случае наш агент, который был занят фотографированием документа вместе со служащим данного отдела, находился там во время пребывания комиссара Урицкого. Когда Урицкий спросил, чем они заняты, они ответили, что выполняют срочную работу для отдела.

Как видим, этот «аффидавит» использовался Е. П. Семеновым в качестве источника для написания своих статей для «Последних новостей» в 1921 г. Вторая статья так и называлась: «Мое affidavit (показание)», правда, текста показания Семенов в этой статье совсем не приводил.

Именно «аффидавит» содержит байку про Урицкого и пр. Возможно, это связано с реальными переживаниями переодетого Оссендовского, застигнутого Урицким в одном из кабинетов Смольного. В данном показании Семенов пытался представить свою организацию более солидной, чем она выглядела позднее в его мемуарах, где он действует с одним-двумя людьми. Показания относительно способов и мест фотографирования документов находятся в противоречии, как мы уже показывали выше, с откровениями А. М. Оссендовского о том, что фотографирование выполнял он в своем кабинете и через него проходили все документы.

Далее Семенов переходил к объяснению того, как в руки Сиссона доставлялись оригиналы документов. В восьмом пункте он заявлял, что иногда документы не требовались для текущей работы или комиссары «забывали» о них. Тогда документы изымались из дел и передавались самому Семенову или его «помощникам». Но самым уязвимым пунктом «аффидавита» оказался девятый, где мы опять встречаемся с пресловутыми разбитыми ящиками. «Много оригинальных документов, которые были переданы м-ру Сиссону, — заявлял Семенов, — были взяты в феврале 1918 г., когда большевики готовились эвакуироваться из Петрограда и переехать в Москву, в результате замешательства и паники, которые были тогда. Офицеры и служащие, которые являлись нашими агентами, были среди тех, кто упаковывал дела различных отделов Смольного; они знали, в каких ящиках находились важные для нас документы, особенно исходившие от Германского Генерального штаба и "Nachrichten Bureau". Они сказали матросам, которые охраняли Смольный, что в этих ящиках находится золото, которое тайно вывозится в Москву. Матросы сломали эти ящики в поисках золота и, не найдя его, оставили их открытыми во дворе Смольного. Наши агенты изъяли из ящиков столько документов, сколько смогли, прежде чем порча ящиков была обнаружена. Наши агенты не смогли достать оригиналы некоторых документов, так как часть текущих дел была внезапно перевезена из Смольного в Комиссариат иностранных дел и отправлена в Москву до того, как мы смогли добраться до них»[25]. Но и после описанного случая, говорилось в последнем, десятом пункте показания Е. П. Семенова, и после отправки части дел в Москву «наши агенты» продолжали тот же процесс поиска, фотографирования и похищения документов.

В чем же порок этого объяснения? Семенов здесь утверждает, что из разбитого ящика были взяты не просто документы, а те документы Германского Генерального штаба и «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба», которые в подлинном виде были переданы Сиссону и опубликованы им. Но Оссендовский затем предложил амери-

канскому вице-консулу Имбри подлинники десятков новых документов «Nachrichten Bureau» за вторую половину марта и начало апреля 1918 г. Ящики давно заколотили и увезли в Москву. Откуда же брались новые подлинники? Этот факт полностью опровергает данное заявление Семенова, которое мы можем рассматривать как еще один вымысел. В целом весь «аффидавит» представляет собой продуманное фальшивое оправдание передачи Сиссону якобы настоящих документов или копий с них. Американская присяга не удержала Е. П. Семенова от явной лжи. Впрочем, за ложь с политическими целями еще никто и никогда не был осужден. Вот только не каждый лжец-политик является одновременно изготовителем и распространителем фальшивых документов.

И последнее свидетельство Семенова. Я имею его только в форме цитат, которые Э. Сиссон включил в свое письмо от 20 декабря 1920 г. сотруднику русского отдела Госдепартамента Картеру в ответ на его письмо от 18 декабря 1920 г. Возражая Картеру, он писал: «Ваше собственное письмо не так точно, как материал, который Вы прислали: Семенов не утверждает, что все документы были получены через Оссендовского»[26]. Далее он цитирует «материал», который оказывается еще одним показанием Е. П. Семенова. «Он (Оссендовский) с ноября преуспел благодаря своим друзьям X, Y, и Z в организации наблюдения за большевиками и их основными комиссариатами, включая Смольный. Это именно Оссендовский, кто стоял во главе организации: он был инициативен, смел и восхитительно хладнокровен, часто проникая благодаря своим способностям и уму в различные места Смольного, переодетый “товарищем рабочим”. Городская милиция и другие имели доказательство его храбрости и его работы»[27]. Одновременно люди, обозначенные Семеновым другими литерами, работали над перехватом телеграфных сообщений между Смольным и Москвой и Петроградом и Берлином. Данные этой группы часто подтверждали то, что доставала «смольнинская группа».

Таким образом, данное заявление тоже явилось источником для статей Семенова в «Последних новостях». «Молодой писатель», который там проникает в Смольный, и «известный экономист», следовательно, одно и то же лицо: А. М. Оссендовский. Согласившись в своем письме к Картеру с тем, что Оссендовский стоял во главе «смольнинской группы», Э. Сиссон в то же время настаивал на том, что Е. П. Семенов объединял как эту, так и «телеграфную группу». «Действительным главой “телеграфной группы”, — заявлял в этом письме Сиссон, — был даровитый молодой офицер полковник Самсонов. Был ли он одной из литер “н” или “икс”, “игрек” или “зет”, я не знаю»[28]. Сиссон встречался с Самсоновым, и тот говорил ему, показывая копии телеграфных лент, что подлинники

спрятаны в надежном месте. Кроме того, Бойс в английском посольстве тоже имел копии лент перехваченных телеграфных переговоров.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «телеграфная группа» действительно существовала и была связана с резидентом разведки в английском посольстве Бойсом, а через него и с Сиссоном. В каких отношениях находились полковник Самсонов и Е. П. Семенов, сказать трудно. К сожалению, итогов работы этой группы мы почти не знаем. Или результаты их двухмесячного труда все еще лежат спрятанными в «безопасном месте», или находятся в архивах английской разведки. Сиссон опубликовал в приложении № 2 к своей брошюре только отрывок из телеграфного разговора между Чичериным и Троцким. В мемуарах он приводит разговор между Радеком и Бронским. В данном письме Картеру он упоминает еще о копии ленты переговоров между Воровским в Стокгольме и Ганецким в Петрограде, но текста его нигде не имеется.

Что же касается «смольнинской группы», то внимательное изучение всех свидетельств Е. П. Семенова и А. М. Оссендовского показывает, что ее на деле не существовало. Она исчерпывалась только этими двумя людьми, причем в добывании нужной информации главную роль играл, пожалуй, Оссендовский, а в предложении созданных Оссендовским документов на данном этапе главную роль играл Семенов. Все рассказы Семенова о работе «группы» в самом Смольном и в Наркоминделе являются вымыслом. Возможно, в них отражен реальный случай, когда в комнате Смольного Оссендовский был застигнут М. С. Урицким, и наблюдение Оссендовского за разбитыми ящиками во дворе Смольного. Рассказанные Семеновым истории о добывании подписей Иоффе и Залкинда тоже имели, вероятно, место и иллюстрируют способы их работы.

«Документы Сиссона»

В мою задачу не входит подробный разбор «документов Сиссона», тех 52 писем, циркуляров и протоколов, которые, выдавая за подлинные, передал Е. П. Семенов от имени «смольнинской группы» Эдгару Сиссону в феврале — начале марта 1918 г. (еще один, 53-й документ, имевший дату 9 марта, был послан в догонку Сиссону, покинувшему Петроград 4 марта 1918 г.). Именно эти документы были опубликованы Э. Сиссоном в октябре 1918 г. в основной части брошюры под названием «Германо-большевистский заговор».

Эти «документы» подверглись обоснованной критике со стороны финского левого социалиста Нуортевы и Джона Рида, опубликовавших в Америке свои памфлеты[1]. Будучи свидетелями событий Октябрьской революции в Петрограде, лично знакомыми с ее руководителями, Нуортева и Рид показали несоответствие содержания «документов Сиссона» реальным фактам. Затем, в 1919 г., в Берлине вышла в свет брошюра с предисловием Шейдемана, посвященная критике «документов Сиссона» уже с немецкой точки зрения. Там было доказано, что немецких военных учреждений, от имени которых якобы было выпущено большинство опубликованных Сиссоном «документов», не существовало в природе, их бланки и печати, следовательно, являются фальшивыми, а фамилии офицеров, подписывавших эти «документы», не числятся в немецких списках[2].

Наконец, Дж. Кеннан в своей статье 1956 г., используя фонд «документов Сиссона» в составе материалов Госдепартамента США, а также результаты работ своих предшественников, дал великолепный критический разбор 53 документов из брошюры «Германо-большевистский заговор»[3]. Используя методы общеисторической и источниковедческой критики всех доступных ему материалов, Дж. Кеннан не только поставил точку в доказательстве поддельности «документов Сиссона», но и назвал ав-

тора этих документов: журналиста, а затем писателя Антона Мартыновича (Фердинанда Антония) Оссендовского.

Но источник неисчерпаем, появление новых исследований по этой теме вполне возможно, тем более что найденные после Второй мировой войны подлинные документы правительственных учреждений кайзеровской Германии показали, что сразу же после захвата власти большевиками в Петрограде Германия действительно стала оказывать Совету Народных Комиссаров финансовую помощь, продолжавшуюся до октября 1918 г. Оссендовский и Семенов как бы носом чувствовали это, но никаких доказательств в руках не имели. Тогда они изобрели эти доказательства. Однако очевидная фальшь этих «документов», разоблаченная в 1919–1920 гг., скомпрометировала саму тему о финансовой поддержке кайзеровской Германией большевистского правительства. Только теперь, после уничтожения господствовавшей 74 года идеологии, открывается возможность для объективного исследования в России всего комплекса вопросов о германо-большевистских связях в 1914–1918 гг., включая и изучение «документов Сиссона». Не желая предварять такое исследование или проводить его второпях, мы ограничимся здесь лишь несколькими деталями, которые, как нам кажется, проходили мимо внимания наших предшественников или казались им несущественными. Нас же, наоборот, интересует сам процесс фабрикации документов, механика их передачи Сиссону. Это с одной стороны, а с другой — те образы, которые создавались содержанием этих документов в глазах их читателей.

Хочу еще повторить, что самих материалов, которые Э. Сиссон привез из России, я в трех предъявленных мне коробках фонда «документов Сиссона» в Национальном архиве США не обнаружил.

Там имелся только первый вариант Доклада Сиссона с включением в него всех 53 документов в несколько ином, правда, чем в брошюре, порядке, фотокопии подлинных паспортов двух «фигурантов», приложенные Оссендовским для придания переданным документам большей убедительности, фотокопии «письма Иоффе», немецких циркуляров, но тех фотографий «подлинников» и самих «подлинников», которые передал Сиссону Семенов, в фонде не имеется. Поэтому мы будем опираться здесь только на тексты, опубликованные в брошюре «Германо-большевистский заговор», и, в необходимых случаях, на текст копий документов, содержащихся в первоначальном Докладе Эдгара Сиссона.

Сиссон опубликовал документы в своей брошюре под 53 номерами, но некоторые номера содержат два-три документа. По их форме документы 13 номеров являются оригиналами (№№ 2, 3, 12, 13, 14, 26, 28, 29, 30, 31, 43, 45, 46), а остальные 40 — фотокопиями оригиналов. Как мы

помним, первый документ, представленный Фрэнсису и Сиссону, был письмом А. А. Иоффе от 31 декабря 1917 г. Семенов представил оригинал, его фотокопию и английский перевод, после чего оставил только фотокопию и перевод, а оригинал взял обратно, заявив, что он должен быть возвращен в Смольный. Происходило это 4 февраля 1918 г. в Американском посольстве на Фурштатской ул., 34. После этого до 9 февраля Сиссон и Фрэнсис обсуждали, что делать, и решили передать «письмо Иоффе» и документы первой серии кодом в Госдепартамент. Затем Сиссон связался с резидентом английской разведки Бойсом, узнал от него, что Семенов известен ему и заслуживает доверия. После этого, как указывает Сиссон в своих воспоминаниях, Семенов принес еще «два-три документа», один из которых имел более позднюю дату, чем «письмо Иоффе» (т. е. после 31 декабря 1917 г.). Но это все были фотокопии.

Оригиналы стали поступать Сиссону во второй половине февраля, а особенно — после 27 февраля. И действительно, посмотрим на даты первых двух оригиналов: 3 февраля (№ 46), 4 февраля (№ 45). В отношении их Сиссон в брошюре делает примечание о том, что ранее он имел их фотографии. Затем следуют документы от 7 февраля (№ 14), от 12 и 18 февраля (№№ 2 и 3), а после этого: 23, 25, 26, 27 февраля и 9 марта 1918 г. (№№ 26, 12, 13, 28, 30, 43, 31, 29). Если исключить документ от 9 марта, отправленный уже после отъезда Сиссона, то получается, что из 12 номеров 7 имеют даты от 23 февраля и позже, следовательно, переданы в самом конце февраля. Сюда надо добавить и оригиналы документов от 3 и 4 февраля, фотокопии которых были переданы раньше. Эта динамика отражает реальное развитие отношений между Семеновым и Сиссоном, рост степени их взаимного доверия, а также ситуацию в Петрограде в конце февраля — начале марта 1918 г. Вспомним рассказы Семенова и Оссендовского. С установлением некоторого порядка в Смольном стало возможным добывать отдельные оригиналы, а потом началась паника и срочная подготовка к эвакуации. Затем рассказывается история про разбитые матросами ящик или ящики и похищение оригиналов документов. Так они объясняли Э. Сиссону появление оригиналов. И он вполне верил им. Теперь посмотрим на то, как сам Сиссон рассказывает в своих мемуарах о получении документов. Правда, надо иметь в виду, что они писались им спустя значительное время после событий и после знакомства со свидетельствами Семенова и Оссендовского, относящимися к 1919–1921 гг.

Сиссон рассказывает о панике, охватившей союзные посольства после взятия Пскова и Нарвы. Совещание послов пришло к решению эвакуироваться в Вологду, связанную железнодорожной веткой с Архангель-

ском. Приготовления к этому отъезду делались заранее, но момент настал 26 февраля. Ночью позвонил американский консул Тредвелл из Москвы и сообщил, что немцы вышли к станции Дно, откуда железная дорога вела к Бологому, и железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвой могло быть очень быстро прервано. 26 февраля грузилось само посольство, миссия Красного Креста, консульство, паспортный отдел, военная миссия. Робинс решил остаться. Сиссон имел днем последнюю беседу с послом Фрэнсисом, а в полночь они поехали на Николаевский вокзал. В два часа ночи 27 февраля поезд отошел[4]. 27 февраля было тихим днем, как описывал его Сиссон в своем дневнике. Военные оркестры играли Марсельезу, красногвардейцы производили обыск в «Европе» в поисках оружия, среди населения преобладало настроение сражаться, чего нельзя было сказать о правительстве[5].

Вместе с англичанами уехал 26 февраля в Вологду и Бойс, выступавший советчиком и информатором Сиссона. До середины февраля Сиссон наблюдал за Семеновым и пришел к выводу, что тот объединяет обе «группы»: офицерскую «телеграфную» и «смольнинскую», доставившую фотокопии «документов». Для себя он решал вопрос: является ли Совет Народных Комиссаров в этот момент прямым исполнителем приказов германского командования или нет? Ответ на него могли дать только подлинные документы Смольного. С этой целью, как пишет Сиссон, он и послал за Семеновым. Разговор происходил в присутствии Артура Булларда, главы петроградского отделения американского Комитета общественной информации. «Я сказал ему, — вспоминал Сиссон, — что знаю, что он находится в контакте с двумя антисоветскими группами, и верю, что они имеют общего руководителя, с которым я был бы рад встретиться. Казалось, он испугался моих слов, и причина этого мне стала ясной позднее, но я убедил его в своей искренности. Выяснилось, что мой анализ был неточным, что обе группы действовали независимо, но что он, Семенов, входил и в ту, и в другую, но являлся главой только одной из них. В этом качестве наши отношения и продолжились»[6].

Затем Сиссон рассказывает, как Семенов познакомил его с полковником Самсоновым, который произвел на Сиссона самое благоприятное впечатление своей энергией и способностями. Он предложил им каждый день приносить списки бумаг, проходящих через руки их агентов в Смольном, а он будет указывать, какие документы его интересуют, чтобы они могли быть сфотографированы и возвращены на место. Этим методом они и пользовались до конца февраля. Когда же в Смольном начали срочно готовить документы к эвакуации, появилась возможность извлечь из дел документы, уже сфотографированные ранее, и новые,

сразу в оригиналах[7]. Звучит все это солидно, но, как мы знаем, только два документа из сфотографированных ранее были представлены затем в оригинальной форме: от 3 и 4 февраля 1918 г. Сиссон утверждал, что он посылал в Вашингтон через посольства полученные им от Семенова до конца февраля свидетельства того, что Ленин и Троцкий постоянно получают германские приказы, некоторые из них ужасного свойства, как посылка агентов-агитаторов в союзные страны. «Так что мы были информированы, — продолжал Сиссон, — что немцы хотят использовать Россию как базу для экспорта заговорщиков на наше Тихоокеанское побережье и создать базу для своих подводных лодок на русском Дальнем Востоке»[8].

Сиссон приписывает себе идею взлома ящиков, которая была с энтузиазмом встречена полковником Самсоновым и с опаской — Семеновым. Но последний потом согласился, что ее возможно выполнить, и сообщил, что его «сотрудники» в Смольном готовы это сделать. Все это читается с юмором и даже с грустью: мы-то знаем, что никаких сотрудников в Смольном не существовало. Был один Оссендовский, ему и надлежало срочно произвести документы, а Семенову — сочинить историю о том, как прошел взлом. Приготовления (то есть изготовление «оригиналов») проходили с 27 февраля по 2 марта, а 2 и 3 марта Сиссон получил их. Это и были те 9 документов, о которых мы говорили выше. Вдохновляя участников «рейда», Сиссон дал им «достаточное количество рублей и умеренное число долларов в валюте»[9]. Вместе с Буллардом они ожидали поступления документов на квартире одного из участников «группы» недалеко от Таврического сада. Когда документы были доставлены, в комнате всего находилось, по словам Сиссона, 9–10 человек (в это трудно поверить, так как это нарушало элементарные правила конспирации). В течение двух часов, сидя за большим столом, Сиссон и Буллард знакомились с документами. Был всеобщий восторг по поводу успешного завершения «рейда». Буллард и Сиссон пожали руки каждому из присутствовавших, пожелали им удачи и безопасного завершения их работы. Никто из них не был схвачен большевиками, горделиво завершает этот рассказ Э. Сиссон[10]. По словам Семенова, Сиссон, получив «оригиналы», воскликнул: «Теперь мне здесь нечего делать!»[11] На следующий день, 4 марта 1918 г., он выехал из Петрограда в Финляндию вместе с большой группой американцев.

Таким образом, подытоживая исследование передачи документов, мы можем сказать, что до личного знакомства Сиссона и Семенова, которое произошло в середине февраля, Сиссон получил от него через Фрэнсиса «письмо Иоффе» и еще два-три документа. Он собирал сведения

о Семенове через Бойса. После состоявшихся встречи и беседы Сиссон перестал считать Семенова единым главой «телеграфной» и «смольнинской» групп, как думал Бойс, и стал общаться с ним как с человеком, возглавлявшим только «смольнинскую» группу, достававшую документы. Семенов затем познакомил его с полковником Самсоновым. Фигура эта вызывает некоторые подозрения. С одной стороны, сам Семенов нигде этой фамилии не называет, называет эту фамилию только Сиссон. С другой стороны, Оссендовский рассказывает о полковнике Николаеве, переодевавшимся солдатом. С третьей стороны, наличие копий подлинных телеграфных переговоров у Сиссона несомненно, хотя, может быть, они получены от Бойса, а не от полковника Самсонова непосредственно. С четвертой стороны, именно Оссендовский приходил в Смольный переодетым, а не мифический полковник Николаев. С пятой стороны, Сиссон в Петрограде Оссендовского не знал. В итоге: не мог ли такой мастер мистификации и имперсонизации, как Оссендовский, исполнить пару раз роль полковника Самсонова? Тем более что в ходе «рейда» Сиссон ничего от полковника Самсонова не получил и его участие в этой экспедиции выглядит совершенно лишним.

Затем Сиссон предложил Семенову и Самсонову составлять списки проходящих через их агентов документов, отмечать в них то, что он хотел бы иметь, и фотографировать их. Таким образом Сиссон получил от Семенова 40 фотографий документов, извлеченных якобы из делопроизводства разных отделов Совнаркома. Кризис в Петрограде в конце февраля подсказал Сиссону идею похищения оригиналов документов непосредственно из дел, упакованных, по слухам, уже в ящики для отправки в Москву. Эти документы были получены им 3 марта. В тот же день между Эдгаром Сиссоном и Евгением Петровичем Семеновым (Коганом) был заключен и формальный договор о передаче Сиссону документов. Семенов страшно боялся, чтобы в нем не было упомянуто слово «документы», а тем более — полученные из Смольного. Сиссон объяснял это себе тем, что Семенов боялся репрессий. Но нам-то ясно, что он не хотел еще брать на себя проступка, который он и не совершал: ни одного документа из Смольного он не украл, все они были сочинены «ученым экономистом» А. М. Оссендовским. 4 марта 1918 г. Э. Сиссон в большой группе американцев выехал из Петрограда в Финляндию.

Теперь обратимся непосредственно к самим «документам Сиссона» и дадим самую общую их характеристику по содержанию и форме. По хронологии самый ранний документ относится к 25 октября 1917 г., а самый поздний — к 27 февраля 1918 г. Кроме того, как говорилось выше, один документ был послан Сиссону вдогонку и был датирован 9 марта

1918 г. В то же время два печатных немецких циркуляра, игравших роль приложений к одному из документов, относились к 1914 г., а один (знаменитый приказ Немецкого банка об открытии счетов большевикам) — к марту 1917 г. Эти приложения имелись в составе документов первой серии и дают нам возможность установить общность их происхождения.

Общая направленность документов сводилась к следующему. Являясь с начала Первой мировой войны платными немецкими агентами (см. документы первой серии, помещенные в приложении № 1), большевики 2 марта 1917 г. (никто не знает, какого стиля, старого или нового) получают деньги от Германии, с помощью которых захватывают власть. Уже 25 октября 1917 г. в Петрограде было открыто «Разведывательное бюро Большого Генерального штаба» Германии, которое явилось главным центром указаний для Совета Народных Комиссаров. «Разведывательное бюро» диктовало всю политику, которую проводили Ленин, Троцкий, Зиновьев и пр., определяло все взаимоотношения Совнаркома с посольствами союзных держав, направляло политику по отношению к Украине, Финляндии, Румынии, Италии и пр. По прямым приказам Берлина, переданным через «Разведывательное бюро», а то и непосредственно от немецких Центрального отдела Большого Генерального штаба или Главного морского штаба открытого моря Совет Народных Комиссаров, Наркоминдел и Наркомвоен формировали отряды агитаторов и диверсантов для посылки на фронты, а также в нейтральные и союзные страны. Эти агенты, состоявшие из русских и евреев, подчинялись немецким офицерам и разведчикам, получая деньги за свою службу от немецких банков и промышленных компаний. В пронемецкую деятельность были вовлечены не только новые органы Советской власти в Петрограде, но и сохранившееся старое учреждение «Контрразведка при Ставке», куда были назначены новые комиссары и командиры, преимущественно евреи. Одним из главных объектов враждебной деятельности Совнаркома по немецкому указанию стал русский Дальний Восток, на который отправляются десятки агентов, планируется также перевезти по Транссибирской магистрали в разобранном виде немецкие подводные лодки, чтобы собрать их во Владивостоке и использовать против американцев.

Какими же способами достигалось это жуткое впечатление измены и предательства? Предъявлением фотокопий и оригиналов документов, якобы исходящих как от немецких учреждений, так и от советских. Среди приобретенных Э. Сиссоном от Семенова и его «смольнинской группы» документов было 8 документов, «полученных» в Смольном от Секции М Центрального отделения Большого Генерального штаба Германии, 2 — от Генерального штаба флота открытого моря Германии,

4 — от Имперского банка и целых 18 документов от Секции R «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» Германии, которое якобы было создано в Петрограде по согласованию с Советом Народных Комиссаров уже 25 октября 1917 г.! Таким образом, более половины «документов Сиссона» — 34 из 53 — состояло из «вражеских» указаний, которые должны были выполняться Советским правительством.

Но и само оно и его органы были тоже достаточно широко представлены. Тут был протокол, лично подписанный высокопоставленными советскими комиссарами, один документ Народного комиссариата по иностранным делам, 3 документа, исходящие от «комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами», а один — почему-то от «Комиссии по борьбе с контрреволюцией и погромами». Тут было и «письмо Иоффе», которое мы подробно разбирали выше. Но больше всего было документов «Контрразведки при Ставке» — 15 штук. Кроме того, в брошюре «Германо-большевистский заговор» были напечатаны факсимиле девяти писем «Разведывательного бюро», двух — Секции М Центрального отделения Большого Генерального штаба, протокола с четырьмя подписями от 2 ноября 1917 г., двух немецких циркуляров 1914 г., а также подлинных паспортов одного турецкого подданного и одного финляндского гражданина.

Эти фотокопии значительно облегчают дело источниковедческого анализа текстов «документов», в частности предоставляют возможность работать с образцами машинописи (все документы написаны на русском языке на пишущих машинках, только два немецких циркуляра были напечатаны типографски), подписей и т. п. В то же время отсутствие фотокопий советских «документов» (кроме протокола от 2 ноября 1917 г.) затрудняет такие же исследования. Это важно подчеркнуть, так как сами оригиналы и фотографии «документов Сиссона» в его фонде в Национальном архиве США, как мы уже говорили выше, *отсутствуют*. Поэтому исследователь может оперировать только печатным текстом брошюры и машинописной копией первоначального Доклада Э. Сиссона.

В окончательном виде в брошюре первая часть имеет общий заголовок: «Германо-большевистский заговор: Доклад Эдгара Сиссона, специального представителя в России». Доклад для большей убедительности разбит на шесть тематических глав, между которыми и распределены вышеназванные документы. Это: глава 1 «Основной заговор» (The Basic Conspiracy), глава II «Роль Рейхсбанка», глава III «Германо-большевистский заговор против союзников», глава IV «Заговор для “похабного мира” — украинская двойная игра», глава V «Троцкий и Румыния», глава VI «Полная капитуляция (The Complete Surrender) — различная де-

ятельность». В первоначальном докладе Сиссона, с копией которого мы познакомились в архиве, документы между главами разделены несколько по-иному и некоторые главы названы иначе. Но для целей нашего исследования это не имеет значения. Отметив группировку документов самим Сиссоном, мы возвращаемся к группировке по учреждениям, от которых документы якобы исходили.

Уже одно перечисление этих учреждений: четыре немецких, четыре русских да еще протокол и «письмо Иоффе» — дают представление о масштабе деятельности фальсификаторов. Все немецкие документы выполнены на «официальных» бланках, а письма «Разведывательного бюро», кроме того, снабжены и оттисками мастичной печати этого «бюро». Их нужно было раздобыть или изготовить. Что касается документов, претендующих на то, что они исходят от советских учреждений, то вопрос об их внешнем оформлении решается труднее. Только протокол от 2 ноября, якобы подписанный Залкиндом, Механошиным, Поливановым и Иоффе, представлен в брошюре и в виде факсимиле. Видно, что он напечатан на машинке на простом листе бумаги, а не на бланке. Точно так же выполнено и «письмо Иоффе». Трудно сказать, на чем выполнен документ № 1, исходящий якобы от Народного комиссариата по иностранным делам. Это единственный документ НКИД во всей публикации. По виду его в брошюре можно заключить, что он напечатан на бланке, но без печати, только за подписями Залкинда и Поливанова. Так как это единственный случай использования бланка этого учреждения, то можно сделать предположение, что чистый бланк был похищен из Наркоминдела. Решить этот вопрос окончательно невозможно. Впрочем, может быть, оригиналы «документов Сиссона» еще и найдутся в Америке. Что касается документа № 38, исходящего якобы от имени «Комиссии по борьбе с контрреволюцией и погромами», от 14 декабря 1917 г., но подписанного Залкиндом (!), то скорее всего это опечатка, поскольку документы №№ 17, 24 и 27 напечатаны на бланках «комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами». Если это опечатка, то она очень раннего происхождения, поскольку в первоначальном машинописном тексте Доклада Сиссона она уже имеется[12].

Если же мы обратимся к опубликованным подлинным советским документам тех дней, то увидим, что никакого «комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами» или «Комиссии по борьбе с контрреволюцией и погромами», вообще не существовало. В ночь на 4 декабря, когда волна пьяных погромов поднялась особенно высоко, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов создал Комитет по борьбе с погромами во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем[13]. Его представители на-

зывались комиссарами. Но какого-либо отдельного поста «комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами» не было создано. Комитет просуществовал до конца февраля 1918 г. В одном случае он был назван Комиссией по борьбе с погромами. Это упоминание в левоэсеровской газете «Знамя труда» от 27 января (9 февраля) 1918 г. Но опять-таки слово «контрреволюция» в название комитета или комиссии не включалось. 7 декабря, как известно, была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, знаменитая ЧК, но в ее названии не было слова «погромы». Таким образом, приходится констатировать, что бланк «Комитета (комиссии) по борьбе с контрреволюцией и погромами» был подделан, а название органа изобретено фальсификаторами. Внешняя же критика «документов», напечатанных на этих бланках, невозможна, пока не будут обнаружены фотографии самих документов, приобретенных Сиссоном.

Но в отношении документов «Контрразведки при Ставке» мы такую возможность имеем. Как уже говорилось выше, в фонде «документов Сиссона» в Национальном архиве США хранятся никогда не публиковавшиеся материалы третьей серии, изготовленные тем же Оссендовским и приобретенные вице-консулом Имбри у посредника Акермана[14]. В их составе имеется 8 документов «Контрразведки при Ставке». И все это «оригиналы», напечатанные на бланках с угловым штампом и оттисками печати этого «учреждения». Кстати, оттиск этой круглой печати «К.-Р. отделения Ш. В. Г.» имеется на подлинном паспорте финна Вальтера Невалайнена в брошюре Сиссона (факсимиле документа № 43 и приложения к нему на стр. 22 брошюры «Германо-большевистский заговор»). Это показывает идентичность бланков и печатей, использованных А. М. Оссендовским для изготовления документов второй и третьей серий.

Теперь надо сказать несколько слов о бланках немецких учреждений. Образцовую критику формуляров и словоупотребления их угловых штампов дал Дж. Кеннан в своей статье о документах Сиссона 1956 г. Так как статья эта все еще недоступна даже большинству специалистов, приведем вывод Кеннана целиком. Он основывается при этом на немецкой брошюре «Die Entlärvung der Deutsch-Bolschewistischen Verschwörung mit einem Vorwort des früheren Ministerpräsidenten Phillip Scheidemann. Herausgegeben vom Dr. Ernst Bischoff» (Berlin, 1919) (Разоблачение германо-большевистского заговора с предисловием бывшего министра-председателя Филиппа Шейдемана. Издано д-ром Эрнстом Бишофом. Берлин, 1919). Вот что писал Дж. Кеннан:

«В германской брошюре утверждается, что угловые штампы представленных в документах Сиссона отделений Германского Генераль-

ного штаба являются очевидно фальшивыми. Наименование “Большой Генеральный штаб”, которое фигурирует там, было отменено 2 августа 1914 г. и не восстанавливалось вплоть до конца войны. Структура Генерального штаба никогда не включала в себя “Разведывательного бюро”. Летом 1917 г. было создано “Разведывательное отделение” (переименованное далее в 1917 г. в “Отделение иностранных армий”), от которого это “название” и могло быть образовано. Штаб никогда не имел Русского отделения как такового. Эти и другие утверждения германской брошюры, касающиеся немецких военных учреждений, были подтверждены Госдепартаменту директором Отделения военной разведки Военного министерства США Мэтью К. Смитом в письме от 17 января 1921 г. В дополнение к этим дефектам было замечено, что буквоупотребление в угловых штампах (а также и в германских циркулярах, включенных в приложение № 1 к “документам Сиссона”) в некоторых отношениях архаично или необычно и не напоминает употребляемое в аутентичных германских документах 1918 г. Например: Bureau вместо Büro, Abtheilung вместо Abteilung, Central вместо Zentral»[15].

В самой немецкой брошюре приводятся образцы подлинных печатей и угловых штампов штаба и Разведывательного отделения в сравнении с использованными в «документах Сиссона». Мы помещаем их в приложении № 3 к данной книге вместе с образцом углового штампа «Контрразведки при Ставке». Это даст возможность исследователям обратить внимание еще на одну деталь. Это поразительное сходство типографских атрибутов, использованных как в бланках германских учреждений: «Разведывательного бюро», Центрального отделения Большого Генерального штаба и Гененерального штаба флота открытого моря, так и русской «Контрразведки при Ставке». Прежде всего — немецкие документы. Угловые штампы и циркуляра Большого Генерального штаба от 9 июня 1914 г., и циркуляра Генерального штаба флота открытого моря от 28 ноября 1914 г. (их факсимиле приведено на стр. 7 брошюры «Германо-большевистский заговор»), и «Разведывательного бюро БГШ» (см. факсимиле любого из девяти документов в брошюре), и письма начальника «Русского отдела Германского Генерального штаба» наркому по иностранным делам от 24 февраля 1918 г. имеют такой абсолютно одинаковый атрибут, как начертание символа «№» (номер документа). Более того, абсолютно такое же начертание «№» мы находим и на бланке русской «Контрразведки при Ставке». Такое может быть только в одном случае: все бланки (и русские, и немецкие) печатались в одной и той же типографии, на одних и тех же гарнитурах и, скорее всего, одним и тем же наборщиком.

Далее. Циркуляр Большого Генерального штаба от 9 июня 1914 г. и письмо начальника «Русского отдела ГШ» напечатаны на бланках с одинаковым угловым штампом, хотя первый документ набран типографски по-немецки, а второй напечатан на пишущей машинке с русским шрифтом, и между ними должна была бы быть временная разница почти в четыре года. Гарнитура, которой набраны слова «Central Abteilung» в угловом штампе Большого Генерального штаба, совпадает с гарнитурой, которой набраны слова «G. S. der Hochseeflotte» в угловом штампе Генерального штаба флота открытого моря. Они отличаются только номером: в последнем случае он меньше, а значит, высота букв чуть больше. В обоих угловых штампах использован одинаковый декоративный элемент: «птичка», состоящая из нескольких параллельных косых полосок, сходящихся под острым углом (\\\\V///).

Слово «Section» в угловых штампах Большого Генерального штаба и «Разведывательного бюро БГШ» набрано одинаковыми буквами. Сам печатный немецкий текст циркуляров от 9 июня и 24 ноября 1914 г., хотя он исходит от разных учреждений, набран одним и тем же шрифтом (тем же, что и слово «Section»), точно так же, как и само заглавное слово «Circular» в обоих циркулярах. Всего этого не могло бы быть при нормальном печатании бланков и текстов в соответствующее время. На эти важные обстоятельства исследователи не обращали до сих пор внимания. А они с неопровержимой точностью доказывают поддельность документов всех трех серий. И мы даже не касались еще исторической критики «документов Сиссона» по их содержанию. Просмотрели это и американские эксперты-графологи, сосредоточив свое внимание только на подписях.

Установив, что все бланки немецких и русских учреждений напечатаны в одной типографии, там же набран и немецкий текст двух циркуляров 1914 г., которые в первой серии документов приводились по-русски в виде машинописных копий, мы должны попытаться определить, в какой же типографии все это производилось? Вспомним, что и Е. П. Семенов, и А. М. Оссендовский являлись не просто журналистами, но и редакторами газеты «Вечернее время». Ее типография имела любые гарнитуры, и за хорошую плату пользовавшийся их доверием наборщик мог выполнить эту небольшую работу и молчать об этом. Но вероятнее, что это было сделано в типографии «Геральда», где печаталась газета «Антанта» на французском языке и советский «Факел» на немецком языке, где сотрудничал Е. П. Семенов и пользовался расположением наборщиков, что следует из рассказанной им истории об уничтожении Залкиндом гранок его статьи. Если это наше предположение правильно, то Е. П. Семенов

должен был быть в курсе самой «работы» А. М. Оссендовского и нести равную с ним долю ответственности за обман Э. Сиссона и всего мирового общественного мнения. Для решения этого вопроса (в какой из двух типографий выполнялись бланки с поддельными типографскими угловыми штампами) необходимо познакомиться с гарнитурами, применявшимися при печатании газеты «Вечернее время» и газет, печатавшихся в типографии «Геральда».

Теперь о печатях. Мы встречаемся в «документах Сиссона» с оттисками только двух мастичных печатей: «Разведывательного бюро БГШ» и «Контрразведки при Ставке». Даже документы Центрального отделения Большого Генерального штаба и Генерального штаба флота открытого моря не имеют никаких печатей. На странность этого обстоятельства обратил внимание Дж. Кеннан. Но документы первых двух «учреждений» вместе составляют 35 штук, они подавляют числом и привлекают поэтому к себе большее внимание. Поэтому наличие печатей там придавало большую убедительность всей серии. Где были изготовлены печати, сказать пока трудно. Ясно только, что в царившей тогда обстановке хаоса и безвластия в Петрограде за деньги можно было сделать что угодно.

В заключение этой главы необходимо сказать о машинописном тексте. В связи с отсутствием в нынешнем составе коллекции фонда «документов Сиссона» собранных им оригиналов и фотокопий документов невозможно провести новую экспертизу «почерков» машинок. Это можно сделать только по отношению к факсимильно воспроизведенным 12 машинописным документам. Но мы можем опираться на результаты работы Дж. Кеннана, который при подготовке своей статьи еще видел отсутствующие ныне (или перемещенные в другой фонд) оригиналы и фотокопии документов Сиссона.

Итак, вновь даем слово Кеннану. «Близкое ознакомление, — писал он, — с образцами машинописи основной части документов официальной брошюры (все напечатаны на машинке) обнаруживает совершенно ясно, что в подготовке этих документов использовались пять различных пишущих машинок. В изготовлении 18 документов “Разведывательного бюро” использовались машинки №№ 1, 2, 3 и 4. Машинка № 1 использовалась особенно часто. Документы “Русского отделения Большого Генерального штаба” были отпечатаны на машинках № 1 и № 2. Два документа “Генерального штаба флота открытого моря” были напечатаны на машинке № 1. Все эти документы поэтому совершенно точно исходят из одного центра. С другой стороны, три документа от загадочного чиновника “Рейхсбанка” напечатаны на машинке № 5, и они единственные во всей серии напечатаны на этой машинке.

Для всех документов, исходящих от русских официальных учреждений, включая такие различные, как Советское ведомство иностранных дел, “комиссар по борьбе с контрреволюцией и погромами”, “Контрразведка при Ставке” (предположительно за несколько сот миль от Петрограда), использовались только машинки № 1 и № 2. Таким образом, документы из якобы русских источников были реально изготовлены в том же самом месте, где и документы, претендующие на то, что они исходят от германских учреждений, — это явное указание на обман»[16].

Кеннан далее делает такое примечание: «Читатель, которому доступна только опубликованная брошюра “Германо-большевистский заговор” (а сегодня в этом положении находятся все читатели и исследователи — *В. С.*), может это заметить, например, на факсимиле документа № 3 (стр. 6), исходящего от служащих Советского ведомства иностранных дел, и документа № 14 (стр. 11), исходящего от “Разведывательного бюро”, что оба напечатаны на машинке № 1, которая имеет тенденцию к расплывчатой печати нижнего левого угла заглавных букв, особенно К и Ять»[17].

Различные характерные особенности имеют и шрифты других использованных машинок. В частности, другой (возможно, это машинка № 2, выделенная Дж. Кеннаном) присуща вытянутая к верхнему левому углу конфигурация строчной буквы О. По тем материалам, которые были доступны мне (12 факсимиле из официальной брошюры), я выделил достаточно четко только почерк двух пишущих машинок. Более подробно к вопросу о пишущих машинках, использованных А. М. Оссендовским при изготовлении фальшивых документов о германо-советских отношениях, мы вернемся ниже, при анализе «документов Акермана – Имбри», ксерокопии оригиналов которых имеются в нашем распоряжении.

Таким образом, объективные данные, полученные в результате исследования угловых штампов немецких и русских «документов», доказывают, что они были отпечатаны в одной и той же типографии и одним и тем же человеком («почерк» наборщика, привычка к расположению элементов названия учреждения, места для даты и номера, словом, вся «архитектоника» набора углового штампа). А анализ образцов машинописи, проделанный Дж. Кеннаном, ярко показал, что и русские, и немецкие «документы» написаны в одном месте и на тех же пишущих машинках. Особенно четко это видно на примере документов «Контрразведки при Ставке», которая должна была бы располагаться в г. Могилеве, но документы которой написаны на тех же машинках, на которых выполнены документы «комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами» и «Разведывательного бюро БГШ», располагавшихся в Петрограде.

Следовательно, объективные данные для обнаружения подделки существовали всегда и могли быть обнаружены если не сразу же в Петрограде, то весной и летом 1918 г. в Америке, когда они оставались доступными для квалифицированного профессионального изучения любыми экспертами. Кстати, есть несколько свидетельств того, что английские служащие разных учреждений, коснувшиеся этой проблемы, проявляли гораздо больший скептицизм относительно подлинности всех трех серий документов о «германо-большевистском заговоре», чем американцы. Но для позиции американского правительства важнее было настаивать на подлинном характере документов, чем проверять их на поддельность. Политика обусловила оценку и использование «документов Сиссона». Они как нельзя лучше оправдывали тот определенный поворот к непризнанию Советской власти и борьбе с нею, который после колебаний конца 1917 г. и начала 1918 г. произвела администрация президента Вильсона.

Театр теней. Акт второй

Выше мы показали и доказали поддельность «документов Сиссона». Но не только и не столько в этом я вижу свою задачу. Ведь Эдгар Сиссон почти три недели решал главный для себя вопрос: являются ли Ленин и Троцкий прямыми агентами кайзеровской Германии, выполняют ли они указания из Берлина. Он лично знал вождей большевиков, разговаривал с ними, вынес определенное впечатление из этих бесед. В частности, мы помним, что в результате встречи с Лениным его уважение к главе советского правительства возросло. Ленин в разговоре с ним и Робинсом не побоялся сам заострить вопрос и сказать иронически: «И они называли меня германским шпионом!» Сиссон в мемуарах своих реконструировал внутренний монолог Ленина, правильно указав на его расчет использовать ресурсы и власть в России для революции в Германии. Но именно под влиянием полученных от Семенова фотокопий искусно выполненных подделок Оссендовского он нашел ответ на свой вопрос: да, большевистские лидеры — это прямые немецкие агенты, переговоры с ними невозможны, это враги, а не бывшие союзники, их надо разоблачать и обращаться с ними как с врагами. Что же содержалось в этих документах такого, что убедило Сиссона? Он начал колебаться, ознакомившись еще в начале февраля 1918 г. с несколькими комплектами документов первой серии, но окончательное убеждение созрело в нем к концу этого месяца. 9 оригиналов, полученных им в результате мифического «рейда» и похищения из смольнинских ящиков, лишь подтвердили уже сложившееся убеждение, дали окончательные «доказательства». Не зря, получив их, он воскликнул: «Теперь я могу возвращаться, мне нечего здесь делать!»

Мог ли Сиссон разобраться в том, что перед ним подделки? Наверное, мог бы, хоть он и не был ни экспертом-криминалистом, ни историком-источниковедом. Но для этого необходимо было время, спокойная обстановка и непредвзятое, объективное отношение к «документам». Всего этого не было: время исчислялось днями, а потом часами, вместо

спокойствия была возраставшая тревога, опасения, что через день-два немцы могут оказаться на улицах Петрограда. 3 марта 1918 г., как записано в дневнике Сиссона, город подвергся германскому воздушному налету. Недалеко от Таврического сада разорвалась бомба, но, к счастью, никто не пострадал. Наконец, не было никакой объективности, даже того состояния колебаний и сомнений, которые владели Сиссоном до получения им 2 февраля от Раймонда Робинса документов первой серии. Поэтому удовлетворенное желание получить улики против большевиков препятствовало любому критическому отношению к полученным «документам».

Чтобы понять, что же именно убедило Сиссона, придется и нам, вслед за ним, хотя бы бегло познакомиться с содержанием документов второй серии, которые потом Сиссон холил и лелеял, группировал в разные разделы и главы для своего Доклада и брошюры, а затем, несмотря на увеличивающуюся волну критики и разоблачений, до конца считал подлинными. Первой пробой было, конечно, «письмо Иоффе». Арест румынского посланника Диаманди в ночь на 1 января старого стиля 1918 г. был несомненным фактом, взбудоражившим весь дипломатический корпус. И пожалуйста, оказывается, он был произведен по прямому требованию генерала Гофмана! Но для нас «Письмо Иоффе» важно еще и тем, что оно раскрывает один из главных методов работы Оссендовского: изготовление документов под реальный, уже совершившийся факт. В этом случае, как мы хорошо помним, в «письме Иоффе» было несколько «этажей», сознательно надстроенных над очевидным фактом ареста Диаманди. Один «этаж» или особая тема: посылка агитаторов на Румынский фронт. Для того чтобы развить ее, Оссендовский создает еще один документ. На бланке «Контрразведки при Ставке» печатается следующее письмо, получающее дату 2 января 1918 г.: «В Комиссию по борьбе с контрреволюцией. Верховный главнокомандующий Крыленко поручил контрразведке при штабе Верховного главнокомандующего сообщить вам, что необходимо немедленно командировать на Румынский фронт следующих лиц: из Петрограда комиссара Куля, социалиста Раковского, матроса Гнесина и с фронта начальника штаба Красной гвардии Дурасова. Эти лица должны быть снабжены литературой и деньгами для агитации. Им ставится задача принять все меры для свержения румынского короля и устранения контрреволюционных румынских офицеров. Начальник контрразведки Фейерабенд. Секретарь Н. Драчев»[1].

Получив подобный документ, Сиссон должен был связать его с содержанием «письма Иоффе» и увидеть, что указание германского военачальника выполняется, да еще грозит самыми ужасными последствия-

ми: свержением короля союзной державы, репрессиями по отношению к офицерам союзной армии! Ничего этого уже не произошло. Наоборот, на румынском фронте победили антисоветские силы. Но документ «разоблачал» замыслы большевиков, показывал их полное подчинение германцам и циничное отношение к бывшему союзнику. Значит, он годился!

Текст приведенного «документа» показывает еще один характерный прием фальсификаторской работы А. М. Оссендовского: использовать вымышленные фамилии и должности вперемежку с реальными людьми. Фамилия румынского и болгарского социалиста, а затем и большевика Х. Г. Раковского была хорошо известна. Более того, было известно, что он в составе какой-то группы был командирован на юг. В автобиографии Раковского читаем: «В декабре я был в Петрограде (приехав из Стокгольма. — *В. С.*) и в начале января уехал в качестве комиссара-организатора Совнаркома РСФСР на юг вместе с экспедицией матросов во главе с Железниковым. Пробыв известное время в Севастополе и организовав там экспедицию на Дунай против румынских властей, занявших уже Бессарабию, я отправился с экспедицией в Одессу»[2]. Факт подтверждался: Раковский был на юге. Но не по приказу Крыленко, а тем более германских военных властей, не по приказу «Комиссии по борьбе с контрреволюцией», а по командировке самого Совнаркома. В биографической хронике В. И. Ленина в записи за 16 (29) января 1918 г. записано: «Ленин подписывает удостоверения М. Г. Бужору, Х. Г. Раковскому, М. М. Брашовеану, В. Б. Спиро, А. К. Вороненому, Ф. И. Кулю (Полярному) и А. Г. Железникову (Железняку) о назначении их СНК комиссарами-организаторами по русско-румынским делам на юге России»[3]. Раковский вернулся из этой командировки и вновь беседовал с В. И. Лениным только 28 марта 1918 г., уже в Москве[4]. Среди этих комиссаров мы встречаем и Куля. Это вторая реальная фамилия, да и сам факт посылки группы на Румынский фронт из Петрограда по распоряжению Смольного во второй половине января реальный, к которому и изготовляется данный документ. Но уже фамилии матроса Гнесина и «начальника штаба Красной гвардии» Дурасова явно вымышленные. Как показывает наше исследование, они встречаются во всех изготовленных А. М. Оссендовским документах только по одному разу. Это же относится и к «секретарю контрразведки» Н. Драчеву.

Очень интересная история связана с фамилией Фейерабенда. Ее немецко-еврейский оттенок вполне соответствовал основному направлению «документов» Оссендовского, и она много раз употребляется им. Тем не менее, это реальное лицо. Хотя его роль и занятие не отвечают той тени, которую использует Оссендовский в своем театре. Некоторые

сведения о В. А. Фейерабенде и его деятельности в Ставке и вокруг нее мы находим в монографии В. Д. Поликарпова «Пролог Гражданской войны в России» (М., 1976). Рядовой В. А. Фейерабенд являлся в ноябре 1917 г. членом Военно-революционного комитета 3-й армии, располагавшемся в Полоцке. Он принимал участие в совещании с петроградскими делегатами 15 ноября 1917 г. по разработке планов овладения Ставкой в Могилеве. В составе делегации революционных войск 18 ноября он был уже в Могилеве. Вместе с другими солдатами-большевиками, Н. Т. Хохловым и С. И. Зобковым, В. А. Фейерабенд вошел в состав Военно-революционного комитета Ставки, образованного в ночь на 19 ноября. Начальник гарнизона генерал М. Д. Бонч-Бруевич (фамилия его тоже будет часто использоваться Оссендовским в сочиненных им документах) признал власть ВРК, встречался с Фейерабендом и другими и работал с ними в полном контакте. Фейерабенд ездил в Оршу за помощью для разоружения ударников. И дальше, в ноябре–декабре 1917 г., В. А. Фейерабенд проходит по документам только как член ВРК, причем активный его член, но никакого отношения к «Контрразведке при Ставке» не имеющий. 22 ноября он избирается товарищем председателя ВРК при Ставке, комиссаром при дежурном генерале, затем делегируется членом Полевого штаба при Ставке. В конце ноября В. А. Фейерабенд командируется в Жмеринку, чтобы содействовать продвижению советских войск в Донецкий бассейн. Затем он возглавляет боевой отряд и отправляется с ним на Дон, против Каледина[5]. Таким образом, увидев в газетах фамилию активного участника занятия Ставки и ее нового советского деятеля Фейерабенда, А. М. Оссендовский взял ее на заметку и решил использовать в своих документах. Рядовой солдат Фейерабенд не имел ничего общего со зловещей пронемецкой фигурой главы «Контрразведки при Ставке», органа, само существование которого документами никак не подтверждается, хотя нечто подобное в Могилеве и должно было быть.

В этом, видном только после скрупулезной исследовательской работы переплетении правды и обмана и состояла сильная и магическая сторона «документов», изготовленных Оссендовским. Он как бы добавлял скрытое знание к тому, о чем открыто говорилось в печати. Не зря Сиссон говорил, что ответ на его мучительные вопросы лежал в папках дел в Смольном. «Раскрывая» эти папки, Семенов с Оссендовским подсказывали ему ответ в том духе, в каком ему самому хотелось этот ответ получить.

И все же была грань между этими лживыми комментариями задним числом к реально происходившим событиям и абсолютной выдумкой, которой являлись первые документы Доклада Сиссона, объединенные

им в главе «Основной заговор» (The Basic Conspiracy). Как мог культурный и образованный человек, каким был Эдгар Сиссон, поверить в эти небылицы о подкупе большевистских лидеров, осуществленном Германией с начала войны и революции, понять трудно. Или обстановка войны, совсем еще новая для американцев, воевавших только с марта 1917 г., страхи шпиономании, опасение действий германских диверсантов и пиратства подводных лодок — все это отрицательно действовало на способность человека, тем более правительственного чиновника, критически относиться к окружающему? Слухи, неопределенность в отношении сепаратного мира между Россией и Германией — все это увеличивало нервозность ежедневной жизни американских представителей в Петрограде. Вот почему даже первая серия документов, изготовленных Оссендовским, давала какую-то точку опоры, предлагала свою версию, объяснение многих событий и обстоятельств, которые иначе казались загадочными и необъяснимыми.

Но вернемся к «Базовой конспирации». Эта первая глава брошюры Сиссона начиналась с докладной записки председателю Совета Народных Комиссаров от 16 ноября 1917 г. на бланке Народного комиссариата по иностранным делам, подписанной Ф. Залкиндом (настоящие инициалы: И. А.) и Е. Поливановым (Е. Д. Поливанов, приват-доцент, ранее сотрудничавший с Азиатским отделом МИД, а после предложивший свои услуги большевикам[6]). Текст ее гласил:

«В соответствии с резолюцией, принятой совещанием народных комиссаров в составе тт. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, нами исполнено следующее:

1. В архиве Министерства юстиции из дела об «измене» товарищей Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и других изъят Приказ Германского Имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. об ассигновании денег товарищам Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и другим на пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги “Ниа Банкен” в Стокгольме, содержащие счета товарищей Ленина, Троцкого, Зиновьева и других, которые были открыты по приказу Германского Имперского банка № 2754. Эти книги переданы товарищу Мюллеру, который был послан из Берлина.

Утверждено комиссаром по иностранным делам»[7].

Как и многие другие документы, изготовленные А. М. Оссендовским, эта докладная записка являлась «многоэтажным» документом. Она имела солидную глубину и высоту. Во-первых, она подсказывала,

что большевики во главе с Лениным, захватив власть, стали заметать следы своей зависимости от немцев. Во-вторых, она доказывала, что Временное правительство уже имело в своем распоряжении приказ Имперского банка № 7433 и держало его в деле об «измене». Этот приказ на самом деле сочинил Оссендовский и включил его в расширенную редакцию первой серии документов («документы Никифоровой»). В-третьих, снова приплетался стокгольмский «Ниа Банкен», который фигурировал в телеграммах между Суменсон и Фюрстенбергом. Теперь «доказывалось», что в этом банке действительно были открыты счета для Ленина, Троцкого, Зиновьева и других. Как книги этого банка оказались в Петрограде, дело темное, но вот «товарищ Мюллер» за ними из Берлина, оказывается, приехал! Это четвертый этаж. Пятый — Троцкий одобрил акцию по заметанию следов. Но есть и еще один «этаж»: на полях записки имеется помета: «В секретный отдел. В. У.». Сиссон однозначно расшифровывает эту помету в своем комментарии к данному документу[8] как подпись Ленина. Сиссон ссылается на то, что имеет фотокопию этой записки. Далее приводится сам текст пресловутого приказа № 7433, который мы цитировали и критиковали выше.

Следующий документ, показывающий «базовую конспирацию», относится к 12 февраля 1918 г. Он претендует на то, что был послан несуществующим «Разведывательным отделением Большого Генерального штаба» Германии. Это секретное письмо адресовано прямо Ленину («г. Председателю Совета Народных Комиссаров»). Текст его такой:

«Разведочное отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометками и штемпелями Петербургского охранного отделения представляют собою подлинные приказы Имперского банка за № 7433 от 2 марта 1917 года (в “оригинале” опечатка — 1817. — *В. С.*) об открытии счетов гг. Ленину, Суменсон, Козловскому и другим деятелям на пропаганду мира по ордеру Имперского банка за № 2754. Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов»[9].

Этот «документ» принесли Сиссону в оригинале и тем самым окончательно убедили его в том, что данные приказы Имперского банка действительно существовали. Между тем одна ссылка на «пометы и штемпеля Петербургского охранного отделения» позволяет сразу же усомниться в подлинности этого документа. Такие пометы и штампы могли появиться только в том случае, если данный приказ был отдан 2 марта 1917 г. по но-

вому стилю, то есть за 10 дней до Февральской революции. И после этого он волшебным образом попал в Петроград (из Берлина!) и оказался в Охранке. Уже 28 февраля (13 марта) 1917 г. помещение Охранки было захвачено толпой восставших, а весь его архив разграблен и сожжен. Эти же два «немецких» документа чудесным образом спаслись и перекочевали в архивы Временного правительства. Почему же в таком случае Козловский и Суменсон, легально проживавшие в Петрограде, не были арестованы еще Охранкой как немецкие шпионы, а Ленин и другие были беспрепятственно пропущены в Петроград, хотя Временное правительство знало о том, что они получают деньги от германского государства?

Повторяем, одно это обстоятельство доказывало бы поддельность данного документа, даже взятого отдельно от других. Но Сиссону были невдомек все эти тонкости, Оссендовский же, наверное, успел забыть, когда там брали Охранку год назад. Сиссон делает такой вывод: «Документ № 2 доказывает аутентичность (приказа № 7433. — *В. С.*) одновременно любопытно и абсолютно»[10].

Для пущей важности на документе, как и в других случаях, имеются пометы. Секретарь Совнаркома М. Н. Скрыпник якобы написала: «В комиссию по борьбе с к.-р.» после того, как Н. П. Горбунов, «главный» секретарь Совнаркома, сделал свою помету: «Была [в] комиссии?» (привожу по факсимиле в брошюре, поскольку Сиссон счел помету Горбунова нечитаемой).

Третий документ этого раздела имел своей целью подтвердить подлинность циркуляров Большого Генерального штаба от 9 июня и Генерального штаба флота открытого моря от 28 ноября 1914 г., которые Оссендовский в русском варианте включил еще в первую серию документов, а теперь перевел на немецкий язык и отпечатал типографски. Это был протокол от 2 ноября 1917 г. Кстати, все эти даты не должны никого смущать. Они ни в коей мере не соответствуют реальному времени и последовательности создания А. М. Оссендовским своих документов. Хотя, как мы покажем в последующих главах, он вел определенный учет датам и исходящим номерам и крайне редко сбивался со счета. Но в случае с документами второй серии, полученными лично Сиссоном, все они делались не ранее конца января и начала февраля 1918 г., после того как Фрэнсис и Сиссон проглотили приманку и взяли «письмо Иоффе» от 31 декабря 1917 г. Так вот, и этот протокол родился позднее этой даты, хотя, по расчетам Оссендовского, для того чтобы подтвердить подлинность изготовленных им циркуляров 1914 г., он должен был бы быть датирован первыми днями существования новой власти. В нем говорилось:

«Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета Народных Комиссаров из дел Контрразведочного отделения Петроградского округа и бывш. Департамента полиции, по поручению представителей Германского Генерального штаба в Петрограде изъяты:

1. Циркуляр Германского Генерального штаба за № 421 от 9 июня 1914 г. о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии и

2. Циркуляр Генерального штаба флота открытого моря за № 93 от 28 ноября 1914 г. о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное отделение Германского штаба в Петрограде»[11].

Протокол был «подписан» И. Залкиндом, Механошиным, Е. Поливановым и А. Иоффе в качестве «уполномоченных Совета Народных Комиссаров».

Затем следовала расписка: «Означенные в настоящем протоколе циркуляры №№ 421 и 93, а также один экземпляр этого протокола получены 3 ноября 1917 г. Разведочным отделом Г. Г. Ш. в Петербурге. Адъютант Генрих». Вверху имелась помета: «В[оенный] К [омиссариат] Д. № 323. 2 приложения»[12].

Подобным образом Оссендовский опять убивал нескольких зайцев. Во-первых, подтверждал подлинность своих циркуляров. Во-вторых, вмешивал в дело Совнарком и Ленина как исполняющих прямые германские приказы. В-третьих, подтверждал данные другого своего «документа» о том, что уже 25 октября 1917 г. «Разведывательное бюро БГШ» обосновалось в Петрограде. Протокол был составлен просто на листе бумаге, а не на каком-нибудь бланке. Механошин представлял Военное ведомство, а остальные три — НКИД. Подписи их были скопированы с реального документа, вывешенного в проходной Наркоминдела и украденного Семеновым, о чем он сам хвастливо поведал в своей статье в «Последних новостях» 6 апреля 1921 г. Еще один вывод следовал из этого документа — что данные циркуляры уже находились ранее в царском Департаменте полиции и контрразведке штаба Петроградского военного округа. Этим как бы еще раз подтверждалась подлинность типографских циркуляров. Вспомним, что и в документах первой серии указывалось, что циркуляры взяты из архивов контрразведки.

Сиссон получил «оригинал» этого протокола в результате «рейда» конца февраля — начала марта 1918 г. вместе с типографскими экземплярами циркуляров и был счастлив. Он получил свидетельство того, как

немцы, в предвидении неминуемого дня расплаты, тоже заметают следы своей вины за развязывание мировой войны[13]. Еще одно «свидетельство» заметания следов предлагал документ № 4. «Разведывательное бюро БГШ» извещало 17 января 1918 г. Наркоминдел, что оно получило точную информацию о том, что лидеры правящей сейчас в России «социалистической партии» через Фюрстенберга и Радека находятся в переписке с Шейдеманом и Парвусом на предмет уничтожения следов их деловых отношений с имперским правительством. В этих сношениях-де немецкие социал-демократы видят опасность для мирового социализма. Начальник немецкого Разведбюро в Петрограде Р. Бауэр (о нем разговор еще впереди) имеет честь просить обсудить этот вопрос в присутствии представителя Германского Генерального штаба и г-на фон Шенемана[14]. Очевидно, Оссендовскому все социалисты в мире были в этот момент одинаково противны. Иначе он сообразил бы, что интернационалисты-большевики никак не могли находиться в какой-то переписке с правым социал-шовинистом Шейдеманом, даже по поводу их тайных «сношений» с имперским правительством. Но Сиссон все это принимал за чистую монету. Он ссылался в своем примечании на документ первой серии из приложения № 1 к брошюре, в котором якобы Шейдеман сообщает Ольбергу в Стокгольм об ассигновании через «контору Фюрстенберга» 150 000 крон для «Новой жизни» М. Горького. Но в январе 1918 г., поясняет Э. Сиссон, Ганецкий-Фюрстенберг находился в Петрограде. И вот он помогает Шейдеману скрыть старые следы![15] Этот пример показывает, что Сиссон совершенно не разбирался в тонкостях взаимоотношений социалистов разных течений в странах, которые вели между собой мировую войну.

Но рекорд по нелепости ставит документ № 5. Судите сами. От имени Секции М Центрального отделения Большого Генерального штаба Германии выпускается документ от 25 октября 1917 г. на имя правительства Народных Комиссаров. Ни Оссендовского, печатавшего эту несусветную глупость, ни Сиссона, ее с восторгом принимавшего, все это не смущает. Правительства такого еще не существует, только к вечеру 25 октября Ленин с Троцким, чтобы отличаться от Временного правительства Керенского, предлагают взять название Совет Народных Комиссаров для Временного (до Учредительного собрания) рабоче-крестьянского правительства, а в Берлине уже знают обо всем этом и посылают этому правительству свои указания.

Но содержание документа еще нелепее, чем его адрес и дата. Вот уж где, можно сказать, Оссендовский прямо расписывается в своем авторстве «документов Сиссона»! Читаем начало документа: «В соответствии

с соглашением, заключенным в Кронштадте в июле сего года между представителями Генерального штаба и лидерами русской революционной армии и демократии г-ми Лениным, Троцким, Раскольниковым и Дыбенко, Русское отделение нашего Генерального штаба, действующее в Финляндии, посылает в Петроград офицеров для организации Разведывательного бюро штаба»[16]. Вспомним омское письмо А. М. Оссендовского лета 1919 г., где он похваляется, что открыл «убежище» Ленина в июле 1917 г. в Кронштадте, где и было создано революционное правительство, развернувшееся потом в Совет Народных Комиссаров! Мы пока опускаем выдуманные фамилии мифических офицеров немецкой разведки, «в совершенстве владеющих русским языком и знакомых с русскими условиями». Далее в письме говорилось: «Разведывательное бюро в соответствии с соглашением с г-ми Лениным, Троцким и Зиновьевым установит наблюдение за иностранными посольствами и военными миссиями и контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведывательную и контрразведывательную работу на внутреннем фронте, для каковых целей будут назначены агенты в различные города»[17]. Вот те раз! Еще и взятие власти не завершено, еще не ясно, будет ли контрреволюция, а Германия уже обещает большевикам помощь в борьбе с нею, всю секретную работу на еще не существующем «внутреннем фронте». Чтобы покрепче припечатать большевиков, Оссендовский добавляет в конце документа: «Одновременно сообщается, что в распоряжение правительства Народных Комиссаров назначены консультанты: для Министерства иностранных дел г-н фон Шенеман, для Министерства финансов г-н фон Толь».

Ниже есть приписка: «В комиссариат иностранных дел. Названные в данном письме офицеры были приняты в Военно-революционном комитете и согласовали с Муравьевым, Бойе и Данишевским условия их взаимной деятельности. Она будет осуществляться под руководством Комитета. Консультанты появились в своих ведомствах. Председатель Военно-революционного комитета А. Иоффе. Секретарь П. Крушавич. 27 октября 1917 г.»[18]

Итак, уже 27 октября немецкие офицеры в Петрограде, «Разведывательное бюро Большого Генерального штаба» Германии начинает работу, согласует свою деятельность с Военно-революционным комитетом Петроградского Совета. Немецкие консультанты на ключевых постах, марионетки-большевики послушно выполняют их команды. Сиссон получил только фотографию этих уникальных бумаг. Получил их, видимо, в середине февраля, когда события конца октября уже чуть подзабылись, да и сам он, впрочем, тогда в Петрограде не был, а проверять все это по газе-

там ему и в голову не приходило. Документ же прекрасно показывал начало «базовой конспирации». Оссендовский здесь, как всегда, старается соблюсти правдоподобие как ситуации, так и упоминания действующих лиц. В 1960-е годы было опубликовано несколько десятков документов, которые А. А. Иоффе подписывал в качестве председателя ВРК (постоянного председателя не было, есть документы ВРК, подписанные даже Лениным и Троцким, а также другими видными деятелями Октябрьского восстания)[19]. Полковник М. А. Муравьев руководил боевыми действиями против войск Керенского — Краснова в этот момент. Полковник Бойе был введен в состав четверки, командовавшей войсками Петроградского гарнизона. Вот только «секретаря Крушавича» нигде отыскать не удалось. Рядом с фамилиями реальных лиц Оссендовский всегда для массовости называл и выдуманные. Да и с Данишевским вышла накладка. Т. Данишевский был довольно известным деятелем Солдатской секции и Исполкома Петроградского Совета, но совсем не большевиком. Никаких следов его участия в Военно-революционном комитете не имеется.

Документ № 6 от 19 ноября 1917 г. от имени «Разведывательного бюро БГШ» рекомендовал Совнаркому восемь офицеров из числа немецких военнопленных в «качестве военных советников». Подобное предложение вполне могло показаться Э. Сиссону правдоподобным. Не надо забывать, что в Петрограде с конца 1917 г. реально действовала немецкая военная комиссия по делам военнопленных, сотрудничавшая с советскими властями. А в коридорах «Европы» Сиссон даже столкнулся с проживавшим на том же этаже графом Вильгельмом Мирбахом! Но всего этого казалось мало Оссендовскому, и в эту правдоподобную ситуацию он вплетает и фантастический элемент: офицеры направлялись, «как было согласовано на совещании с Лениным, Зиновьевым и другими в Стокгольме во время возвращения в Россию»[20].

Но самый смехотворный документ из этих семи, образующих первую главу брошюры «Германо-большевистский заговор», это последний — № 7. «Разведывательное бюро БГШ» дает указание «комиссару по иностранным делам» о том, что «по приказу местного отделения Германского Генерального штаба следующие лица должны быть переизбраны в состав ВЦИК...» Документ датирован 12 января 1918 г.[21] В это время проходил Третий Всероссийский съезд Советов. Хотя большевики уже доминировали на нем, но там все еще продолжалась ожесточенная политическая борьба. Эсеры, меньшевики всех оттенков были среди делегатов и были избраны, хотя и в небольшом числе, в состав ЦИК. Но оказывается, это Германский штаб решал, кого избрать в ЦИК, а Ленин и Троцкий послушно выполняли его волю! Большевики и сочувствующие им составля-

ли только 647 делегатов из 1130, или 57,3 %. Там были 281 левый эсер и сочувствующий им, 19 эсеров-максималистов, 41 правый эсер и центрист, 18 меньшевиков-интернационалистов, 24 прочих меньшевика[22]. В новом ЦИК, реально избранном съездом, из 306 человек 160 были большевиками, 125 — левыми эсерами, 7 — эсерами-максималистами, 7 — правыми эсерами, 2 — меньшевиками, 2 — меньшевиками-интернационалистами, 3 — анархистами[23].

Присмотримся теперь к фамилиям, названным Оссендовским. Кроме известных большевистских лидеров — Троцкого, Ленина, Зиновьева, Каменева, Иоффе, Свердлова, Луначарского, Коллонтай (все они, заметим, кроме Свердлова, были скомпрометированы приобретенными Сиссоном «документами»), упоминались также «замаранные» документами первой серии Мартов и Стеклов. А дальше среди оставшихся 14 человек шли немецко-еврейские фамилии: Гольман, Фрунзе, Ландерс, Мильк, Соллерс, Штудер, Гольберг, Петерс, Фабрициус. Далее шли «уличенные» в связях с немцами Раскольников и Володарский. Таким образом, подсказывался вывод, что и высший орган власти Советской России формируется под немецким контролем и из германских агентов разного рода.

Документы № 4–7 были переданы Э. Сиссону в виде фотокопий, следовательно, он получил их во второй половине февраля 1918 г. В это время он уже сделал выбор и готов был верить всему, что подсовывал ему Е. П. Семенов. Насколько можно судить по поведению Сиссона, его письмам, которые я читал в значительном количестве в его фонде в Национальном архиве США, и содержанию его мемуаров, он был в общем-то человеком порядочным и простым, даже доверчивым. И в то же время абсолютно не подготовленным к той миссии, для выполнения которой его послали в Россию. В русском социализме, который стал главной отличительной чертой страны после Февральской революции, он совершенно не разбирался. Поэтому встреча с таким мощным и изощренным интеллектом, каким обладал А. М. Оссендовский, оказалась для Сиссона роковой. Получаемые от Семенова документы были липкими, как паутина, они вцеплялись кошачьими когтями и в душу, и в разум. Их сложная многоэтажная структура, сочетание реальных событий, «под которые» они создавались постфактум, с вымышленными, но отвечавшими ожиданию клиента, употребление фамилий, которые были упомянуты в прессе или были у всех на слуху, вперемежку с гораздо большим количеством фамилий придуманных — все это убеждало в подлинности предъявленных документов, в раскрытии страшных секретов и тайн, покоряло, брало в плен. В этом эмоциональном поединке А. М. Оссендовский и его подручные взяли верх над практичным, но лишенным критической научной

жилки американцем. Буйная, питавшаяся ненавистью и обидой фантазия романиста оказалась сильнее рационального ума порядочного человека, к тому же американского патриота и противника Германии.

Мы подробно разобрали семь документов первой главы Доклада Сиссона, чтобы показать, какими средствами добивались Оссендовский и Семенов желаемого результата от своих контрагентов, и прежде всего от Э. Сиссона, а также продемонстрировать, как под ударами клавиш его пишущих машинок рождались уродливые образы циничных и трусливых калифов на час, приведенных к власти германскими деньгами, изменников, предающих союзников и друзей своей страны, превращающих родину в колонию хищнического германского империализма.

Как мы и говорили, в нашу задачу не входит подробный анализ всех «документов Сиссона». Пожалуй, с точки зрения методики работы главного фальсификатора А. М. Оссендовского важно познакомиться еще с документами №№ 32 и 43. Документ № 32 является «совершенно секретным письмом» «Разведывательного бюро БГШ» народному комиссару по иностранным делам от 6 февраля 1918 г. Начальник бюро Р. Бауэр просит немедленно выдать турецкому подданному Карпу К. Миссирову русский паспорт «вместо отобранного у него, выданного ему в 1912 г. на основании прилагаемого к сему национального паспорта». Паспорт действительно приложен. Он, как и само это письмо, были в оригинале доставлены Э. Сиссону. Миссиров, видимо, был реальным лицом, и данный турецкий паспорт действительно принадлежал ему когда-то. Но еще в 1912 г. он был сдан в обмен на русский паспорт, о чем на обороте турецкого и сделана соответствующая надпись. Каким путем этот подлинный документ попал в руки Оссендовского, мы не знаем. Но он подал ему счастливую идею: «Агент К. Миссиров, — говорится далее в “немецком” документе, — направляется в штаб русского Верховного командования, где согласно происшедшим переговорам между ген. Гофманом и комиссарами Троцким и Иоффе он будет вести наблюдение за деятельностью начальника штаба ген. Бонч-Бруевича в качестве помощника комиссаров Кальмановича и Фейерабенда»[24]. Логично было бы, чтобы к письму был приложен не этот, давно погашенный турецкий паспорт, а тот, который был у него «отобран». Но Сиссона это не смутило: «Обратите внимание, — пишет он в своем примечании к факсимиле этих документов, — на свежую печать Nachrichten Bureau!» И действительно. Оссендовский проделывает следующие операции на обороте турецкого паспорта Миссирова: внизу в правом углу делается пометка от имени этого бюро о взятии паспорта и прикладывается его печать. А выше по-русски написано: «№ 873. На имя Михаила Петровича Теряева». Затем фамилия зачеркива-

ется и вместо нее вписывается: «Петра Лукича Ильина». Теперь вернемся к письму «Разведывательного бюро». На нем вверху якобы от имени Троцкого сделана помета: «Запросить т. Иоффе. Л. Т.». Ниже: «Согласно условию подлежит исполнению. А. Иоффе». И наконец: «Паспорт на имя П. Л. Лукина выдан. 7. II.». Оссендовскому не откажешь в изобретательности. В дело годилась и «гнилая веревочка». Вот и турка Миссирова (Турция-то ведь тоже вражеская держава, и ее представители сидели в Брест-Литовске) он посылает в Могилев следить за русским патриотом генералом М. Д. Бонч-Бруевичем в дополнение к двум евреям-комиссарам. Сиссон сделал к этому примечание о том, что Троцкий и Иоффе в сговоре с Гофманом «предали командующего русской армии, когда он попытался защитить Россию против Германии»[25].

Такая же операция проделывается Оссендовским с паспортом № 3681 финляндского гражданина Вальтера Невалайнена. На нем делается помета о явлении паспорта «в контрразведочном отделении Ш. В. Главноком. 25 января 1918 г.». Далее ставится подпись комиссара Е. Соколова. И пишется письмо в Совет Народных Комиссаров (!) от имени Центрального отделения Большого Генерального штаба, в котором говорится: «По поручению Верховного командования Германской армии имею честь напомнить, что надлежит немедленно приступить к отозванию и разоружению русской Красной гвардии из Финляндии. Штабу известно, что главным противником этой меры является начальник финской Красной гвардии Ярво Хаапалайнен, имеющий большое влияние на русских товарищей. Прошу командировать для борьбы с Хаапалайненом предъявителя финского паспорта за № 3681, нашего агента Вальтера Невалайнен (Невалайселле), и снабдить его паспортом и пропусками»[26]. От имени Н. Горбунова, секретаря СНК, делается помета: «Переслать в Комиссариат по иностранным делам и исполнить». А ниже: «Пасп. № 211/№ 372», и подчеркивается фамилия Невалайнена. Вся канцелярская рутина вроде бы соблюдена.

И если подлинный старый паспорт Миссирова должен был убедить (и убедил!) Сиссона в том, что Троцкий предает собственных генералов в угоду немцам, то и здесь подлинный паспорт Невалайнена должен был убедить его в том, что большевики под влиянием Германского Генерального штаба готовы выдать с головой и своих союзников, красных финнов. Этот прием — использование подлинных документов (прежде всего — личных) для придания подлинности документам поддельным — будет широко использоваться А. М. Оссендовским при изготовлении документов третьей серии.

В библиотеке Стэнфордского университета я нашел биографию Оссендовского, написанную польским эмигрантским писателем, живущим

в Канаде, Витольдом Станиславом Михаловским. Она имела характерное название — «Тайна Оссендовского». Признаюсь, я сам хотел назвать так данную книгу, но Михаловский опередил меня, издав свою работу еще в 1983 г. Автор придерживается открыто националистических взглядов, и биография писателя выдержана в апологетических тонах. Михаловский признает во введении склонность своего героя к «мистификации, даже больше, к шарлатанству». И в качестве примера этого приводит «так называемые документы Сиссона». Их автором был не кто иной, как Оссендовский[27]. Но в глазах писателя-националиста это качество Оссендовского скорее предмет гордости, а не осуждения. Он называет этого поляка одним из самых способных фальсификаторов XX века, сравнивает его «документы» с «находкой» останков так называемого пильтдаунского человека, подделанных одним иезуитским монахом, который являлся также знаменитым католическим мыслителем и писателем[28]. Думаю все же, что с точки зрения морали фальсификаторство А. Оссендовского все равно заслуживает осуждения, какими бы ссылками на борьбу между красными и белыми оно ни прикрывалось. Это была тайна человека, ставшего вскоре знаменитым польским писателем, но тайна, не делающая ему чести.

На сцене Георгий Акерман

Теперь мы приступаем к совершенно новой части нашего исследования. О том, о чем мы будем говорить в этой и ближайших главах, ничего не рассказывалось в американских публикациях. Лишь глухое упоминание в мемуарах Сиссона о том, что были еще какие-то документы, столь же глухое замечание в статье Дж. Кеннана об еще одной серии. А между тем все эти годы, и до работы Дж. Кеннана в архиве, и после него, там лежали прекрасные, свеженькие оригиналы таких же документов, какие с трудом получал в феврале 1918 г. Эдгар Сиссон, и то в виде фотокопий. Эти документы получили свое служебное название как серия Госдепартамента, хотя правильнее было бы их назвать по аналогии с «документами Сиссона» документами имени вице-консула Роберта Имбри, который купил их в апреле 1918 г. в Петрограде с разрешения находившегося со всем составом посольства США в Вологде посла Дэвида Фрэнсиса. Но расскажем обо всем по порядку.

4 марта Эдгар Сиссон выехал из Петрограда в Финляндию вместе со своим драгоценным приобретением. По его словам, он щедро расплатился с Семеновым и другими «участниками» добывания документов. Кроме того, по соглашению с Е. П. Семеновым (Коганом), он должен был уплатить ему еще деньги, когда Семенов через полгода обещал приехать в Англию. Явились ли деньги тому причиной или еще что-нибудь другое, только после отъезда Сиссона в отношениях Семенова и Оссендовского произошел кризис: они расстались, и Е. П. Семенов больше никогда с новыми документами о немецко-большевистском заговоре не появлялся. И тем не менее Эдгара Сиссона необходимо еще раз упомянуть в нашей истории, чтобы перебросить мостик между двумя сериями документов. Этим сам Сиссон безошибочно, но неведомо для самого себя указал на автора всех документов — А. М. Оссендовского.

Вот что писал в своем специальном меморандуме от 20 апреля 1918 г. на имя американского генерального консула в Москве Саммер-

са генеральный консул США в Петрограде Тредвелл: «Около 17 марта бывший американский гражданин м-р Акерман пришел ко мне с информацией о том, что он мог бы достать оригинальный документ, содержащий имена германских агентов в Сибири. Так как я был настроен в этом отношении скептически и одновременно боялся попасть в ловушку и стать владельцем выкраденного документа, я связался с м-ром Грэхэмом Тэйлором, и мы вдвоем попытались узнать, каким образом м-р Акерман вошел во владение этим документом и какую цель он преследовал, предлагая его для нас.

М-р Акерман заверил нас, что его единственной целью было доказать свою лояльность Соединенным Штатам для того, чтобы он смог получить заново американский паспорт. Далее он объяснил, что он является преподавателем иностранных языков и что один из его учеников является русским офицером, который настроен просоюзнически и желал бы видеть большевиков свергнутыми. М-р Акерман утверждал, что этот офицер силой обстоятельств связан каким-то образом с большевистской организацией и мог бы достать копии документов, ценных для союзников.

М-р Тэйлор и я решили встретиться с м-ром Акерманом в старом помещении Общественного бюро во второй половине того же дня, где он мог бы показать документ нам. Нас сопровождала миссис Юнгер, заслуживающая доверия переводчица м-ра Тэйлора. После того как оригинал был переведен для нас, мы решили, что было бы целесообразно сделать его копии и вывезти оригинал из страны так быстро, как это только возможно. Никто из нас не хотел иметь этот документ при себе, так как могло так случиться, что нам нужно было бы покинуть Петроград через несколько дней. Так как м-р Тэйлор заверил меня, что м-р Сиссон имел определенное число подобных документов и что данный документ мог бы вполне подойти к ним, я решил послать его американскому посланнику в Христиании в конверте, адресованном м-ру Сиссону, а в случае, если бы он был не в состоянии его получить, то м-ру Фрэнку Полку в Госдепартамент»[1].

Это и был тот документ, который был послан из Петрограда дипломатической почтой вдогонку Эдгару Сиссону. Он действительно вполне подходил к тем документам, которые Сиссон получил от Семенова. Более того, он как бы завершал одну из линий, уже намеченных другими документами, линию, показывающую, что Германия собиралась якобы при помощи большевиков использовать Сибирь и русский Дальний Восток в качестве базы для антиамериканской подрывной работы. Вот что сам Сиссон писал в примечании к документу № 29 своей брошюры: «Это пись-

мо было послано мне после того, как я уехал из Петрограда, и достигло меня 5 апреля. Оно важно не только своим содержанием, указывающим на имена и адреса агентов-диверсантов, которые предназначались для расширения деятельности против США и Японии и для того, чтобы сделать Тихий океан новой областью террора, но и тем, что показывает, что Германский Генеральный штаб и после Брест-Литовского "мира" продолжал активно работать с русским большевистским правительством»[2]. Сиссон поместил и факсимиле этого документа, датированного 9 марта 1918 г. Он напечатан на одной из тех же машинок, на том же знакомом бланке «Nachrichten Bureau G. G.-S.», с той же печатью и подписями, как и другие фотокопии и оригиналы, исходящие из этого «учреждения» и помещенные в брошюре Сиссона[3].

Сейчас мы не будем подробно останавливаться на содержании этого документа. Отметим только, что хотя он исходил из того же источника, но был доставлен не Е. П. Семеновым, а другим посредником. Кто был этот офицер, ученик преподавателя иностранных языков, мы не знаем. Мы знаем только, что на одном конце цепочки был А. М. Оссендовский, а на другом — теперь Георгий Акерман. Существовали ли другие звенья, доказать сейчас практически невозможно. Быть может, этим офицером был сам переодетый Оссендовский, а может быть, они вместе с Акерманом выдумали эту историю специально для американцев.

Все это свидетельствует только о том, что, когда Сиссон уехал, Оссендовский захотел продолжить свою работу и стал искать новых контактов с американцами. Как показывает дальнейшее поведение Акермана, целью Оссендовского было теперь получение денег, так как он собирался уехать из Петрограда. Как Оссендовский узнал о затруднительном положении Георгия Акермана, желавшего возобновить свое американское гражданство и поскорей уехать из ставшей негостеприимной России, мы тоже пока не знаем и вряд ли узнаем. Будем отталкиваться от факта: Оссендовский нашел Акермана и прямо или через посредника направил его к остававшимся еще в Петрограде служащим консульства. Мистер Тэйлор, к которому обратился генеральный консул Тредвелл, был, всего вероятнее, американским разведчиком или контрразведчиком, использовавшим «крышу» консульства. Для нас важно отметить, что он был в курсе переговоров Сиссона и Семенова и видел полученные Сиссоном документы.

Вернемся, однако, к меморандуму Тредвелла. «После отъезда из Петрограда, — продолжал он, — мы узнали, что м-р Акерман очень хотел предоставить представителям американского правительства несколько новых документов. Я сообщил это в Военную миссию, и так как они не

предприняли никаких активных действий, то я предложил полковнику Рагглсу, чтобы м-р Роджерс сопровождал м-ра Имбри, который должен был возвратиться в Петроград (из Вологды. — *В. С.*) с целью получения от м-ра Акермана тех документов, которые были в его распоряжении. Полковник Рагглс согласился, и три документа, которые я привез с собой в Москву (меморандум писался Тредвеллом в Москве во время кратковременной поездки туда из Вологды. — *В. С.*), были присланы мне м-ром Имбри вместе с четвертым документом, который, как я думаю, посольство уже перевело. Прошу, чтобы Генеральное консульство телеграфировало послу, что эти документы интересны, и запросило бы, чтоб и четвертый документ был переслан сюда как можно скорее»[4]. Таким образом, отношения продолжались, и Оссендовский изготовленными им вновь документами старался еще более завлечь американцев. Способ здесь был тот же, каким действовал он и через Семенова: сначала было предложено «письмо Иоффе», потом еще два-три документа, а потом уже несколькими партиями вся серия. Еще два слова о Роберте Имбри. Это тоже, как признался в своих мемуарах Э. Сиссон, был способный американский разведчик, числившийся вице-консулом в Генеральном консульстве в Петрограде, но выполнявший более специфическую миссию. Он погиб в 1924 г. в Тегеране во время уличной стычки. Там он тоже, надо полагать, оказался не случайно.

Передав Акермана в руки Имбри и сотрудника Американской военной миссии Роджерса, генеральный консул Тредвелл тем не менее продолжал наблюдать за этим делом и сохранял заинтересованность в личности Акермана. Это видно из следующего места его меморандума: «При передаче этих документов м-р Имбри сообщил мне, что м-р Акерман желает получить временный паспорт как можно скорее. Он передал его заявление по официальной форме Госдепартамента. Он дальше заявил, что м-р Акерман желал бы получать по две тыс. руб. ежемесячно. М-р Имбри рекомендовал принять это и выдать ему паспорт, поскольку он склонен верить искренности м-ра Акермана»[5]. Тредвелл советовал послу Фрэнсису снестись по этому вопросу с Госдепартаментом и послать заявление Акермана со следующей почтой в Вашингтон, и как только подлинность документов будет доказана, то целесообразно будет тогда и выдать временный паспорт Акерману. Добавил генеральный консул Тредвелл и свою ложку дегтя в эти приятные сообщения. «Лично я, — писал он в конце своей записки, — был несколько удивлен, узнав о желании м-ра Акермана получить денежное вознаграждение за его работу, поскольку я не вижу, где он потратил бы какие-то средства для приобретения этих документов, особенно в свете того, что он посто-

янно повторяет, что его единственный интерес состоит в восстановлении его американского гражданства. Мои подозрения возросли после того, как он заявил м-ру Имбри, что документы, раскрывающие германскую шпионскую систему на Западном фронте, могут быть переданы за сумму 40 тыс. руб. М-р Имбри, однако, явно верит, что м-р Акерман искренен, а документы являются подлинными»[6].

Теперь передадим слово Имбри. Надо вообще сказать, что к редкой удаче историка в фонде «документов Сиссона» в Национальном архиве США переписка о серии Госдепартамента представлена даже полнее, чем о самих приобретенных Сиссоном у Семенова документах. Можно было бы составить данную главу вообще только из одних документов, без всяких комментариев. Но это нарушило бы жанровую целостность книги. Тем не менее документы настолько колоритны и совершенно не известны не только русскому, но и американскому читателю, что большие цитаты из них привести необходимо. Итак, вот письмо Имбри от 9 апреля 1918 г. в Вологду Роджеру К. Тредвеллу, американскому консулу в Петрограде, на тот момент в Вологде.

«Сэр!

Имею честь сообщить, что, в соответствии с Вашими инструкциями, я связался с бывшим американским гражданином Георгом Акерманом. Он представил мне четыре документа, которые я вкладываю в настоящее письмо, и заявил, что он может получить и другие, даже более важные. По понятным причинам Акерман не раскрывает точный источник, откуда поступают эти документы, ограничиваясь лишь указанием на то, что они идут от представителя в Смольном. Он сообщил далее, что группа монархистов может доставить около 40 дополнительных документов относительно германской системы шпионажа на Западном фронте, но что за это надо заплатить 40 тыс. руб. Акерман заявил, что сам он ничего не получит из этих денег и что его личный мотив в доставании этих документов состоит в желании вернуть американское подданство и получить американский паспорт. Он произвел на меня впечатление человека, искреннего в своих заявлениях.

Так как в настоящее время он не имеет никакого паспорта, ибо его американский паспорт истек в связи с длительным пребыванием за границей, он очень просит сразу же дать ему временный паспорт. Я поддерживаю эту просьбу и почтительно прошу, чтобы это действие было произведено, так как, если дальнейшие события не оправдают выдачу такого паспорта, его действие может быть приостановлено, человек же этот может быть очень полезен для нас. В связи с этим я вкладываю его

заявление, выполненное по форме, предложенной Государственным департаментом, поскольку мы не имеем бланков временных паспортов»[7].

Кто же такой Георгий, Джордж или Жорж Акерман? Он родился 9 сентября 1890 г. в Париже. Отец его был американским гражданином, а мать — француженка. Сам Акерман никогда в Соединенных Штатах не жил и не был там. В Париже он прожил до шестнадцати лет, а затем оставил Францию и жил в Италии, Бельгии, Англии и Германии. Имея способности к языкам, он быстро выучил в дополнение к своему родному французскому языку еще немецкий и английский и стал зарабатывать себе на жизнь в качестве учителя иностранных языков. Отец его умер, а мать оставила себе американское гражданство. В сентябре 1913 г. в американском посольстве в Лондоне он получил временный американский паспорт, так как заявил, что в течение двух лет собирается переехать в США на постоянное жительство. Однако после Англии он поехал в Австро-Венгрию, где жил в Кракове. 2 июля 1914 г. он получил постоянный американский паспорт. С ним в декабре 1914 г. он оказался в Петрограде и стал работать в частной гимназии Берлина преподавателем иностранных языков. Акерман был женат на бельгийской гражданке. Летом 1917 г. он обратился в американское посольство в Петрограде с просьбой продлить ему паспорт. Но поскольку он так и не жил в США, Госдепартамент после переписки отказал ему и объявил его старый паспорт недействительным с декабря 1917 г. Теперь Акерман был страшно обеспокоен отсутствием паспорта и желанием поскорее уехать из России.

В письме Имбри от 8 мая 1918 г. на имя посла Фрэнсиса мы находим еще ряд подробностей об Акермане. «Он пяти футов восьми дюймов роста, высокий, имеет черные волосы, глаза и смуглый цвет лица, бритый, лицо семитского типа. Я не думаю, однако, что он еврей. Он заявляет, что его единственный интерес в получении документов — это помочь союзникам и дать доказательства своего стремления репатриироваться. В то время как относительно последнего нет вопроса, я сомневаюсь в том, является ли его участие в деле с документами свободным от корыстного интереса»[8]. Далее Имбри писал, что Акерман объясняет происхождение документов так: они были выкрадены из одного из комиссариатов, находящихся сейчас в Москве, с тем чтобы продать их подороже. Они попали к нему через посредство одного офицера, монархиста, ученика Акермана. «История имеет элементы истины, хотя я и не принимаю ее целиком», — заключал в этом письме Имбри[9].

Таким образом, новый посредник Оссендовского резко отличался от Е. П. Семенова. Последний был политиком, общественным деятелем.

Акерман же являлся человеком обыкновенным, аполитичным европейцем, которого поиски обеспеченной жизни привели в Россию и завели в некий тупик. Тут-то и подобрал его Оссендовский, скорее всего назвавшись вымышленным именем. История, рассказанная Акерманом, напоминает аналогичные истории из уст Семенова и самого Оссендовского об «офицерских организациях» в Смольном и за его пределами. Только на этот раз организация ограничилась одним «офицером», за которым стояли мифические монархисты из Смольного и переехавших в Москву советских наркоматов. Вместе с тем Г. Акерман был не прочь подзаработать по мелочи на этой операции. Мы не знаем, сколько ему было обещано Оссендовским, но сам Акерман тут же запросил с Имбри по 2 тыс. рублей в месяц, хотя и не уставал твердить о своем бескорыстии.

Первый документ (опубликованный затем Сиссоном под № 29 в брошюре «Германо-большевистский заговор») Акерман отдал генеральному консулу Тредвеллу бесплатно. Точно так же бесплатно были переданы еще четыре документа, теперь уже вице-консулу Имбри. Но за всю партию около 40 документов (точнее, их оказалось 32) Акерман запросил 40 тыс. рублей для передачи «монархистам». Имбри стал торговаться и предложил только 20 тыс. Акерман думал-думал и согласился. Тогда Имбри под свою гарантию получил деньги в петроградском отделении «Нэшнл Сити Бэнк», а послу Фрэнсису послал соответствующее сообщение. Да, нужно сказать, что и сама покупка состоялась после получения от Фрэнсиса письменного разрешения. Фрэнсис одобрил покупку и принял расходы на себя, о чем и был оповещен банк. При вручении денег Имбри смог сбавить цену до 17 тыс. рублей, о чем с гордостью и поведал послу Фрэнсису.

Имбри решил отослать оригиналы, которые он приобрел у Акермана, со специальным курьером в Вологду. Однако перед этим он сделал две «факсимильные», как он выражался, копии. Я видел их. Это были не фотографии или фотостаты, а копии, выполненные от руки. У Имбри не было, естественно, бланков ни «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба», ни «Контрразведки при Ставке», а именно из документов этих «учреждений» состояла по большей части купленная серия. Поэтому он копировал угловые штампы бланков на пишущей машинке. Но вот расположение текста соответствовало оригиналам. Были срисованы все пометы и подписи. И можно сказать, что специалист, которым располагал Имбри, работал не хуже обер-фальсификатора Оссендовского. Он так хорошо скопировал десятки подписей несуществующего начальника «Разведывательного бюро» Р. Бауэра, что Оссендовский мог бы просто позавидовать. Один комплект из этих копий Имбри просил разре-

шения передать своему английскому коллеге, работавшему под крышей консульства Великобритании, второй же обещал уничтожить, как только получит известие о благополучном прибытии оригиналов в Вологду.

Документы прибыли, и вскоре Имбри получил благодарственное письмо от посла Дэвида Фрэнсиса, отправленное из Вологды 13 мая 1918 г. В нем говорилось: «Мой дорогой м-р Имбри! Я собирался написать Вам раньше по поводу 32 документов, которые Вы достали и переслали в посольство, но в связи с печальной кончиной м-ра Саммерса, вызвавшей меня внезапно в Москву, этот ответ по необходимости запоздал. Во-первых, разрешите мне поздравить Вас с умелым ведением всего этого дела. Документы были доставлены мне Вашим специальным курьером, и я прочитал их все с интересом. Они имеют, по моему мнению, большую ценность не только в связи с вопросами, которым они посвящены, но также показывая систему, по которой немцы обделывают свои дела. По одной этой последней причине они будут иметь большую ценность для Государственного департамента, куда я отошлю их, как только появится конфиденциальный курьер. В то же время генеральное консульство попытается проверить факты, которые могут быть установлены в Москве, и я попрошу все консульства в Сибири проверить факты, содержащиеся в различных документах и касающиеся районов их пребывания»[10].

Но, наряду с похвалой, был и маленький упрек: «Когда лейтенант Бойс из британской разведывательной службы был в Вологде, он позвонил мне, и мы обсуждали вопрос об этих документах, особенно об их аутентичности. Он, оказывается, был знаком с документами, которые, как он заявлял, он осматривал вместе с Вами, и высказал свое мнение, что в то время как большинство их несомненно подлинные, определенная “слива” (вероятно, американский эквивалент “клюквы”. — *В. С.*) была, может быть, в них введена, чтобы обеспечить им большую привлекательность на рынке. Тем не менее, я лично убежден, что, приобретя их, мы не сделали ошибки»[11]. Таким образом, как и в случае с «документами Сиссона», Бойс был не только в курсе рискованных покупок своих американских коллег, но и сам лично знакомился с «документами Имбри» и высказался в пользу их подлинности.

И все же Фрэнсис насторожился: то ли Бойс его все-таки смутил своей «сливой», то ли он сам почувствовал что-то неладное. Но когда Имбри сообщил, что вдохновленный Акерман принес еще целый список на тридцать с лишним новых документов из того же источника, которые можно купить за приличные деньги, Фрэнсис твердо отказал в этом. И мы, историки, поэтому лишились еще одной, уже четвертой серии фальшивых документов, изготовленных А. М. Оссендовским. А жаль.

Остался только сам список, сохранившийся в бумагах Госдепартамента. Но к его содержанию мы вернемся несколько позднее.

А что же сам Акерман? Сбылась ли его мечта и попал ли он в Америку? На этот вопрос можно ответить положительно. Основанием служит конфиденциальный меморандум о документах, полученных через Джорджа Акермана, составленный сотрудником Отделения русских дел Государственного департамента США (его имя скрыто в подписи исполнителя AJC-HPG-SS) от 24 мая 1921 г.[12] Описывая создаваемое служебное дело по данному вопросу, он указывал: «Включена копия заявления м-ра Акермана о паспорте от Департамента, в котором он излагает историю своей жизни, включен также доклад об интервью Харпера с Акерманом в Чикаго в июне 1919 г., в котором Акерман настаивал, что он знает слишком мало, если не ничего, о деталях и способах, какими документы были получены». Харпер — это историк Сэмьюэл Н. Харпер, который был привлечен ранее председателем американского Комитета общественной информации Джорджем Крилем вместе с Дж. Фрэнклином Джемисоном для написания положительного заключения о подлинности «документов Сиссона». Так как «документы Имбри» являлись естественным продолжением сиссоновских, то естественно, что Харпер был командирован, чтобы получить дополнительную информацию от Акермана. Но черноглазый смуглый брюнет держался стойко, прекрасно понимая, что его спокойствие зависит от его молчания. Да и сказать-то действительно ему было нечего. Если бы он знал подлинное имя своего ученика-офицера, то назвал бы его. Во всяком случае, имя Оссендовского никогда не называлось в связи с «документами Имбри», хотя подлинным их изготовителем был опять же именно он. Впрочем, мы не узнаем, что же говорилось в этом докладе Харпера о его беседе с Акерманом. Это место в подлиннике меморандума подчеркнуто, и в скобках написано: «destroyed» — уничтожен! Остается надеяться, что, поскольку, как это принято в американской практике, редкий документ изготавливается только в одном экземпляре и хранится в одном месте, может быть, найдется когда-нибудь и еще одна копия этого доклада.

Вообще же судьба документов, проданных Акерманом, была более сложной, чем «документов Сиссона». Краткая история их изложена в меморандуме от 24 мая 1921 г. и представляет интерес. Там говорится: «В марте 1918 г. после отъезда Сиссона из Петрограда Акерман передал консулу Роджеру Тредвеллу один документ, который был переслан Сиссону, опубликовавшему его под № 29 в своей серии. Когда Тредвелл уехал из Петрограда, он поручил вице-консулу Имбри поддерживать контакт с Акерманом. 9 апреля 1918 г. Имбри послал Тредвеллу в Волог-

ду четыре дополнительных документа, полученных от Акермана. Они были посланы в Стокгольм и, вместо того чтобы быть отправленными в Госдепартамент, были переданы военному атташе, который послал их в Отделение военной разведки Военного министерства сюда, в Вашингтон, где они оставались вплоть до 1920 г., когда перешли во владение Госдепартамента, были переведены и включены как часть серии Госдепартамента»[13].

С одной стороны, на примере этого документа видно, что с годами подробности теряются, а вместо них появляются неточности. В приведенных в начале этой главы документах, современных событиям весны 1918 г., вся эта история выглядит более адекватно. С другой стороны, злоключения четырех документов, отправленных в Стокгольм, типичны для любой бюрократии.

«27 апреля 1918 г., — читаем мы дальше меморандум, — после переписки с послом Фрэнсисом Имбри купил 32 дополнительных документа с тремя вложениями, что доводит общее число документов, полученных от Акермана, до 35. (Из другого, более раннего конфиденциального меморандума о документах Акермана от 4 июня 1919 г. мы узнаем, что документы эти покрывали собою время от 3 марта до 10 апреля 1918 г.[14] — *В. С.*) Они были отправлены в Вологду, оттуда в Архангельск и весной 1919 г. — в Вашингтон. (Теперь ясно, почему они не могли быть использованы Сиссоном, так как его брошюра "Германо-большевистский заговор" вышла в свет уже в октябре 1918 г., а потом — "поезд ушел". — *В. С.*). 35 плюс 4 вышеупомянутых, которые были посланы через Стокгольм, составили серию Госдепартамента в количестве 39 документов. 28 апреля Имбри переслал список дополнительных 36 документов, которые Акерман предложил купить за 25 тыс. рублей. Эти документы никогда не были получены, и все, что мы знаем о них, — это аннотации, содержащиеся в списке, хотя все они или некоторые, возможно, были показаны м-ру Имбри».

Далее в меморандуме говорится, что в дело включаются копии переписки между послом Фрэнсисом и м-ром Мейлзом о причинах отказа в покупке документов последней серии. Это действительно было бы интересно узнать, но этих копий я не нашел.

А в меморандуме от 4 июня, как раз составленном для м-ра Майлза, говорилось только: «Было бы интересно узнать, почему посольство не согласилось с предложением м-ра Имбри получить этот последний комплект документов от Акермана?»[15] После этого и состоялась вышеуказанная переписка. Но мы и так знаем доводы Фрэнсиса: он засомневался в подлинности некоторых документов.

Вопрос об их подлинности задавали и сотрудники Русского отдела Государственного департамента, получив «документы Имбри – Акермана». Автор меморандума от 4 июня 1919 г. (его служебный шифр — AJC/BNB, AJC) писал, сравнивая серии Сиссона и Акермана: «Обе группы документов в отношении их аутентичности зависят от тех же самых исторических проверок. Если один комплект подлинный, то и другой такой же, и наоборот»[16]. Заканчивая рассмотрение вопроса о появлении на сцене нашего исследования Георгия Акермана в качестве продавца очередной партии документов, изготовленных А. М. Оссендовским, необходимо сказать, что Эдгар Сиссон тоже был весьма заинтригован, узнав об их существовании. 26 марта 1920 г. он направил в Госдепартамент для AJC письмо со своими подробными комментариями по поводу «документов Акермана», подобно тому как он писал их в связи с обнаружением «документов Никифоровой» и публикацией четырех документов в советских «Известиях» в декабре 1918 г.[17]

Сиссон нисколько не сомневался в подлинности этой новой серии и свою задачу видел в том, чтобы показать тематические и персональные связи между содержанием документов из брошюры «Германо-большевистский заговор» и «документами Акермана». Его комментарии интересны отдельными замечаниями автобиографического характера и показаниями очевидца жизни в Петрограде в первые месяцы Советской власти. Однако в основе всех суждений Сиссона была твердая вера в подлинность всех документов, что, как мы знаем, было заблуждением, отразившимся и на его общем взгляде на значение всех известных ему теперь документов. Некоторые из этих комментариев Сиссона будут использованы нами в следующей главе.

Театр теней. Акт третий

Всякое сравнение хромает. Имеют свои недостатки и те сравнения из театральной жизни, к которым мы здесь прибегаем. Но у них есть и свои преимущества, так как вызываемые ими образы помогают лучше понять природу явления, с которым мы здесь имеем дело. Это и политика, причем самая высокая: отношения режимов двух великих держав; это и нравы, причем самые низкие: подделка, обман, мошенничество, шарлатанство; это горячие страсти и холодный расчет. Словом, театр — вот что всего ближе к этой истории, которая вместе с глубиной человеческих страстей и заблуждений сохраняет черты фарса и буффонады, таинственность завязки и неожиданность финала. Первый акт был сыгран по всем правилам. Документы первой серии стали событием во внутриполитической борьбе в России. Они использовались в агитации и пропаганде антисоветских сил разных направлений еще до того, как Е. П. Семенов принес их в союзные посольства. Десятки машинописных копий этой серии, экземпляры, сделанные с помощью множительной техники, наконец, тысячи номеров газет нескольких наименований — все это создало огромную аудиторию для того представления, сценарий которого сочинил А. М. Оссендовский. Потом документы первой серии были переданы в Госдепартамент и учитывались при решении оперативных задач американской политики по отношению к России. А когда в октябре 1918 г. Эдгар Сиссон поместил их в приложение № 1 к основной части брошюры «Германо-большевистский заговор», материалы первой серии стали играть роль своеобразного пролога к 53-м «документам Сиссона».

Они-то и составили драматургическую основу для второго акта этой пьесы Оссендовского, которая разыгрывалась уже на подмостках всемирной истории. Момент для публикации «документов Сиссона» оказался не слишком удачным: молниеносно наступивший после этого крах кайзеровской Германии, революция в этой стране, подготовка и проведение Парижской мирной конференции, Версальский мир, Гражданская

война в России — все это сорвало премьеру, и успех был не слишком велик. К тому же сразу высказались квалифицированные критики, усомнившиеся в том, что в основу пьесы положены подлинные события.

Но у определенной части публики в большинстве стран мира «документы Сиссона» и после этого вызывали постоянный и непреходящий интерес, подогревавшийся укреплением большевистской власти в России, деятельностью Коминтерна и нестабильностью в веймарской Германии. Только приход Гитлера к власти, а затем Вторая мировая война окончательно вытеснили этот спектакль с мировой сцены. В 1956 г. Дж. Кеннан, человек авторитетный и знающий, казалось, похоронил навсегда «документы Сиссона», показав их сфальсифицированность и обнажив имя настоящего творца «документов», уже полузабытого к тому времени писателя-поляка Фердинанда Оссендовского. А через два года появилась первая публикация подлинных документов из архивов императорской Германии, которая показала, что большевики все же получали какие-то деньги от немцев. И интерес к «документам Сиссона» снова стал оживать. Ослабление, а затем крушение господствующей коммунистической идеологии в СССР создало обстановку, при которой неразборчивые в средствах российские журналисты, падкие до свежих сенсаций, стали публиковать в газетах и журналах подлинные документы из германских архивов (увы, неясные и малоубедительные) вперемежку с такими выразительными и доказательными «документами Сиссона». Второй акт театра теней Оссендовского, таким образом, разыгрывается до сих пор.

Но сейчас мы переходим к либретто третьего акта, который был только написан, но так ни разу и не поставлен на публике. Лишь узкий круг «театроведов в штатском», начиная с разведчиков Имбри и Бойса, знакомился с текстом, а главный режиссер — посол Фрэнсис — забраковал его на всякий случай. С тех пор текст «документов Акермана», или третьей серии, или серии Госдепартамента, оставался чтением для избранных чиновников Русского отдела. Они остались неопубликованными и совершенно неизвестными даже в Америке. Чем это объясняется? По нашему мнению, причин тут несколько. В отличие от «документов Сиссона», эта серия не имела такого горячего защитника, сторонника и пропагандиста входивших в нее документов, как предыдущая. Имбри, отправив документы в Вологду и убедившись, что они благополучно прибыли (и даже получив похвалу от посла Фрэнсиса!), как бы сбыл с плеч эту заботу. У Фрэнсиса же забот тоже было слишком много, чтобы он думал все время об этих документах. Поэтому, пообещав в письме Имбри, что он отправит их в Госдепартамент с заслуживающим доверия курьером, он *не сдержал своего слова и не отправил документы сразу же.* Они

добрались до Русского отдела через Архангельск только поздней весной 1919 г. Это первая причина — документы опоздали. Если бы это произошло на год раньше, то Сиссон несомненно добился бы их включения в публикацию «Германо-большевистского заговора». Фрэнсис виноват в этой задержке, а причины поведения посла могли быть разными, в том числе и интуитивное недоверие хотя бы к некоторым содержащим «сливу-клюкву» документам.

Почему же документы не были опубликованы в 1919 г.? Во-первых, уже прекратил свое существование Комитет общественной информации Криля. Госдепартамент не хотел брать на себя ответственность за официальную публикацию. Во-вторых, совершенно изменилась международная обстановка. Война кончилась, Германия потерпела поражение. А с обличениями большевиков хорошо справлялась и изданная брошюра. Это, как нам кажется, вторая причина.

Наконец, третья, думается, была в той волне критики, которая поднялась после опубликования «документов Сиссона». Можно было не соглашаться с «красными» — Нуортевой и Джоном Ридом, с Чичериным и советскими «Известиями». Но английские эксперты разных уровней, разведчики и дипломатические чиновники сохраняли стойкий скептицизм в отношении «документов Сиссона». Поэтому ввязываться в новую историю, чреватую скандалом, Госдепартамент, видимо, не захотел. Таково наше чисто умозрительное объяснение того несомненного факта, что документы серии Госдепартамента остались неопубликованными и неизвестными даже исторической общественности.

Сотрудники Русского отдела, укрывшиеся за сокращенными инициалами, терпеливо собирали всякие свидетельства, относящиеся к фактам и лицам, упоминающимся в «документах Сиссона», следили за откликами прессы. Сомнений прибавили результаты английских графических экспертиз, которым были подвергнуты подписи в документах, прежде всего подпись Рудольфа Бауэра, начальника пресловутого «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба». Англичане заявили: подпись поддельна, выполнена не тем человеком, который должен был бы носить эту фамилию. А сотрудники Госдепартамента хорошо усвоили правило, сформулированное еще автором меморандума от 4 июня 1919 г. AJC: обе серии проверяются одной и той же исторической пробой — если подлинна вторая серия, то подлинна и третья. А в отношении «документов Сиссона» внутриведомственные сомнения существовали, несмотря на энергичные попытки Сиссона все годы, вплоть до выхода его мемуаров в 1931 г., снабдить Госдепартамент новыми доказательствами подлинности своих документов.

Для нас же, особенно в этой главе, данный вопрос уже не стоит. Все возможные доказательства фальсифицированности первой и второй серий документов уже приведены нами выше. Вопрос решенный: и документы третьей серии сочинены А. М. Оссендовским. В отличие от сиссоновских, где представлены были четыре немецких учреждения и несколько советских, в «документах Акермана» имеются «документы» только от «Разведывательного бюро БГШ» и «Контрразведки при Ставке». Последних всего 8 из общего числа документов в 39. Они охватывают период по своим датам с 5 марта по 5 апреля 1918 г. Все они являются оригиналами. Документы «Nachrichten Bureau» преобладают численно: их 25. Все они тоже являются оригиналами и относятся ко времени с 6 марта по 7 апреля 1918 г. Однако стоит заметить, что угловой штамп на бланках «Разведывательного бюро БГШ» данной серии отличается одной деталькой от тех, которые предоставлялись Сиссону. Там между номером документа и датой находилась «птичка», типографское украшение, которое присутствовало и на бланках Центрального отделения БГШ, и на бланках Генерального штаба флота открытого моря, что, кстати, давало нам основание утверждать, что все эти бланки выполнены в одной и той же типографии.

Теперь в бланках документов «Nachrichten Bureau» третьей серии «птичка» отсутствует. Следовательно, Оссендовскому пришлось повторить набор углового штампа и отпечатать новые бланки. При этом «птичку» поставить забыли. Между прочим, документ № 29 «Разведывательного бюро БГШ» от 9 марта со списком агентов на Дальнем Востоке и в Сибири, посланный вдогонку Э. Сиссону, уже был выполнен на этом, вновь напечатанном бланке. Сравнить новый и старый бланки и убедиться в отсутствии «птички» читатель может на примере факсимиле документов №№ 26 и 29 в брошюре «Германо-большевистский заговор» (с. 13 и 14).

Заканчивая эту краткую характеристику состава «документов Акермана», скажем, что в них были включены и несколько настоящих делопроизводственных русских документов, иногда с добавлением фальшивых подписей и печатей, которые, как и турецкий и финский паспорта в «документах Сиссона», должны были удостоверить подлинность изготовленных к ним поддельных документов. Документы были пронумерованы в Госдепартаменте с № 1 по № 39. Соответственно и я в своих сносках буду называть их с № А-1 до № А-39. Один документ из выявленных в фонде «документов Сиссона», а именно письмо «Разведывательного бюро БГШ» от 6 марта 1918 г., относящийся к этой серии, был получен отдельно и не имеет внутреннего номера. Я даю ему номер А-0.

Мы не знаем, какие именно документы показал Акерман вице-консулу Имбри во время их второй встречи. Поэтому мы будем анализировать все документы серии как единое целое, выделив только первый документ от 9 марта 1918 г., догнавший Сиссона и включенный им под № 29 в свою брошюру. Факсимиле подлинника, как и его английский перевод, можно прочитать на с. 14 и 15. Но Имбри, перед тем как отдать документ генеральному консулу Тредвеллу, сделал с него «факсимильную» копию. Она, как и английский перевод, выполненный в Петрограде по указанию Имбри, хранится в составе всей серии Госдепартамента вместе с другими «документами Акермана»[1].

Письмо «Разведывательного бюро БГШ» от 9 марта направлялось в «Комиссию по борьбе с контрреволюцией». Текст его гласил: «Настоящим сообщается, что наблюдением и в случае необходимости нападением на японских, американских и русских офицеров, командующих оккупационным корпусом в Восточной Сибири, заведуют наши агенты Штауфахер, Кригер, Гизе, Вальдгейм, Буттенгоф, Даттан и Скрибанович, к коим и надлежит обращаться как комиссару Кобозеву, так и командированным комиссией лицам. Адреса агентов указаны в списке № 3»[2]. Слева от текста чернилами была сделана помета: «Дать список. Дз[ержинский]». Ниже в левом углу от руки по-русски было дописано:

«Справка по списку № 3.

1. Штауфахер — Владивосток, д. Панова.
2. Р. Кригер. Никольск-Уссурийский.
3. А. Гизе. Иркутск, аптека Жинжеровой.
4. Вальдейн. Владивосток, соб. дом.
5. Буттенгоф. Хабаровск, торг. дом “Кунст и Альберс”.
6. Даттан А. Томск, Нечаевская ул.
7. бар. Будберг. Харбин, Медиц. Упр. Кит.-Вост. ж. д.
8. Скрибанович. Г. Благовещенск-на-Ам., дом “Кунст и Альберс”.
9. Панов. Владивосток, соб. дом»[3].

Наверху карандашом были сделаны новые пометы: «Телегр. Кобозеву (неразборчивая подпись). Телегр. Стренбергу»[4]. Прекрасный пример исторической критики этого «документа» дал Дж. Кеннан в своей статье 1956 г. Там он показал, что так называемые «немецкие агенты» — это люди, с которыми так или иначе сталкивался А. М. Оссендовский во время своей жизни на Дальнем Востоке или временных наездов туда. Многие из них были объектом его обвинений с начала Первой мировой войны, особенно Даттан и Панов и другие служащие фирмы «Кунст и Альберс». Кеннан опирался при этом на критический памфлет Панова, заслуженного русского морского офицера в отставке, проживавшего

во Владивостоке, опубликованный им в 1919 г. Автор разоблачал Оссендовского как сочинителя части «документов Сиссона» и указывал на полную вздорность его обвинений[5].

Мы хотим тоже добавить несколько слов к этой обоснованной критике. Конечно, планы высадки союзных войск на русском Дальнем Востоке обсуждались руководителями стран Антанты еще с февраля 1918 г. Но 9 марта еще никакого «Оккупационного корпуса в Восточной Сибири», командуемого японскими, американскими и русскими офицерами, не существовало. Акерман принес этот документ консулу Тредвеллу 17 марта 1918 г., а первая японская дивизия высадилась во Владивостоке только 5 апреля! Оссендовский, как человек умный и с воображением, понял, что иного развития, чем высадка союзников во Владивостоке, быть не может, и «упредил» их своим «документом». Но так как документ исходил якобы от немецкой разведки, то американцы, получив его, были в настоящем шоке: оказывается, немцы уже проникли в их замысел! Вот почему с такой спешкой этот документ был отослан Сиссону для ускорения уже запланированной операции. Оссендовский же, угадав этот шаг союзников, решил воспользоваться им для мести своим врагам, против которых он давно точил свой нож.

Как всегда, он соединял правду и вымысел, подлинные фамилии и вымышленные, подлинные факты, которые он узнавал из газет или из частной информации, с сочиненными им самим. Так и здесь: фамилии Даттана, Панова, еще некоторых из названных им в списке № 3 были подлинными, но люди эти никогда не были немецкими агентами, а являлись лояльными русскими гражданами. Фамилия Дзержинского, чей автограф был подделан под пометой с требованием представить список № 3, была, понятно, подлинной, но такой документ он никогда в глаза не видел. Никакого Стренберга, насколько показала проверка по доступным указателям, видимо, не существовало. А вот комиссар Кобозев — фигура реальная. О нем интересно рассказать. Еще 30 января (12 февраля нового стиля) 1918 г. на заседании Совнаркома обсуждался вопрос об утверждении П. А. Кобозева как чрезвычайного комиссара Советского правительства в Оренбургской губернии, Тургайской и Уральской областях[6]. Соответствующий мандат выписывается ему 31 января[7]. Есть сведения, что его местопребыванием был Оренбург вплоть до мая 1918 г. Но сведения о назначении Кобозева «комиссаром на Восток» были опубликованы в печати. Смело опираясь на них, Оссендовский перемещает Кобозева дальше, в Восточную Сибирь!

Был изготовлен еще один документ: «список № 4 агентов нашего штаба на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири». Он был напечатан на

обычном листе бумаги, а не на бланке и имел в верхнем левом углу машинописную помету: «К № 856. 6 марта 1918 г.». Однако самого этого письма № 856 изготовлено не было. Либо Оссендовский решил, что и так сойдет, либо еще бланки не были готовы. Первый документ на новом бланке (без «птички») был датирован 8 марта 1918 г. и имел № 874 (А-20). В списке № 4 было 24 фамилии, что выглядело весьма внушительно. Однако среди них были и те, кто был включен в список № 3, написанный внизу письма от 9 марта 1918 г., опубликованного Сиссоном под № 29: Буттенгоф, Даттан, Гизе (Гезе), Скрибанович, Будберг, Вальдейн. Следовательно, «новых» агентов было только 18. Все они имели немецкие имена и фамилии (среди них и один из владельцев фирмы «Кунст и Альберс» — Альфред Альберс)[8]. Без специального исследования трудно сказать, какие из этих, как правило, очень распространенных немецких фамилий относились к реальным людям, а какие к вымышленным.

Возможно, идея составления этих списков вынашивалась Оссендовским еще с ноября 1918 г. О том, что списки, «полученные» Оссендовским «из нейтрального источника» в ноябре 1918 г., он «передал Эдгару Сиссону» в феврале 1918 г., Семенов писал еще в своей первой статье от 6 апреля 1921 г. в «Последних новостях». Но всякий, кто возьмет в руки брошюру «Германо-большевистский заговор», убедится в том, что единственный список агентов и фирм — это тот, который написан внизу документа № 29 от 9 марта, полученного Сиссоном уже после его отъезда из Петрограда и переданного Георгом Акерманом.

Далее в документе говорилось: «Все означенные агенты имеют в своем распоряжении надежных людей как для агитационной, так и для активной деятельности. Комиссары для Сибири Кобозев и Стренберг, а также члены Военно-революционного комиссариата Шатов, Васильевский, Свечников и Шутко благоволят обратиться к названным агентам за содействием по наблюдению за американскими агентами в Сибири. Адреса перечисленных лиц указаны в списке “А”»[9].

Относительно Кобозева и Стренберга мы говорили выше. Но вот фамилии членов Военно-революционного «комиссариата» вызывают определенный интерес. Свечников и Шутко были большевиками-подпольщиками, а в первые дни революции деятелями Петроградского и Петергофского советов. В указанное время К. И. Шутко работал в Наркомтруде и на Дальний Восток никогда не посылался[10]. Не был на Дальнем Востоке и в Сибири и Н. Ф. Свешников (Свечников)[11]. Фамилия Васильевского скорее всего вымышленная, хотя в июльских событиях принимал участие К. А. Василевский, секретарь избранного рабочими милиционерами Совета Петроградской народной милиции, большевик

с 1904 г.[12]. Наиболее любопытной из упоминаемых фамилий является Шатов, Билл или Владимир Сергеевич, с 1907 г. по апрель 1917 г. проживавший в США и являвшийся там членом организации «Индустриальные рабочие мира». Билл Шатов был хорошо известен американским официальным властям как анархист-синдикалист. В мае 1917 г. он через Владивосток вернулся из США в Россию и стал известным анархистским деятелем в Петрограде. С 22 октября Шатов являлся членом Петроградского Военно-революционного комитета от Союза анархо-синдикалистской пропаганды. Посылался ли В. С. Шатов на Дальний Восток весной 1918 г., пока установить не удалось, но он определенно появился там в 1920 г. в связи с организацией Дальневосточной республики[13]. И последнее: Военно-революционный комитет просуществовал в Петрограде до начала декабря 1917 г., когда был упразднен Совнаркомом, а вот Военно-революционного комиссариата никогда не существовало.

Теперь еще два слова об имитации «делопроизводственной жизни» этого «документа». Она изображалась, как и в других случаях, путем нанесения на документ входящих номеров, резолюций получателя, помет исполнителей и пр. В левом нижнем углу, справа от оттиска печати «Nachrichten Bureau» имелась помета чернилами мелким почерком: «Дайте список “А”. В. У.». Подобную помету Э. Сиссон в примечании к документу № 1 в своей брошюре расшифровывал как личную помету В. И. Ленина. Вверху в правом углу имелся на нее ответ карандашом, уже крупным размашистым почерком (все почерки на самом деле имитировались одним и тем же человеком — А. М. Оссендовским): «Список “А” в К[омиссариате] И[ностранных] Д[ел]». А в правом нижнем углу третьим почерком написано: «Вызвать Фейерабенда». Как мы помним, Фейерабенд у Оссендовского выступает в роли начальника или комиссара «Контрразведки при Ставке». Вот какая сложная и многосторонняя информация требовалась Оссендовскому для создания подобного «документа», вот сколько умения и подлинного таланта (правда, весьма специфического) он проявлял, чтобы создать бумагу, при первом и втором взгляде на которую у потенциального покупателя возникло бы убеждение в ее подлинности. А тот же Имбри был не просто взрослым человеком и опытным дипломатом, а еще и профессиональным разведчиком. Он должен был иметь определенные представления о русском делопроизводстве, следить за назначениями и перемещениями в правительстве и пр. И именно у Имбри-то ни капли сомнения никогда эти документы не вызывали.

Но между документом от 6 марта, открывающим серию Госдепартамента, и документом от 9 марта, завершающим сиссоновскую серию и

в то же время представленным в виде копий и в данной серии, имеется еще один. Это письмо «Разведывательного бюро БГШ» «Господину Председателю Совета Народных Комиссаров» от 8 марта 1918 г. за № 876. Это весьма пространный документ на полутора машинописных страницах. Он тоже связан с дальневосточной картой, которую усиленно разыгрывал в это время для привлечения американцев к своим документам А. М. Оссендовский. «По донесениям наших агентов, находящихся на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и в Восточной Сибири, — говорилось в письме (помним все время, что речь идет об агентах Германского Генерального штаба, которыми, как должны были верить американцы, уже наводнена вся Россия), — местное русское население весьма сочувственно относится к вопросу об оккупации русского Дальнего Востока японскими и американскими войсками»[14]. Тут Оссендовский еще не утверждает, что оккупация уже началась, как в предшествующем по дате документе, но, как нам кажется, излагает свой собственный стратегический и человеческий взгляд на этот вопрос и даже дает прогноз относительно того, что местное население встретит американцев и японцев хорошо. Он как бы поощряет американцев, излагая им от имени немцев предполагаемые настроения жителей Дальнего Востока. А вот-де как реагируют немцы: «По полученным отделением сообщениям Германского Генерального штаба, такое положение терпимо быть не может, так как оно не отвечает общему смыслу Брестского мирного договора. Вытекает последнее заключение из того, что русское население оказывает действительную поддержку отряду есаула Семенова и офицерам, командующим отдельными частями этого отряда, принадлежащим к предполагаемому иностранному оккупационному корпусу»[15]. Вот оно! Видите, германцы предполагают, что корпус уже высадился и пока послал своих офицеров к русским частям. Тут подтверждалась мысль, высказанная в документе от 6 марта и развиваемая затем в документе от 9 марта, что за этими офицерами нужно не только наблюдать, но и уничтожать их! Далее в документе следовал поразительный пассаж: «Есаул Семенов, пользуясь доносами местного населения, арестовал и казнил Попова, Краснова, Ружицкого и Галкина, под каковыми фамилиями скрывались, как это было известно Контрразведке при Ставке, находящейся ныне в распоряжении главнокомандующих на внутренних фронтах, — офицеры нашего штаба, посланные на Дальний Восток с особою миссией»[16]. Оссендовскому все сгодится. Казнил Семенов деятелей Советов. А это-де немецкие агенты под чужими фамилиями! Попутно он пристраивает на новом месте созданную им «Контрразведку при Ставке», чтобы объяснить наличие документов, исходящих от нее в своей новой серии. И верно: старой армии больше нет, старой Став-

ки — тоже. Куда девать «Контрразведку при Ставке»? А мы ее передадим «Главнокомандующим на внутренних фронтах»! Фронтов этих уже десятки, местопребывание этой «контрразведки» никому не известно, но будут ли в этом разбираться самонадеянные американцы?!

Вернемся еще раз к тексту. «Генеральный штаб просит Совет Народных Комиссаров, — говорилось далее в этом фантастическом документе, — срочно командировать во Владивосток, Иркутск, Читу и Харбин тех агитаторов, которых укажет комиссар Володарский, сделавший уже свой доклад представителю нашего штаба. Эти агитаторы должны поднять движение против японцев и американцев и всеми мерами стараться столкнуть их между собою»[17]. Как видим, в Оссендовском пропал недюжинный государственный деятель: он видел насквозь инструменты внешней политики современных ему государств. Но обращает на себя внимание фамилия В. Володарского. С 1913 г. по май 1917 г. Володарский (М. М. Гольдштейн) жил в США, стал там членом социалистической партии, во время войны проявил себя как интернационалист, вместе с Л. Д. Троцким являлся автором русскоязычной нью-йоркской газеты «Новый мир». Он также был на учете у американской администрации, и упоминание его фамилии в этом документе должно было насторожить американских представителей и добавить доверия к документу в целом. Володарский должен был быть хорошо известным и Оссендовскому. Он действительно являлся комиссаром в это время, но комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации Петроградского Совета, а затем и Северной области[18]. Упоминание его в связи с посылкой агитаторов на Дальний Восток (в чем он, конечно, никогда не участвовал) выглядело весьма правдоподобным. Но утверждение о том, что Володарский делал доклад представителю Германского Генерального штаба, показалось бы невероятным для любого непредубежденного человека.

Далее в этом поистине программном (для воззрений самого Оссендовского) письме содержалось требование ускорить принятие в русское подданство 11 300 германских и 6500 австрийских военнопленных и была ссылка на декрет о создании Красной Армии от 28 января 1918 г. нов. стиля. Созданные отряды будут находиться под общей командой «майора Ниссена, уже прибывшего в Красноярск». «Штаб наших вооруженных сил, — утверждалось далее, — остается в Иркутске, аптека Жинжеровой, а склад оружия и припасов будет находиться в Красноярске». Ничего подобного в отношении военнопленных советскими властями еще не было сделано, но Оссендовский предугадал политику Москвы в отношении «воинов-интернационалистов» на многие месяцы вперед. В тот же момент все эти сведения били в одну точку: немцы уже захва-

тили Сибирь под свой контроль! Они должны были побудить американцев, по мысли Оссендовского, к более решительным действиям против Совет-ской власти.

Наконец, А. М. Оссендовский высказывал свой взгляд и на положение в Маньчжурии, конечно с точки зрения якобы германских властей. «В Харбине, — продолжал документ, — агитаторы должны свидеться с бар. Будбергом и лейт. Хемнитц, которые получили инструкции на предмет возбуждения недовольства среди китайцев. Необходимо убедить их в том, что Китайско-Восточная железная дорога должна перейти к Китаю, а также и вся Южная Маньчжурия, что теперь, благодаря соревнованию Японии и Америки, невозможно, так как все это перейдет к иностранцам. Необходимо также поддержать хунхузов и направить их против японцев и американцев, освещая в печати это движение как восстание китайского пролетариата»[19]. Вот каким он был многогранным, наш герой, как легко входил в роль то генерала, то дипломата, то планировщика газетной кампании!

Дальневосточная тема, к которой американцы оказались столь чувствительными, разрабатывалась в «документах Акермана» особенно обстоятельно. Ей посвящались как документы, выпущенные от имени «Nachrichten Bureau», так и от имени «Контрразведки при Ставке». Так, письмо последней от 12 марта 1918 г. на имя «г. Председателя Совета Народных Комиссаров» гласило: «В порядке срочности прошу распоряжений по следующему вопросу. Начальник Разведочного отделения Германского Генерального штаба в России майор Рудольф Бауэр обратился ко мне с предложением выдать русские паспорта для четырех японских граждан, которые должны быть командированы в порты Соединенных Штатов. Имена этих граждан Акино Гоши; Икедо Минезо; Такехара Кийши; Ниго Кунизо. Ввиду частных донесений нашей разведки, означенные японские граждане находятся на службе у германских военных властей, поэтому предоставление им русских паспортов может повлечь за собою крупные политические осложнения. На мой запрос по этому поводу Народный комиссариат по иностранным делам указал на необходимость обращения за разъяснением к председателю Совета Народных Комиссаров. Заведующий контрразведкой Фейерабенд. Комиссар Ив. Алексеев»[20].

Опять мы имеем дело с несколькими «этажами», или планами, в одном и том же документе. Во-первых, подтверждалось существование «Разведывательного отделения» Германского штаба в России и лично его главы — майора Рудольфа Бауэра, поскольку фамилия Фейерабенда, как реальная, была союзникам известна. Во-вторых, подтверждалась за-

висимость русских властей всех степеней от этих немецких резидентов. В-третьих, вносилась смута в умы американцев и подозрительность по отношению к их японским союзникам. (Сам Оссендовский тоже не любил японцев еще с 1904 года!) В-четвертых, давалось понять, что русские чиновники остаются патриотами и не хотят действовать под немецкую диктовку, а вот вожди большевиков их к этому принуждают. Это же показывали и пометы на данном письме. От имени якобы Ленина секретарем Совнаркома М. Н. Скрыпник было написано: «Запросить тов. Троц.» А ниже: «Переговорено. Л. Т.».

Конечно, американцам было невдомек, что 11 марта 1918 г. Совнарком уже переехал в Москву и данный документ, если бы он был настоящим, должен был бы плутать недели полторы между никому не известным местом пребывания «Контрразведки при Ставке», Петроградом и Москвой. Они могли не обратить внимания на то, что Л. Д. Троцкий сложил с себя обязанности народного комиссара по иностранным делам еще 22 февраля 1918 г. 4 марта он был назначен председателем Высшего военного совета, а 13 марта — народным комиссаром по военным делам[21]. Поэтому на данном документе он никак не мог сделать помету в качестве народного комиссара по иностранным делам (равно как и на оригиналах «документов Сиссона» конца февраля 1918 г.).

Но Оссендовского, видимо, все-таки беспокоил вопрос о легитимации «Контрразведки при Ставке» в новых условиях, хотя он и «пристроил» ее ранее к «главнокомандующим на внутренних фронтах». И если в предыдущем документе он подтверждал существование немецкого «Разведывательного бюро» через русскую «контрразведку», то в документе А-12 он проделывал обратную операцию: подтверждал существование «Контрразведки при Ставке» через письмо немецкого «Разведывательного бюро». В этом документе, с датой от 19 марта 1918 г., Рудольф Бауэр писал: «По полученным Отделением сведениям, Контрразведка при Ставке является в настоящее время учреждением, объединяющим все разведочные и контрразведочные учреждения на внутренних фронтах России, хотя и сохраняет прежнее свое название и старую печать. Ввиду этого Разведочное отделение просит назначить следующих германских офицеров в качестве помощников заведующего контрразведкой Макса Фейерабенда: фон Бельке, Бихман, Шиллер, Дампф и Бурх. Расходы по их содержанию Отделение принимает на свой счет. Все названные офицеры должны быть снабжены русскими паспортами»[22]. Письмо было направлено «Господину Председателю Высшего военного совета». Тут, как видим, Оссендовский учел перемену поста Троцким, хотя еще и не знал о его самом последнем назначении, полученном уже в Москве.

Но данный документ ценен еще одним свидетельством: Оссендовский называет Фейерабенда Максом, в то время как инициалы настоящего Фейерабенда были, как мы знаем, В. А.[23] Таким образом, сделанное нами ранее предположение о том, что Оссендовский просто использовал подходящую для его «дела» фамилию, и факт, что она упоминалась в связи с событиями в Ставке, вполне подтверждается.

Как мы уже отмечали не раз выше, А. М. Оссендовский для придания большей убедительности своим «документам» использовал и попадавшие к нему в руки разными путями подлинные документы, как правило, личного происхождения. Но в данной серии мы находим и несколько подлинных делопроизводственных документов, относящихся в периоду до Февральской революции и находившихся когда-то в делах различных учреждений царской России. В обстановке нового хаоса, вызванного не только Октябрьской революцией, но и поспешным бегством Совнаркома из столицы государства в Москву, получить такие документы, как свидетельствуют и Е. П. Семенов, и А. М. Оссендовский, было, видимо, легко.

Один из таких несомненно подлинных документов: часть докладной записки, представленной Верховному главнокомандующему (им в этот момент был Николай II. — *В. С.*) 26 февраля 1917 г. и одобренной начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым[24]. Она представлена в «документах Акермана» в виде копии, сделанной самим Оссендовским от имени «Разведочного отделения» на пяти с половиной машинописных страницах и заверенной адъютантом Генрихом и двумя печатями этого мифического учреждения. Содержание записки весьма интересно, но имеет мало отношения к изучаемой нами теме. Важнее сопроводительное письмо, датированное 10 марта 1918 г. и «отправленное» «Господину Председателю Совета Народных Комиссаров» от имени начальника «Nachrichten Bureau» Р. Бауэра. В ней говорилось: «Народный комиссар Крыленко переслал в Разведочное отделение обширную докладную записку, представленную двумя лицами 26 февраля 1917 г. на имя Верховного главнокомандующего. Копия заключительной части означенной записки, одобренной начальником штаба Верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеевым, при настоящем отношении сопровождается. Записка эта была рассмотрена в марте бывшим министром Гучковым, который приказал приступить к практическому ее осуществлению. В настоящее время из дел Генерального штаба записка эта поступила в Высший военный совет, где, по нашим сведениям, она в главных чертах пользуется одобрительным к себе отношением. Отделению известно, что та часть записки, которая останавливается на организации германской разведочной службы в Китае, Японии

и С. А. С. Штатах, в настоящее время служит предметом обсуждения. По предписанию Германского Генерального штаба имею честь просить немедленно снять с обсуждения упомянутую записку и не поднимать этого вопроса, несомненно ухудшающего отношения между Германской империей и Россией»[25].

Этим путем Оссендовский замарывал и Н. В. Крыленко, который, оказывается, верноподданнически посылает документ о германском шпионаже не Дзержинскому или непосредственно Ленину, а сначала в германскую разведку, которая уже указывает Совнаркому, что делать. М. Н. Скрыпник «помечает»: «Снять копию с зап. и отн.», а Н. П. Горбунов «пишет»: «В Малый Совет».

Дальневосточная тема составляла главное содержание и письма «Nachrichten Bureau», датированного 14 марта 1918 г. В нем народному комиссару по иностранным делам приказывалось «немедленно под видом красногвардейцев перекинуть весь отряд, сформированный майорами фон Бельке и Энгельмайером в Ростове-на-Дону, в Красноярск и Иркутск под предлогом борьбы с есаулом Семеновым и другими противниками Советской власти»[26]. Отряд этот вместе с «вооруженными уже через бар. Будберга и Гезе германскими и австро-венгерскими военнопленными составит ядро [против] будущей и несомненной оккупационной кампании Японии и Соединенных Штатов против Российского правительства. В Иркутске все инструкции нашего штаба будут получаться через революционных, преданных Советской власти казаков Триполитова, Кольцова и Ружина, а также через известного комиссариату Муратова. Всем этим лицам комиссариат благоволит выдать новые русские паспорта на иные имена, дабы предохранить этих полезных людей от непредвиденной опасности»[27]. Итак, «немецкие агенты» Будберг и Гезе и немецкие майоры формируют отряды под видом Красной гвардии, вооружают их, готовятся к отражению оккупационных сил союзников на Дальнем Востоке.

Но и Запад не был забыт Оссендовским в этом письме. Начало его прямо смехотворно: «По поручению нашего Генерального штаба имею честь просить экстренно довести до сведения представителя Российского правительства в Англии г. Литвинова, что к нему явятся гг. Вознесенский и Сузуко, которые передадут ему указания, где и каким образом на восточном побережье Англии надлежит немедленно установить наблюдение и сигнализацию». Хорошо, что М. М. Литвинов никогда не видел этого документа и не знал о его существовании, иначе с ним, наверное, случился бы удар. На документе была помета: «Сообщить тов. Подвойскому». Так еще один советский военный руководитель становился в ряд «немецких агентов»[28].

Тема антиамериканской деятельности немцев при помощи русского правительства была, без сомнения, главной для документов, приобретенных Имбри от Акермана. Оссендовский нажимал на все педали: тут и использование в качестве агентов русских, японцев, китайцев; тут и промышленная конкуренция, и перехватывание заказов от американских фирм, и многое другое. У нас нет возможности подробно изложить содержание каждого документа. Мы приводим текст всех 39 «документов Имбри – Акермана» в приложении № 4 к данной книге. Тем не менее несколько характерных примеров нам хотелось бы еще привести.

Так, в письме одного из «агентов контрразведки» на имя народного комиссара по иностранным делам от 25 марта (на бланке «Контрразведки при Ставке», но без исходящего номера) в частности, говорилось: «Довожу до сведения комиссариата, что сегодня германский разведчик Бауэрмейстер имел продолжительное совещание с заведующим нашей контрразведкой т. Фейерабендом и с тов. Крыленкой. Дебатировался вопрос о том, чтобы в состав русской делегации, отправляющейся в Соединенные Штаты для ревизии военных заказов, ввести двух лиц: датчанина Гансена и рекомендованного т. Ганецким — Пельтенбурга, снабдив их русскими паспортами»[29]. Цель поездки: проникнуть к американским изобретателям и разработчикам новых типов оружия. Об изощренности фантазии Оссендовского говорит, например, письмо адъютанта «Разведывательного бюро» Генриха «народному комиссару господину Володарскому» от 5 апреля 1918 г. под грифом: «Секретно. Лично». «Прошу Вас, — говорилось в письме, — доставить несколько русских паспортов на бурятские фамилии для отправляемых в Манджурию и на Дальний Восток агентов-китайцев для исполнения плана нашего штаба относительно создания конфликтов между Соединенными Штатами Северной Америки и Японией во время их оккупационной кампании на берегах Тихого Океана. *Прошу исполнить настоящую просьбу в порядке большой срочности»*[30]. Хотя Володарский не был никогда народным комиссаром, а просто комиссаром и никакого отношения к выдаче паспортов тоже не имел, но неизвестной рукой без подписи на документе оставлена помета: «Михайлову». Кто Михайлов, думайте сами.

Володарский попался на зуб Оссендовскому и в третий раз. В письме «Nachrichten Bureau» от 7 апреля на имя «господина председателя Совета Народных Комиссаров» несуществующий Рудольф Бауэр рекомендовал поручить комиссару Володарскому «составление прокламаций на русском и английском языках», обвиняющих Японию в аннексионистских замыслах против России[31]. Напомним, что к этому моменту телеграф уже донес весть о высадке японской дивизии во Владивостоке.

Примером того, как Оссендовский использовал попавшие ему в руки недействительные личные удостоверения, могут служить три документа, связанные с фамилией солдата Николая Ракитина. У Оссендовского оказались два удостоверения солдата Сводной пехотной дивизии Николая Ракитина. Первое, выданное ему председателем дивизионного комитета от 2 декабря 1917 г. о том, что он действительно является «гражданином солдатом» этой дивизии с приложением подлинной печати Военно-революционного комитета Сводной пехотной дивизии[32]. А второе — удостоверение городского лазарета о том, что солдат Сводной пехотной дивизии отправляется на родину в город Барнаул сроком на шесть недель для поправления здоровья[33]. Справка машинописная по форме, куда вписывались только фамилия и место назначения. На обороте первого удостоверения значилось: «Явлен 1918 г., февраля 17 дня в Управление комиссара 2-го района г. Острова Псковской губернии». То же написано в соответствующих графах подлинного оттиска мастичного штампа. Оба удостоверения были погашены диагональными чернильными линиями. Следовательно, вместо них солдат Николай Ракитин уже получил какое-то новое удостоверение. А эти оставил в том месте, из которого их незаконно получил Оссендовский. И что делает с ними последний?

Он сочиняет письмо от «Разведывательного бюро БГШ» на имя комиссара внутренних дел Петроградской трудовой коммуны от 3 апреля 1918 г. следующего содержания. «Настоящим честь имею просить Вас заменить прилагаемое при сем свидетельство № 495, выданное обер-лейтенанту Линденау на имя солдата Николая Ракитина, на иное свидетельство, так как обер-лейтенант Линденау получил срочную командировку на Дальний Восток для наблюдения за японскими и американскими оккупационными властями и для руководства нашими агентами, выполняющими наш план на Дальнем Востоке. Совершить вторую поездку с прежним документом признано опасным, так как в штабе комиссара Западной Сибири на обратном пути обер-лейтенант Линденау встретил значительные затруднения при предъявлении прилагаемого свидетельства, а в Саратове был арестован по подозрению в шпионстве»[34]. Таким же путем Оссендовский поступал и с другими попавшими к нему подлинными личными документами. Каждое такое произведение — план целого романа или, во всяком случае, повести. Неиссякаемое воображение писателя работало здесь со столь неблаговидной и безнравственной целью.

Кроме главной, дальневосточно-американской темы, в документах этой серии разрабатывалась и другая, финляндская. Она в основном прослеживалась через документы «Контрразведки при Ставке». Тут прежде

всего хотелось бы упомянуть письмо комиссара Ивана Алексеева, датированное 22 марта 1918 г. Оно адресовалось в «Военно-революционный комиссариат Петроградской трудовой коммуны». Письмо было коротеньким: «При сем препровождаю три экземпляра германского циркуляра за № 93, найденные в папке штаба Свеаборгской крепости нашим агентом в Гельсингфорсе»[35]. Этих трех «оригиналов», приложенных к письму, среди «документов Акермана» не было, вместо них была фотокопия этого циркуляра от 28 ноября 1914 г.[36]. Документ этот уже хорошо известен нашему читателю. Он был среди документов первой серии на русском языке. Потом, как мы отмечали выше, он был переведен Оссендовским или кем-то по его поручению на немецкий язык, набран в русской типографии на немецкой гарнитуре, переснят на фотографию и в виде фотокопии представлен Сиссону. В этом совпадении Сиссон видел подтверждение подлинности не только своих документов, но и документов первой серии. Он дал фотокопию данного циркуляра на с. 7 брошюры «Германо-большевистский заговор». Вероятно, Оссендовский рассчитывал на то, что включение еще одной фотокопии этого уже известного американцам циркуляра в документы третьей серии (а на этом типографском оттиске циркуляра были сделаны новые пометы перед фотографированием) тоже будет еще одним свидетельством в пользу подлинности всей серии. Поэтому был указан такой необычный источник для этого документа, как штаб Свеаборгской крепости.

Этот штаб еще раз упоминался в письме «Nachrichten Bureau», датированном 4 апреля 1918 г. на имя председателя Совнаркома. «Разведочное отделение, — говорилось там, — уполномочено заявить протест против доказанного участия в боях с финскими белогвардейцами моряков команды “Грифа”, а равно против спешного вывоза архива штаба Свеаборгской крепости и, в частности, Контрразведочного отделения штаба командующего Балтийским флотом. Все дела названного отделения должны быть переданы нашим офицерам в Гельсингфорсе во избежание того, чтобы дела отделения сделались достоянием гласности»[37]. Данное требование подтверждалось донесением контрразведчика П. Кораблева (на бланке «Контрразведки при Ставке» и с исходящим номером) от 5 апреля 1918 г. председателю Высшего военного совета. «Исполняя Ваше личное распоряжение, — говорилось там, — сообщаю, что в Гельсингфорсе из Отдела морской контрразведки германские офицеры через матросов Кириллова и Кайсу изъяли все дела о вербовке финнов на службу Германии в 1914–15 гг. и о доставке в Финляндию оружия. Мне с большим трудом удалось получить лишь следующие документы, которые сопровождаю»[38]. Далее следовал подлинный до-

кумент: рапорт подполковника Волобуева на бланке коменданта города Або 5-го участка Финляндской пограничной охраны начальнику этого участка от 3 июля 1915 г. о вербовке финских уроженцев в качестве германских агентов на случай вторжения германских войск в Финляндию[39]. Прилагаемый к этому подлинному рапорту доклад того же подполковника представлял собой уже копию, выполненную Оссендовским от имени «Контрразведки при Ставке» и заверенную «комиссаром Ив. Алексеевым» и поддельной печатью[40]. Таким путем, как обычно, Оссендовский достигал своей цели — внушить мысли о том, что все документы являются подлинными.

Другие документы обоих «учреждений» в совокупности с проставленными на них пометами, касающиеся финляндских дел, должны были создавать впечатление того, что представители русского народа в лице моряков Балтийского флота сопротивляются противоестественному союзу с недавним врагом, стремятся всюду, где могут, демонстрировать свою воинственность, и только большевистские правители России заставляют их, сдерживая свои чувства, наблюдать, как Германия устанавливает контроль над всей страной.

А. М. Оссендовский, используя различные события тогдашней политической жизни, стремился кое-чем подкрепить и свои доказательства, по выражению Сиссона, «базовой конспирации» между большевиками и германскими властями. В этом отношении большой интерес представляет письмо «Nachrichten Bureau» от 2 апреля 1918 г. № 1345 на имя управляющего делами Совета Народных Комиссаров. «По поручению Генерального штаба, — говорилось там, — Разведочное отделение имеет честь просить сообщить все обвинения против г. председателя Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Свердлова и бывшего Верховного главнокомандующего Крыленко, возбужденные бывшим морским комиссаром Дыбенко в следственной комиссии по делу последнего. Отделение особенно интересуется показаниями комиссара Дыбенко об участии гг. Свердлова и Крыленко в совещаниях с представителями нашего Генерального штаба в июле 1917 года»[41]. Да, фактом является то, что П. Е. Дыбенко за сдачу Нарвы 3 марта 1918 г. был привлечен к ответственности и в мае того же года судим. Но он был по суду оправдан[42]. Насколько можно установить, никаких заявлений указанного выше свойства Дыбенко в процессе следствия не делал. Надо еще добавить, что с 5 июля по 5 сентября он сидел в тюрьме. Тогда же в Могилеве был арестован и Н. В. Крыленко и находился в Петрограде в тюрьме вплоть до середины сентября 1917 г. Но, выдвинув свое ложное обвинение против большевиков еще в «докумен-

тах Сиссона», Оссендовский всячески старался подтвердить его столь же ложными приемами.

Мы коснулись лишь части «документов Имбри – Акермана», или серии Госдепартамента. Они, как и документы Сиссона, а может быть даже и более, заслуживают самостоятельного исторического и источниковедческого исследования. Публикуя их в приложении к данной книге, мы открываем такую возможность и для других исследователей. Заканчивая же их характеристику, хочется сказать, что «документы» этой серии были более уязвимы для критики, поскольку состояли только из бумаг одного «германского» и одного «русского учреждения», в равной степени вымышленных. Все они были «оригиналами», и возникал естественный вопрос о том, каким образом они изымались из дел в Москве и доставлялись в Петроград. Чтобы как-то компенсировать этот недостаток, Оссендовский стремился насытить серию вышедшими из употребления подлинными делопроизводственными и личными русскими документами.

В антракте: другие документы

25 апреля 1918 г. вице-консул Имбри направил из Петрограда в Вологду американскому послу Дэвиду Р. Фрэнсису следующее письмо:

«Сэр!

Имею честь переслать при этом список документов, предоставленный Акерманом. Этот список доставлен только сегодня утром, и я еще не видел самих документов. 25 тыс. рублей запрашивается за эту партию, и владельцы будут ожидать ответа до 29 числа сего месяца. В случае, если бы эти документы были приобретены, я смог бы отправить их Вам, по всей вероятности, с курьером, отправляющимся отсюда 27-го.

Имею честь оставаться Вашим покорным слугой»[1].

Далее следовал список еще 36 документов, явно полученных Акерманом из того же источника. Фрэнсис отказал Имбри в покупке, и английский текст списка является на сегодняшний день единственным следом того, что мы могли бы иметь еще свыше тридцати поддельных документов для общего их анализа. Но и сам список этот достаточен для того, чтобы представить себе, куда теперь направлялась политическая фантазия А. М. Оссендовского.

Давайте переведем этот список и оценим упоминающиеся в нем «документы». Первый из них описывался так: «Официальная копия протокола “Союза индустриальных рабочих мира” относительно анархистской и коммунистической пропаганды в Соединенных Штатах, с указанием главных центров пропаганды и списком агитаторов». Как видим, на изготовление этого документа подтолкнуло Оссендовского знакомство с прошлой деятельностью В. Володарского и Билла Шатова в США и предположение о том, что их американские связи с «Индустриальными рабочими мира» будут использоваться в интересах мировой революции.

Второй документ характеризовался так: «Сообщение Германского штаба о планах германских консулов в Сан-Франциско Боппа и Шакке относительно саботажа и системы промышленных забастовок в Соединенных Штатах»[2]. К сожалению, список не содержит дат. Но такой документ явно претендовал на то, что был изготовлен еще до вступления США в войну против Германии. Аналогии такому «документу» мы видим в знаменитых циркулярах 1914 г. и других «документах» о саботаже и вредительстве в союзных и нейтральных странах, которые имелись в документах самой первой серии («документы Никифоровой» и статья лейтенанта Свечникова).

Третий документ представлял собой доклад русской контрразведки о переписке и планах гамбургского банкира, советника Вильгельма II и Германского Генерального штаба Макса Варбурга с американским банком “Кун, Леб и К°” (Поль Варбург и Яков Шифф) о расширении германского влияния в Америке[3]. Имена этих банкиров широко использовались русской правительственной антинемецкой пропагандой. Они упоминались в связи с подрывной работой против России и союзников в первой серии документов, изготовленных Оссендовским. Четвертый документ тоже претендовал на то, что он исходит от русской контрразведки. Он содержал «планы банковского консорциума в Германии относительно поглощения банков Автро-Венгрии, Нидерландов, Швейцарии, скандинавских стран и стран Ближнего Востока в борьбе против английских, французских и американских банков». Нечто подобное мы также можем найти как в «документах Никифоровой», так и в «документах Сиссона».

Содержание пятого документа сформулировано лаконично: «Германский план убийства генерала Корнилова, атамана Дутова, генерала Алексеева, генерала Хорвата и капитана Семенова». Корнилов уже был убит 13 апреля 1918 г. в пригороде Екатеринодара, о чем было сообщено в печати. Он погиб в результате взрыва снаряда, выпущенного из пушки красных в центре города, но Оссендовский приписывал его смерть немецким козням. Генерал Алексеев и прочие были еще живы. Интересно упоминание атамана Семенова, ведь он много раз фигурирует как противник немецких агентов в предшествующей серии. Хорват же был начальником Китайско-Восточной железной дороги и находился в Харбине. Таким образом, и этот документ явно был составлен с прицелом на американские интересы на Дальнем Востоке.

Шестой документ — официальный перевод доклада г-на Гаазе о военных и морских приготовлениях Германии в конце 1890-х гг., седьмой — официальный перевод доклада посла Лихновского о лихорадочной подготовке Германии [к войне] с 1910 г. Резонно предположить, что

эти «официальные переводы» тоже были фальшивками, однако не имея текста перед глазами, мы не имеем возможности подвергнуть их внешней и внутренней исторической критике. Это же относится и к восьмому документу, «официальному переводу доклада германских независимых социалистов относительно раскрытия деятельности германских военных заводов». Но здесь привкус подделки чувствуется уже явственнее. О девятом документе как о подделке можно говорить уже без всяких сомнений — это «официальный экземпляр сообщения германских агентов о росте и развитии флотов Соединенных Штатов и Японии». Не чем иным, как фантазией Оссендовского (впрочем, быть может, и квалифицированным предсказанием), должен был быть и десятый документ: «проект колонизационной политики Германии после войны». Одиннадцатый документ содержал план немецкой пропаганды через американское агентство «Universal Press». Документ № 12 раскрывал планы развития сети предприятий германской электропромышленности групп «Licht und Kraft» и «AEG». Он имеет аналогии в документах предыдущих серий. Документ № 13 — это «официальная копия радиотелеграммы из Берлина о перегруппировке германских банков и их планах на мировых рынках». Документ № 14: «германские планы антиамериканской пропаганды в Японии». Они являются, несомненно, политологическими фантазиями А. М. Оссендовского. Следующий, пятнадцатый документ содержал сведения о переписке немцев с китайцами в США.

Документы № 16 и 17 сообщали об отправке «русских агитаторов» в США и Мексику. Документ № 18 был посвящен «поддержке русских анархистов Германским Генеральным штабом» (по смыслу, речь идет тоже о русских анархистах в США). Документ № 19 исходит от знакомого нам несуществующего учреждения «Контрразведка при Ставке», которое докладывает о положении на Мурмане, в Петрозаводске и в Архангельской губернии. В это время американские военные уже высадились в Мурманске и Архангельске, а в Петрозаводск регулярно отправлялись американские разведчики, поэтому надобности в измышлениях Оссендовского на эту конкретную тему действительно уже не было никакой. Документ № 20 претендовал на то, что «Контрразведка при Ставке» сообщала о мятежах невооруженных германских военнопленных на Транссибирской железнодорожной магистрали. Тут политическое чутье Оссендовского как бы предсказало нам антисоветский мятеж чехословацких легионов на той же дороге, хоть они и были сформированы из австро-венгерских пленных, а сам мятеж был направлен не против союзников, а на их поддержку против Германии. Документ № 21 от имени русской контрразведки сообщал о деятельности в США корреспондента

«Koelnische Zeitung» г-на Бартельма. В следующем говорилось о посылке германского агента Фрица Вертхаймера в Японию для действий против Соединенных Штатов. Документ № 23 сообщал названия немецких газет и обществ, находящихся в контакте с Германским Генеральным штабом. Все это тоже было чистой выдумкой Оссендовского.

Любопытен был и документ № 24. Он был посвящен учреждению в Финляндии германского «Разведывательного отделения» с Люберцем и Ребингофом во главе. Эти фамилии встречаются в «документах Сиссона». Документ № 25 говорил об учреждении германской наблюдательной военной и морской станции в Бергене (Норвегия) под руководством Рудольфа Мюллера и Берсона. Следующий документ «разоблачал» одного из владельцев фирмы «Кунст и Альберс» Альфреда Альберса в качестве германского шпиона и близкого друга принца Генриха Прусского. Документ № 27 изображал всю фирму «Кунст и Альберс» как гнездо германского шпионажа на Дальнем Востоке и называл отделения фирмы в Китае, Японии и США. Эти «документы» заставляют вспомнить рассказы Е. П. Семенова о списках фирм и немецких агентов, которые-де он передал Сиссону и которых в действительности Сиссон от него не получал.

Документ № 28 представлял собой копию протокола (?) Львовского митрополита Шептицкого относительно создания «независимой Украины». Документ № 29 исходил якобы от Германского Генерального штаба и касался «переписки» народного комиссара «по сельскому хозяйству» (земледелия?) Ларина с германскими банкирами и промышленниками. Это тоже было спекуляцией на знакомой американцам фамилии, поскольку Ю. Ларин никогда сельским хозяйством не занимался, а был одним из руководящих работников Высшего совета народного хозяйства. Документ № 30 претендовал на то, чтобы быть письмом от Иоффе к Зиновьеву с требованием освободить германских шпионов в Самаре, подстрекавших местных анархистов к грабежам. Документ № 31 от имени Германского Генерального штаба вступался за анархиста Блейхмана. Фамилия последнего тоже была хорошо известна Оссендовскому по июльским событиям 1917 г. Он и его приклеивал к немцам. Документ № 32 перекликался с одним из документов третьей серии, поскольку утверждал что некий Вильгельм Сонделиа, немецкий большевик, посылается под именем Василия Ивановича Курмашева в составе контрольной комиссии по русским заказам в США. Документ № 33 — письмо Германского Генерального штаба д-ру Альберсу, «главе немецких шпионов в Америке». Документ № 34 посвящался шпионской деятельности австрийской фирмы «Хеннерт» в Цзяньзине. Документ № 35 называл д-ра Барта германским агитатором на Балтийском флоте. Последний документ под № 36

разоблачал некоего д-ра Шпитцберга. Он якобы посылался в США для борьбы с клерикализмом, но «в действительности» для пропаганды коммунизма в США. Сообщалось, что ранее этот Шпитцберг использовался для наблюдения за американским посольством[4].

К сожалению, в списке Имбри ни один документ не датирован, что затрудняет их анализ. Если «Контрразведку при Ставке» мы можем ясно идентифицировать из описаний документов в ряде случаев, то что скрывается за названием «Германский Генеральный штаб», от имени которого поступает ряд документов, сказать очень трудно. Но наиболее обоснованным будет предположение, что это все то же «Nachrichten Bureau G. G-S», то есть «Разведывательное отделение Большого Генерального штаба», как расшифровывается название на печати и угловом штампе. Возможно, именно печатями этого учреждения заверялись «официальные копии», упомянутые в списке.

Что же касается содержания документов списка, то, насколько можно судить по их кратким описаниям, они в большинстве касались «шпионской деятельности» Германии против США как на самой территории Соединенных Штатов, так и Японии, Китая, Маньчжурии и русского Дальнего Востока. Деятельность эта якобы осуществлялась через немецкие фирмы, немецких граждан, корреспондентов германских газет, немецкие общества и газеты в США, а также через посылаемых из России в США и Мексику агитаторов разных национальностей и американских анархистов и социалистов. Нагнетание этой угрозы в предлагаемых «документах» было столь интенсивным, что, видимо, показалось неправдоподобным даже американскому послу Фрэнсису, который и запретил вице-консулу Имбри покупать эту серию[5].

11 мая 1918 г. американское консульство получило три «документа» от жителя Петрограда, подписавшегося инициалами Д. С. Р. [6] Это были сделанные от руки переводы на английский язык «свидетельств» о тесных связях большевиков с германскими властями. Один из переводов был приказом Рейхсбанка № 12378 от 28 декабря 1917 г., опубликованным затем Э. Сиссоном в брошюре «Германо-большевистский заговор» под № 11. Второй — приказом Рейхсбанка от 2 марта 1917 г. об открытии кредита Ленину, Зиновьеву и другим, который тоже имеется в «документах Сиссона», а также и в «документах Никифоровой». Это показывает, что не только «документы» первой серии, но и некоторые из изготовленных А. М. Оссендовским для Э. Сиссона имели параллельное хождение в виде копий и фотокопий в антисоветских кругах Петрограда.

Но вот третий «документ», присланный Д. С. Р., среди изученных нами выше документов не числится. В Госдепартаменте его назвали

«польским документом», поскольку он имел отношение к совместной выработке политики Советской России и Германии по вопросу о будущем Польши. Но его содержание и форма не оставляет сомнения в том, что и он был изготовлен А. М. Оссендовским. Прежде всего процитируем его (по обратному переводу с английского)[7]. Документ назывался «Приложение к конфиденциальному бюллетеню № 5». Далее шел следующий текст: «Протокол совещания, имевшего место в Ставке 22 декабря 1917 г. В присутствии следующих лиц: 1. От русского правительства: Крыленко, Володарский, Залкинд, Урицкий, Раскольников, Фейерабенд, Антонов, Дзержинский, Кудряшов, Скрыпник»[8]. Прервем на минутку цитату. Как видим, Оссендовский «послал» на это совещание в захваченную большевиками Ставку в Могилев своих излюбленных персонажей, которые населяли документы второй и третьей серий. Вот только Кудряшов встречается еще всего один раз в документе № 9 брошюры «Германо-большевистский заговор» в качестве помощника морского комиссара по Дальнему Востоку. Ясно, что и там, и здесь мы имеем дело с выдуманным персонажем. Существовал мужчина, И. А. Скрыпник, но Оссендовский много раз подделывал подпись М. Н. Скрыпник, секретаря Совнаркома. Это Мария Николаевна Скрыпник. Ее-то, вопреки здравому смыслу, он и «посылает» на данное совещание.

С немецкой стороны на нем присутствовали «от Германского штаба: фон Готт, Тойбер, Эрих, фон Шуманн, Рауш. Совещание пришло к следующим выводам: польская политика направляется германским правительством. Русское правительство не вмешивается в польские внутренние дела и поэтому не имеет права защищать или выступать против: 1) отделения нефтяного и металлургического бассейна в Домброве, который аннексируется Германией; 2) ограничения права лиц польского происхождения заниматься нефтяной промышленностью в Галиции; 3) против отделения и административного устройства Холмской губернии; 4) согласованной внутренней политики Германии, Австро-Венгрии, Украины, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, касающейся Польши; 5) против экономической политики Германии и Австро-Венгрии в Познанской губ. и Галиции и в польских районах, аннексируемых Германией от России»[9].

Обращает на себя внимание пункт четвертый. Если бы подобный документ действительно появился 22 декабря, то о такой «согласованной политике» не могло быть и речи, ибо Украина, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия еще не были включены в зону германского влияния и оккупированы немецкими властями, а делегация Германии формально признала принцип мира без аннексий и, следовательно, соглашалась в принципе с выводом своих войск из занятых областей Курляндии и Лифляндии.

Подобный пункт мог быть сформулирован только после заключения Брестского мира. Это и дает нам настоящее время изготовления Оссендовским данного документа, лишь выдаваемого за более ранний, чтобы доказать лишний раз предательство Совета Народных Комиссаров по отношению к интересам союзников, поляков и собственного государства.

Что же выигрывала Советская Россия от этого воображаемого соглашения? А вот что. «Совет Народных Комиссаров имеет право остаться в связи с революционно-демократическими центрами, существующими в Польше, для пропаганды социалистической революции. Совет также имеет право посылать агитаторов в Польшу, которые обязаны регистрироваться в германских "Разведывательных бюро" как в Петрограде, так и в Варшаве». Так попутно подтверждалось существование «Nachrichten Bureau» в Петрограде и объявлялось о существовании аналогичного учреждения и в Варшаве. Далее в документе в четвертом пункте (вероятно, предыдущее выделение разделов было не соблюдено при переводе текста на английский язык) говорилось: «Посылка агитаторов в Германию и Австро-Венгрию запрещается Советом Народных Комиссаров». Пятый пункт гласил: «Совет Народных Комиссаров обязан вести наблюдение за группами польских шовинистов, чтобы запретить им вербовку добровольцев в армию на русской территории». В шестом пункте говорилось: «Перемещение польских войск от границ Литвы и Украины на север и северо-восток будет рассматриваться Россией как объявление войны Польшей Германии и Австро-Венгрии, и Россия будет обязана проявить все необходимое сотрудничество с Германией и Австро-Венгрией, чтобы уничтожить такие войска». Так действия советских экспедиционных войск против польских войск под командованием генерала Довбор-Мусницкого задним числом объяснялись выполнением тайных обязательств перед немцами.

«В будущем Конгрессе по заключению всеобщего мира, — говорилось далее, — Совет Народных Комиссаров через своих представителей должен для избежания войны в будущем и спасения социализма выступать против основания польской армии и учреждения Военного министерства». Восьмой пункт носил экономический характер: «Совет Народных Комиссаров обязан наблюдать через своих агентов, чтобы русские граждане не вывозили свои капиталы (а также французские, английские и американские) из промышленности, муниципальных предприятий, железных дорог и пароходств Польши». Заключительный, девятый пункт протокола гласил: «Правительства Германии и Австро-Венгрии признают необходимость полного пересмотра своего политического курса относительно Польши, Совет Народных Комиссаров должен признать новый курс и защищать его против препятствий, которые могут последовать от бывших союзников России».

Заверительная формула выглядела так: «Протокол был подписан лицами, поименованными выше. Данная копия соответствует оригиналу (всего сделано 3 копии) протокола. Января 15 дня 1918 г. Начальник Разведывательного бюро БГШ Агасфер. Адъютант М. Крейслер. № 82/914»[10].

А. М. Оссендовский особенно близко к сердцу принимал будущую судьбу родного ему польского народа во вновь возникших обстоятельствах, когда Россия не только выходила из войны, покидая своих союзников и отказываясь выполнять прежние обязательства в отношении Польши, но и вступала в фактический блок с бывшими противниками. Пытаясь представить себе будущее развитие событий, он рисовал такую картину: Германия отторгает от Польши Домбровский район, вводит ограничения в экономические права поляков на своей и австрийской территории, но одновременно возвращает Польше Холмскую губернию, аннексированную Россией при Столыпине. Польша получает куцую самостоятельность, лишается права иметь собственные вооруженные силы, входит в фарватер политики центральных держав. Так, ставя себя на место фактического победителя, представлял будущее Польши А. М. Оссендовский. Но этот путь не устраивал ни его, ни других «польских шовинистов». Поэтому-то и составлялся этот документ, чтобы подтолкнуть американцев и других союзников к тому, чтобы парализовать такой «план» и добиться полного суверенитета для Польши, союзной с Францией и Англией, а не с Германией и Россией.

Забавно также, что для придания большего правдоподобия этому «документу», наш автор печется об интересах социализма и мировой революции! В протоколе оговаривается право Совнаркома посылать агитаторов в Польшу и вести пропаганду социализма, но въезд агитаторов в Германию и Австро-Венгрию запрещался. Этот подход проявлялся и в других «документах» Оссендовского, рассмотренных нами в предыдущих главах. В сопроводительном письме к этому протоколу от Д. С. Р. говорилось: «Нужно добавить, что по крайней мере два местных поляка были арестованы по случаю этих документов и обвинены, среди прочего, в их подделке»[11]. В данное сообщение вполне можно поверить. Не только эти поляки пострадали от поддельных документов Оссендовского. Есть и более мрачный случай.

В фонде «документов Сиссона» в Национальном архиве США среди материалов, собиравшихся Госдепартаментом в связи с откликами на публикацию брошюры «Германо-большевистский заговор», есть несколько материалов о процессе над адмиралом А. М. Щастным. Он был осужден и расстрелян за то, что отказался выполнить приказ Наркомво-

енмора Л. Д. Троцкого о потоплении кораблей Балтийского флота, базировавшихся в Гельсингфорсе. Щастный вывел корабли и через скованный льдом Финский залив привел их в Кронштадт. В сталинское время «ледовый поход» моряков-балтийцев стал считаться славной страницей истории советского Балтфлота. В обвинительном заключении, предъявленном Щастному, как сообщил агентам Госдепартамента адвокат адмирала Жданов, значилось и распространение «фальшивых документов» о германо-большевистских связях. Сохранившийся в тех же бумагах один из документов «Разведывательного отделения БГШ» доказывает, что речь шла о документах, изготовленных А. М. Оссендовским. Вот этот документ, датированный 30 марта 1918 г., № 1333. Он адресован «господину председателю Совета Народных Комиссаров» и содержит следующий текст: «Генеральный штаб поручил Разведочному отделению выразить его удовлетворение по поводу решенного уже отстранения от должности главного комисссара Балтийского флота Измайлова. Со своей стороны, выбор на его место матроса Блохина встречен Генеральным штабом несочувственно, так как Блохин числится в оборонческой группе бывшего морского комиссара Дыбенко»[12]. Мы цитируем этот документ по сделанной американцами копии. Вероятно, она сделана вице-консулом Имбри прямо в помещениях консульства, поскольку русский текст документа и немецкие слова из углового штампа («Nachrichten Bureau») напечатаны на американской гербовой бумаге с водяным знаком. Тут же на русской машинке напечатан и текст рукописной пометы: «Пригласить тов. Раскольникова для переговоров. М. Скрыпник»[13]. Сам документ был подписан за начальника «Разведывательного бюро» Рудольфом Бауэром, а фамилию адъютанта американцы разобрать не смогли и просто поставили в скобках слово «подпись».

В связи с этим последним документом представляют интерес несколько мест из меморандума Артура Булларда для м-ра Картера из Госдепартамента от 29 мая 1920 г. Буллард, как мы помним, был в Петрограде в качестве служащего Комитета общественной информации США во время пребывания там Сиссона и был в курсе покупки документов от Е. П. Семенова и получения документов первой серии. «Я совершенно согласен с м-ром Сиссоном, — писал Буллард в начале своего меморандума, — что новая информация, полученная нами в связи с делом адмирала Щастного, очень существенно подтверждает документы, опубликованные Комитетом общественной информации, и те, которые позднее были приобретены посольством»[14]. Но Буллард решительно возражал против предложения Сиссона немедленно опубликовать новые документы. Далее Буллард указывал, что после отъезда Сиссона из России «две груп-

пы документов, предположительно происходящих из того же источника, были предложены для покупки посольством. Первая из этих групп была куплена и находится сейчас в распоряжении Госдепартамента (это “документы Имбри – Акермана”. — *В. С.*). Третья группа не была куплена, и следов ее обнаружить не удалось (а это те 36 документов, которые были предложены для покупки Акерманом в последнем списке от 25 апреля 1918 г. — *В. С.*). Самое тщательное исследование, в выполнении которого Госдепартаменту помогали эксперты военной разведки Военного департамента, показало, что обе группы (документы Сиссона и те, которые были приобретены посольством) могут быть или подлинными, или фальшивыми. Они поддаются той же самой одинаковой проверке. Имеется, однако, чуть больший шанс подделки во второй группе при предположении, что те, кто уже продал одну партию Сиссону, могли быть движимы финансовыми причинами в импровизации еще некоторых новых»[15]. Это соображение Артура Булларда основывалось на бытовом, практическом подходе, а не на научном, последний же совершенно правильно требовал признать фальшивыми и «документы Сиссона», если во второй группе находились документы, заподозренные в том, что они являются поддельными.

Далее Буллард касался «польских документов», разобранных нами выше, и отмечал, что один из них имелся в «документах Сиссона» (в действительности, как мы уже знаем, два). Затем автор меморандума говорил о том, что он обнаружил телеграмму № 681 от 29 июня 1918 г. от консула Пула из Москвы, касающуюся адмирала Щастного. «В этой телеграмме, — писал Буллард, — м-р Пул заявлял, что среди обвинений, выдвинутых против адмирала Щастного, было “нахождение в его владении и распространение фальшивых документов с целью дискредитации Советского правительства”. М-р Пул, который не видел “документов Сиссона” и знал о них только смутно, отмечал, что документы пришли от германского “Разведывательного бюро” и были подписаны “Бауэр”. Он излагал их содержание слишком кратко, чтобы они могли рассматриваться как ценное свидетельство». Документ же, копию которого мы разобрали выше, дошел до Госдепартамента через Стокгольм, откуда он послан был депешей № 1309 от 21 августа 1918 г.[16] Буллард считал это свидетельством подлинности всех документов, но высказывался не в пользу их публикации, а в пользу продолжения изучения и исследования всех документов.

Выполняя в данном труде его пожелание, мы еще раз приходим к выводу о том, что и данный документ «Nachrichten Bureau» от 30 марта 1918 г. является поддельным, как и остальные документы всех трех серий. Однако Эдгар Сиссон придерживался прямо противоположного мнения и в приложении к своим мемуарам 1931 г. опубликовал текст этого документа.

Поскольку в данной главе мы собираем все не включенные в опубликованные или хранящиеся в архивах серии документы и свидетельства об их существовании, необходимо назвать еще один документ «Nachrichten Bureau», о котором рассазал... сам Оссендовский! В своем письме в Кредитную канцелярию Министерства финансов колчаковского правительства в Омске от 11 апреля 1919 г. по поводу предоставления ему денег на командировку в США, о котором мы уже упоминали однажды в начале этой книги, он, в частности, писал: «В марте у меня был произведен первый обыск, а в половине мая — последний, 18-й, причем всякий раз искали доказательств моей осведомленности о немецких делах в России. Производивший у меня обыск прапорщик Благонравов забыл у меня на столе ордер об обыске, а к ордеру был пришпилен бланк Германского Генер. штаба с бланком “Nachrichten Bureau”, просящего Комиссию по борьбе с контрреволюцией и пр. сделать обыск у редактора “Вечернего времени” Оссендовского и взять все документы, доказывающие его осведомленность в германской агентуре в России»[17]. Может быть, обыски у А. М. Оссендовского действительно имели место, а может быть, все это было и чистым блефом, причем блефом рискованным, поскольку Оссендовский сам прямо связывал документ «Разведывательного бюро БГШ» со своим именем. В пользу предположения о блефе говорит упоминание фамилии Г. И. Благонравова. Именно он, будучи комиссаром Петропавловской крепости, освобождал румынского посланника Диаманди по прямому приказу Ленина 1 января 1918 г. Уже это должно было привлечь к его фамилии внимание Оссендовского. Насколько известно из биографии Благонравова, вплоть до ноября 1918 г. он в органах ЧК не работал[18].

Для того чтобы представить себя жертвой германо-большевистских преследований на своем пути к белым, Оссендовский вполне мог подделать и ордер на обыск у себя дома, и уж тем более письмо «Nachrichten Bureau». Вопрос о том, были ли обыски у Оссендовского, можно выяснить, только изучая архивы Петроградской ЧК. Во всяком случае, после неудачи с попыткой продать через Акермана последнюю серию из 36 документов — а это выяснилось в начале мая 1918 г. — Оссендовскому действительно было нечего делать в Петрограде, и отъезд на Восток был единственным правильным решением.

Итак, материалы данной главы показывают, что действительное число документов, изготовленных А. М. Оссендовским, было больше, чем просто сумма материалов Никифоровой, Сиссона и Акермана, а ряд документов, включенных в эти серии, имел и самостоятельное параллельное хождение.

Парад-алле

Теперь пришло время взглянуть на все документы, выполненные А. М. Оссендовским, целиком, устроить их, так сказать, парад-алле перед критическим взглядом читателя и исследователя. Еще никто не ставил перед собой такой задачи. Дж. Кеннан писал прежде всего и исключительно о «документах Сиссона», о тех 53 документах, которые были включены в Доклад Эдгара Сиссона. Он несколько пренебрежительно отзывался о тех 15 документах, копий и оригиналов которых Сиссон не имел и которые он включил в приложение № 1 к своему Докладу. Мы называем их «документами Никифоровой», которых было на два больше, чем в приложении № 1 у Сиссона, но три из них повторяли документы Доклада. Наконец, Дж. Кеннан отказался рассматривать «документы Имбри – Акермана», хотя и видел их, на том, видимо, основании, что они не были опубликованы, а следовательно, не имели общественно-политических последствий. Кроме того, он обошел молчанием «польский документ», документ, изъятый в штабе Балтфлота у адмирала Щастного, и упоминание о требовании «Nachrichten Bureau» произвести обыск у Оссендовского. Никто из исследователей не взял на себя также труд проанализировать список третьей серии из 36 документов, представленный Акерманом вице-консулу Имбри 25 апреля 1918 г.

Ставя в центр нашего исследования автора документов, мы хотим в этой главе проанализировать их все, показать их особенности, а через них и особенности «творческой манеры», авторского почерка Оссендовского, заглянуть в мастерскую этого гениального фальсификатора. Итак, в это число входит 17 «документов Никифоровой», 53 «документа Сиссона», 39 «документов Имбри – Акермана», «польский документ», «документ Щастного». Итого 111 документов. Но в них есть повторяющиеся, и поэтому общее число оригинальных «документов», тексты которых нам известны на русском языке или в английском переводе (или и в том и другом виде), несколько меньше: 105. Но к этому надо доба-

вить еще 36 документов, описание которых дано в списке Акермана от 25 апреля 1918 г., и один документ с требованием произвести обыск у Оссендовского. Таким образом, можно утверждать, что А. М. Оссендовский с конца ноября 1917 г. по апрель 1918 г. изготовил по меньшей мере 142 поддельных документа о «германо-большевистском заговоре».

Им использовались специально изготовленные поддельные бланки с типографски отпечатанными угловыми штампами трех германских учреждений: Центрального отделения Большого Генерального штаба Германии, Генерального штаба флота открытого моря Германии и «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» в Петрограде. Бланки последнего «учреждения», на которых выполнено самое большое количество фальшивых документов Оссендовского, заказывались или изготовлялись им дважды. Ни одного из этих трех учреждений в Германии или России в действительности не существовало. Была изготовлена круглая мастичная (резиновая) печать «Nachrichten Bureau G. G.-S.», которой заверялись как сами документы этого «учреждения», так и многочисленные «официальные копии» русских и иностранных документов и их переводов.

Кроме того, Оссендовский изобрел «Контрразведку при Ставке» русского Верховного главнокомандующего, изготовил или заказал поддельные типографские бланки с угловым штампом этого несуществующего учреждения. Сделана была и круглая мастичная печать с надписью: «К.-Р. отделение Ш. В. Г.». Она использовалась для заверки документов, исходящих якобы от этого учреждения, а также копий русских документов.

Два немецких циркуляра 1914 г. вначале были написаны и распространялись Оссендовским, как и все остальные его «документы», на русском языке, затем переведены на немецкий язык, набраны в одной из петроградских типографий на немецком языке, оттиснуты на фальшивых бланках, а затем сфотографированы. Фотографировалось и предъявлялось в виде фотокопий и большинство документов, переданных Е. П. Семеновым Э. Сиссону. В составе же «документов Имбри – Акермана» была только одна фотокопия немецкого циркуляра 1914 г., остальные документы претендовали на то, чтобы быть «оригиналами».

Документы изготовлялись на пишущих машинках. По мнению американских экспертов, были задействованы пять машинок (на шестой был отпечатан только один документ), нам удалось бесспорно идентифицировать только две. Все это говорит о масштабе предприятия Оссендовского, о том, что он привлек значительные технические средства для выполнения своей цели. Однако все это он проделывал в одиночку, под вопросом остается только изготовление бланков и печатей. Даже своему

ближайшему помощнику, хорошему знакомому, соредактору «Вечернего времени» и посреднику Е. П. Семенову Оссендовский не доверял тайны происхождения документов. Хотя все «документы Сиссона» поступали Семенову от Оссендовского, Семенов был уверен, что Оссендовский сумел создать «организацию», в которую завербовал некоторых сотрудников Смольного, и получает документы именно от них. Однако в некоторые свои планы Оссендовский Семенова все-таки посвящал: вспомним случай с кражей распоряжения с четырьмя подписями в Наркоминделе. Тем более он не открывал истинный источник поступления документов своему новому, по всей видимости, случайному посреднику Георгию Акерману, выдвигая знакомую версию об офицерской организации и доставке документов уже из Москвы.

Возможно, однако, что А. М. Оссендовский имел контакты с польскими националистическими организациями. Он упомянул о существовании «польской» группы, помимо «офицерской телеграфной» и «смольнинской», во время интервью в Госдепартаменте в 1921 г., но назвать руководителя этой группы отказался, в то время как свободно фантазировал относительно «смольнинской» группы, которую он на самом деле воплощал в единственном числе. Наводит на мысль о существовании связей с польскими националистическими организациями и изготовление Оссендовским протокола о декабрьском совещании в Ставке немецких и русских делегаций по вопросу о дальнейшей судьбе Польши. Он не предназначался прямо для американцев и попал в ним в руки случайно и «бесплатно» в мае 1918 г. Оссендовский широко применял практику переодевания, маскировки, не гнушался вместе со своим приятелем Е. П. Семеновым и похищения подлинных советских бланков и образцов подписей высокопоставленных служащих.

Источником информации для него главным образом служили: содержание советских и большевистских газет, издававшихся в Петрограде, всевозможные слухи, распространявшиеся в антисоветских кругах, и те разговоры, которые переодетый Оссендовский сам подслушивал в Смольном.

Конечно, мы не хотим представить дело так, что уже в конце ноября 1917 г. он решил изготовить 150 «документов». Нет, все это происходило постепенно и спонтанно. В ноябре 1917 г. никто не верил, что Советская власть вообще просуществует больше месяца. Поэтому вначале Оссендовский изготовил только те документы, которые Е. П. Семенов свез в Ростов-на-Дону и в Новочеркасск в декабре 1917 г. (Это документы приложения № 1 к докладу Сиссона или документы из статьи лейтенанта Свечникова.) Потом в несколько этапов были изготовлены «документы

Сиссона», которые потребовали от Оссендовского заказов бланков и печатей, фотографирования и изготовления фотокопий, а потом сочинения истории о взломанных ящиках в Смольном, чтобы оправдать предложение «оригиналов», когда выяснилось, что Сиссон скоро уезжает и времени на фотографирование остается мало. Перед этим Сиссону был предложен список документов, которые Семенов мог достать. Сиссон отмечал то, что он хотел иметь, а Оссендовский после этого изготовлял именно эти «документы».

Дело с Э. Сиссоном удалось полностью: документы были проданы, получены деньги в рублях и долларах, еще обещаны были деньги Семенову, когда он окажется в Англии. Через две недели после отъезда Сиссона на сцене появляется Г. Акерман, предлагающий американцам новый «документ». Повторяется тот же прием: еще несколько документов, а потом список и продажа всей серии. Наконец, Акерман приносит новый список из 36 документов. Трудно сказать, были ли они в действительности все уже изготовлены Оссендовским. Скорее всего, все-таки большинство уже имелось в наличии, так как Имбри, в случае согласия Фрэнсиса, готов был отправить их в Вологду уже через день после получения списка.

Таким образом, хотя изготовление документов растянулось на полгода, все равно нельзя не поражаться произведенному количеству подделок, тем усилиям, которые приложил автор, и техническим средствам, использованным при их создании. Вполне возможно, что он платил деньги за изготовление печатей и бланков (тут-то и могли сыграть свою роль польские знакомства, поскольку изготовление всевозможных подделок, по мнению американских и английских разведчиков, зафиксированному в собранных Госдепартаментом документах, стало даже промыслом части поляков в Петрограде). Однако его выгода от самостоятельной продажи документов через Акермана должна была превысить его расходы и обеспечить ему средства для отъезда в Сибирь.

Теперь мы хотим показать особенности «работы» Оссендовского на примере содержания и оформления всех изготовленных им документов. Прежде всего поговорим о *фамилиях* лиц, которые упоминаются в тексте «документов». Мы составили картотеку этих фамилий, которая насчитывает 380 имен! Само по себе это уже потрясает, если учесть, что большая часть немецких и русских фамилий выдумана автором. Вообще-то фамилий 379, так как Оссендовский «разделил» услышанную им еще во время июльских событий 1917 г. фамилию большевика, офицера 2-го пулеметного полка Тарасова-Родионова, на две: Тарасова и Родионова — и сделал из них немецких агентов в Сибири.

Интересно, что подавляющее большинство русских фамилий приведено им без инициалов. Так, узнавая, скажем, фамилии большевиков из газет или по слухам, Оссендовский не знал имен и отчеств этих людей и на всякий случай употреблял их без инициалов. Тогда же, когда он пробовал присоединить к подлинным фамилиям имена или отчества, он неизменно попадал впросак. Мы видели это на примере В. А. Фейерабенда, важнейшей и ключевой фигуры для всего построения Оссендовского. Ему он дал имя Макс, и простейшая проверка выявила подделку. Еще пример: Оссендовский дважды использовал в тексте своих документов фамилию Урицкого (№ 17 в «документах Сиссона» и «польский документ»). И в одном случае он назвал его Ильей Юльевичем. Но подлинного Урицкого звали Моисей Соломонович.

В случае с немецкими фамилиями Оссендовский был более щедр на Францев, Генрихов и Отто, поскольку и фамилии, и имена, а также военные звания и чины вместе с дворянскими приставками «фон» были на 99 процентов вымышленными. Всего, по нашим подсчетам, в указанных документах были упомянуты 152 немецкие фамилии. Как правило, это были очень простые и расхожие, общеупотребимые немецкие фамилии, которые легко можно было найти в справочнике «Весь Петербург» за довоенный период. Сложные немецкие фамилии употреблялись им крайне редко. Как правило, они относились к реальным лицам, занятым в торговых домах на Дальнем Востоке. По отзывам специалистов, в фамилиях встречаются ошибки, которые не мог совершить человек, для которого немецкий язык был бы родным.

320 фамилий из 380 упоминались в документах Оссендовского только по одному разу. Подавляющее большинство из них — выдуманные персонажи. Это филера-наблюдатели, которые якобы высылались «Комитетом по борьбе с погромами и контрреволюцией» и другими советскими «учреждениями» или прямо «Nachrichten Bureau» в Петрограде для слежки за американским и другими союзными посольствами и миссиями и их работниками. Среди этих фамилий и имена германских офицеров, присланных в качестве «экспертов» в советские государственные учреждения — агентов германской разведки, и многих десятков большевистских «агитаторов», которых Оссендовский от имени Совнаркома и Народного комиссариата иностранных дел рассылал на север и юг, на запад и восток, от Варшавы до Сан-Франциско. Тут же имена выдуманных посредников для передачи денег большевикам, советских комиссаров, посылаемых в разные места с целью вредить союзникам и помогать немцам. Предпринятые нами выборочные проверки значительного числа из этих фамилий по именным указателям к изданиям

документов того времени показали, что таких людей на самом деле не существовало.

Двадцать семь фамилий упоминаются в документах дважды. Это имена как вымышленных лиц, так и реальных, которые, естественно, не совершали тех действий, которые им приписывал Оссендовский. 14 фамилий упоминались по три раза, соотношение между подлинными именами и вымышленными здесь примерно поровну. Три фамилии упоминаются по четыре раза. В их числе Парвус, который в «документах» выставлялся одним из главных каналов связи большевиков с германскими властями в годы войны и снабжения их деньгами, а также А. А. Иоффе, которого Оссендовский делает одним из главных посредников между германскими военными властями и Совнаркомом во время брестских переговоров.

Пять фамилий упоминаются по пять раз. Это Антонов, Буттенхоф, Каменев, Подвойский и Раскольников. Антонов — скорее всего В. А. Антонов-Овсеенко. Но Оссендовский, видимо, плохо представлял его себе, и поэтому его образ получился у него несколько расплывчатым, а обязанности — неопределенными. Буттенхоф являлся служащим фирмы «Кунст и Альберс» и изображался Оссендовским в качестве одного из главных немецких агентов на Дальнем Востоке. Л. Б. Каменев упоминается чаще всего в связи с открытием счетов Имперским банком большевистским руководителям, а также в связи с мифическим немецко-большевистским совещанием в Кронштадте после июльских дней. На этом совещании якобы присутствовал и Ф. Ф. Раскольников-Ильин, который, кроме того, упоминается в связи с разными совещаниями с немцами и управлением Балтийским флотом. Н. И. Подвойский называется в связи с руководством войсками и оказанием разных услуг германскому военному командованию.

Шесть раз упоминается только фамилия генерал-адъютанта М. В. Алексеева в связи с его военной, а более всего антисоветской деятельностью в конце 1917 — начале 1918 гг. Семь раз упоминаются три фамилии. Прапорщик Н. В. Крыленко, назначенный Совнаркомом Верховным главнокомандующим русской армии в ноябре 1917 г., изображается одним из главных проводников пронемецкой и антисоюзнической политики, устроителем капитулянтских совещаний с немецкими властями, автором разных предательских приказов и распоряжений. В такой же роли выступает выдуманная фигура «Макса» Фейерабенда, начальника «Контрразведки при Ставке», хотя русский фронтовой солдат с такой фамилией действительно находился в штате новой советской Ставки. Третьим здесь является Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг). Он возводится Оссендовским во владельца банкирской конторы в Стокгольме и высту-

пает одним из главных посредников в передаче немецких денег. Тут Оссендовский идет за следствием Временного правительства, которому он вместе с Е. П. Семеновым усиленно старался помочь после июльских дней 1917 г. «разоблачениями» в газете «Вечернее время». Упоминается в «документах» Фюрстенберг и в связи с вопросом о посылке агентов и агитаторов.

Восемь раз называются четыре фамилии. Это, во-первых, немецкий эмиссар фон Бельке, отдающий приказы Ленину и Троцкому, устраивающий немецкие разведывательные органы в Петрограде, чувствующий себя хозяином и в столице, и в Ставке. Фигура абсолютно вымышленная, но несущая, по мысли своего создателя, важную политическую нагрузку. Во-вторых, это Володарский. Мы уже отмечали выше, что фамилию Володарского Оссендовский тоже считал ударной, так как тот несколько лет жил в США, пользовался репутацией анархиста и социалиста, вместе с Троцким сотрудничал в нью-йоркской русскоязычной газете «Новый мир». Его прошлая деятельность, известная американцам, должна была заставить их поверить и в то, что Володарский командовал теперь засылкой агентов в Сибирь и прямо в Штаты. П. Е. Дыбенко изображался тоже как один из главных немецких агентов в большевистском стане. Однако в связи с возбуждением против него уголовного преследования за бегство из Нарвы, Оссендовский стал подавать его в своих документах в более сочувственном плане. Г. Е. Зиновьев, как и Дыбенко, изображался участником германо-большевистского совещания в Кронштадте, а также одним из главных получателей немецких денег.

Но чемпионами были, естественно, два смольнинских «диктатора»: В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Они упоминались в изготовленных Оссендовским документах по двенадцать раз, как правило, вместе, но иногда и по отдельности. Они возглавляли список получателей германских денег еще со времен начала войны, хотя, как известно нам (но не было известно Оссендовскому!), были в это время злейшими идейными и организационными врагами; они участвовали в сверхконспиративном совещании с немцами в Кронштадте, на котором, оказывается, уже было создано пролетарское правительство, они упорно и последовательно сдавали Россию немцам и препятствовали попыткам честных патриотов среди военных и контрразведчиков продолжать войну с Германией и сохранять верность союзникам. В момент сочинения своих документов А. М. Оссендовский не имел ни малейшего понятия о реальной деятельности Ленина и Троцкого и о фактах их реальных биографий. Позднее, как мы покажем далее, он вынужден был проштудировать материал о Ленине, когда писал свой роман «Ленин — бог безбожных», но образы

ряда ленинских соратников остались на уровне сочиненных им «документов». Впрочем, об этом речь еще впереди.

С фамилиями мы встречались еще в двух случаях: при изучении подписей к «документам» и при изучении помет, оставленных якобы лицами, которым они были адресованы, или, по их указанию, секретарями и пр. До Февральской революции традицией русского делопроизводства было обращение в официальном письме к руководителю учреждения со слов «милостивый государь», после которых следовало имя и отчество адресата. Революция отменила эти бюрократические церемонии, положив начало официальному обращению по наименованию должности адресата. Оссендовский в своих «документах» придерживался этого нового обычая. Поэтому они начинаются с обращения к председателю Совета Народных Комиссаров, или комиссару по иностранным делам, или комиссару по борьбе с погромами и контрреволюцией и пр. Причем революционное обращение «товарищ» им не используется, а сохраняется старое — «господин». Фамилии лиц, занимающих эти и иные должности, в «документах» не указываются.

Начнем с подписей, которые вместе с исходящим номером и датой документа как бы завершали его подготовку в учреждении-отправителе. В «документах Сиссона» и «документах Имбри – Акермана» имеется 44 документа, исходящих от «Nachrichten Bureau G. G.-S. Section R», то есть от Секции R «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» Германии, учрежденного якобы в Петрограде с согласия Совета Народных Комиссаров 25 октября 1917 г. Первые два — по времени их создания — документа (напомним, что время это произвольно ставилось А. М. Оссендовским задним числом, поскольку все «документы» составлялись им после описываемых событий и лишь подгонялись под них) — от 26 ноября и 4 декабря 1917 г. — подписывались только «начальником отделения» Агасфером. Это было «кодовое имя» майора Люберца, одного из четырех офицеров, которые согласно «письму» Большого Генерального штаба от 25 октября и должны были составить «Разведывательное бюро» в Петрограде. Следующий документ от 17 декабря был подписан начальником бюро Агасфером и адъютантом Э. Рантцем. Ни в одном из дальнейших документов бюро фамилия Рантца (кроме единственного, указанного ниже исключения) не встречается. Декабрьский документ, по исходящему номеру следующий близко за документом от 17 числа, подписан «за начальника» Р. Бауэром. Откуда там взялся Бауэр, непонятно. Но эта фамилия очень полюбилась Оссендовскому, и далее еще 30 «документов» из общего числа 44 подписаны «за начальника» именно «R. Bauer», в то время как Агасфер «подписывает» в разбивку еще только 5, последний

из которых за 27 февраля 1918 г. В «документах Имбри – Акермана» подпись Агасфера совсем не встречается. Для того чтобы создать видимость «массовости» сотрудников «Разведывательного бюро» в Петрограде, Оссендовский варьирует подписи адъютантов, которые он начинает ставить после подписей начальника с «документа» от 17 декабря 1917 г. Так, документ из брошюры «Германо-большевистский заговор» от 12 января 1918 г. подписан адъютантом Генрихом (по-русски). В документе от 25 октября указывалось, что Генрих есть кодовая фамилия лейтенанта Гартвига. Но вот появление новых адъютантов Бухгольца и М. Крейслера никак не объяснено.

Итак, посмотрим на рисунок подписей начальника и адъютантов «Nachrichten Bureau», начиная с документа от 12 января 1918 г.:

12.01.1918. — Агасфер, Генрих; 15.01. — Агасфер, М. Крейслер; 17.01. — Бауэр, подпись адъютанта неразборчива (это английский текст из «документов Сиссона», копии оригинала не имеется); 3.02. — Агасфер, Бухгольц; 4.02. — Агасфер, Генрих; 6.02. — Бауэр, Бухгольц; 7.02. — Агасфер, Бухгольц; 7.02. — Бауэр, Бухгольц; 12.02. — Бауэр, Бухгольц; 17.02. — Бауэр, адъютант Ратитц (видимо, здесь ошибка: Сиссон и его коллеги плохо прочитали, это должен был бы быть адъютант Рантц); 23.02. — Бауэр, Генрих; 25.02. — Бауэр, Бухгольц; 25.02. — Бауэр, Генрих; 27.02. — Агасфер, Бухгольц; 6.03. — Бауэр, Генрих; 8.03. — Бауэр, М. Крейслер; 9.03. — Бауэр, М. Крейслер; 10.03. — Бауэр, М. Крейслер; 14.03. — Бауэр, М. Крейслер; 16.03. — Бауэр, М. Крейслер; 19.03. — Бауэр, Генрих; 22.03. — Бауэр, Генрих; 23.03. — Б. Бер (об этом случае мы поговорим чуть ниже), М. Крейслер; 23.03. — этот документ и следующий от 24.03. подписаны только адъютантами Генрихом и М. Крейслером вдвоем; 24.03. — Бауэр, Генрих; 28.03. — Бауэр, Генрих; 30.03. — Бауэр, Генрих; 31.03. — Бауэр, Генрих; 1.04. — Бауэр, М. Крейслер; 2.04. — Бауэр, М. Крейслер; 2.04. — Бауэр, М. Крейслер; 3.04. — Бауэр, Генрих; 4.04. — Бауэр, Бухгольц; 4.04. — Бауэр, М. Крейслер; 5.04. — только адъютант Генрих; 6.04. — Бауэр, М. Крейслер; 6.04. — Бауэр, Генрих; 7.04. — Бауэр, Генрих; 7.04. — Бауэр, М. Крейслер.

Подобную табличку или списочек должен был иметь и сам Оссендовский, чтобы не сбиться. Ведь в немецком учреждении должен был быть порядок: адъютанты должны были дежурить по очереди. Ни один адъютант не «подписывал» подряд более четырех-пяти «документов». Что же касается документа № 1203 от 23 февраля 1918 г, который «за начальника» подписал B. Behr, то, всего вероятней, это описка самого Оссендовского: вместо R. Bauer. Описка не единственная. Мы отметим ее и присоединим затем к другим. Правда, следует оговориться, что в до-

кументе от 25 октября, где указывался состав «Nachrichten Bureau», фамилия Бэр называлась в качестве кодового имени для майора Байермейстера. Но ни одного документа, подписанного этим именем, мы не имеем, кроме этого. В английском тексте написание кодового имени выглядит как Ber, а не B. Behr.

С подписями под восемью документами из «RG. Generalstab, Central Abtheilung, Section R» Оссендовский проделывал нечто подобное. В начальниках там ходил у него O. Rausch, а адъютантами были Ю. Вольф и Р. Кригер. Несколько повеселее дело обстоит с подписями под «документами» «Контрразведки при Ставке». Это русское «учреждение», тут и беспорядка должно быть больше — так, видимо, рассуждал Оссендовский. Всего во всех сериях мы имеем 23 полных текста документов «Контрразведки при Ставке», датированных со 2 января по 5 апреля 1918 г. Первый документ от 2 января подписан начальником Фейерабендом и секретарем Н. Драчевым. В последующих 21 документе ни должность секретаря, ни фамилия Драчева ни разу не встречаются. Документ от 8 января подписан: «за начальника С. Кальманович», а от 10 января: «начальник Фейерабенд». Документы от 16 января и 5 апреля 1918 г. на «официальных бланках» подписаны соответственно «контрразведчиками» П. Архиповым и П. Кораблевым единолично. Но документ от 5 марта П. Кораблев подписал как комиссар контрразведки. Вообще же первый раз должность комиссара встречается в подписи под документом от 19 января. Фамилия комиссара — Кальманович. В качестве комиссара он единолично подписывает также документы контрразведки от 21 и 29 января и 18 марта 1918 г. Документы от 23 и 30 января подписываются и начальником Фейерабендом, и комиссаром Кальмановичем. Документы от 21 и 28 января подписывает комиссар Г. Мошолов, а документ от 12 марта подписывает комиссар Иван Алексеев вместе с Фейерабендом. Но последний назван «заведующим контрразведкой». Иван Алексеев, как комиссар, подписывает документы от 22, 23 и 31 марта 1918 г. Документ от 27 января подписывает комиссар А. Сивко, от 25 января — старший офицер П. Миронов, а от 25 марта — агент контрразведки М. Костин.

Итак, если 44 документа «Nachrichten Bureau» подписывают за начальника только два человека и еще четыре адъютанта, то 23 документа русской «контрразведки» имеют подписи десяти разных людей. Видимо, этим документам Оссендовский придавал меньшее значение, чем немецким, не вел им точного учета. Вспомним, что этим «документам», как правило, отводилась второстепенная, подтверждающая роль. Как мы увидим ниже, больше в них путаницы и с исходящими номерами документов.

Крайне интересными получились результаты исследования исходящих номеров в документах всех серий. 71 из них имеют в соответствующих графах бланков исходящие номера. И вот что поразительно: ни один номер не повторяется дважды! В нашем списке, который мы составили по порядку номеров с № 2 по № 1445, представлены немецкие учреждения: Имперский банк, «Разведывательное бюро Большого Генерального штаба» в Петрограде, Русская секция Центрального отделения Большого Генерального штаба, Генеральный штаб флота открытого моря; русские учреждения: «Комиссар по борьбе с погромами и контрреволюцией», «Контрразведка при Ставке». «Документы», как правило, относятся к одному и тому же периоду времени: ноябрь — декабрь 1917 г. и январь – начало апреля 1918 г. И хотя бумажный поток в каждом из учреждений предполагался разной интенсивности и объема, в реальной жизни не может быть такого, чтобы некоторые исходящие номера документов не совпадали.

Так может быть только в одном случае: если кто-то заранее распределяет эти номера между документами разных учреждений по мере изготовления самих этих «документов». Давайте убедимся в этом сами:

№ 2 — Имперский банк (далее — ИБ), 8.01.1918; № 5 — ИБ, 11.01; № 8 — ИБ, 12.01; № 20 — «Контрразведка при Ставке» (далее — КР), 2.01; № 27 — «Разведывательное бюро БГШ» (далее — РБ), 12.01; № 32 — «Комиссар по борьбе с погромами и контрреволюцией» (далее — КП), 5.01; № 35 — РБ, 17.01; № 51/572 — КР, 19.01; № 52 — КР, 8.01; № 63 — КР, 10.01; № 63/445 — КП, 1.01; № 71 — КП, 14.01; № 79 — Генеральный штаб флота открытого моря (далее — ШФ), 10.01; № 79/263 — КР, 23.01; № 82/914 — РБ, 15.01; № 85 — ШФ, 14.01; № 93 — ШФ, 28.11.1914; № 136 — РБ, 26.11.1917; № 151 — РБ, 4.12.1917; № 168 — РБ, 17.12.1917; № 181 — РБ, ?.12.1917; № 212 — КР, 21.1. 1918; № 228 — РБ, 4.02; № 263/79 — КР (см. выше — № 79/263); № 268 — КР, 25.01; № 272/600 — РБ, 6.02; № 278/611 — РБ, 7.02; № 283 — РБ, 7.02; № 292 — РБ, 12.02; № 311 — КР, 29.01; № 313 — РБ, 17.02; № 389 — Большой Генеральный Штаб, Центральное отделение, Секция R (далее — ГШ), 24.02; № 395 — КР, 21.01; № 403 — ГШ, 26.02; № 411 — ГШ, 26.02; № 445/63 — КП (см. выше — № 63/445); № 461 — КР 28.01; № 471 — КР, 27.01; № 511 — КР, 30.01; № 513 — РБ, 24.03. 1918; № 713 — РБ, 23.02; № 730 — РБ, 25.02; № 733 — РБ, 25.02; № 750 — РБ, 27.02; № 759 — ГШ, 1.11.1917; № 813 — ГШ, 19.11.1917; № 856 — РБ, 6.03.1918; № 874 — РБ, 8.03; № 883 — РБ, 9.03; № 889 — РБ, 10.03; № 901 — РБ, 14.03; № 948 — РБ, 16.03; № 951 — ГШ, 20.12.1917; № 1025 — РБ, 19.03; № 1145 —

РБ, 22.03; № 1203 — РБ, 23.03; № 1204 — КР, 18.03; № 1253 — КР, 5.03; № 1271 — РБ, 24.03; № 1272 — КР, 12.03; № 1325 — РБ, 28.03; № 1333 — РБ, 30.03; № 1340 — РБ, 31.03; № 1341 — КР, 22.03; № 1343 — РБ, 1.04; № 1345 — РБ, 2.04; № 1351 — РБ, 2.04; № 1352 — КР, 23.03; № 1361 — РБ, 3.04; № 1398 — КР, 31.03; № 1403 — РБ, 4.04; № 1406 — КР, 5.04; № 1412 — РБ, 5.04; № 1431 — РБ, 6.04; № 1436 — РБ, 6.04; № 1439 — РБ, 7.04; № 1445 — РБ, 7.04.

Несомненно теперь, что А. М. Оссендовский вел учет исходящим номерам и по странному предубеждению не допускал их повторения, полагая, что это может послужить поводом для его разоблачения. Особенно заметно это на последних исходящих номерах «документов» марта и апреля 1918 г., в «документах Имбри – Акермана», когда русская «Контрразведка при Ставке» нумерует свои «документы» как бы по очереди с немецким «Разведывательным бюро».

Теперь несколько слов об ошибках в оформлении документов. В некоторых случаях имеется несоответствие между «датой» документа и его исходящим номером. Так, «документы» «Контрразведки при Ставке» за 5 и 12 марта имеют №№ 1253 и 1272, а документ от 18 марта — № 1204! Документ от 21 января 1918 г. носит номер 212, а соседний за этот же день — 395, следующий же за 23 января — № 268. Документ за 29 января помечен № 311, а за 30 января — № 511. Разрыв в целых 400 номеров имеется между документами «Nachrichten Bureau» от 17 и 23 февраля: № 313 и № 713, в то время как документ от 12 февраля имеет № 292. Приложение к документу от 24 марта имеет № 513, а соседний документ от 24 марта соответствует общему нарастающему порядку и имеет № 1271.

В «Разведывательном бюро» Оссендовский выделяет Section R, а в Центральном отделении Генерального штаба — Section M, но потом он сам запутывается в этих литерах. И с документа № 889 от 10 марта у него в «Разведывательном бюро» возникает Секция М, а в документах Центрального отделения от 26 февраля 1917 г. (№№ 403 и 411) — Секция M/R.

Итак, внимательное рассмотрение всех документов Оссендовского показывает, что, несмотря на тщательность его работы и принимавшиеся им меры предосторожности и учета изготовляемых им документов, ошибки и огрехи в оформлении свидетельствуют еще раз об их поддельном происхождении.

Оссендовский в Сибири

В половине мая 1918 г., по словам А. М. Оссендовского, у него был произведен последний, восемнадцатый по счету с марта месяца, обыск. Зная привычку нашего героя к преувеличениям, мы можем сомневаться и в самих фактах производства обыска, и в их количестве. Его «мастерская» работала во всяком случае до 25 апреля, когда Георгий Акерман предложил американскому вице-консулу Имбри список из новых 36 «документов». Последний же документ из предыдущей серии имел дату 7 апреля 1918 г. Таким образом, видимо, до конца апреля Оссендовского советские власти все-таки не беспокоили, иначе он не мог бы продолжать свою работу, требовавшую безопасности, уединения и кропотливости. Конечно, интересно было бы узнать, действительно ли проводились у него обыски и что при этом было изъято. Компетентные следователи должны бы были обратить внимание на странные списки с датами и номерами, которые, повторяем, Оссендовский несомненно вел для учета изготовлявшихся им документов. Может быть, ответ на это еще найдется со временем в архивах Петроградской ЧК.

«После этого, — писал Оссендовский в своем письме в Кредитную канцелярию Министерства финансов колчаковского правительства от 11 апреля 1919 г., — я бежал из Петрограда. В Вологде я принял письма для офицерских организаций в Сибири с сигналом к выступлению и письма доставил. С первых дней создания Сибирского правительства был приглашен в его состав. Был директором Кредитной канцелярии и вел переговоры с гг.Реньо и Эллиотом — комиссарами Франции и Англии»[1]. Думается, что в Вологде он остановился не случайно, надеясь на какие-то новые контакты через возможных посредников с американским посольством. Быть может, с известным риском он вез при себе и какие-нибудь «новые документы» из тех, что были в списке Акермана. Пока мы не имеем сведений о его контактах с американцами в Вологде, а о контактах с русскими офицерами он пишет сам. Он и тут старает-

ся поставить себя в центр событий, утверждая, что именно он привез сибирским офицерским организациям «сигнал к выступлению» против Советской власти. Известно, что уже 8 июня 1918 г. во время мятежа частей чехословацкого корпуса антисоветские силы захватили власть в Омске и образовали Временное сибирское правительство. Судя по письму Оссендовского, к этому времени он уже находился в городе и получил предложение войти в это правительство.

Репутации редактора «Вечернего времени» и борца с большевиками для этого было недостаточно. Трудно сказать, захватил ли с собой Оссендовский при отъезде из Петрограда какие-либо дипломы и справки, подтверждающие его образование и опыт работы. Но этого и не требовалось. Достаточно было заглянуть в справочную книгу «Весь Петроград» за 1917 год, чтобы получить там нужные сведения. Этот справочник несомненно имелся во многих омских библиотеках. Там, в частности, говорилось, что Оссендовский Антон Мартынович — потомственный дворянин, является кандидатом естественных и математических наук (между прочим, сведения давались в этот справочник самими заинтересованными лицами и не проверялись редакцией), членом Ревизионной комиссии Акционерного общества Ольховских золотых рудников, редактором журнала «Золото и платина», членом комитета по золотопромышленности департамента Министерства торговли и промышленности, секретарем постоянной совещательной конторы золотопромышленников, членом Совета съездов представителей промышленности и торговли, членом редколлегии «Вечернего времени» и, наконец, «литератором».

Надо признать, что практическая деятельность Оссендовского как геолога на Дальнем Востоке в начале века несомненно дала ему большой опыт и квалификацию, а пытливый и постоянный интерес к проблеме поисков и эксплуатации природных ресурсов повысил его знания. Магическое же слово «золото» прямо открыло ему путь в Кредитную канцелярию. В начале своего письма от 11 апреля 1919 г. Оссендовский тоже давал себе сходную характеристику: «В Омском Совете съездов промышленности и торговли я узнал о Русской экономической лиге, во главе которой стоят гг. Башкиров. Бубликов, Любович и Новоселов. Гг. Бубликов, Любович и Новоселов меня знают по работам моим в Совете съездов представителей промышленности и торговли, совещательной конторе золотопромышленников и Особом экономическом совещании, состоящем под председательством б[ывшего] м[инист]ра иностранных дел Н. Н. Покровского...»[2].

Быстро завоевав известность и положение в Омске, А. М. Оссендовский решил упрочить его и расширить. «После избрания меня профес-

сором Омского политехнического института по кафедре товароведения и экономической географии и Омского сельскохозяйственного института по кафедре химии, — писал он далее в своем письме от 11 апреля 1919 г., – я принял на себя редактирование официального "Вестника финансов, промышленности и торговли" и обязанности члена Совета Министерства финансов и Ученого сельскохозяйственного комитета, где заведую рынками (внутренним и внешним) сельскохозяйственных продуктов, участвуя во всех почти правительственных и общественных совещаниях. Таким образом, я нахожусь в курсе всех дел правительства и в центре жизни освобожденной части России»[3]. Его ждало блестящее будущее в белой антисоветской России, при одном, конечно, условии: если бы белые победили по всей стране. Но большевики держались у власти уже полтора года, и поэтому та часть его жизни, которая была связана с политической борьбой в Петрограде в конце 1917 г. и первые месяцы 1918 г. и с изготовлением «документов» о «германо-большевистском заговоре», не давала ему покоя.

Это видно в содержании редактировавшегося А. М. Оссендовским «Вестника финансов, промышленности и торговли», особенно в статьях, написанных им самим. Номера этого журнала за первую половину 1919 г. имеются в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. О факте редактирования Оссендовским этого журнала впервые упомянул Дж. Кеннан в своей статье «документы Сиссона» 1956 г. Но содержание журнала он не использовал. Между прочим, я думаю, что журналы эти в Библиотеку Конгресса направил сам Оссендовский во время своего пребывания в США летом 1919 г.

Уже передовая статья первого номера «Вестника финансов, промышленности и торговли», вышедшего в январе 1919 г., носит яркий отпечаток образа мыслей А. М. Оссендовского. Журнал, по его словам, «выходит для освещения явлений экономической, хозяйственной и финансовой жизни освобождающейся от ига германо-мадьяро-большевистских угнетателей нашей Родины — России»[4]. Далее говорилось, что редакция хотела бы также помочь и «нашим испытанным в горниле мировой войны союзникам выработать правильный взгляд на положение России, той страны, армии которой в страдные, кровавые дни битв на бельгийских каналах, на Марне и Сомме, не задумываясь, бросались в топи Мазурских озер и без надежды на победу мужественно бились на берегах рек Галиции и в горах Малой Азии». Оссендовский призывал союзников понять, что восстановление России такое же важное дело, как и возрождение Бельгии, Польши и Сербии. «Мы хотели бы доказать, — говорилось далее, — что восстановление России не только вопрос исто-

рической справедливости, но дело самозащиты народов антигерманской коалиции, дело закрепления победы над прусским милитаризмом, над бисмарковской системой мирного и вооруженного завоевания»[5]. Таким образом, двойная, антигермано-большевистская направленность и обращения к союзникам за помощью по-прежнему занимали главное место в мыслях Оссендовского.

Некоторые любопытные детали, связанные с прошлым и нынешним опытом Оссендовского, обнаруживаются в его большой подписной статье из первого номера «Вестника» под названием «Конъюнктура настоящего и конъюнктура будущего». Там он оценивает момент как «самый тяжелый послереволюционный период»; революция теперь: «или бунт, или внешняя политическая игра». Экономическая и финансовая жизнь в России разрушена «войной и опытами “социализма декретов”». Освобожденная часть России пока насчитывает только 30 млн жителей из 180 млн. Далее он сравнивает довоенное народное хозяйство России с немецким и приходит к выводу о крайне низкой эффективности российского. «В 1913 году, — пишет Оссендовский, — германский Handelstag (Министерство торговли. — *В. С.)* оценил всю Германию в 320 миллиардов марок, и Рорбах утверждал, что этого достаточно, чтобы Германия даже после поражения воскресла. Мы не знаем еще ценности своей родины. У нас даже нет еще полной геологической карты Донецкого каменноугольного и Керченского железорудного районов, мы еще не изучили Урала и наполовину, мы еще надеемся найти там спасительный для уральской металлургии коксующийся уголь и нефть, мы получаем 0,7 коп. дохода с 1 десятины наших лесов вместо 13 рублей, получаемых немцами в Восточной Пруссии...» И так далее. Уже эти примеры помогают нам увидеть в Оссендовском тех дней не просто вульгарного мошенника, подделывавшего документы с корыстной целью, но настоящего русского патриота, всей душой болеющего за Россию и предсказывающего ей великое будущее с экономической, народно-хозяйственной точки зрения.

Он считал, что «на 25 лет мы обеспечены самой интенсивной работой на удовлетворение внутреннего рынка, а через 25 лет население России достигнет 240 миллионов человек, и тогда в эксплуатации будут находиться и северные части Европейской России и Сибири, и рынок внутреннего потребления, по мере роста культуры, станет почти неограниченным». Большевики никогда не читали этих прогнозов Оссендовского, но планы освоения Севера и Сибири в конце двадцатых и начале тридцатых годов имеют с ними много общего, как и программа изучения и инвентаризации природных богатств страны. Если бы Оссендовский остался у большевиков, мы наверняка увидели бы его в Госплане сре-

ди творцов первого пятилетнего плана, а до этого и плана ГОЭЛРО. Но большевики вызывали в нем стойкую антипатию, как немецкие агенты, будущее страны он связывал с белым движением и свободным капитализмом. «Впереди нормальный путь, — восклицал он. — Он пройден очень сходной с Россией по естественным и политическим условиям страной — Соединенными Штатами Северной Америки»[6].

Аналогию с первой пятилеткой вызывает и статья Оссендовского во втором номере «Вестника» под названием «Первоочередные задачи экономического развития России». Там он писал, что ситуация в стране «вызывает к жизни тяжелую металлургию (включая углепромышленность) и *машиностроение*»[7]. Только в развитии экономики и поднятии промышленности «таится зародыш нашей силы, нашей экономической свободы, нашего независимого политического существования. Отсутствие этих условий привело нас в 1904–1905 гг. к Цусиме и Мукдену, а в 1914–1918 гг. к новым неудачам и к последнему периоду революции, проистекающей по рецепту наших врагов и врагов наших союзников»[8].

Но достаточно было вести о попытках некоторых западных дипломатов провести на Принцевых островах «конференцию всех организованных групп русского народа», как спокойные и уравновешенные экономические рассуждения «профессора» Оссендовского сменяются страстными призывами политика. Он решительно против идеи переговоров с большевиками. И тут из глубины его души и памяти выступают все аргументы, использованные им год назад во всех сериях созданных им «документов». «Автор этой статьи, — пишет Оссендовский, — во время своей деятельности в Петрограде неоднократно имел продолжительные беседы с представителями английской и американской дипломатии, то есть как раз той части союзнической дипломатии, которая в Париже проектировала мирное соглашение наше с правительством анархо-коммунистических групп. Автор, однако, твердо убежден, что ни сэр Давид Фрэнсис, старшина дипломатического корпуса в России, ни сэр Линдлей, ни генералы Торнхилл и Пуль не участвовали в создании и осуществлении этого проекта, так как им известны антигосударственные и антиобщественные элементы Советской России»[9]. Оссендовский считает это предложение ошибочным и невыполнимым и считает, что ни одно белое правительство не будет совещаться с «представителями Петроградской и Московской коммуны». Первое уточнение, которое хочется сделать по поводу вышеприведенных заявлений, это то, что пока не обнаружено никаких свидетельств того, что Оссендовский сам встречался с американскими или другими союзными дипломатами. Наоборот,

он старался держаться в тени, выдвигая на первый план Е. П. Семенова, а потом — Акермана. Вспоминая, сколько «документов» о «политике большевиков» он предоставил в распоряжение Фрэнсиса и других, Оссендовский, конечно, с полным правом мог утверждать, что уж они-то не поддержали бы идею встречи на Принцевых островах.

Далее в своей статье А. М. Оссендовский излагает целую антибольшевистскую декларацию, в которой сочетаются и сочиненные им ранее сведения о германо-большевистском сговоре, и новые «данные», собранные им уже в Омске. «Политический идеал большевизма, — заявлял он, – всемирная социальная революция, которую большевизм направит в сторону диктатуры низов и отбросов пролетариата, в сторону уничтожения культуры и прогресса. И в этом направлении проводится в жизнь строго обдуманный план. Англо-американской миссией в Петрограде еще в мае 1918 года были установлены следующие части этого плана». Тут Оссендовский дает простор своей обычной политической фантазии. Никакой объединенной «англо-американской миссии» в Петрограде не существовало в мае 1918 г. Тем более она не занималась установлением большевистских планов. Насколько мне удалось ознакомиться с материалами генерального консульства в Петрограде, оно занималось разведкой на русско-финской границе в районе Белоострова-Оллила, посылало агентов к Нарве и Пскову. Стратегией большевизма американцы совсем не занимались, да и Оссендовский-то уже уехал в это время из города.

Тем не менее он с обычной самоуверенностью излагал следующий «план» большевиков: «1) Большевистское правительство должно было уничтожить русскую промышленность, русский промышленный капитал, транспорт и русскую независимую, националистическую и государственно мыслящую печать. Эта задача исполнена, и советская Россия находится в настоящее время в такой стадии обслуживания культурных нужд и запросов народа, в какой была Россия до Крымской войны. 2) Большевистское правительство ассигновало 10 миллионов рублей (о чем сообщают японские газеты) на агитацию в Японии. 3) Большевистское правительство дало ряд чрезвычайных полномочий и поручений своим представителям, официально действующим в Англии, весьма в свое время встревоживших Лондонское правительство, и послало специальных агитаторов в Индию, действовавших из нашего Туркестана и очень успешно вызывавших восстания в землях северо-западной границы, о чем, вероятно, наши союзники-англичане помнят»[10]. Разумеется, пункт первый ничего общего с действительными планами большевиков не имел. Оссендовский ни в Петрограде, ни в Омске не мог заставить

себя отнестись серьезно к социалистической программе большевиков и видел в них только разрушителей привычного ему уклада жизни. Но вот второй и третий пункты заставляют вспомнить изготовленные им документы, особенно те, которые находились в серии Акермана, в частности инструкции Литвинову, списки агитаторов и пр.

Данная статья содержала много интересного материала, касающегося данных о мировой экономике и торговле, который, вероятно, оценили бы специалисты, но нас заинтересовало то, что Оссендовский в ней цитирует прямо один из сочиненных им документов, включенных в проданную Э. Сиссону серию. Говоря о походе немцев против независимости русского рынка после захвата власти большевиками, Оссендовский пишет: «Первым актом было совещание всех частных банков Германии под председательством одного из директоров Имперского банка. Совещание состоялось в Берлине 22 декабря 1917 г. На этом совещании были выработаны требования, предъявленные затем Совету Народных Комиссаров. Эти требования сводились: 1) к воспрещению англо-франко-американскому капиталу входить в русские предприятия: нефтяные, угольные, химические, металлургические и электрические, причем в эти предприятия допускались лишь русско-германские капиталы; 2) к уничтожению путем национализации или нуллификации всех акций или паев с преобладанием капиталов, принадлежащих гражданам антигерманской коалиции; 3) к аннулированию всех займов и обесценению государственных фондов, что уничтожало русский капитал и отдавало русский рынок в полную зависимость от германского капитала, германской промышленности и торговли, причем, однако, должна была быть разрешена скупка аннулированных бумаг германскими подданными по курсу дня (?!)»[11].

К этому документу Оссендовский делает следующее примечание: «Текст протокола этого заседания был представлен виднейшим народным комиссаром, и один экземпляр протокола на немецком языке имеется в распоряжении союзных правительств»[12]. Но текст протокола представляет собой краткое изложение документа № 11 из брошюры «Германо-большевистский заговор» Э. Сиссона. Он начинается там со слов «Имперский банк, № 12378». К этому Сиссон в скобках делает пояснение: «печатный текст на русском языке». А не на немецком! Но Оссендовский точностью в таких вопросах не отличается. Далее следовало: «Резолюция совещания представителей германских коммерческих банков, созванного по предложению германских представителей в Петрограде Имперским банком для обсуждения резолюций Рейнско-Вестфальского промышленного синдиката и Хандельстага (Министерства торговли. — *В. С.*). Берлин, 28 декабря 1917 г.»[13]. Далее следовало

одиннадцать подробных пунктов, которые в своей статье Оссендовский свел для удобства в три. Приведем лишь некоторые из них: «2. Разрешение покупки всех русских страховых и приносящих дивиденды бумаг представителями германских банков по курсу дня на открытом рынке»[14]. Что это? Пункт три из приведенной выше цитаты. Или пункт четвертый резолюции: «Запрещение в течение пяти лет после даты подписания мира помещения английского, французского и американского капитала в следующих отраслях: угольной, металлургической, машиностроении, нефтяной, химической и фармацевтической»[15]. Пункта, точно соответствующего второму пункту статьи, в резолюции нет, но в пункте три резолюции говорится об установлении нового курса всех акций через 90 дней после заключения мира. Данное сравнение говорит скорее всего о том, что копии документа при Оссендовском в момент написания статьи не было, а брошюру «Германо-большевистский заговор» он в Омске еще не видел. Поэтому он неточно указывает дату (22 декабря вместо 28-го) и вольно обращается с текстом «документа», приводя его содержание по памяти.

Но у Сиссона есть еще примечание к тексту документа № 11: «Карандашная помета на фотокопии резолюции гласит: "Председателю Центрального Исполнительного Комитета: комиссар Менжинский требует, чтобы эта резолюция была взята под контроль и чтобы было подготовлено ее обоснование в Совете рабочих и солдатских депутатов в случае, если Совет Народных Комиссаров не примет эти требования. Секретарь Д. Хаскин". Менжинский — министр финансов. Все эти условия, направленные на преследование американского, французского и англий-ского капиталов, могли быть тайно включены в секретное приложение к существующему германо-русскому мирному договору. Я не знаю судьбы этой резолюции, ввиду ее раннего происхождения. Имею, кроме вышеупомянутой фотокопии, печатный экземпляр этого циркуляра»[16]. Таким образом «виднейшим народным комиссаром» из примечания к статье А. М. Оссендовского оказывается В. Р. Менжинский, который, разумеется, никогда не писал ничего подобного на копии этого поддельного документа. Таким образом в Оссендовском рядом уживались серьезный ученый и шарлатан, готовый ради достижения ближайшей политической цели сослаться и на заведомо ложный документ. Еще более рискованные фактические ссылки на содержание сочиненных им «документов» А. М. Оссендовский сделал в статье «Политико-экономический момент», помещенной в шестом номере «Вестника финансов, промышленности и торговли» в марте 1919 г. Она начиналась эпически: «Каждый день приносит нам радостные вести о победном наступлении

нашей армии. Все чаще и решительней от Советской России отрываются части захваченной ими и преданной родины, и расширяется область, в пределах которой осуществляется возрождение России. Совершаемый на фронте молодой армией подвиг обязывает все население, оставшееся в тылу, к неукоснительно строгому выполнению своего гражданского долга. На этом зиждется успех последнего этапа войны с Германией — победа над большевизмом»[17].

Оседлав своего антибольшевистского конька, Оссендовский уже не мог остановиться. Констатировав, что вспышки, руководимые коммунистической Москвой, еще продолжаются, он далее писал: «Это явления, подобные тому, когда те же большевистские лидеры руководили разложением правопорядка, армии и народной идеологии из Кронштадта, где, после неудачного июльского выступления большевиков, немедленно организовался Совнарком»[18]. Обвинив «большевистские и немецкие источники» в том, что они намекают на ограбление России со стороны союзников, Оссендовский обращался к часто использовавшемуся им аргументу: наша армия проливала кровь, спасая союзников в 1914–1916 гг., они это помнят. Он приводил цитаты из резолюции экономической конференции в Париже 14–17 июня 1916 г., признававшей необходимость совместных усилий в послевоенном восстановлении союзных стран (кстати, по мерам, предлагавшимся в отношении собственности враждебных государств и их граждан, эта резолюция удивительно напоминала сочиненную Оссендовским резолюцию немецких банков от 28 декабря 1917 г., только наоборот). Статья кончалась словами: «Когда Россия не была предана германскими явными и тайными наемниками, в 1914–1916 гг. мы кровью закрепляли свою верность союзникам. Не сомневаемся поэтому и теперь, стряхнув иго предателей, что практически разумные постановления Парижской экономической конференции будут проведены в жизнь»[19].

Эти же мотивы излагались и в статье А. М. Оссендовского «Общая опасность», опубликованной в № 10–11 «Вестника». «Победу за победой дает нам наша армия, — торжественно заявлял автор, — и каждый день приближает нас к Москве, Петрограду, к тем, уже организованным центрам экономической и общенародной жизни, где осталось основание нашего государственного существования. Мы не сомневаемся, что дни Советской власти сочтены. В день гибели ее мы закончим второй период великой русской революции, прошедший болезненно для нас по плану Германии и вовремя не понятый дипломатическими представителями союзных государств»[20]. Он обвинял советское правительство в том, что оно теперь действует по составленному Германией плану уничтожения

народного хозяйства России. Далее Оссендовский снова обращается к союзникам, утверждая, что они с разорением России ослабли, а Германия осталась малоизмененной. «Перенос деятельности Советской власти (большевизма) в Венгрию, Украину, Галицию и Германию — не есть ли на самом деле продолжение осуществления плана создать Германскую Центральную Европу от французской границы до Днепра? Не последует ли за этим новая мировая война, отказ признавать всякие договоры и обязательства и преступная пропаганда против культуры материальной и моральной... в пределах враждебных стран, с сохранением порядка в Центральной Европе»[21]. В этих стенаниях Оссендовского мы видим повторение упрека союзным посольствам и правительствам, которых-де он предупреждал еще в декабре 1917 г. о тайных планах германо-большевистских заговорщиков.

Мировая ось политических событий, по мнению Оссендовского, по-прежнему проходит через Берлин, а вот мировая экономическая ось переместилась в Америку. Необходимо создать общий план экономической политики и в первую очередь решить «русский вопрос» — помочь России перейти к нормальным условиям экономической жизни. «Параллельно с этим вопросом, — вновь подчеркивал Оссендовский, — властно требует решения дилемма большевизма, этого неожиданного и могущественного союзника Германии. Или нужно будет *всей Европе*, а за нею и *всему человечеству* отказаться на долгие годы от культурного прогресса, или же уничтожить большевизм. Мы не сомневаемся, что решение может быть одно — ликвидация большевизма и признание его общей и смертельной опасностью»[22].

В те дни, когда печаталась эта статья, сам А. М. Оссендовский был одержим идеей достать деньги у омского правительства для поездки в США. С этой целью он написал свое письмо в Кредитную канцелярию Министерства финансов от 11 апреля 1919 г., которое мы уже несколько раз цитировали выше. Напомнив там гг. Бубликову, Любовичу и Новоселову о своей деятельности в государственных и общественных учреждениях в области экономики до революции, Оссендовский переходил затем к своим политическим заслугам. Напомним их еще раз читателю словами самого Оссендовского:

«Вместе с Панкратовым и Алексинским я разоблачал большевиков после их первого выступления в июле 1917 г., а затем вошел в организацию генералов Алексева и Корнилова, получил поручение установить, где после июльского выступления находятся Ленин, Зиновьев и другие большевистские лидеры. Я установил, что в июле же 1917 г. после бегства из Петрограда Ленин, Дыбенко, Раскольников, Ильин и Зиновьев

учредили Пролетарское правительство в Кронштадте, развернувшееся затем в Совет Народных Комиссаров»[23]. Мы хотим напомнить читателю о том, что этот пассаж (абсолютно не соответствующий действительности) не только имеет аналогии в «документах Сиссона» и в «документах Имбри – Акермана», но и повторяет приводившийся нами выше текст статьи Оссендовского «Политико-экономический момент» из № 6 «Вестника финансов, промышленности и торговли».

В заключительной части письма А. М. Оссендовский переходил к своей главной цели: «Читая американские газеты, я вижу полное непонимание американским обществом, печатью и правительством наших дел и отвратительные обвинения, возлагаемые на Омское правительство, которое обвиняется в монархизме и контрреволюционизме. Это явная немецко-большевистская ложь... Я полагаю, что приезд мой в С. А. С. Штаты для ознакомления деловых и политических кругов с положением в России и для агитации был бы весьма полезным для русского дела. Я поэтому обращаюсь к гг. Бубликову и Любовичу, знающим меня, с предложением ассигновать на мое путешествие в Америку нужную сумму, так как поездка от правительства связывала бы меня. Я полагаю, что этим была бы оказана хорошая услуга стране; имя “Нового времени” и “Вечернего времени” известны, и прибытие редактора последнего не лишено для Америки интереса»[24].

Для подкрепления своих притязаний Оссендовский провел кампанию и на страницах «Вестника». Так, в № 14, вышедшем в мае 1919 г., он опубликовал статью «Задачи и итоги», которая начиналась со следующего заявления: «Случайно, по несчастному для нас стечению обстоятельств, или не случайно, по искусно направляемому врагами России течению политической мысли, о деятельности Российского правительства в Омске за границей долго не имелось вовсе сведений, или сведения эти были скудны и превратны. На этом фоне неизвестности и разыгрывают различные большевистские посланцы вроде Литвинова, Мартенса, Ломоносова и прочих ту симфонию, которая задерживает единственно правильное решение русского вопроса — признание Российского Правительства, возглавляемого Верховным Правителем»[25]. Себя он и прочил в общественного посланника и агитатора по этому вопросу, самоуверенно полагая быть противовесом Литвинову, Мартенсу и Ломоносову.

Рефреном здесь служили обвинения против германо-большевистских заговорщиков. «Мы же находимся в конечной стадии войны с нашим исконным врагом, Германией, — писал Оссендовский в этой статье, — поднявшей у нас через Ленина и других большевистско-интернациона-

листических лидеров разрушительное, антигосударственное и антисоциальное коммунистическое движение, организованное Советом Народных Комиссаров и графом Мирбахом, подобно тому как та же германская рука при посредстве лорда Кезмента подняла Ирландское восстание или — через германского консула Цугмайера — афганское и индийское сепаратистское движение»[26]. Это была последняя статья, напечатанная редактором в этом журнале: вскоре он выехал в командировку в США.

Под новым именем

Я не ставил целью собрать материал о пребывании А. М. Оссендовского в США в 1919 г. Об этом факте у меня есть только маленькое упоминание в письме Эдгара Сиссона из Нью-Йорка к сотруднику Русского отделения Государственного департамента Бэзилю Майлсу в Вашингтон от 17 июня 1919 г. Там он писал: «Я узнал, что проф. Оссендовский добрался до этой страны. Его вклад был бы ценен». Сиссон имел в виду возможное интервью с Оссендовским относительно происхождения документов, опубликованных в его брошюре «Германо-большевистский заговор». Далее в письме говорится: «Его можно найти через контору А. Дж. Сака, издателя “Борющейся России” — Нью-Йорк-сити, Бродвей, 233. М-р Лэндфилд, которого, я думаю, Вы знаете, а я нет, из той же конторы, мог бы подготовить эту встречу для Вас»[1].

Но в фонде «документов Сиссона» нет больше никаких следов того, что Госдепартамент или сам Э. Сиссон пытались реализовать эту возможность и встретиться с Оссендовским во второй половине 1919 г. Один из чиновников Госдепартамента взял интервью у Оссендовского только 25 ноября 1921 г., во время его вторичного пребывания в Америке после весьма драматических событий в его личной судьбе. Биограф Оссендовского, Витольд Михаловский, тоже не смог ничего узнать о первом пребывании своего героя в США и рассказывает о 1920–1921 гг. в его жизни только со слов самого Оссендовского, вернее, по содержанию его первого большого послевоенного романа «Звери, люди и боги», вышедшего на английском языке в США в сентябре 1922 г.

Между тем даже по тому, что действие этого романа открывается событиями начала 1920 г. в Красноярске, можно сделать вывод, что А. М. Оссендовский провел в Америке несколько месяцев. Ведь в Сибирь он мог попасть только через Владивосток, а в этот город — приплыть из Америки только пароходом. Чтобы сесть на пароход в Сиэтле или Сан-Франциско, Оссендовский должен был проехать из Нью-Йорка

по железной дороге через все Соединенные Штаты, что тоже требовало значительного времени. Всего вероятнее, он высадился во Владивостоке глубокой осенью. А военное положение в Западной Сибири к этому времени резко изменилось.

Уже в сентябре 1919 г. борьба развернулась на западных подступах к Омску. 14 октября войска 3-й и 5-й армий красных форсировали реку Тобол и начали безостановочное преследование колчаковской армии. 29 октября 1919 г. советские войска заняли Петропавловск, а 14 ноября — Омск. Правительство Верховного правителя России бежало в Красноярск, а потом и в Иркутск. Видимо, около этого времени на Дальнем Востоке появился и Оссендовский. Он уже не смог вернуться в Омск и доехал только до Красноярска. Но и тут тревожные вести нарастали как снежный ком. 22 декабря 1919 г. 5-я армия захватила Томск, на станции Тайга состоялось крупное сражение, закончившееся поражением колчаковцев. В начале января бои завязались за Ачинск и Красноярск. Город на Енисее был занят красными 6 января 1920 г. В этот же день в Иркутске адмирал Александр Васильевич Колчак сложил с себя звание Верховного правителя России и передал его А. И. Деникину. Вскоре он был арестован чехословаками и передан Политцентру, состоявшему из представителей социалистических партий. Было арестовано и большинство добравшихся до Иркутска министров колчаковского правительства. Но среди них не было влиятельного члена кабинета — Антона Мартыновича Оссендовского.

Где, на каком полустанке транссибирской магистрали он разминулся с правительственным поездом? Сказать трудно, но эта помеха спасла ему жизнь. Конечно, его свободно могли не только арестовать, но и расстрелять в захваченном советскими войсками Красноярске, но тут уже он сам со свойственным ему чутьем на опасность и сопутствовавшей удачей смог спастись и избежать расправы.

Теперь единственным источником наших сведений о начавшейся одиссее «профессора товароведения и химии» служит его собственный рассказ в автобиографическом романе «Звери, люди и боги». Хотя мы уже хорошо знаем склонность Оссендовского к преувеличениям и прямому вымыслу, думается, что его рассказ в основном правдив, несмотря на то что многие детали романа вполне могут оказаться цветистой выдумкой. В нем говорилось о бегстве автора из захваченного большевиками Красноярска, о полных риска скитаниях с временными попутчиками и в одиночестве по областям Центральной Азии: Урянхою, Внешней и Внутренней Монголии и северной части центрального Китая. Книга написана была ярко, увлекательно, а приключения, выпавшие на долю

автора, холодили кровь. Вот краткое предисловие, написанное переводчиком романа, Льюисом Стэнтоном Пэйлином: «Когда один из ведущих публицистов в Америке, д-р Альберт Шоу из “Review of Reviews”, после чтения рукописи первой части этой книги назвал автора Робинзоном Крузо двадцатого века, он затронул те черты данной истории, которые являются одновременно самыми привлекательными и самыми опасными, так как последовательность описанных рискованных и волнующих событий кажется в некоторых местах столь красочной, что она представляется едва ли возможной в наши дни и для людей нашего поколения. Я хотел бы поэтому заверить читателя этого романа, что д-р Оссендовский является человеком большого и разнообразного жизненного опыта как ученый-исследователь и писатель с тренированной и тщательной наблюдательностью, которая оставила печать аккуратности и надежности на этой хронике. Только исключительные обстоятельства этих исключительных дней могли вернуть человека стольких талантов назад, в окружение “пещерного человека” и, таким образом, дать нам необычный отчет о личных приключениях, великих человеческих загадках и религиозных мотивах, которые питают энергией “сердце Азии”. Мое участие в этой работе сводилось к побуждению д-ра Оссендовского записать свой рассказ в нынешнее время и помочь ему передать его историю по-английски»[2].

Сотрудник Русского отделения Госдепартамента имел беседу с Оссендовским 25 ноября 1921 г. Следовательно, к этому времени он уже находился в США некоторое время. Роман «Звери, люди и боги» уже продавался, судя по штампу на экземпляре из Библиотеки Конгресса США, 6 сентября 1922 г.[3] Даже по американским меркам четыре-пять месяцев требовалось на набор и корректуру. Следовательно, совместная работа Оссендовского и его переводчика Льюиса Пэйлина заняла конец 1921 г. и несколько месяцев в начале 1922 г., а сам роман написан в США и сразу по-английски. Неслучайно издание его на родном Оссендовскому польском языке появилось только в 1923 г. и было по сути авторизованным переводом с английского. Издана книга была в издательстве «E. P. Dutton & Company», по-русски эта фамилия звучит как «Даттан», что, наверное, доставляло тайное удовольствие Оссендовскому, ибо одним из его главных врагов на Дальнем Востоке был служащий немецкой фирмы А. Даттан. Подписывая свой первый англоязычный роман к печати, Оссендовский решил назваться своим первым польским именем. Он был крещен как Фердинанд Антоний. В России он именовал себя Антоном Мартыновичем, теперь же стал впервые Фердинандом Оссендовским. Это имя год от года наполнялось всемирной славой, а Антон

Мартынович Оссендовский постепенно забывался. Вероятно, и соображения конспирации, связанные с изготовлением в прошлом фальшивых документов, играли свою роль в этой смене писательского имени.

Первая часть романа называлась «Игры со смертью», а первая глава — «В лесах». Именно она представляет для наших целей наибольший интерес, поскольку повествует о бегстве Оссендовского из Красноярска, о жизни в охотничьей сторожке в лесу и выходе к границе. «В начале 1920 г., — начинает свой рассказ Оссендовский, — мне случилось жить в сибирском городе Красноярске, расположенном на берегах реки Енисей, благородного потока, зарождающегося в солнечных горах Монголии, чтобы нести их согревающую жизнь в Арктический океан, [потока], к устью которого дважды приплывал Нансен, чтобы открыть кратчайший торговый путь из Европы в сердце Азии. Здесь, в середине неподвижной сибирской зимы, я был внезапно вовлечен в водоворот безумной революции, свирепствовавшей по всей России, сеявшей в этой мирной и богатой стране месть, ненависть, кровопролитие и безнаказанные преступления. Никто не мог знать своей судьбы. Люди жили от дня ко дню и уходили из своих домов, не зная, смогут ли они вернуться в них, или они будут схвачены на улице и брошены в застенки неправедных судов Революционного комитета, более ужасных и более кровавых, чем суды средневековой инквизиции. Мы, которые были чужими в этой обезумевшей земле, не были в безопасности от преследований, и я лично жил под их страхом»[4].

Бедный рассказчик! Случайный и невинный свидетель всех этих ужасов, которые натворила революция! Он был тут ни при чем, оказавшись вовлеченным в эту кошмарную действительность тихого сибирского городка. Это не он сочинял поддельные документы о том, что большевики являются платными агентами Германии, не он подталкивал Америку и другие союзные страны к немедленному свержению Совета Народных Комиссаров, что вряд ли обошлось бы без большой крови. Это не он входил в правительство адмирала Колчака, армия которого приумножила на сотни тысяч число жертв Гражданской войны в России. Это не он призывал Америку, Англию и Францию немедленно вооруженным путем уничтожить большевизм, видя в этом единственную форму решения «русского вопроса». Теперь, бросив своих вчерашних друзей из министерства бывшего Верховного правителя России на их смертельный жребий, он прикидывался овечкой и мечтал пересидеть опасность в городке, где его застигло не предусмотренное им победное наступление красных. Как видим, привычное для Оссендовского вольное обращение с действительностью здесь нашло форму самоуничижения и самооправдания.

Но почитаем его рассказ дальше. «Однажды утром, — пишет Оссендовский, — когда я вышел из дома, чтобы повидать друга, я внезапно получил известия, что двадцать красноармейцев окружили мой дом, чтобы арестовать меня, и что я должен бежать. Я быстро переоделся в старый охотничий костюм моего друга, взял деньги и поспешил пешком боковыми улицами к выходу из города, пока я не достиг большой дороги, где нанял крестьянина, который за четыре часа увез меня на двадцать миль от города и высадил в центре лесного массива. По пути я купил ружье, три сотни патронов, топор, нож, тулуп, чай, соль, сухари и чайник»[5].

Как видим, он неплохо подготовился к своей «робинзонаде», да и жизнь там, в Сибири, была неплохой, если спасающийся от красных беглец мог по дороге в лес приобрести все необходимое и имел на это деньги. Попробовал бы он достать все эти вещи в Петрограде или Москве в это время, или на лесной дороге в Тверской губернии! Но ведь Оссендовский писал свой роман не для русских, испытавших на своей шкуре лишения революции и Гражданской войны, а для благополучных и сытых американцев.

Со всем этим имуществом на руках наш герой и высадился в середине леса из крестьянских дровен. «Я пробрался в сердце леса к покинутой, полусгоревшей избе. С этого дня я превратился в настоящего охотника, но мне и не снилось, что я буду играть эту роль так долго. На следующее утро я вышел на охоту, и мне повезло застрелить двух тетеревов-косачей. Я нашел также много оленьих следов и уверился, что не умру от голода. Но мое мирное житье здесь длилось недолго. Пять дней спустя, когда я возвращался с охоты, я заметил дым, который подымался из трубы над моей избой. Я подкрался ближе к дому и увидел двух оседланных лошадей с винтовками, притороченными к седлам. Два безоружных человека были не страшны для меня с ружьем, и я быстро открыл дверь и вошел в избу. Со скамьи вскочили два испуганных солдата. Это были большевики. На их больших астраханских папахах я заметил красные звезды большевизма, а на их шинелях были грязные красные банты. Мы поздоровались и сели. Солдаты уже вскипятили чай, и мы пили этот всегда гостеприимный горячий напиток и болтали, подозрительно поглядывая друг на друга. Чтобы развеять их подозрения, я рассказал им, что я охотник из дальних мест и живу здесь потому, что думаю найти тут соболей. Они заявили мне, что они солдаты из части, посланной в лес, чтобы задерживать всех подозрительных людей»[6].

Так начался длинный ряд приключений автора. Изо всех сил прикидываясь мирным охотником, он с замиранием сердца слушал пьяные рассказы красноармейцев о том, сколько буржуев они расстреляли в Крас-

ноярске и сколько казаков Колчака спустили под лед Енисея. Но вместе со случайным помощником, очень кстати появившимся поздно вечером на пороге избы, он справился с красноармейцами: «Кому нужны эти “товарищи”!» После относительно спокойной зимовки они двинулись весенней порой на юг, вверх по Енисею. На льдинах плыли сотни трупов людей, казненных ЧК. На берегу какой-то речушки они нашли ящик с полевым архивом колчаковского генерала Пепеляева. Вскоре они достигли Урянхая, потом началась Монголия...

Мы не имеем возможности пересказать весь этот роман, сразу же сделавший Фердинанда Оссендовского известным автором приключенческих книг во многих западных странах. Но и приведенные выше цитаты показывают нам, что и в своем литературном творчестве, как и в сочинении фальшивых документов, Оссендовский искусно сплетал реальные факты с явным вымыслом. Кровавый террор большевиков, полупартизанские формирования барона Унгерна, китайцы, хунхузы, буддийские монахи: одни приключения сменяли другие. Все это делало книгу «Звери, люди и боги» увлекательным чтением. Переводчик же постарался, чтобы и написана она была языком американского триллера.

Успех этого первого романа Фердинанда Оссендовского принес ему не только славу, но и деньги. Он уехал из Америки в Европу, несколько лет жил в Париже, в Швейцарии, навестил новую независимую Польшу. Он продолжал сотрудничать со своим переводчиком Л. Пэйлином и издательством Даттана в Нью-Йорке. Одна за другой вышли еще две книги Оссендовского на английском языке, созданные совместно с Льюисом Стэнтоном Пэйлином: «Man and Mistery in Asia» и «The Shadow of the Gloomy East» («Человек и мистерия в Азии» и «Тень унылого Востока»). Книги были навеяны пребыванием Оссендовского в Центральной Азии, а также прошлой жизнью в императорской России.

В июне 1925 г. издательство «Даттан и К°» выпустило новую книгу Фердинанда Оссендовского «From President to Prison» («От председателя до тюрьмы»). Она также была переведена его англоязычным «литобработчиком» Л. Пэйлином. Материалом для книги явились события и обстоятельства, связанные с пребыванием Оссендовского в Харбине во время Первой русской революции, где он несколько недель возглавлял революционный комитет служащих Китайско-Восточной железной дороги и городских учреждений. «Итак, я снова имею удовольствие помогать д-ру Оссендовскому в подготовке к печати текста, содержащего материал уникальной привлекательности, — писал в предисловии к этой книге Пэйлин. — В этом томе он дает нам отчет о его личном опыте в ходе Русско-японской войны и революции 1905 года, как она проходи-

ла на Дальнем Востоке, и предлагает то, что может считаться наиболее интимной картиной жизни русской тюрьмы в Сибири и Маньчжурии, которая когда-либо была нарисована в западном мире человеком, который сам жил в условиях этих учреждений»[7]. Они закончили свою работу на сей раз не в Нью-Йорке, а в местечке Ле-Бувере в Швейцарии.

Когда-то, в 1909 г., А. М. Оссендовский уже написал на эту тему книгу под названием «Людская пыль». Но это издание было конфисковано цензурой. В 1911 г. он переиздал книгу под несколько иным названием: «В людской пыли». Книга была замечена, а инициативная группа бывших политических заключенных прислала ему даже благодарственный адрес с несколькими тысячами подписей.

Теперь роман «От председателя до тюрьмы» был не просто английским переводом старой книги, а ее переработанной редакцией, где Оссендовский уже смело высказывался о России и русских, осуждал Советскую власть. Так, вспоминая о своем посещении Варшавы, находившейся под русским управлением в 1905 г., он замечал, что в 1920 г. поляки взяли реванш, «когда мы разбили Красную Армию в центре своей страны»[8]. Во время стихийного восстания в Харбине в январе 1906 г. Оссендовский был избран председателем комитета забастовавших служащих. Пропредседательствовал он 53 дня, после чего был арестован и заключен в камеру № 5 военной тюрьмы в Харбине. Его переводили и в другие тюрьмы. Вскоре он был осужден на полтора года. Но тюремный режим был в то время еще весьма либеральным: Оссендовский много читал, выписывал себе в камеру журналы. Большое впечатление произвел на него опубликованный рассказ шлиссельбургского узника, народовольца Н. А. Морозова: «Очень скоро я пришел к пониманию одиночества этого человека. Я могу теперь сам сравнить два вида изоляции, которые я познал на собственном опыте. В 1920 г. я провел четыре долгих месяца в ненарушаемом одиночестве сибирского леса, прячась от большевиков и отлеживаясь в ожидании весны под корнями огромного дерева, поваленного бурей»[9].

В тюрьму к Оссендовскому приезжала его мать, которая вскоре уехала за границу вместе с его сестрой. 23 сентября 1907 г. он был освобожден и уехал с Дальнего Востока на Украину. Но попытки найти постоянное место инженера оказались неудачными: мешало «революционное прошлое». Лишь в Петербурге, испытав еще много невзгод, он смог устроиться в жизни, работая по преимуществу журналистом. Книга эта тоже была встречена в англоязычном мире с интересом и пользовалась успехом. Она может служить известным пособием и для изучения биографии А. М. Оссендовского. Однако все время нужно

помнить о его неуемной фантазии, о стремлении приукрасить реальные обстоятельства вымышленными деталями.

Так, в книге «Звери, люди и боги» он писал, что жил в тайге в полуразрушенной избе, а здесь выясняется — чуть ли не в медвежьей берлоге, под корнями поваленного дерева. Там он встречал разного рода посетителей, то враждебных, то дружественных, — здесь он «живет под корнями» в «ненарушаемом одиночестве».

В 1927 г. издательство «Даттан и К°» выпустило английский перевод книги Оссендовского «Оазис и Симун», вышедшей двумя годами раньше на польском языке в Варшаве. В основе ее лежали события реального путешествия Фердинанда Оссендовского по Алжиру и Тунису. Затем появились навеянные этими же местами «Костер детей пустыни», «Рабы Солнца» и «Львица». А в 1931 г. издательство «Даттан и К°» напечатало английский перевод с польского романа Фердинанда Оссендовского «Ленин — бог безбожных». Он имеет прямую связь с изготовлением фальшивых документов в конце 1917 — начале 1918 гг. и поэтому должен быть рассмотрен особо.

«Ленин — бог безбожных»

Роман этот заслуживал бы большого и обстоятельного критического разбора, тем более что такой разбор происходил бы теперь на фоне поспешной перекраски личности В. И. Ленина и его деятельности, развернувшейся в газетно-журнальной и даже книжной публицистике и пропаганде современной России. Данная книга Фердинанда Оссендовского, как и все его произведения, абсолютно неизвестна современному русскому читателю. Если бы о ней знали, то, наверное, нашелся бы шустрый издатель, который решил бы сорвать приличный куш на ее переводе: уж больно мерзкой и жестокой личностью выведен там вождь всемирного пролетариата. Но мы не можем себе позволить на страницах этой книги необходимого полного критического разбора этого творения нашего героя. И главная цель у нас другая, и рамки самой книги ограничены. Ближе всего нам разбор изображения Оссендовским деятельности Ленина в 1917 г. и в начале 1918 г. А в этой, тоже достаточно широкой теме нас привлекают прежде всего параллели между тайным «творчеством» Оссендовского в полутораста изготовленных им поддельных «документах» и его романом, открыто вышедшем под его новым именем. И все же удержаться от вопиющих примеров авторского произвола и фантастических небылиц, которыми он украшает биографию ненавистного ему человека, невозможно.

Английское издание романа «Ленин — бог безбожных» насчитывает 419 страниц. Это полная биография (и, наверное, одна из первых на Западе) Ленина начиная с его детских лет. И с этого юного возраста мы видим жизнь порочного человека, будущего демагога, предателя и тирана. Так подобраны факты, а где их было маловато, Фердинанд Оссендовский вдохновенно измышлял их: благо это роман, а не научное издание. И все же хочу засвидетельствовать, что если в 1917 г. сам Оссендовский ровнехонько ничего не знал о реальной жизни В. И. Ленина, то ко времени написания разбираемого романа он серьезно подготовился и прочитал

много изданных в СССР в двадцатые годы книг и статей, содержащих сведения о жизни Ленина и особенно о его деятельности в 1917 г. Это уже не такая безответственная и нелепая брехня, которой были переполнены и «документы Сиссона», и «документы Имбри – Акермана». Оссендовский уже не отправляет Ленина вместе с Дыбенко, Раскольниковым, Троцким, Зиновьевым, Каменевым и др. в Кронштадт после июльских дней 1917 г. Нет, он правильно называет места последнего подполья Ленина: Разлив, Выборг, Финляндия. Он уже не говорит, что Совнарком образовался в июле 1917 г. в том же Кронштадте. Но все равно, он не может отделаться от самовнушения, произведенного в его душе теми «документами», а кое-какие «факты» прямо перешли в роман со страниц писем «Nachrichten Bureau» и «Контрразведки при Ставке».

Но все же начнем с чуть более ранних времен. Вот Оссендовский рассказывает о событиях августа 1914 г.: Ленин арестован под Краковым австрийской полицией по подозрению в том, что он «русский шпион». Секретарь австрийской социал-демократической партии Фридрих Адлер посещает премьер-министра страны князя Штурдхайма и рассказывает ему, кто такой Ленин. «Аргументы Адлера, — пишет Оссендовский, – были сердечно приняты министром, который в этот момент впервые в жизни услышал о большевистской партии и ее программе. Он послал собранную им информацию Генеральному штабу и германскому правительству. Немедленно после этого пришел приказ из Вены: освободить Ульянова-Ленина»[1]. Так читатель узнает, что Ленин уже перед началом мировой войны был агентом Германского Генерального штаба. Кстати, австрийского премьер-министра звали Карл Штюргк (Sturgkh), и именно Фридрих Адлер убил его в 1916 г. За арестованного Ленина ходатайствовали социал-демократы Виктор Адлер и Г. Диаманд, которые 3 (16) августа 1914 г. посетили Министерство внутренних дел Австро-Венгрии, а не премьер-министра. 5 (18) августа дело было прекращено за отсутствием оснований для его возбуждения. Краковский военный прокурор направил телеграмму в Новый Тарг об освобождении Ленина 6 (19) августа. На следующий день Ленин был освобожден[2]. Неточность, ну и что, — скажет иной читатель. Ведь Адлер-то был, пусть и другой. И телеграмму из Вены послали в тот же Краков военному прокурору!

Но вот дальше идет уже полная выдумка. Оказывается, летом 1915 г. Ленин по секретному соглашению с итальянскими социалистами Нитти и Серрати едет из Цюриха на итальянский остров Капри, чтобы повидать... Горького[3]. Помилуйте! Да, Горький живал на Капри, но за несколько лет до этого, а еще в 1913 г. он вернулся в Россию и посто-

янно жил в Петербурге – Петрограде вплоть до 1921 г. Оссендовский же «считал иначе»: Ленин нашел Горького в депрессии, они долго спорили о революции, и Горький уже тогда предупреждал Ленина о ее возможных огромных жертвах.

Поговорив с Горьким, Ленин возвращается в Швейцарию и проводит вместе со своей женой Крупской циммервальдско-кинтальскую конференцию, на которой провозглашает лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. «Лучшая форма правительства для человечества, — провозглашает он, — неограниченный деспотизм, проводимый не в интересах эксплуататоров, а во имя эксплуатируемых и одобряемый ими»[4]. Бездну интересного можно узнать из этой книги Оссендовского и о «соратниках» Ленина. Так, оказывается, «товарищи Дыбенко, Железняков и Шустов (?) были матросами броненосца “Потемкин”, который поднял революционный флаг» в 1905 г.! Но вернемся к Ленину. В несколько недель после возвращения в Россию в апреле 1917 г. он уже досконально изучил все состояние дел в стране. «В квартире одного из товарищей он ходил из угла в угол, обсуждая положение в целом, делал окончательные выводы и удовлетворенно потирал руки»[5].

«— Скажите нашему другу Зиновьеву, — приказал он Крупской, — чтобы он созвал всех ответственных товарищей на собрание. Я должен сообщить им план кампании.

И этим вечером он обратился к ним голосом, который ничем не выдавал владевшего им волнения.

— Я выработал нашу программу, — сказал он. — Она очень проста и не может дать нам ошибиться. Мы должны иметь агитаторов повсюду: в армии, на улицах, в советах солдатских и рабочих депутатов и на фабриках. Армия должна быть взорвана изнутри, иначе фронтовые части уничтожат нас. Повсюду должен раздаться клич, что большевики стоят за немедленный мир, — это единственный способ привлечь солдат и крестьян. Как только правительство и лояльные социалисты выпускают какой-то приказ, мы должны тут же идти за ними, требуя более радикальных мер, и таким образом парализуем их власть. Пока этого достаточно. Мы должны снова затоплять города нашими газетами, плакатами и листовками, как мы это делали до сих пор. Мы должны организовать боевые отряды и вооружиться сами как можно быстрее. Помните, мы должны быть готовы взять полный контроль над ситуацией в любой момент»[6]. Так выглядят «Апрельские тезисы» Ленина в редакции Оссендовского. Говорил Ленин об агитации? Говорил! О работе критики? Говорил! О пропаганде немедленного мира? Да. Но все это изложено

в карикатурном виде и с маленькими «добавками». Вроде той, что армия должна быть взорвана изнутри, что иначе солдаты нас растерзают и т. д.

«И как паук плетет свою сеть среди ветвей, — продолжал далее Оссендовский, — так и Ленин ткал невидимую сеть своего заговора, и его агенты, руководимые Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, Стекловым и Бухариным, расширяли все больше и больше влияние большевиков»[7]. Тут мы видим уже полный набор знакомых имен из всех серий «документов», сочиненных Оссендовским в конце 1917 и начале 1918 гг. По-прежнему ему неведомы такие тонкости, как отношения Ленина и Троцкого до июля 1917 г., то, что и Луначарский не был с Лениным тогда, а Стеклов был и вовсе против. Нет, Оссендовский хорошо помнил, что он «доказал», что все они получали немецкие деньги. Вот только Бухарин появился «на новенького». Живя в Петрограде, Оссендовский не слышал в 1917 г. его имени, а познакомившись с литературой, узнал, что существует и такой видный большевик, к тому же он со второй половины двадцатых годов руководил Коминтерном. Послушаем автора дальше.

«Но человек, чьим именем делались все эти вещи, оставался в тени, скрытый от человеческих глаз, — маленький непроницаемый монгол с острыми и твердыми глазами. Он прятался, как паук, поджидающий жертву, готовый в любой момент к быстрой атаке. Он был господином происходившего. Буржуазные министры сдавали свои портфели один за другим, угнетенные и безнадежные. Их сменил маленький адвокат больших амбиций, Александр Керенский, который мечтал стать Наполеоном, в то время как на самом деле исповедовал циммервальдскую формулу. Но его усилия были напрасными. Хотя он и призывал людей всех состояний сплотиться вокруг правительства, от миллионера до выпущенного из тюрьмы заключенного, он не мог удовлетворить ежедневно возрастающие требования армии и толпы, чьим идолом он хотел быть. В своих безумных попытках удержать популярность он погубил армию своими собственными руками, изгоняя опытных политиков и расчищая путь для большевиков»[8].

Тут интересна даже не отрицательная характеристика Ленина — иного мы и не ждем, — а портрет Керенского, выполненный с нескрываемым недоброжелательством. Оссендовский здесь отражает воспоминания даже не правого крыла социалистов, а тоже правой, наиболее консервативной и «государственно мыслящей» части русской буржуазии, взгляд Родзянко, Милюкова и Рябушинского. Любопытна его собственная эволюция. В период революции 1905–1907 гг. Оссендовский — несомненный революционер, близкий к социалистам, жертва репрессий царского

режима. Врагом русского царизма он оставался и далее, хотя и постарался найти свое место в утвердившемся истеблишменте. Но после Февральской революции идею новой, демократической буржуазной России Оссендовский воспринял как свою, кровную. Он по-своему и энергично боролся с теми, кого считал врагами государства. Он сохранял верность новой России, российскому государству и в 1918–1919 гг. В Петрограде и Омске. Только крушение белых армий и полная победа большевиков отвратили его взгляды от России как его фактической родины и постепенно сделали из него польского националиста.

Ироническое и презрительное отношение к Керенскому мы обнаруживаем и в дальнейшем изложении. Оссендовский использует слова Троцкого, назвавшего якобы Керенского Александром IV, после того как тот поселился в Зимнем дворце (и действительно, было глупо с его стороны занять бывшую половину Александра III на третьем этаже Зимнего). После июльских дней, когда Ленин и Зиновьев ушли в подполье и их никак не могли найти, Керенский-де испытал краткий триумф, но вскоре обнаружил, что ленинские статьи по-прежнему ежедневно появляются в большевистских газетах. Тогда он вновь запаниковал и предложил генералу Корнилову установить свою диктатуру. Но в последний момент предал Корнилова и назвал его врагом народа. Он объявил о подготовке нового наступления против немцев и клялся в верности союзникам, но в то же самое время деморализовал армию интригами и предательством, новыми обещаниями солдатам, которые он не мог выполнить. Он совещался с представителями союзников об усилении фронта, но в то же самое время созвал Демократическое совещание, состоявшее целиком из известных «миротворцев». В итоге в критический момент на его защиту выступили только юнкера, увлеченные демократической фразеологией, и женский батальон.

Зато Ленин у Оссендовского твердо шел к своей цели. Скрываясь в Разливе на чердаке дома Емельяновых, он предсказывал близкий успех товарищам Емельянову и Аллилуевой. Оссендовский вкладывал в уста Ленина такие слова: «Как говорил старик Крылов в своей басне: услужливый дурак опаснее врага! Буржуазия может применить ее к Керенскому. Александр IV есть наш лучший союзник. Он разрешил нам въехать в Россию. Он разложил армию и сделался противным народу. Теперь мы можем идти и брать власть от него голыми руками! Правительства больше нет. Самое большее — нам нужно только расстрелять из пулемета несколько храбрых меньшевиков, но на это не потребуется много времени»[9]. Оссендовский в соответствии с фактами отправляет Ленина в Финляндию, в Выборг и Гельсингфорс. Правда, в действитель-

ности Ленин сначала жил в Гельсингфорсе и лишь затем в Выборге, но это «мелочи». Главное в том, что он теперь не хвастался, что по заданию генералов Алексеева и Корнилова обнаружил убежище Ленина в матросском Кронштадте. Но быть верным правде все время для него было скучно. В газетах начала сентября 1917 г. писали, что в Выборге русские солдаты местного гарнизона, узнав о мятеже генерала Корнилова против Временного правительства, устроили самосуд над офицерами. Оссендовский помнил об этом и приписал Ленину прямое подстрекательство солдат в Выборге к массовой расправе с офицерами. Тут же он измышляет сцену, в которой Ленин пристает к казачьему полковнику на улице Гельсингфорса и предлагает ему выбор: или быть расстрелянным, или получить верховное главнокомандование армией после захвата власти большевиками. Возмущенный полковник приказывает арестовать Ленина. Последний поднимает крик: его слышат пьяные солдаты, приехавшие из Выборга. Они отбивают Ленина у казаков, а незадачливого полковника забивают ногами. Над кровавым месивом, которое только что было человеческим существом, Ленин возглашает: «Да здравствует социалистическая революция!», «Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!» «Да здравствует революция!» — в восторге подхватывает толпа[10].

Все-таки Оссендовский мало проник в психологию Ленина, иначе он знал бы, что тот был очень осторожным человеком. Он и в Гельсингфорсе все время боялся ищеек Керенского и никогда не выходил на улицу, во всяком случае без провожатого. Тем более он ни за что бы не позволил себе обратиться на улице к незнакомому военному. Но Оссендовский в своем романе рисовал не человека, а отвратительное чудовище. А чудовище может все. В частности, Ленин никогда не пошел бы смотреть, как идет штурм Зимнего дворца. Оссендовский же выводит его на Дворцовую площадь под свист шальных пуль. Ленин говорит: «Демагог Керенский боится за свою шкуру! Но есть еще люди, оставшиеся защищать дворец и “плейбоя революции”. Что Вы думаете, товарищ Антонов-Овсеенко? Что будет завтра?»[11] Тот докладывает, что сорок тысяч вооруженных рабочих готовы присоединиться к Павловскому и Преображенскому полкам и захватить завтра весь Петроград по первому слову Ленина.

Дальше мы видим Ленина в Смольном, в штабе революции, а вокруг него выполняют его приказы знакомые по «документам Сиссона» лица: Троцкий, прапорщик Крыленко, Муравьев, Антонов (уже без «Овсеенко»), «товарищ Володарский». И если раньше Оссендовский многократно утверждал, что Совет Народных Комиссаров был создан еще в июле 1917 г. в Кронштадте, то теперь он, по воспоминаниям Троцкого, воспро-

изводит сцену совещания большевиков, посвященную выбору названия нового рабоче-крестьянского правительства[12].

Ленин оказывается удобным средством и для выражения некоторых суждений самого автора, в частности о русских, поляках, евреях и других национальностях, населявших огромную Россию. Так, по мнению Оссендовского, Ленин учитывал психологию русского человека, ведя свою борьбу за власть. «Я знаю русских людей с головы до ног, — говорит Ленин у Оссендовского, — на поверхности утопизм и слабость воли. Но под этим — огромные неразбуженные и необычные силы. Наша задача: пробудить эти силы, и это будет сделано. Мы знаем, как это сделать».

Недоверчивый Троцкий смотрит на Ленина вопросительно. «Как мы достигли того, что имеем уже сейчас? — отвечает Ленин. — Пониманием молчаливых инстинктов масс и использованием их. Они устали от войны? И наш лозунг — мир! Крестьяне ненавидят, когда их отрывают от плугов? И мы требуем землю для крестьян. Рабочие, неоднократно обманутые социал-демократами меньшевиками, присоединяются к нашим рядам, когда они видят на нашем знамени: “Рабочий контроль над производством!”»[13]

Польскую тему Оссендовский затрагивает, выписывая выдуманную им сцену первой встречи Ленина и Дзержинского, которые якобы не встречались до ночи на 25 октября 1917 г. Троцкий подводит к Ленину Дзержинского и говорит, что это наиболее активный и способный человек в партии, исключая Дзевялтовского и Крыленко. Заметим в скобках, что читатель этой книги хорошо знает о том, как часто Оссендовский пользовался в своих целях фамилией Крыленко и должностью нового главы Ставки в сочиненных им «документах». Но и Дзевялтовский, офицер гвардии Гренадерского полка, заключенный в тюрьму правительством Керенского после июльских дней, упоминается им в письме в Совнарком от имени «Контрразведки при Ставке» от 8 января 1918 г. в качестве кандидата для посылки по требованию германских властей в лагеря немецких военнопленных[14]. Вот какой между ними происходит разговор:

«Ленин протягивает руку:

— Здравствуйте, товарищ. Рад был слышать о вас столько хорошего. Вы поляк? Я приветствую поляков, поскольку они представляют истинный и исторический революционный элемент.

— Да, я поляк, — говорит Дзержинский ядовито. — И я полон ненависти и желания реванша.

— К кому? — спрашивают Ленин и Троцкий с внезапным напряжением.

— К России! — отвечает Дзержинский без колебаний.

— К России?

— Да, к России царей, которая сеяла семена разложения в польскую нацию. Дворяне привязывались к русскому трону, крестьян заставляли принять закабаление и слепо следовать любви к земле и традиции.

— Вы взываете к патриотизму и национализму, а? — спрашивает Ленин, криво улыбаясь.

— Нет! — затряс головой Дзержинский. — Я желаю только видеть поляков в первых рядах революционной армии. Но это вряд ли возможно, товарищ, так как они фантастически любят свою страну.

— Мы можем разрешить этот вопрос, — говорит Троцкий, успокаивая его. Ибо лицо Дзержинского начинает страшно подергиваться, и он вынужден спрятать его в ладони. Его глаза смотрят пристально, и судорога сводит его бескровные губы.

— Собираетесь ли вы включить Польшу в сферу своей деятельности, товарищ? — спрашивает он наконец.

— Сейчас пока мы имеем дело с Россией, — отвечает Ленин уклончиво.

— Сейчас, а потом? — опять по его лицу пробегает судорога. Он смотрит безумным и пугающим взглядом на русских.

— Польша входит в мировой план пролетарской революции, — отвечает Троцкий, в то время как Ленин поглощен тщательным разглядыванием поляка.

— Думаю, я понимаю вас, — говорит Ленин спустя несколько секунд, подступая к нему. — Вы полезный человек. Мы доверим вам работу по преследованию врагов пролетариата и революции.

Дзержинский подымает голову. Как бы призывая Небеса в свидетели, он отвечает, выделяя каждое слово:

— Я утоплю их в крови.

— Классовая революция требует этого от вас, — шепчет ему Ленин.

— Я сделаю это, — отвечает Дзержинский»[15].

Оссендовский убежден, что Ленин не случайно собрал в ЧК поляков, латышей, евреев, всех, кого угнетал русский царизм. Уничтожая контрреволюционеров, они с наслаждением уничтожали прежде всего русских. В такой уродливой форме он расставался в этом романе и с собственным великорусским патриотизмом периода Первой мировой войны.

Но отвлечемся чуть-чуть от национального вопроса, ибо Оссендовский наконец закончил захват Зимнего дворца. Героические ударницы Женского батальона тут же во дворце стали жертвами насилий пьяных матросов и солдат. Потом их выбрасывали из окон и расстреливали пря-

мо на площади. Автора не смущает тот факт, что еще за три часа до штурма дворца все 136 ударниц решили покинуть Зимний, были разоружены и отправлены на ночлег в казармы Павловского полка, а батальонный комитет через день публично опроверг через петроградскую прессу все слухи о насилиях над женщинами. Погибло же при штурме всего 6 человек, из числа атаковавших дворец солдат Павловского полка[16].

Оссендовский был в Петрограде в октябрьские дни 1917 г. и, как журналист, был в полном курсе фактического хода восстания. Тем не менее в романе у него Ленин под звуки залпов, которыми на площади финны и латыши под руководством Антонова-Овсеенко расстреливают последних защитников Зимнего, триумфально входит во дворец. Ленин, который боялся и на Съезде-то Советов появиться, пока еще не ясен был исход сражения, тут проходит по залам, заполненным бродягами, ворами и нищими, в восторге грабящими царские сокровища. Перед ними Ленин произносит речь, объявляя о победе, о начале строительства пролетарского государства и о переговорах о перемирии с Германией[17].

«В этот момент, — продолжает свой рассказ Оссендовский, — Ленин стал новым Мессией, богом для угнетенной и неграмотной толпы. Он машет своей кепкой и что-то говорит, но его слова тонут в буре тысячи голосов. Наконец его окружают телохранители из финских революционеров, и крепкий Халайнен (новая выдуманная фигура. — *В. С.*) стоит около него. К нему проходят через ряды финнов лидеры июльской и октябрьской революций: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Уншлихт, Дзержинский, Володарский, Урицкий, Калинин, Красин, Иоффе и остальные»[18]. Большинство из них — старые знакомцы Оссендовского, воспетые им в 150 изготовленных им «документах». Но ему пришлось несколько дополнить этот ряд: раньше он ничего не знал о Калинине, Красине, Уншлихте.

Между тем к Ленину подбегает взволнованный Луначарский: «Товарищ Ленин! Пролетариат выходит из-под контроля, они разрушают и выносят неоценимые сокровища». «Это их день, — со вздохом отвечает Ленин. — Не троньте их, пусть удовлетворят свои инстинкты... На сегодня», — добавляет он твердо. Тут же бродит и Фрунзе вместе с Антоновым (Оссендовский считает, что Антонов-Овсеенко и Антонов — это два разных человека), инспектируя Зимний дворец. Оссендовского не смущает, что Фрунзе в это время вовсе не было в Петрограде. Он помнит, что еще в феврале 1918 г. ему понравилась эта случайно услышанная немецкая фамилия. Оба они добираются до винных погребов и обнаруживают здесь вакханалию пьяных солдат и проституток. Разграбление винных подвалов действительно происходило, но через месяц. У нашего автора все эти события происходят в одни и те же сутки.

В следующей главе автор рассказывает, между прочим, и о начале переговоров о перемирии с немцами. Верховный главнокомандующий генерал Духонин отказался, назначается Крыленко. Ленин дает ему такой приказ: «Товарищ, поезжайте в Ставку с отрядом матросов и принимайте командование. Генерал должен быть убит. Если в армии возникнут беспорядки, не колеблясь производите массовые экзекуции. Не должно быть места полумерам»[19]. Итак, Духонин убит, оказывается, не разнузданной солдатской толпой, а прямо по приказу Ленина. Вот только беспорядков в защиту Духонина, которых, как пытается уверить читателя Оссендовский, боялся Ленин, нигде не возникло. Армия, за исключением нескольких частей Румынского фронта, благословила начало переговоров о перемирии.

Далее Оссендовский изображает заседание Совнаркома, где Ленин докладывает о составе делегации на переговоры с немцами в Брест-Литовске, причем обращает внимание на полную некомпетентность ее участников, а также на споры среди большевиков в связи с созывом Учредительного собрания. Проходят недели. И вот однажды Ленин, выходя из зала Совнаркома, встречает Надежду Константиновну.

«— Какие новости? — спрашивает он у нее.

— Делегаты от еврейской общины ожидают встречи с тобой. Они ждут уже два часа. Я просила их прийти завтра, но они сказали, что сейчас же покидают Петроград.

— Евреи? — недоумевал он. — Чего они хотят от меня? Ведь так много их соотечественников в Совнаркоме? Или они и меня принимают за еврея?

— Нет, — засмеялась она. — Ты Ульянов и дворянин навсегда.

— Бывший дворянин, — быстро поправил он ее.

— Бывший, — повторила она, — но они это знают, в любом случае»[20].

Чего же хотели евреи?

«— Мы просим вас уволить людей нашей национальности из Совета Народных Комиссаров.

— Вы что, с ума сошли? — воскликнул Ленин. — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек — это наиболее ценные наши товарищи! Они кладут основание нового порядка. История поставит их имена в ряд с именами Маркса и Лассаля!

— Народный вождь, — с важностью обратился к нему раввин, после того как пересказал по-еврейски слова Ленина членам делегации. — Вождь, вы знаете, что российские условия превращали евреев в революционеров. Преследования заставляли нас так обучать наших сыновей,

чтобы они могли бороться за нас. Со дней рабства в Египте и Вавилоне мы были интернационалистами и националистами в одно и то же время. Мы жили и работали мирно повсюду, но мы никогда не переходили границ нашей собственной общины. Наши община — это улей, а мы — пчелы. Мы очень хорошо знали, что в России только евреи могут превратиться в настоящих революционеров. Мы благословляли и вдохновляли их до того момента, пока жестокая империя Романовых была свергнута и нация стала готовиться к Учредительному собранию. С этого момента работа евреев закончена. Их долг стать обычными гражданами Российской республики»[21].

Но Ленин не хотел и слышать об Учредительном собрании. Тогда раввин заявил, что совет синагог не может терпеть, что члены Совнаркома, евреи Володарский (или Мозес Гольдштейн), Гузман, Мозес Радомысльский (взявший себе имя Урицкий), выступали против Учредительного собрания и проявили себя настоящими палачами. Этот список выдает нам автора с головой. Не было такой делегации к Ленину. Да, Оссендовский наконец узнал, что настоящая фамилия Володарского была Гольдштейн. Но Радомысльский — это Зиновьев, а не Урицкий. Володарский не являлся народным комиссаром, как мы уже отмечали выше, а никакого Гузмана среди большевистского руководства вовсе не было.

Делегаты еврейской общины, как их изображал Оссендовский, прокляли вышеупомянутых «комиссаров» как еретиков и заявили, что они навлекут своими действиями на евреев в России такие испытания, каких не знала еще история «избранного народа». Они требовали встречи с еврейскими комиссарами. Но Ленин вспылил и отказал им. «Не смейте предъявлять нам требования и угрожать. Это привилегия пролетариата. Вы слышите?» — заявил еврейским представителям Ленин. Но достопочтимый раввин сказал перед этим, что если их требования не будут рассмотрены, то придут грозовые облака и из них может грянуть или милосердный дождь, или разрушительный гром. И Оссендовский вдохновенно сочиняет этот гром, который грянул в конце лета 1918 г. Еврейский секретный синедрион в Киеве по жребию выделяет Фанни Каплан, Дору Фрумкину, Каннегисера, Янкеля Кюльмана, Мозеса Эстера и еще пять молодых евреев для организации убийств Ленина, Урицкого и других советских руководителей, которые своими действиями вызывают ненависть христиан в России против народа Израиля[22].

Легкий антисемитский налет чувствовался уже в «романе в документах», сочиненном Оссендовским в конце 1917 — начале 1918 г.: это подбор настоящих и выдуманных фамилий, роли, распределяемые «господином председателем Совета Народных Комиссаров» среди «комиссаров»

и пр. В романе «Ленин — бог безбожных» эта тенденция проявлялась сильнее по мере того, как усиливалась националистическая, польская.

Но еще раз вернемся к изображению деятельности Ленина Фердинандом Оссендовским на рубеже 1917 и 1918 гг. Известный факт: Ленин 1 (14) января решает выступить в Михайловском манеже перед первым отрядом Социалистической армии (так решено было назвать один из красногвардейских отрядов, отправлявшийся на Западный фронт). Это вдохновило Оссендовского на сочинение следующей речи Ленина перед «комиссарами»: «Революционная армия внезапно появилась. Мы многое выгадаем от этого. Что последует? Колеблющиеся социалисты, которые были против нас, замолкнут. Контрреволюционеры, которые пытаются создать сами добровольческую армию, дважды подумают об этом. Мы перетянем офицеров на нашу сторону. Французы и англичане воодушевятся и будут более энергично атаковать на Западе. Немцы будут вынуждены вывести несколько дивизий из России, и это заставит их больше желать мира с нами. Наше противостояние с Германией опровергнет раз и навсегда обвинение в том, что мы является платными германскими агентами. Если бы мы были ими, германцы вынуждены были бы тогда опубликовать документы, которые компрометировали бы нас. Они не могут, потому что их нет...»

Комиссары были поражены продуманностью этой схемы, которая была выработана с таким предвидением действия каждого фактора в общем вопросе. «Истинный Макиавелли», — подумал Троцкий, с неподдельным уважением глядя на Ленина. «Да здравствует Ильич!» — вскричал «возбужденный грузин, Сталин»[23].

Конечно, определенный макиавеллизм был присущ Ленину, как всякому политику. Он проявился и в первые месяцы Советской власти, когда, ставя себе главной целью достижение мира с Германией, Ленин в то же время не порывал сразу же и с союзными представителями, затрудняя для них выработку ясной политики и необходимость разрыва с Советской Россией. Однако тот план, который Оссендовский вкладывает здесь в уста Ленина, не имеет ничего общего ни с целями, которые ставил Ленин, ни с методами их достижения. Наоборот, в брестских переговорах непременным условием с советской стороны было обещание немцев не перебрасывать войска на Западный фронт. Создание Добровольческой Красной армии было провозглашено только 15 (28) января 1918 г., и ее формирование до назначения Троцкого наркомвоенмором шло из рук вон плохо.

Интересно упоминание о немецких агентах и документах, подтверждающих это обвинение. Оссендовский лучше других знал, что таких до-

кументов не существует. Более того, мотив шпионства очень приглушен в романе «Ленин — бог безбожных». Это, по сути, лишь второе упоминание о том, что большевики и сам Ленин являлись немецкими агентами (первое: арест в Новом Тарге в августе 1914 г. и освобождение после «приказа» германского Генерального штаба). Претендуя в этой книге на то, что она является истинной биографией Ленина, Оссендовский, видимо, хотел избежать прямого совпадения ее содержания с сочиненными им документами. Но, помимо его воли, это совпадение, кроме главной темы, прослеживается в сюжетах, избранных автором, в выбираемых им героях, в использовании информации, заимствованной из «документов».

Теперь еще два слова о «возбужденном грузине Сталине». Надо сказать, что в содержании всех «документов», созданных Оссендовским в конце 1917 — начале 1918 гг., фамилия Сталина не упоминается ни разу. Лишь в пометах мы ее видим в одном случае. Сталин не жил в эмиграции, не проезжал в запломбированном вагоне через Германию, его фамилия не была ни немецкой, ни еврейской. Поэтому он мало тогда интересовал Оссендовского и не попал в его «документы». Это, как убедился теперь Оссендовский, изучая материалы о первых месяцах Советской власти, не соответствовало реальной роли, которую уже тогда играл Сталин, тем более это не соответствовало тому положению, которое в Советской России занял Сталин после смерти Ленина. Поэтому в романе Оссендовский старался «наверстать упущенное» и довольно часто вставлял Сталина в качестве верного ленинского последователя при изложении событий 1917 г. Мы привели выше только один пример, их можно было бы привести и больше.

Но вернемся к описанию автором очередного триумфа Ленина. После здравицы, провозглашенной Сталиным, овация была поддержана и другими комиссарами «в честь маленького человечка, стоявшего среди них, с наружностью бакалейщика из маленького городка. Он смеялся, предусмотрительно скрывая свое удовольствие. Он чувствовал, что одержал большую победу, что его товарищи, от которых он зависел, становятся его рабами. Тут же он решил закрепить свой триумф быстро и решительно»[24].

Оссендовский показывает нам, как, по его мнению, Ленин это делал: «Принимаете мой план? Тогда выполняем его сразу же. Скоро будет много работы для ЧК, так что давайте назначим Володарского начальником Секретной службы, Урицкого — главой ее вооруженных сил, а Дзержинского — делать самую грязную работу: обвинение на процессах. Я называю это грязной работой, потому что это кровавая игра и его будут проклинать за это. Обвинения будут предъявляться не по закону,

а по личным чувствам человека, который будет одновременно прокурором, судьей и исполнителем приговоров. Вы согласны? Хорошо, тогда давайте работать»[25]. Так Оссендовский, во-первых, унизил Дзержинского, которого считал выродком и предателем интересов польской нации; во-вторых, показал, что Ленин поставил над поляком начальниками двух евреев. Во всем этом пассаже он смело шел против правды, так как реальным главой всего аппарата ЧК был именно Ф. Э. Дзержинский. Урицкий подчинялся ему и лишь после переезда правительства (и Дзержинского) в Москву возглавил Петроградскую ЧК, а Володарский никогда в ЧК не работал, ее «секретную службу» не возглавлял, занимаясь всегда агитацией и пропагандой. Но Оссендовский питал особую «любовь» к Володарскому и «совал» его во всякое гадкое дело.

Володарский сразу же взялся за работу и вместе со своим помощником Гузманом (вот, оказывается, куда Оссендовский пристроил вновь выдуманного им персонажа!) раскрыл готовящееся покушение на Ленина. Ленин высмеял его, но «покушение» действительно состоялось: случайно или намеренно, но автомобиль, в котором Ленин ехал из Михайловского манежа, был обстрелян. Ленин не пострадал...

Как уже было сказано выше, я не ставил своей задачей всесторонний критический разбор романа Оссендовского «Ленин — бог безбожных» и уделил внимание, главным образом, событиям 1917 г. Вообще же в романе есть много сюжетных линий, связанных с судьбой выведенных автором интеллигентов, гибнущих в жерновах большевистской террористической власти. Подробно рассказывается о пытках, которым была подвергнута бедная Дора Фрумкина (выдуманный персонаж), схваченная чекистами. Пытки происходили «в присутствии» Ленина. Через весь роман проходит и религиозная тема: в разных местах простые люди, главным образом, польские и русские крестьяне грозят безбожному Ленину карой за его дела. На смертном одре происходит примирение Ленина с Богом: он вспоминает Христа и призывает к всеобщей любви. (В действительности Ленин умирал, будучи без сознания, а дара речи лишился в результате третьего инсульта за десять месяцев до смерти.) Но когда черные траурные флаги взвиваются над Кремлем, со стен его по приказу Сталина раздаются пулеметные очереди по толпам собравшихся голодных рабочих и крестьян. «Комета, пришедшая потрясти мир, прошла дальше в вечную темноту». Этими словами кончается роман.

Подводя некоторые итоги, скажу, что в нем меньше совпадений и аналогий с содержанием изготовленных Оссендовским фальшивых документов о германо-большевистском заговоре, чем в статьях автора, помещавшихся в 1919 г. в издававшемся в Омске «Вестнике финансов,

промышленности и торговли». Более того, Оссендовский исправил часть допущенных им тогда ошибок и неточностей в указании исторических событий, постов, занимавшихся большевистскими лидерами, их биографий. Серьезно проработаны были им материалы о жизни и деятельности Ленина, в частности в 1917 г. Успех большевиков в октябре объясняется теперь не немецкими деньгами, а хитроумием самого вождя, Ленина, воспользовавшегося ошибками Керенского и знанием психологии русского рабочего, городского плебса, солдат и крестьян. Их интересы пытался удовлетворить гнавшийся за популярностью Керенский, но только Ленин, как паук, выждал нужный момент. Его помощники и соратники выведены безгласной послушной массой. Оссендовский не давал себе труда узнать поподробнее биографии Троцкого, тех же Володарского и Урицкого. Это были марионетки в ленинских руках. Тема же немецких денег в романе была намечена очень скупо, что, вероятно, объяснялось как соображениями конспирации (Оссендовского уже допрашивали в Госдепартаменте в 1921 г., да и Семенов его называл в связи с происхождением «документов Сиссона»), так и сменой настроений самого автора, появлением интереса к загадке магической силы влияния Ленина на умы и поступки людей разных состояний.

Только еще в одном месте романа, так сказать в сгущенном виде, упоминаются обвинения против большевиков в получении немецких денег. «Ленин встречался со многими трудностями, — писал Оссендовский, — но никогда не терял присутствия духа. Его враги, которые подозревали его в замыслах против Учредительного собрания, выдвинули множество фальшивых обвинений против него, и одним из их главных доводов был доклад о секретном расследовании, которое было проведено при режиме Керенского. Меньшевики, которые имели возможность цитировать документы, находившиеся в их распоряжении, утверждали, что Ленин и его помощники получали деньги от Германии. Обвинение действительно основывалось на факте: Совет Народных Комиссаров получил определенные суммы из Германии через человека по имени Суменсон, который жил в Стокгольме. Обвинение было правдоподобным и произвело такое впечатление на массы, что даже коммунисты были в сомнении. Они заметили, что Ленин не защищался. Когда Ленин услышал все это, он беззаботно засмеялся и продиктовал следующую заметку для прессы: “Деньги, о которых говорят, были получены от товарища Суменсон. Их происхождение хорошо известно Карлу Либкнехту, Кларе Цеткин, Розе Люксембург и другим интернационалистам за границей. Упоминаемая сумма — слишком маленькая цена для продажи России Вильгельму II, и нет никаких доказательств, что она пришла от Герман-

ского Генерального штаба, как утверждают эти шантажисты. Я приведу другие аргументы против них в самое короткое время"»[26]. На следующий день, утверждает Оссендовский, это заявление жирными буквами было набрано в газетах. Далее следуют «другие аргументы»: в кабинете Ленина появляются Дзержинский и Петерс и докладывают, что 15 минут назад ими расстреляны три журналиста, которые владели компрометирующими документами. Ленин благодарит их за работу.

Все тут намеренно запутано. Расследование велось при Керенском, а деньги получал Совнарком, когда Керенского свергли. Суменсон была женщиной, и Оссендовский это прекрасно знал, а он превратил ее здесь в мужчину. Жила она в Петрограде, а в Стокгольме жил Фюрстенберг-Ганецкий, но Оссендовский отправляет ее в Стокгольм, а про Ганецкого вообще не упоминает. Ленин яростно защищался против обвинений юстиции Керенского, а у Оссендовского он молчит и смеется. Никакого заявления для прессы, как его цитирует Оссендовский, Ленин не делал, и оно тем более не печаталось в газетах. Не пожалел Оссендовский и себя с Семеновым. Оказывается, их «троих» расстреляла ЧК. Для чего все это было нужно автору? Чтобы «отмежеваться» от А. М. Оссендовского, который якобы только однофамилец Фердинанда Оссендовского. Последний же никакого отношения к фальшивым «документам» не имел.

Оссендовский вчера и сегодня

Роман «Ленин — бог безбожных» явился определенным рубежом в творчестве Фердинанда Оссендовского. С одной стороны, он был тесно связан с воспоминаниями о всем русском периоде его жизни, особенно с бурными годами Первой мировой войны и революции и еще более фантастическим временем Гражданской войны в России. Тот тайный эксперимент с сочинением документов о «германо-большевистском заговоре», который проделал Оссендовский в Петрограде, оставил надолго след в его душе. Пока он не знал, что примерно половина из сфабрикованных им документов уже опубликована в США Эдгаром Сиссоном, он смело повторял небылицы на эту тему во время редактирования журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли» в Омске. Он несомненно узнал о брошюре Сиссона уже в первое свое посещение Америки летом 1919 г. Прибыв туда вторично поздней осенью 1921 г., он был крайне осторожен и отклонял всякую мысль о какой-то причастности к происхождению «документов Сиссона». Борьба за выживание, успех первого романа, сочинение новых, путешествия — все это откладывало серьезное возвращение к прошлому, воспоминания о лихорадочной работе в холодном Петрограде в начале 1918 г. Занявшись теперь всерьез Лениным, он убедился во многих своих ошибках, многое исправил, хотя и сохранил стойкую ненависть и к Ленину, и к большевикам.

С другой стороны, этим романом Оссендовский как бы обрубал последние нити, связывавшие его с революционной Россией, активным гражданином которой он был в 1917–1918 гг. Он еще более ощущал себя поляком и только поляком. Между прочим, мысль о приобретении польского гражданства возникла у него еще в 1917 г., когда Временное правительство от имени России торжественно заявило о непреклонном желании видеть восстановленной государственную независимость Польского государства, воссоединенного из всех его частей. Тогда же он вместе со своей женой, Анной Николаевной, русской по происхожде-

нию, подал соответствующие прошения в комиссию по делам бывшего Царства Польского (между прочим, Анна Николаевна Оссендовская работала в 1917 г. в этой комиссии). Но только в ноябре 1921 г. в США он смог осуществить свое желание и получил польский паспорт от посла Польши в Вашингтоне Михаила Квапишевского[1].

Приведем еще ряд подробностей о жизни и деятельности Фердинанда Антония Оссендовского, связанных с темой нашего исследования, которые мы заимствуем из весьма обстоятельной биографии писателя, созданной польским эмигрантом из Канады Витольдом Станиславом Михаловским[2]. После длительных путешествий по Центральной Азии, во время которых он встретился с «кровавым бароном» Унгерном фон Штренбергом, Оссендовский через Маньчжурию добрался летом 1921 г. до Владивостока, где еще 26 мая этого года произошел очередной переворот и при помощи японцев и американцев к власти пришло правительство братьев Меркуловых. Отсюда Оссендовский беспрепятственно добрался до Японии, где стал выяснять возможности создания некоего общества помощи Польше и борьбы с большевиками из японцев, американцев и поляков. В Токио в гостинице он и встретился с американским журналистом Льюисом Стэнтоном Пэйлином, говорившим по-русски.

Они быстро сдружились, и Оссендовский буквально заворожил Пэйлина рассказами о своих последних приключениях. Именно Пэйлин предложил Оссендовскому написать об этом книгу и помочь перевести ее на английский язык. Из их горячих бесед и стали рождаться первые страницы романа «Звери, люди и боги». Льюис Пэйлин пригласил Оссендовского поехать в Нью-Йорк и закончить там книгу, а также договориться о ее издании. Все это Оссендовский не мог расценить иначе как подарок судьбы. В Нью-Йорке он стал жить в отеле «Мак-Альпин», работал там над романом, но в первые же недели поехал в Вашингтон. Очевидно, тогда-то он и был допрошен в Русском отделении Госдепартамента по поводу статей Семенова в «Последних новостях» и об обстоятельствах появления «документов Сиссона».

Став польским гражданином, Оссендовский завязал тесные сношения с послом Квапишевским и предложил свои услуги по предоставлению полезной информации о положении дел в Сибири и на Дальнем Востоке. Это предложение было принято. Посол по просьбе Оссендовского стал помогать ему в поисках жены, с которой тот не виделся с момента отъезда из Петрограда. Она тоже немало пережила, уехав из Петрограда в Сибирь, и обнаружилась только в Маньчжурии, откуда сумела приехать уже в Варшаву в 1923 г.

Весь 1922 г. и начало следующего года Оссендовский прожил в Нью-Йорке, тесно сотрудничая со складывавшейся польской разведкой и военными властями, представленными их сотрудниками в посольстве, и с самим послом. Именно за это его биограф Михаловский называет Оссендовского «польским Лоуренсом». В сочиняемых им для посольства документах Оссендовский использовал «информацию» из изготовленных им «документов», но ссылался только на официальную брошюру с «документами Сиссона». Он обвиняет представителей еврейского капитала в США (и прежде всего банк «Кун, Лейб и К°») в организации помощи Советской России. Снова излагаются «германские планы» по овладению минеральными богатствами России, особенно Западной Сибири. Снова перечисляются фамилии Гуго Стиннеса, Адольфа Даттана, Макса Варбурга, а также бывшего царского генерала Трепова и барона Меллера-Закомельского[3]. В других своих справках он называл «центры большевистской агитации» в городах стран Западной Европы, тоже вычисленные на основе заготовок его «документов». Оссендовский сотрудничал также в польскоязычной американской газете «Новый свят», где напечатал много коротких заметок и статей.

Переехав на постоянное жительство в Польшу, он снял квартиру в доме № 47 по Аллеям Ерузалемским, а когда вернулась жена, переехал в дом № 41. В 1923/24 учебном году «профессор Оссендовский» преподавал в Высшей школе политических наук в Варшаве, являлся консультантом Министерства вооруженных сил. Успех английского издания его первой послевоенной книги «Звери, люди и боги» вызвал лавину переводов ее на иностранные языки. Прежде всего на польский, на котором она вышла в 1923 г., затем на французский и немецкий — в 1923–1925 гг. В 1925 г. перевод с польского появился и на русском языке: книга была издана в Латвии, в Риге.

Но у книги появились и недруги. Шведский писатель и путешественник Свен Гедин и французский журналист Жорж Монтантон опубликовали свои печатные разборы романа Оссендовского «Звери, люди и боги». Они выразили сомнения по поводу самого факта посещения Оссендовским областей Центральной Азии, выявили многочисленные ошибки в описании жизни, быта и религии монголов, тувинцев, китайцев. Нам нетрудно поверить в справедливость хотя бы некоторых из подобных упреков, поскольку на примере деятельности Оссендовского с 1913 г. по разоблачению «немецкого засилья» и шпионажа, а также сочинения «документов» о «германо-большевистском заговоре» и редактирования журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли» мы убедились в талантах автора в этой области. Польские обозреватели и даже ученые с пеной

у рта бросились защищать своего соплеменника, находя у автора книги только положительные качества, а недостатки приписывая Льюису Стэнтону Пэйлину, который-де приспосабливал труд «профессора» ко вкусам американской публики. Поляки вообще были склонны все прощать Оссендовскому, как одному из немногих, прославивших независимую Польшу на весь мир с первых лет ее существования. Тот же Михаловский даже сочинение фальшивых «документов Сиссона» считает проявлением некоей национальной доблести, шляхетской забавой, вполне простительной на фоне целой выставки талантов «шановного пана профессора».

Оссендовский продолжал извлекать капитал из своей одиссеи в Центральной Азии. Им были написаны еще романы и повести, несколько пьес: «За китайским морем», «Чудо богини Кван Нор», «Живой Будда» и др. К этому циклу примыкал и переработанный вариант «Людской пыли» — «От председателя до тюрьмы», вышедший в Варшаве в 1925 г. по-польски (английский вариант этого романа мы разбирали выше). Оссендовский предпринимает затем с помощью польского правительства, географического общества и научно-литературной общественности три длительных заграничных путешествия, которые дали ему вновь огромный материал для создания новых произведений всех жанров, кроме, пожалуй, поэтического. Первое путешествие — в Северную Африку, второе — в Западную Африку и третье — на Ближний Восток. У нас нет возможности здесь перечислять все его романы и повести. Назовем только «Орлицу», «Сына Берилы» и «Сокола пустыни» — главные результаты первой поездки. Эти повести были экранизированы в начале тридцатых годов с участием французских кинодеятелей. Впечатления от поездок питали творчество Фердинанда Оссендовского на протяжении почти десятилетия. Он писал и для подростков, и для детей. Работоспособность его была завидной. Так, только за 1930 г. он написал свыше двух тысяч машинописных страниц — по польским стандартам 100 авторских листов!

Жизнь животных и природы была предметом его истинного и чистосердечного интереса. Заслуга в этом русского Дальнего Востока, где еще с начала века А. М. Оссендовский познакомился с жизнью нетронутой тайги. Вместе с польскими географическими и туристическими обществами он организует экскурсии и путешествия в польские леса и горы. Это тоже было проявлением некоего поворота, который с конца двадцатых годов начал совершаться в его душе. Польша, ее история, борьба с вечными врагами — тевтонами и русскими — стала все больше занимать его. Точно так же и польская природа стала казаться ему милее экзотических стран. Еще до романа о Ленине он написал роман

«Под польским знаменем», посвященный приключениям поляков на Балтийском море в XVII в. Критика его признала со скрипом: столько неточностей и ошибок с исторической точки зрения было в нем обнаружено.

Работа над романом о Ленине вклинилась в этот начавшийся поворот писателя к польской истории и природе. И надо признать, что этот роман привел к новому всплеску популярности Оссендовского во всем мире. Пожалуй, наибольшим тиражом книга была напечатана в фашистской Италии, много книг разошлось в немецком и французском переводах. А вот в самой Польше роман расходился плохо, и книжные склады были им затоварены. Но успех романа о Ленине отличался от успеха «Зверей, людей и богов». Тот роман читала более широкая публика, идеологические пристрастия автора в нем были выражены менее ярко. Теперь это был успех у врагов коммунизма, социализма, подарок фашистским пропагандистам. Один из рецензентов назвал книгу «Ленин — бог безбожных» пасквилем на революцию. В предыдущей главе мы старались объективно рассказать и об этом романе Оссендовского. В 1981 г. американский еженедельник «Polish Review» в номере от 15 сентября вернулся к роману о Ленине. «Оссендовский, — говорилось там, — был одним из первых, кто дерзнул посягнуть на миф, на символ, на легенду, на божество, идола миллионов одураченных голодом и нуждой бедняков всего мира. Солженицын такое иконоборчество себе не позволил»[4]. Наш читатель уже знаком с приемами изображения Ленина Оссендовским и знает, что его «иконоборчество» сводилось к измышлению эпизодов и сцен из жизни Ленина, которые никогда не имели места, к сочинению речей, которые он никогда не произносил. Но этот роман для самого автора был шагом вперед, поскольку он отказался от многих выдумок о Ленине, которые наполняли его «ненаписанный роман» в «документах» конца 1917 — начала 1918 г.

За несколько лет до «Ленина» вышла еще одна книга Фердинанда Оссендовского, связанная с его жизнью в России. Это «Тень унылого Востока», где автор высказывает свой взгляд на загадочную русскую душу и рисует быт и жизнь русских с самой неприглядной стороны. В противоположность этому усиливалось воспевание Оссендовским героических страниц польской истории, особенно тех ее периодов, когда поляки наносили поражения Московской Руси. Вот названия некоторых из этих книг: «Белый капитан», «Wanko z Lisówa», «Lisówchycy». Продолжал он выпускать и книги для детей и юношества. Часть их, особенно о жизни животных и маленьких героях, переводилась на иностранные языки и объективно вошла в мировую библиотеку детской литературы.

В тридцатые годы Оссендовский выпустил несколько книг об отдельных местностях Польши, овеянных легендами, с богатой историей и красотами природы. Среди них были «Пущи польские», «Карпаты и Подкарпатье» и др. В книгах были главы и о физической географии этих мест, о растительности и животном мире, об их жителях и их профессиях, о владетелях земель и их быте и т. п. В молодом государстве, народ которого вновь обретал свою историю, эти книги пользовались исключительной популярностью.

В 1939 г. почитатели Фердинанда Оссендовского в Польше, США и других странах готовились торжественно отметить два юбилея: 40-летие его публицистической деятельности и 30-летие выхода в свет его первой книги «Людская пыль». В Америке был создан специальный комитет, приготовления шли и в Польше. Появились уже новые критические статьи и разборы его произведений. Оссендовского сравнивали с немецким писателем Карлом Маем, создавшим свой мир индейцев во главе с Виннету, сравнивали с Джозефом Конрадом (тоже поляком по происхождению), с Джеком Лондоном, с Метерлинком. Каждое из этих сравнений действительно отражало какую-то часть из многогранного творчества Фердинанда Оссендовского. Но юбилей не состоялся. Он приходился на октябрь 1939 г., а в сентябре под ударами с Запада и Востока Польша перестала существовать. Состоялся ее «четвертый раздел», в Западной Европе заполыхала Вторая мировая война. В июне 1941 г. с территории Польши гитлеровские войска вторглись в пределы СССР.

Для Оссендовского Германия всегда была врагом номер один, об этом он писал тысячи раз и в пределах России, и в независимой Польше. В его произведениях было достаточно материала, чтобы подготовить для него место в застенках гестапо. Но писателя, проживавшего в собственном особняке в небольшом местечке Жолвен под Варшавой, не трогали. 8 июня 1943 г. ему исполнилось 65 лет, юбилей получился более чем скромный. По-прежнему наблюдательный Оссендовский понял, что в войне наступил перелом, что фашистская Германия неминуемо потерпит поражение. Он вступает в партию «Стронництво народово», принимает посильное участие в Сопротивлении. Но здоровье его ухудшается, сердце в критическом состоянии. В дни варшавского восстания, когда Красная Армия подошла к Висле, а Жолвен был освобожден польскими частями, Оссендовский умер.

Колоссальные изменения в мире и в Европе после окончания Второй мировой войны на время отодвинули Оссендовского и весь сонм его произведений в область забвения. Но ненадолго. Первыми о нем вспомнили... немцы! В 1946 г. в Баден-Бадене в серии книг для юно-

шества под № 5 был напечатан немецкий перевод его повести «В стране медведей» о приключениях лапландского мальчика[5]. Гражданская война в Польше, резкое размежевание политических сил, подполье, огромная антикоммунистическая эмиграция, существование параллельного правительства в Лондоне — все это привело к тому, что Фердинанда Оссендовского, ярого польского националиста, врага немцев и русских большевиков, стала считать своим польская эмиграция, а не народная Польша. В 1953 г. в Лондоне польское издательство переиздало толстый том «Пущ польских» Оссендовского. Но книга была использована и для пропаганды. Зофия Коссак написала послесловие к книге под названием «Верный лес» о действиях партизан Армии Крайовой. Польские леса воспевались Фердинандом Оссендовским в границах до сентября 1939 г. (сама книга была написана в сентябре 1937 г. в Беловеже и издана в 1938 г.). Поэтому публикация ее, да еще с таким послесловием, носила явно антикоммунистический оттенок.

В 1956 г. в Японии, где после войны легализовались коммунисты и троцкисты, была сильной Социалистическая партия, в интересах идейной борьбы с левыми был переиздан роман Фердинанда Оссендовского «Ленин — бог безбожных». После смерти Сталина об Оссендовском стали потихоньку вспоминать и в Польской Народной Республике. В 1957 г. в Варшаве переиздали «Орлицу», в 1958 г. в Познани «Белого капитана». Постоянный интерес к Оссендовскому и его творчеству поддерживали польские эмигранты в Англии, США и Канаде. В 1983 г. в Канаде вышла неоднократно упоминавшаяся нами биография Фердинанда Антония Оссендовского, написанная Витольдом Станиславом Михаловским, под названием «Тайна Оссендовского». Под «тайной» подразумевались странные отношения между главой антисоветских сил на Дальнем Востоке и в Монголии «кровавым бароном» Унгерном и Оссендовским. Хотя Оссендовский дал отталкивающий портрет Унгерна в своих книгах и пьесах, легенда утверждала, что Оссендовский был посвящен в тайну хранения огромных сокровищ, награбленных белым атаманом. Будто бы даже буддийский монах предрек Оссендовскому, что его смерть будет как-то связана с бароном. И после смерти Оссендовского распространился слух, что к нему приходил немецкий офицер, назвавшийся бароном Унгерном фон Штернбергом, и требовал открыть эту тайну. После чего Оссендовский и умер, тайна же осталась нераскрытой...

Михаловский разобрался в этой запутанной истории и установил, что офицер по фамилии Дёллердт, являвшийся по материнской линии отдаленным потомком рода Унгернов, действительно приходил в его дом, но

Оссендовский к этому моменту уже умер. Дом стоял открытым, и он взял листок с текстом, написанным рукой писателя[6].

После смены режима в Польше в 1989 г. началось новое возрождение интереса к творчеству Фердинанда Оссендовского. Уже в 1990 г. издательство «Либра» выпустило его книгу «Lisówczycy», повествующую о событиях начала XVII в. Новое поколение молодых граждан независимой Польши начинает знакомиться с трудами своего всемирно знаменитого земляка.

«Кем же был на самом деле Антоний Фердинанд Оссендовский? — писал Витольд Михаловский в его биографии. — Ученым-химиком, журналистом, доктором, профессором, фальсификатором, тайным политическим эмиссаром, мошенником, партизаном, сотрудником японской разведки, путешественником, мыслителем, аферистом, философом, зарабатывающим тысячи литератором, общественным деятелем, охотником, географом, автором мировых бестселлеров, экспертом, филантропом, сценаристом, редактором, конспиратором, торговцем, лайдаком или кристальным человеком? Всем понемногу»[7]. И это верно. Но в нашей истории начала XX века Оссендовский останется начинающим литератором, неразборчивым в средствах журналистом, политическим мошенником и фальсификатором.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЕЗУМНЫЙ ЛАБИРИНТ

[1] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 136–137.

[2] Там же. С. 135–136.

[3] См., например: 1) Историческая литература: *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3 т. 2-е изд. Т. 3: Триумфальное шествие Советской власти. М., 1979; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева: Из истории внешней политики Советской власти. 1917–1920 гг. М., 1966; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России: октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976; *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975; История внешней политики СССР. Т. 1: 1917–1945 гг. М., 1976; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 г.). М., 1982. 2) Источники: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 35: Октябрь 1917 — март 1918. М., 1969; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): август — февраль 1918. М., 1958; Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957 г.; Меньшевики/ Сост. Ю. Г. Фельштинский. Бенсон: Чалидзе Пабликейшн, 1988.

[4] Меньшевики. С. 117–118.

[5] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 24.

[6] Там же. С. 26–27.

[7] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 53.

[8] Там же. С. 63–65.

[9] Меньшевики. С. 121.

[10] Там же. С. 123.

[11] Там же. С. 125.

[12] Там же. С. 127.

[13] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 35.

[14] Там же. С. 34.

[15] Меньшевики. С. 129–130.

[16] Там же. С. 133.

[17] *Поликарпов В. Д.* Указ. соч. С. 263–264.

[18] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 127–128.

[19] Там же. С. 154–155.

[20] Там же. С. 161–162.

«НИТЬ АРИАДНЫ»

[1] Приведено по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920). М., 1982. С. 28. Автор привела выдержки из речи Астрова в кавычках, что создает впечатление того, что процитированы именно слова оратора. Источником же для нее послужил текст книги П. Н. Милюкова, который приводит слова Астрова в своем изложении, без кавычек. См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 3. София, 1923. С. 288.

[2] Русские ведомости. 1917. 27 окт.

[3] Приведено по: *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце — начале 1918 г. Л., 1975. С. 28–29.

[4] Мы опираемся здесь на исследования американского ученого, доктора Семена М. Ляндреса. На русском языке краткое изложение результатов его исследования телеграмм опубликовано в следующем издании: *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды: Сб. научных статей. Вып. 1. СПб.: Третья Россия, 1993. С. 60–64.

[5] Весьма пикантным является упоминание эсера Е. Семенова в докладе японского разведчика Мотодзиро Акаши, который через финских активистов и социал-демократов установил связи с русскими революционными и оппозиционными деятелями во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Там, в списке главных деятелей, с которыми имел дело полковник Акаши (некоторым из которых он оказывал и финансовую помощь), значится: «Семенов (Е. Семенов) — натурализовавшийся русский во Франции, являвшийся бывшим членом партии социалистов-революционеров. Он имел французское гражданство и являлся секретарем Общества друзей России (Societe des amis du people russe et des peoples annexes), которое было основано в Париже как оппозиционное русскому правительству». Если это тот Семенов, то мы видим, насколько искренней была его борьба против большевиков, «получавших немецкие деньги». (См.: *Akashi Motojiro.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on his cooperation with the Russian revolutionary parties during the Russo-Japanese war. Selected chapters translated by Inaba Chiharu and edited by olavi K. Falt and Antti Kujala. Helsinki. SHS. 1988. P. 31).

[6] Последние новости. Париж. 1921. 6 апр. Некоторые подробности о работе Е. П. Семенова в издательстве см.: *Колоницкий Б. И.* Издательство «Демократическая Россия», иностранные миссии и окружение Л. Г. Корнилова // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды: Сб. научных статей. Вып. 2. СПб.: Третья Россия, 1994. С. 28–31.

[7] Там же.

[8] Степень осведомленности А. М. Оссендовского в большевистских делах показывает то, что Ф. Ф. Раскольникова-Ильина он считает за двух разных людей. Потом такая же история произойдет под его пером с Тарасовым-Родионовым, превращенным в Тарасова и Родионова.

[9] The National Archive of the USA (далее — NA). RG-59. Sisson's Documents (далее — SD). Box 1. File V. Фотостат подлинного письма А. М. Оссендовского от 11 апреля 1919 г.

[10] Возможно, сегодня уже кое-кто забыл, что В. И. Ленин находился с утра 5 по вечер 9 июля 1917 г. на разных конспиративных квартирах в Петрограде, а с 10 июля в Разливе, а не в Кронштадте. С ним с 7 июля находился и Г. Е. Зиновьев (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март–октябрь 1917 г. М., 1973. С. 288). Раскольников-Ильин 4 июля находился в Петрограде вместе с кронштадтскими матросами, участниками июльской вооруженной противоправительственной демонстрации, 7 июля вернулся в Кронштадт, а 13 июля добровольно сдался властям и был заключен в тюрьму «Кресты». П. Е. Дыбенко во главе делегации Центробалта прибыл 4 июля в Петроград, 5 июля был арестован и находился в тюрьме «Кресты» до 5 сентября 1917 г. Наглая, самоуверенная и беспардонная выдумка Оссендовского впервые была пущена им в ход в первой серии сочиненных им «документов». Она вошла и в состав «документов Сиссона». Опираясь на них, Оссендовский летом 1919 г. хотел представить себя одним из самых первых борцов с «немецкими агентами-большевиками». Про «кронштадтское пролетарское правительство» он писал и в других местах в 1919 г., о чем будет сказано ниже.

[11] Последние новости. Париж. 1921. 6 апр.

[12] Там же.

[13] Первым этот текст опубликовал Дж. Кеннан. См.: *Kennan G. F.* The Sisson Documents // The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. June. P. 148.

[14] Там же.

[15] Последние новости. Париж. 1921. 6 апр.

[16] *Kennan G. F.* Op. cit. P. 148.

[17] Ibid. P. 147.

[18] NA. RG-59. SD. Box 1. File V.

[19] Ibid. Как свидетельствует помета на этих копиях, они получены американцем Дж. Лондфильдом непосредственно от А. Даттана. Другая помета, имеющая дату 15 марта 1921 г., гласит: «Стоило бы сравнить образцы букв машинописи с аналогичными на наших документах. Такое сравнение, проведенное экспертом, могло бы обнаружить, что эти анонимные письма и некоторые из наших документов выполнены на одной и той же пишущей машинке». Автор этой пометы совершенно прав (к сожалению, он оставил на документе только свои инициалы). Проведенное нами сравнение показало, что эти два письма и часть из «документов» сиссоновской и госдепартаментской серий выполнены на одной и той же машинке. Но выражать сомнения в подлинности «документов Сиссона» не поощрялось. Рядом с этой пометой стоит резолюция: «Опустить».

[20] NA. RG-59. SD. Box 1. File V. 29-е почтовое отделение находилось на Большой Посадской улице, д. 16, на Петроградской стороне.

[21] Ibid. Вырезка была вложена в типографски отпечатанные на отдельных листах фотокопии писем.

[22] NA. RG-59. SD. Box 1. Sisson-Imbrie files.

ПЕРВЫЕ «ДОКУМЕНТЫ»

[1] *Kennan G. F.* The Sisson Documents // The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. June. P. 130.

[2] Ibid. P. 143–144. А. В. Островский, готовя недавно примечания и вводную статью к воспоминаниям шведского банкира Улофа Ашберга, провел обследование петроградской печати после июльских дней на предмет публикации там материалов о немецко-большевистских связях. Среди выявленных им материалов есть и часть интересующих нас. Это: *А. Мзура*. В трясине предательства // Вечернее время. 1917. 7 июл.; *Е. Семенов.* Кто такой Парвус? // Там же; *А. Мзура.* Охранные прорицатели // Там же. 1917. 11 июл. См.: Из глубины времен. № 2. 1993. СПб., 1993. С. 61. А. Мзура — псевдоним Оссендовского.

[3] *Kennan G. F.* Op. cit. P. 144. Как указывает Дж. Кеннан в примечании к этому месту своей статьи, копии писем Временного правительства Северного Кавказа с поручениями Е. Семенову провести переговоры по этому вопросу были найдены в фонде Дэвида Р. Фрэнсиса в Историческом обществе штата Миссури.

[4] Последние новости. Париж. 1921. 3 апр.

[5] The National Archive of the USA (NA). RG-59. Sisson's Documents (SD). Фамилию г-жи Никифоровой упоминает в своем письме от 30 декабря 1920 г. на имя чиновника Госдепартамента Картера американский лейтенант Борис Бразоль, видимо связанный в 1918 г. с военной разведкой. Никифорова назвала ему фамилию г-жи Тырковой-Вильямс (деятельницы кадетской партии, жены американского корреспондента в России Вильямса), которая, по словам Бразоля, вывезла из России много документов, впоследствии использованных Э. Сиссоном. (См. там же: Box 1. File V). О Бразоле см. также ниже примечание 7.

[6] Последние новости. Париж. 1921. 3 апр.

[7] NA. RG-59. SD. Box 1. File V. (Sisson Comments.) Статья лейтенанта Свечникова в английском переводе была прислана в Госдепартамент м-ру Картеру лейтенантом Борисом

Бразолем из Нью-Йорка 30 декабря 1920 г. Бразоль писал, что номер газеты «Приазовский край» с публикацией данной серии документов у него был, но он его отдал м-ру Фуллеру, а тот его не вернул. Поэтому он посылает по запросу Картера только статью Свечникова, в текст которой и включены документы. Бразоль назвал также в своем письме фамилии Пишона, французского министра обороны, способствовавшего, по слухам, публикации этих же документов в парижской газете «Petit Parisien», и Ашберга, шведского банкира, упоминающегося в «документах» данной серии. По мнению Бразоля, без получения показаний этих двух лиц нельзя ставить вопрос о начале в США судебной процедуры по установлению истинности «документов Сиссона». Письмо Б. Бразоля см. в том же файле. Относительно У. Ашберга рекомендую читателю ознакомиться с его воспоминаниями и богатыми по материалам предисловием и примечаниями к ним проф. А. В. Островского. См.: *Улоф Ашберг*. Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира». // Из глубины времен. № 2. СПб., 1993. С. 3–94.

[8] NA. RG-59. SD. Box 1. File V.

[9] *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931. P. 291–292.

[10] Ibid. P. 292.

[11] The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 26.

[12] *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 144.

ТЕАТР ТЕНЕЙ. АКТ ПЕРВЫЙ

[1] *Kennan G. F.* The Sisson Documents // The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. June. P. 153.

[2] *Jameson J. F., Harper S. N.* Report of the Special Committee on the Genuineness of the Documents // The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by the Committee on Public Information. 1918. P. 30.

[3] Ibid. P. 26.

[4] Ibid.

[5] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 1. File V. Who are the Bolsheviki? P. 5.

[6] Ibid. P. 5, 8.

[7] Об организации и деятельности «Ниа-Банкен» см.: *Островский А. В.* Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира» // Из глубины времен. № 2. 1993. С. 4–8.

[8] Там же. С. 59.

[9] Zenzinov, Vladimir Mikhailovich (1880–1953) // The Blackwell Encyclopedia of the Russian Revolution. Ed. by Harold Shukman. Oxford, 1988. P. 397.

[10] The German-Bolshevic Conspiracy... P. 27.

[11] В докладе Сиссона ошибочно: Меркалин (Ibid. P. 5).

[12] Подробные сведения о Евгении Маврикиевне Суменсон см.: *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 г.: Новые подходы и взгляды: Сб. научных статей. Вып. 1. СПб., 1993. С. 60–64; *Островский А. В.* Указ. соч. С. 61. 21 сент. 1917 г. Суменсон была освобождена под залог. Как доказал С. Ляндрес, Суменсон переводила деньги не из Стокгольма в Петроград, а из Петрограда в Стокгольм по результатам продаж товаров, поставляемых экспортно-импортной фирмой Парвуса — Ганецкого.

[13] *Ильина Л., Кондратьев Н.* Сиверс Рудольф Фердинандович (1892–1918) // Герои

Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Т. 2. Л., 1967. С. 375–377.

[14] В публикации Сиссона: Шауман.

[15] В документах из статьи лейтенанта Свечникова: Мир. Здесь, сам не зная об этом, А. М. Оссендовский попал пальцем в больное место. Собирая слухи, информацию и сведения о подозрительных людях в Стокгольме и Копенгагене, он услышал и фамилию Мора (Моора). Кто такой Мор, из этой телеграммы понять было нельзя, разве что знакомый Парвуса, поскольку именно Парвус отправлял-де телеграмму Мору. Исследования С. Ляндреса показали, что Карл Моор, швейцарский социалист, действительно являлся германским агентом и летом 1917 г. в Швейцарии предлагал интернационалистам, собиравшимся в Россию, финансовую помощь от «друзей русской революции». В итоге он предоставил большевикам сумму, равную тогда примерно 35 тыс. американских долларов. По убедительному мнению С. Ляндреса, это были единственные деньги, предоставленные немцами через посредника большевикам до Октябрьской революции. См.: *Ляндрес С.* Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143.

[16] В документах из статьи лейтенанта Свечникова текст телеграммы предваряется такой справкой (обратный перевод с английского): «Ольберг — корреспондент “Форвертс” и “Новой жизни”, русской газеты, принадлежавшей Максиму Горькому, который нанял Ольберга через Авилова».

[17] Обвинения против Горького в получении немецких денег от Шейдемана через Ольберга содержались в сиссоновской версии «С», которая была «мимеографированной», то есть экземпляром размноженного на мимеографе комплекта, затем в статье лейтенанта Свечникова (была ли она напечатана, мы не знаем, в каком числе копий ходила — не знаем тоже), наконец, вероятно, эта телеграмма содержалась и в публикациях газет «Приазовский край» и «Фонарь».

СМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

[1] Мы рекомендуем читателю по этому вопросу обстоятельное исследование *М. П. Ирошникова*: Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.-Л., 1966.

[2] Подробнее о созыве и роспуске Учредительного собрания см.: *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976.

[3] Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 88.

[4] Там же. С. 107–108. О деле полковника Калпашникова много писал и Эдгар Сиссон в своих воспоминаниях, а также приложил к ним ряд касающихся этого инцидента документов (См.: *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931). Калпашников просидел в тюрьме до апреля 1918 г.

[5] Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 189.

[6] Там же. С. 258–259.

[7] Там же. С. 259.

[8] Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 114.

[9] *Sisson E.* Op. cit. P. 213–215.

[10] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 134.

[11] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 309.
[12] Там же.
[13] Там же. С. 310–312.
[14] Там же. С. 347–348.
[15] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 181.
[16] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 462.
[17] Там же. С. 487–488.

НА СЦЕНЕ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ

[1] The National Archive of the USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 3. File V.
[2] Там же.
[3] *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931. P. 291–293.
[4] The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 20.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5: Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1974. С. 157.
[8] О том, что накануне, 29 декабря 1917 г., В. И. Ленин принимал Э. Сиссона вместе с Р. Робинсом и они передали ему текст речи президента Вильсона, в биохронике не говорится.
[9] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 161.
[10] Там же. С. 163.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 168.
[13] *Sisson E.* Op. cit. P. 294–295.
[14] Ibid. P. 295.
[15] Последние новости. Париж. 1921. 3 апр.
[16] Там же.
[17] Последние новости. Париж. 1921. 6 апр.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] NA. RG-59. SD. Box 1. File Sisson – Imbrie files.
[22] Последние новости. Париж. 1921 г. 6 апреля.
[23] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 282.
[24] *Sisson E*. Op. cit. P. 364–366.
[25] Ibid. P. 366.
[26] NA. RG-59. SD. Box 3. File V.
[27] Ibid
[28] Ibid.

«ДОКУМЕНТЫ СИССОНА»

[1] *Nuorteva S.* An Open Letter to American Liberals. With a Note on Recent Documents. New York: The Socialist Publication Society. 1918. P. 25–32; *Reed J.* The Sisson Documents. New York: The Liberator Publishing C°. 1919.

[2] Die Entlärvung der Deutsch-Bolschewistischen Verschwörung mit einem Vorwort des Früheren Ministerpräsidenten Philipp Scheidemann. Herausgegeben von D-r Ernst Bischoff. Berlin, 1919.

[3] *Kennan G. F.* The Sisson Documents. The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. June, 1956. P. 130–154.

[4] *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931. P. 356. В отношении Р. Робинса Э. Сиссон явно не прав. В биографической хронике В. И. Ленина указано, что в 15 ч 10 мин 28 февраля Ленин в ответ на телеграмму Р. Робинса из Вологды с запросом о положении дел с заключением мира сообщает телеграммой, что мир не подписан, обстановка остается без изменений, а об остальном сообщит П. М. Петров из Наркоминдела. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 284–285.)

[5] *Sisson E.* Op. cit. P. 356.

[6] Ibid. P. 357–358.

[7] Ibid. P. 358.

[8] Ibid.

[9] Ibid. P. 362–363. Вернемся еще раз к проблеме ящиков. На с. 362 своей книги Э. Сиссон пишет также, что утром 3 марта 1918 г. он пошел в Смольный, «чтобы сказать “гудбай” сцене и действующим лицам», а также поискать глазами знаки прошедшей операции. «Думаю, что я их обнаружил. Несколько больших сосновых ящиков с папками дел со взломанными боками лежали на снегу во дворе. Рабочие начинали заколачивать их снова. Маленький инцидент, говорили, группа гвардейцев складывала их чересчур небрежно». Сиссон был уверен, что это были «те» ящики, тем более что вечером того же дня он и получил примерно половину тех писем, которые он отмечал ранее в представленных ему Семеновым списках. След ящиков (но целых!) обнаруживается и в монографии М. П. Ирошникова «Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г.» (М.-Л., 1966. С. 91–93). Автор указывает, что ответственными за переезд аппарата Совнаркома были М. Е. Алексеев и Ю. П. Сергеева. Последняя 3 марта направила Н. П. Горбунову следующее письмо: «Посылаем Вам списки; если Вас это удовлетворит, то я с т. Алексеевым приступлю к изготовлению ящиков». Всего было изготовлено (после этой даты!) 70 ящиков клади весом около 50 пудов. Возможно, Сиссон и видел какие-то не заколоченные ящики и даже сам первый сказал об этом Семенову, который и воспользовался этой версией для объяснения появления оригиналов.

[10] *Sisson E.* Op. cit. P. 363. Возможно, это свидание «в районе Таврического сада» происходило на квартире у Е. П. Семенова, который, по данным справочника «Весь Петроград» на 1917 год, жил по адресу: Манежный переулок, 16, в одном квартале от Таврического сада.

[11] *Sisson E.* Op. cit. P. 373.

[12] The National Archive of the USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 3. File III. P. 53.

[13] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967. С. 424.

[14] NA. RG-59. SD. Box 1. Fi1e IX (Ackerman).

[15] *Kennan G. F.* Op. cit. P. 139.

[16] Ibid. P. 142–143.

[17] Ibid. P. 143.

ТЕАТР ТЕНЕЙ. АКТ ВТОРОЙ

[1] The German-Bolshevic Conspiracy. Issied by Committee on Public Information. 1918. P. 17.

[2] Раковский, Христиан Георгиевич (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. Стб. 185.

[3] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 209.

[4] Там же. С. 344.

[5] *Поликарпов В. Д.* Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 227, 238, 240, 267–269, 277, 278, 281, 352, 363.

[6] См.: *Ирошников М. П.* Создание Советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.-Л., 1966. С. 166.

[7] The German-Bolshevic Conspiracy… P. 5.

[8] Ibid.

[9] Ibid.

[10] Ibid. P. 6.

[11] Ibid.

[12] Ibid.

[13] Ibid. P. 7.

[14] Ibid. P. 7–8.

[15] Ibid. P. 8.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

[18] Ibid.

[19] Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. М., 1967. С. 678.

[20] The German-Bolshevic Conspirasy... P. 8.

[21] Ibid.

[22] *Смирнов Н. Н.* Третий Всероссийский съезд Советов. Л., 1988. С. 60.

[23] Там же. С. 114.

[24] The German-Bolshevic Conspirasy... P. 18–19.

[25] Ibid.

[26] Ibid. P. 24.

[27] Michalowski. W. S. Tajemnica Ossendowskiego. Montreal–Toronto, 1983. P. 3.

[28] Ibid. P. 15–18.

НА СЦЕНЕ ГЕОРГИЙ АКЕРМАН

[1] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 1. File V. Это подлинник с подписью Р. Тредвелла. В архиве имеется также копия этого меморандума. Подлинник был получен в Отделе военной разведки Военного министерства США, судя по входящему штампу, 10 февраля 1919 г. он сопровождал четыре документа, посланных по ошибке американским военным атташе в свое ведомство в Вашингтон.

[2] The German-Bolshevic Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 15.

[3] Ibid. P. 14.

[4] NA. RG-59. SD. Box 1. File V.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] NA. RG-59. SD. Box 3. File IV (Original Imbrie – Tredwell letters and telegrams). В том же файле сохранилась копия заявления Акермана 1914 г. с просьбой о выдаче паспорта ему и его жене Марте-Юлии, а также словесный портрет, выполненный вторым секретарем американского посольства в Вене Томасом Хинкли 16 июня 1914 г.: «Возраст 23 года, рост 5 футов, 6 дюймов, лоб широкий, глаза карие, нос правильный, рот средний, усы, волосы темно-коричневые, цвет лица смуглый, лицо овальное».

[8] NA. RG-59. SD. Box 3. File IV.

[9] Ibid.

[10] NA. RG-59. SD. Box 2. File on Sisson – Imbrie Documents.

[11] Ibid.

[12] NA. RG-59. SD. Box 3. File IV.

[13] Ibid.

[14] Ibid. В тексте меморандума день апреля не указан. Он вставлен нами по тексту меморандума от 4 июня 1919 г.

[15] NA. RG-59. SD. Box 3. File on Documents now open to research.

[16] Ibid.

[17] NA. RG-59. SD. Box 2; Box 3. File on Nikiforoff Documents; Box 1. File V.

ТЕАТР ТЕНЕЙ. АКТ ТРЕТИЙ

[1] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 3. File on Miscellanious Documents II.

[2] The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 14.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] *Kennan G. F.* The Sisson Documents // The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. June. P. 143–153.

[6] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 246.

[7] Там же. С. 247.

[8] NA. RG-59. SD. Box 3. File on Miscellanious Documents II. A-0.

[9] Ibid.

[10] 1917. Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Т. 2. Л., 1967. С. 614–615.

[11] Там же. С. 361–362.

[12] *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л., 1965. С. 82–92.

[13] Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 356–357.

[14] NA. RG-59. SD. Box 3. File on Miscellanious Documents II. A-21.

[15] Ibid.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

[18] 1917. Герои Октября... Т. 1. Л., 1967. С. 245–247.

[19] NA. RG-59. SD. Box 3. File on Miscellanious Documents II. A-21.

[20] NA. RG-59. SD. Box 1. File IX (Akerman). A-11.
[21] Политические деятели России... С. 324.
[22] NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. A-12.
[23] *Поликарпов В. Д.* Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 414.
[24] NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. A-2.
[25] Ibid. A-1.
[26] NA. RG-59. Box 3. File on Miscellanious Documents II. A-22.
[27] Ibid.
[28] Ibid.
[29] NA. RG-59. Box 1. Fi1e IX. A-27.
[30] Ibid. A-36.
[31] Ibid. A-38.
[32] Ibid. A-33.
[33] Ibid. A-34.
[34] Ibid. A-32.
[35] Ibid. A-3.
[36] Ibid. A-4.
[37] Ibid. A-7.
[38] Ibid. A-8.
[39] Ibid. A-9.
[40] Ibid. A-10.
[41] Ibid. A-6.
[42] Политические деятели России... С. 108.

В АНТРАКТЕ: ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

[1] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 1. Fi1e List of Docs and those not received.
[2] Ibid.
[3] Об этих банках и банкирах см. примечания к публикации: *Улоф Ашберг.* Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира» // Из глубины времен. 1993. № 2.
[4] NA. RG-59. SD. Box 1. File List of Docs.
[5] NA. RG-59. SD. Box 3. File Docs now open to research.
[6] NA. RG-59. SD. Box 1. File Polish Docs.
[7] Ibid.
[8] Ibid.
[9] Ibid.
[10] Ibid.
[11] Ibid.
[12] NA. RG-59. SD. Box 1. File Sisson – Imbrie Originals and Copies.
[13] Ibid.
[14] NA. RG-59. SD. Box 2. File Location of Docs.
[15] Ibid.
[16] NA. RG-59. SD. Box 3. File Miscellaneous Docs II.
[17] NA. RG-59. SD. Box 1. File V.
[18] Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Т. 1. Л., 1967. С. 168–170.

ОССЕНДОВСКИЙ В СИБИРИ

[1] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box I. File V.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Вестник финансов, промышленности и торговли. (Далее — Вестник). Омск, 1919. № 1. С. 1.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 5.
[7] Вестник. 1919. № 2. С. 1.
[8] Там же. С. 3.
[9] Вестник. 1919. № 3. С. 1.
[10] Там же. С. 2.
[11] Там же. С. 8.
[12] Там же.
[13] The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 9–10.
[14] Ibid.
[15] Ibid.
[16] Ibid. P. 10.
[17] Вестник. 1919. № 6. С. 1.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 5.
[20] Вестник. 1919. № 10–11. С. 4.
[21] Там же. С. 6.
[22] Там же. С. 7.
[23] NA. RG-59. SD. Box 1. File V.
[24] Ibid.
[25] Вестник. 1919. № 14. С. 1.
[26] Там же. С. 2.

ПОД НОВЫМ ИМЕНЕМ

[1] The National Archive of The USA (NA). RG-59. Sisson Documents (SD). Box 3. File V.
[2] *Ossendowski F.* Beasts, Men and Gods. New York: E. P. Dutton & Company, 1922. P. 1.
[3] Ibid.
[4] Ibid. P. 4.
[5] Ibid.
[6] Ibid. P. 5.
[7] *Ossendowski F.* From President to Prison. New York: E. P. Dutton & Company, 1925. P. V.
[8] Ibid. P. 24.
[9] Ibid. P. 205.

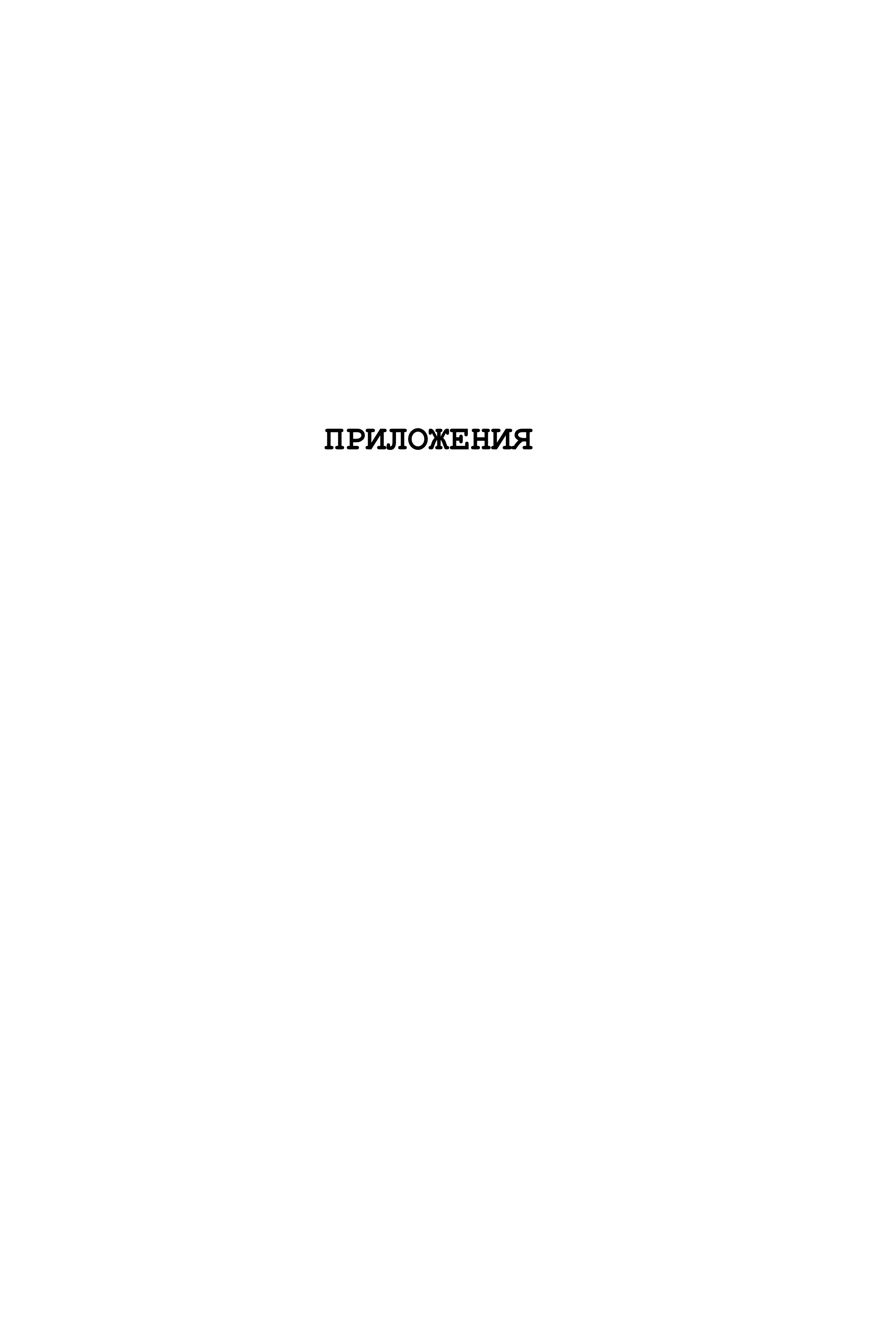
«ЛЕНИН — БОГ БЕЗБОЖНЫХ»

[1] *Ossendowski F. A.* Lenin. God of the godless. New York: Dutton & C°, 1931. P. 157.
[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1972. С. 270.
[3] *Ossendowski F. A.* Lenin. God of the godless… P. 170
[4] Ibid.

[5] Ibid. P. 176.
[6] Ibid. P. 177.
[7] Ibid.
[8] Ibid.
[9] Ibid. P. 180.
[10] Ibid. P. 182–183.
[11] Ibid. P. 184.
[12] Ibid. P. 189.
[13] Ibid. P. 189–190.
[14] The German-Bolshevik Conspiracy. Issued by The Committee on Public Information. 1918. P. 12.
[15] *Ossendowski F. A.* Lenin. God of the godless… P. 192–193.
[16] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967. С. 354–358.
[17] *Ossendowski F. A.* Lenin. God of the godless… P. 209–211.
[18] Ibid. P. 212.
[19] Ibid. P. 235.
[20] Ibid. P. 267.
[21] Ibid. P. 268.
[22] Ibid. P. 271–273.
[23] Ibid. P. 280.
[24] Ibid.
[25] Ibid. P. 281.
[26] Ibid. P. 276–277.

ОССЕНДОВСКИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

[1] *Michalowski W. S.* Tajemnica Ossendowskiego. Montreal–Toronto, 1983. P. 34–35.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 37–38.
[4] Ibid. P. 80.
[5] *Ossendowski F.* Im Land der Baren: Baden, Herbert Stuffer Verlag, 1946.
[6] *Michalowski W. S.* Op. cit. P. 132–136.
[7] Ibid. P. 118.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Документы Никифоровой

СПОСОБСТВУЙТЕ НАИБОЛЬШЕМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ

Документы о работе немцев, перехваченные в разное время и в разных местах и находившиеся в Российской контрразведке

Документ № 1

Циркуляр № 17. 2 января 1914 г.

Генеральный штаб всем Окружным интендантам.

Предписывается в трехдневный срок сообщить по телеграфу род, количество и месторасположение неприкосновенного запаса сырья.

Примечание: В этом, как и в следующих документах, речь идет о Германском Генеральном штабе, Германском министерстве, Германском Имперском банке.

Документ № 2

Циркуляр 18 января 1914 г.

Министерство всем группам германских банков и по соглашению с Австро-Венгерским правительством «Остеррейхише-Кредитенанштальт».

Настоящим доводится до сведения дирекции всех немецких банков, ведущих дела за границей, а также по соглашению с

Австро-Венгерским правительством, банку «Остеррейхише-Кредитенанштальт», что Имперское правительство признало крайне необходимым просить дирекции всех означенных кредитных учреждений в срочном порядке учредить свои агентства в: Люлео, Хапаранде и Варде (1) на границе с Финляндией, в Бергене и в Амстердаме. Учреждение таких агентств необходимо для более действительного наблюдения за материальными интересами акционеров русских, французских и английских предприятий, что может потребоваться при некоторых обстоятельствах, изменяющих конъюнктуру промышленного и финансового рынка.

Кроме того, усиленно рекомендуется дирекциям кредитных учреждений озаботиться установлением теснейших и совершенно секретных сношений с финляндскими и американскими банками. В этом направлении министерство позволяет себе рекомендовать шведский «Ниа-Банкен» в Стокгольме, банкирскую контору «Фюрстенберг» и торговый дом «Вальдемар Ганзен» (2) в Копенгагене, как предприятия, поддерживающие оживленные сношения с Россией.

Подпись: № 3737. По отделу иностранных операций.

Примечания:

1. Приграничные города в Швеции.

2. Все эти конторы, как видно из дальнейшего, были денежно связаны с большевиками.

Документ № 3

Циркуляр 8 марта 1914 г.

Генеральный штаб всем фабричным и горным инспекторам.

Ссылаясь на содержание циркуляра от 15 сентября 1887 г., Генеральный штаб, по соглашению с ведомством промышленности и торговли, предлагает, минуя административные инстанции, произвести срочный осмотр всех двигателей германского происхождения и частей к ним, понудить, если это представится возможным, привести все механизмы в порядок, специфицировать их и сообщить все сведения в В. О. К.

Подписал: Полковник фон Мирбах.

Примечание: Из этих трех первых документов ясно, что Германия не была втянута в войну в июле 1914 г., но, наоборот, сама лихорадочно готовила ее еще за полгода до ее начала.

Документ № 4

Циркуляр 9 июня 1914 г.

Генеральный штаб военным агентам в государствах, смежных с Россией, Францией, Италией, и в Норвегии.

Во всех отделениях германских банков в Швеции, Норвегии, Швейцарии и в С. А. С. Штатах открыты специальные военные кредиты на вспомогательные нужды войны. Генеральный штаб уполномочивает вас пользоваться в неограниченном размере этим кредитом для уничтожения неприятельских фабрик, заводов и важнейших военных и гражданских сооружений. Наряду с возбуждением забастовок, необходимо озаботиться порчей двигателей, механизмов, истреблением судов, зажиганием запасов сырья и готовых изделий, лишением больших городов электрической энергии, запасов топлива и провианта. Особые агенты, командированные в ваше распоряжение, доставят вам взрывные и зажигательные приспособления и список тех лиц в находящейся под вашим наблюдением стране, которые примут на себя обязанности агентов-истребителей.

Подписал: Генеральный советник армии д-р Фишер.

Документ № 5

Циркуляр 9 июня 1914 г.

Генеральный штаб всем интендантам.

Через 24 часа по получении сего по телеграфу известить всех владельцев промышленных предприятий вскрыть пакеты с мобилизационно-промышленными планами и графиками, указанными в циркуляре Комиссии гр. Вальдерзе и гр. Каприви от 27 июня 1887 г.

Подпись: № 21 по мобилизации.

Примечание: Из документов №№ 4 и 5 ясно, что война была окончательно решена Германией за два месяца до ее фактического начала и за три недели до покушения на австрийского наследника.

Документ № 6

Циркуляр 2 ноября 1914 г.

Имперского банка в адрес представителей «Ниа-Банкен» в Стокгольме и агентов «Дисконто-Гезельшафт» и «Дейч-Банк».

В настоящее время закончены переговоры между полномочными агентами Имперского банка и русскими революционерами гг. Зиновьевым и Луначарским. Оба названных лица обратились к некоторым финансовым деятелям, которые, в свою очередь, обратились к нашим представителям. Мы согласны поддержать проектируемую ими агитацию и пропаганду в России, при одном непременном условии, чтобы агитация и пропаганда, намеченная вышеупомянутыми гг. Зиновьевым и Луначарским, коснулась армий, действующих на фронте.

Если агенты Имперского банка обратятся к вашим банкам, просим открыть им необходимый кредит, покрытие коего будет совершено по первому вашему требованию в Берлине.

Примечание: Лица, через которых Зиновьев и Луначарский попали в кассу Имперского банка Германии, были банкиры: Д. Рубинштейн, Макс Варбург и Парвус, причем Зиновьев обратился к Рубинштейну, а Луначарский через Альтфатера к Варбургу, у которого нашел поддержку Парвуса. Между прочим, с этим же Варбургом вел в Стокгольме, за спиной народа, секретные переговоры о сепаратном мире с Германией и свергнутый в феврале 1917 г. бывший распутинский министр Протопопов. Личность Парвуса хорошо известна всякому — это крупный международный аферист, скрывающийся под маской социалиста и устраивающий самые темные дела германских хищников.

Продав свои услуги Германскому Имперскому банку, гг. Луначарский и Зиновьев-Апфельбаум совместно с другими большевиками тотчас же по приезде в Россию в «запломбированном» вагоне после революции стали исполнять свой контракт с Германским банком. С этой целью они начали проповедовать братанье с немцами, чем в корне разрушили мощь нашей армии, причем особое усердие в этом отношении проявлял г. Зиновьев-Апфельбаум, ныне состоящий председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Г. Луначарский, как известно, состоит народным комиссаром народного просвещения: был момент после разгрома святынь, учиненного большевиками, когда г. Анатолий Луначарский заявил письмом в Совет Народных Комиссаров, что он больше выносить варварства, учиняемого большевиками, не может, но затем, под влиянием прямой угрозы, что если он не сумеет преодолеть свою чувствительность, то будут опубликованы документы, изобличающие его связь с немцами, а также под влиянием обещаний дальнейшего денежного вспомоществования, г. Луначарский счел возможным взять свой отказ от должности назад и продолжать разрушение русского просвещения.

Документ № 7

Циркуляр 28 ноября 1914 г.

Морской генеральный штаб морским агентам.

Предписываем вам немедленно мобилизовать всех агентов-истребителей и наблюдателей в тех торговых портах и военных гаванях, где грузятся суда для доставки боевых припасов в Канаде и Америке для России, Франции и Англии, где имеются склады такого снаряжения, а также где стоят боевые единицы. Необходимо навербовать через третьих лиц, никакого отношения к официальным представителям Германии не имеющих, агентов для устройства взрывов на судах, идущих во вражеские страны, для производства опозданий, замешательств и путаниц при погрузках, отправлении и разгрузке судов. Для этой цели мы особенно рекомендуем вашему вниманию погрузочные артели, среди которых много анархистов и беглых преступников, немецкие и нейтральные конторы, а также и агентов враждебных стран по приемке и отправке боевых грузов. В ваше распоряжение будут отпущены нужные суммы по вашему требованию на наем и подкуп нужных для намеченной цели лиц.

Подписал:
№ 93. По разведочному отделу Морского штаба Кениг.

Примечание: Означенный документ имелся среди документов, взятых во время следствия о пожаре складов фирмы Иверсен и в делах консула Геринга и вице-консула Герольда.

Теперь становится понятным, отчего произошли, например, два грандиозных взрыва в Архангельске, повлекших массу человеческих жертв и неисчислимые потери от погибших пароходов, портовых сооружений и боевых припасов.

Документ № 8

Циркуляр 15 января 1915 г.

Генеральный штаб военным агентам в С. А. С. Штатах.

Препровождается вам циркуляр от 2 ноября 1914 г. для сведения и исполнения на территории С. А. С. Штатов. При этом обращается ваше внимание на возможность навербовать агентов-истребителей из членов анархических организаций.

Подписал: Генеральный советник армии д-р Фишер.

Примечание: Циркуляр этот цитируется в перехваченном в Стокгольме письме д-ра Классена к совету пангерманской лиги в Стокгольме.

Документ № 9

Циркуляр 23 февраля 1915 г.
Отдела печати при Министерстве иностранных дел.

Всем послам, посланникам и консульским чинам в нейтральных странах.

Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации дела пропаганды в государствах воюющей с Германией коалиции. Пропаганда коснется возбуждения социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации, разоружения и прекращения кровавой бойни. Предлагается вам оказывать содействие и всемерное покровительство руководителям означенных контор. Лица эти представят вам надлежащие удостоверения.

Подписал: Бартельм.

Примечание: По достоверным сведениям, подобными лицами были: князь Гогенлоэ, Бьернсон, Эпелинг, Карберг, Сукенников, Парвус, Фюрстенберг-Ганецкий, Рипке и, вероятно, Колышко.

Германцы очень заботливо, посредством налаженного их банками аппарата контор и агентов, начали вести в России и союзных с ней странах агитацию в пользу прекращения «кровавой бойни», виновниками которой они сами являются. На своей же территории германские правящие круги сурово подавляли всякие попытки какой бы то ни было агитации против войны. При этом весьма характерно, что большевики повели у нас агитацию в тех самых выражениях, которые им подсунуло германское министерство, так как в своих речах и газетах они всегда вместо слова «война» употребляли выражение «кровавая бойня».

Документ № 10

Циркуляр 23 сентября 1916 г.

Генеральный штаб военным наблюдателям на русско-шведской границе.

Предлагается вам немедленно навербовать из финнов, пожелавших поступить в ряды германской армии, агентов-истребителей и направить их в Петроград и на все железнодорожные узловые пункты для выполнения программы, врученной им военным агентом.

Подписал: Генеральный советник армии д-р Фишер.

Примечание: Теперь ясна причина взрыва на одной из товарных станций Петрограда целого поезда с артиллерийскими снарядами для армии.

Документ № 11

Циркулярное письмо 14 октября 1916 г. председателя Рейнско-Вестфальского промышленного синдиката Кирдорфа центральной конторе «Ниа-Банкен» в Стокгольме, представителю «Дисконто-Гезельшафт» в Стокгольме Свенсену-Бальцеру и представителю «Дейче-Банк» в Швейцарии г. Кирх.

Рейнско-Вестфальский угольно-промышленный синдикат поручает вам располагать известным вам счетом синдиката на предмет поддержки русских эмигрантов, желающих вести агитацию среди русских военнопленных и русской армии.

Подписал: Кирдорф.

Примечания:

1. Письмо это фигурировало дважды: в перехваченной переписке кн. Бюлова в Лугано, а затем в делах швейцарских офицеров, обслуживавших Германский Генеральный штаб.

2. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат — одна из крупнейших организаций могущественной германской буржуазии. Вот на чьи деньги велась агитация среди русских рабочих, солдат и крестьян. Из дальнейших документов будет видно, как велась работа.

Документ № 12

Приказ 2 марта 1917 г. Имперского банка представителям германских банков в Швеции.

Настоящим доводим до сведения, что из России через Финляндию будут поступать требования на отпуск денег на цели пропаганды мира в России. Эти требования будут поступать от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Перкальна, счет коих нашим ордером за № 2754 открыт в агентствах немецких частных кредитных учреждений в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны быть скреплены одной из двух подписей: Диркау или Молькенбург. При наличии этих удостоверительных подписей требования этих вышепоименованных деятелей из России считать правильными и подлежащими немедленному исполнению.

№ 7433. Имперский банк.

Примечание: Из упомянутых в этом документе лиц об одних было сказано выше, остальные после октябрьской революции занимают весьма важные посты. Так, г-жа Коллонтай состоит народным комиссаром общественного призрения, Перкальн — комиссар почты, г. Козловский — председатель следственной комиссии революционного трибунала, т. е. высшего суда. Г. Каменев-Розенфельд — видный член той делегации, которая вела с германцами переговоры о мире. Ленин и Троцкий — современные диктаторы, Суменсон — крупная международная аферистка, арестованная после июльского бунта большевиков, т. к. через нее переводились немецкие деньги из Швеции для организации этого бунта. Сиверс — бывший жандарм — ныне командует одним из отрядов большевиков в Донской области.

Что прибавить к этим бесспорным фактам, основанным на документах? Из них видно, что вся история большевизма в России есть беспрерывная цепь гнусного предательства, мошенничества и провокации и что все стоящие ныне у власти большевики, не исключая и Ленина, пользовались в своей работе денежной субсидией от германского правительства через посредство германских банков. Эти господа являются ныне вершителями судеб России, притворяясь, что ведут борьбу со всяким империализмом и всеми капиталистами. К счастью, хотя и поздновато, но дурман, напущенный этими пропагандистами мира за германские деньги, начинает рассеиваться, даже среди увлеченных ими, жаждавших мира русских солдат, рабочих и крестьян.

Документ № 13

Женева, 15 июня 1917 г.
Господину Фюрстенбергу в Стокгольме.

М. Г. Довожу до сведения и надлежащей регистрации, что по требованию господина Каца на предмет издания максималистских социалистических брошюр выдано со счета синдиката 82 000 франков. Получение партии брошюр, номер накладной и время получения сообщите телеграммой на имя Деккера.

С уважением Криг-Дейч-Банк.

Примечание: Фюрстенберг, он же Ганецкий, циммервальдист, друг Ленина и большевиков, в то же время владелец банкирской конторы в Стокгольме и доверенный агент германских банков. Два письма Ленина к этому субъекту оглашены в № 1 газ. «Народ». С этих писем снята фотография. Г. Кац, иначе Камков (он же Грессер), видный представитель левых эсеров. Т. к. он питался вместе с большевиками деньгами из одного источника, то естественно, что оплачиваемые немцами левые с.-р. идут вместе с оплачиваемыми же немцами большевиками и образуют вместе русско-немецкий социалистический блок, поддерживающий власть Совета Народных Комиссаров.

Документ № 14

Копенгаген, 18 июня 1917 г.
Господину Руфферу в Гельсингфорсе.

М. Г. Настоящим уведомляю Вас, что со счета «Дисконто-Гезельшафт» списано на счет г. Ленина в Кронштадте 315 000 марок по ордеру синдиката. О получении благоволите сообщить: Ниланд, 98, Копенгаген, Торговый дом «В. Гансен и К°».

С уважением, Свенсон.

Примечание: Вот как на немецкие денежки готовилось июльское выступление большевиков в Петрограде.

Документ № 15

Стокгольм, 12 сентября 1917 г.
Господину Фарзену, в Кронштадте (через Гельсингфорс).

Поручение исполнено, паспорта и указанная сумма 207 000 марок по ордеру Вашего Господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены. Выбор одобрен Его Превосходительством Господином Посланником. Прибытие названных лиц и получение их контррасписок подтвердите.

С уважением, Свенсон.

Примечание: В свое время немалое негодование возбудил проезд г. Ленина-Ульянова через Германию. Г. Ленин никак не мог объяснить того, каким образом германское правительство, которое он в числе прочих собирался сбросить и растоптать как буржуазное и капиталистическое, разрешило ему проезд. Приведенные документы объясняют, что германскому правительству не угрожало никаких неприятностей, раз Ленин находился на его содержании и вся его пропаганда велась на деньги германских банкиров и фабрикантов. Наличием у г-на Ленина крупных денежных средств германского происхождения объясняется и тот непонятный факт обилия, в котором распространялась большевистская печать на фронте и в тылу, в то время как другие партии с трудом изыскивали средства путем добровольных сборов пожертвований, лекций, митингов, концертов и т. п. Г-н Ленин посмеивался над скудной оборончеcкой литературой, черпая обеими руками деньги германских банкиров, помещиков и заводчиков.

Кроме того, приведенный документ устанавливает факт тесного сотрудничества Ленина с германским посланником в Швеции в деле подготовки октябрьского большевистского переворота, на который немцы давали такие огромные суммы.

Документ № 16

Стокгольм, 21 сентября 1917 г.
Господину Рафаилу Шолану в Хапаранде.

Уважаемый товарищ. Контора банкирского дома М. Варбург открыла по телеграмме председателя Рейнско-Вестфальского синдиката счет для предприятия товарища Троцкого. Адвокат (1) приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Варде. Вышлите приемщиков конторе «Эссен и Сын» в Люлео и доверенное лицо для вручения требуемой товар. Троцким суммы.

С товарищеским приветом, Я. Фюрстенберг.

Примечание: Из документа явствует, что и деньги, и оружие для большевистского октябрьского переворота г. Троцкий-Бронштейн, как и Ленин, черпал через посредство немецких агентов в Швеции от крупнейшей германской буржуазии.

1. Вероятно, г. Костров.

Документ № 17

Берлин, 14 июля 1917 г.
Господину Мору в Стокгольме.

В ваш адрес через господина И. Рухвергена переводим 180 000 марок; из этой суммы инж. Штейнберг передаст 140 000 марок г. Ленину во время своей поездки в Финляндию, остальная же сумма поступает в Ваше распоряжение на агитацию против Англии и Франции. Сообщаем, что присланные письма Маляника и Стеклова нами получены и будут обсуждены.

С уважением, Парвус.

Примечание: Предложение г. Стекловым-Нахамкесом своих услуг немцам через посредство международного социал-афериста и провокатора Парвуса не должно никого удивлять, т. к. репутация г. Нахамкеса, «припадавшего к стопам» Николая II для изменения своей фамилии, достаточно хорошо известна.

Документ № 18

Берлин, 25 августа 1917 г.
Господину Ольбергу.

Ваше желание вполне совпадает с намерениями партии. По соглашению с известными вам лицами в ваше распоряжение через «Ниа-Банкен» на контору «Фюрстенберг» переводится 150 000 крон. Просим осведомить «Форвертс» о всем, что пишет в духе времени газета.

С товарищеским приветом, Шейдеман.

Документ № 19

Люлео, 2 октября 1917 г.
Господину Антонову в Хапаранде.

Поручение товарища Троцкого исполнено. Со счетов синдиката и министерства 400 000 крон сняты и переданы товарищу Соне (1), которая одновременно с настоящим письмом посетит вас и вручит вам упомянутую сумму.

С товарищеским приветом, Я. Фюрстенберг.

Примечание: В чем именно состояло предприятие г-на Троцкого-Бронштейна, ныне народного комиссара по иностранным делам, выяснить очень не трудно, если обратить внимание на то, что эти 400 000 крон, т. е. на наши деньги около миллиона рублей, пересылались через жену Нахамкеса г. Троцкому за три недели до большевистского переворота, после которого г. Троцкий и сделался народным комиссаром по иностранным делам и тотчас, возобновив братание на фронте, приступил к переговорам о сепаратном мире с Германией; следовательно, этот крупный куш г. Троцкий получил от Германии вперед в виде задатка за обязательство заключить Брестский мир.

1. Жена Стеклова-Нахамкеса.

Источник: The National Archive of The USA. RG-59. Sisson Documents. Box 3. Fi1e Nikiforoff Documents.

Приложение № 2

Из статьи лейтенанта Свечникова. «Кто такие большевики?»[1]

Лидеры большевиков много раз обвинялись в том, что они получают деньги от Германского правительства и что Берлин руководит большевиками. Совершенно ясно, что большевики служат интересам Германии. Они вывели Россию с поля боя, они совершенно разрушили армию и ограбили Россию, которую Германия планирует постепенно включить в Германскую империю. С другой стороны, Германия относится к революции презрительно, потому что она оставила ее абсолютную империалистическую монархию нетронутой.

Махинации лидеров были так тщательно скрыты, что было невозможно доказать, что они наемные предатели; невозможно было подозревать этих людей в том, что они шпионы и предатели, потому что они казались искренними и храбрыми, они никогда не предпринимали никаких серьезных мер для отрицания того, что они оплачиваются Германией. Эта тактика была очень умной и полностью отвечала их интересам. Они были глухи к комбинированной тактике, потому что, если бы они доказывали свою невиновность, это требовало бы изнурительных объяснений на опасной почве; они говорили: «может быть, мы брали деньги, но наши цели были совершенно отличны от целей тех, кто их нам давал». Массы людей не могли понять «красоту и величие большевизма». Единственный метод защиты, который они избрали, — это поспешно собрать все обвинительные документы против Ленина и его товарищей, которые они захватили от прежнего правительства; эти бумаги были представлены ранее перед судьями.

Известно, что Ленин и другие большевики возвратились в Россию через германскую границу с согласия и разрешения Кайзера.

Мы имеем доказательства обвинений против большевиков, которые были напечатаны в южнорусской газете «Приазовский край» 6 января 1918 г., а позднее в московском еженедельнике «Фонарь», № 13, 22 января 1918 г. Этот еженедельник был позднее закрыт большевиками. Копии этих разоблачительных

---

[1] Обратный перевод с английского.

документов расклеивались также тайно на углах улиц в Москве и срывались красногвардейцами, когда они их обнаруживали. Эти документы показали, что Ленин, Троцкий, Луначарский и их товарищи в то время, когда Россия сражалась с Германией в 1914 г., получали деньги от Германии за работу по пропаганде мира под маской «большевизма». Циркуляр Германского Государственного банка от 2 ноября содержит открытое желание помочь планам Зензинова и Луначарского в пропаганде и агитации большевизма в России при условии, что эта агитация будет вестись среди русских войск на фронте.

Эта цель была прекрасно достигнута, пропаганда не только проникла в армию, но она поглотила и собственно армию, разрушив ее[1].

Источник: The National Archive of The USA. RG-59. Sisson Documents. Box 1. Fi1e V.

[1] Далее следуют 16 документов, 15 из которых повторяют «документы Никифоровой» и документы приложения № 1 к брошюре «Германо-большевистский заговор». О «документе» № 6а из статьи лейтенанта Свечникова и его текст см. в главе «Театр теней. Акт первый» настоящей книги.

Приложение № 3

Фальшивые штампы и печати

А. Сравнение штампов и печатей германских «учреждений», примененных А. М. Оссендовским в изготовленных им фальшивых документах с подлинными печатями и штампами аналогичных германских военных учреждений. Источник: немецкая брошюра «Die Entlärvung der Deutsche-Bolschewistischen Verschwörung» (Berlin, 1919. SS. 20, 22.).

Solche Stempel führen die Militärbehörden überhaupt nicht.

Das Muster eines im Gebrauch befindlichen Stempels ist hier abgedruckt und einem Abdruck des als Faksimile ausgegebenen gefälschten Stempels aus der Sissonschen Schrift gegenübergestellt.

NACHRICHTEN · BUREAU · C.C.S.

GROSSER GENERALSTAB · NACHRICHTEN-GRUPPE ·

Stempel aus der Sissonschen Schrift. Stempel des Großen Generalstabs

Слева — поддельная печать «Разведывательного бюро» (уменьшено), справа — подлинная довоенная печать Разведывательной группы Большого Генерального штаба Германии (масштаб неизвестен).

Abtheilung" wie in der englischen Broschüre) im Faksimile wiedergegeben und der Fälschung des Herrn Sisson gegenübergestellt.

GR. GENERALSTAB.
CENTRAL ABTHEILUNG
Section M.
№
Berlin.

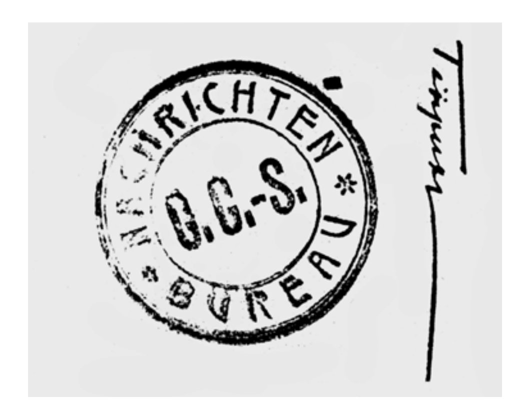
Kopf aus der Sissonschen Broschüre.

Großer Generalstab.
Zentral-Abteilung.
Nr.

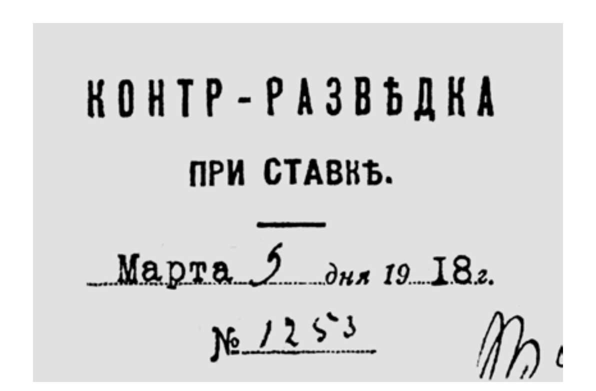
Berlin, N.W. 40, den
Moltkestraße Nr. 8

Kopf eines Originalbogens der „Zentral-Abteilung".

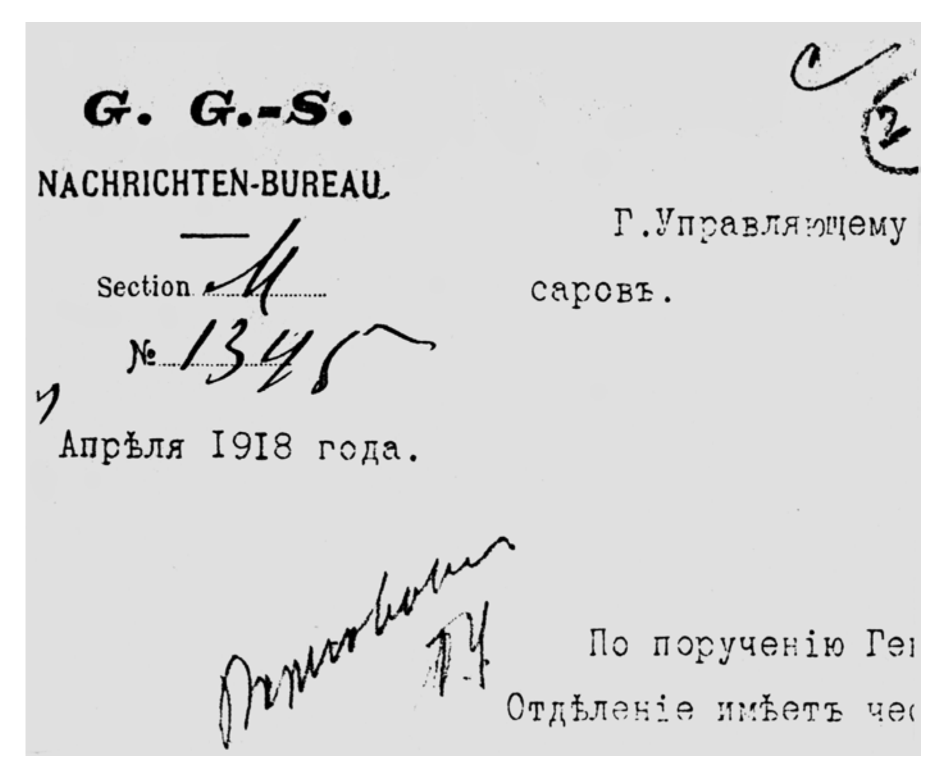
Поддельный угловой штамп Секции М Центрального отделения Большого Генерального Штаба Германии из «документов» Оссендовского (уменьшено), внизу — подлинный угловой штамп довоенного Центрального отделения Большого Генерального штаба Германии.

Б. Копия оттиска поддельной печати «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» Германии, использованной на «документах» Оссендовского в натуральную величину. С оригиналов «документов Имбри – Акермана».

В. Фальшивый угловой штамп «Контрразведки при Ставке». Обратите внимание на знак «№» в немецком и русском угловых штампах.

G. G.-S.

NACHRICHTEN-BUREAU

Section

№

Апрѣля 1918 года.

Г. Управляющему

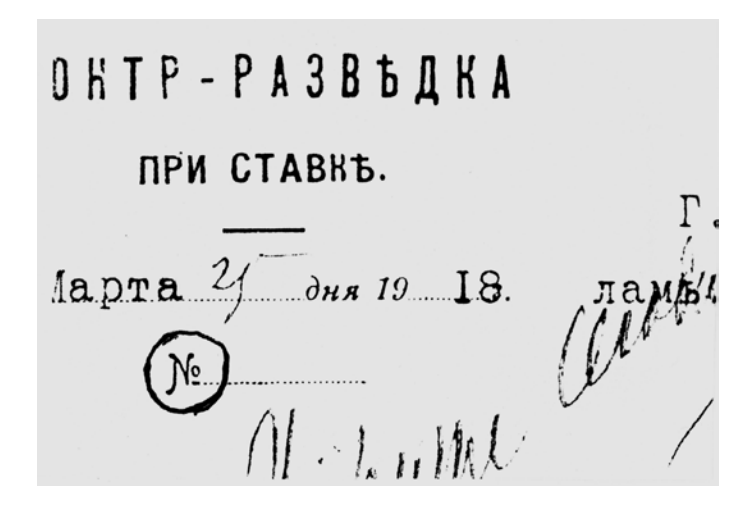
саровъ.

По порученію Ге

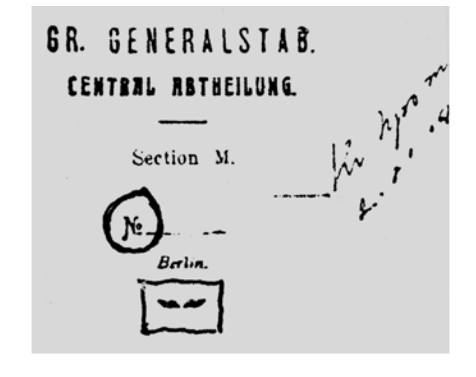
Отдѣленіе имѣетъ че

Г. Копия поддельного углового штампа «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» Германии на второй партии бланков, отпечатанных для изготовления фальшивых документов Оссендовским (в натуральную величину). С оригиналов «документов Имбри – Акермана».

Д. Совпадающие элементы типографского набора угловых штампов немецких и русских «учреждений» из поддельных документов Оссендовского. Знак номера совпадает в угловом штампе русской «Контрразведки при Ставке», Центрального отделения Большого Генерального штаба, Генерального штаба флота открытого моря и «Разведывательного бюро Большого Генерального штаба» (отмечено кружком). Совпадает декоративная деталь «птичка» на штампах всех трех «немецких учреждений» (отмечены прямоугольником). Копии угловых штампов «немецких учреждений» заимствованы из брошюры «Германо-большевистский заговор», где при публикации были уменьшены. Копия углового штампа «Контрразведки при Ставке» воспроизведена с архивного оригинала из «документов Имбри – Акермана» в натуральную величину. (*См. с. 255*)

ОКТР-РАЗВѢДКА
ПРИ СТАВКѢ.
Г.
Марта 25 дня 19 18.
№

G. G.-S.
NACHRICHTEN-BUREAU.
Section R.
№ 42
12 Февраля 1918 г.

GR. GENERALSTAB.
CENTRAL ABTHEILUNG.
Section M.
№
Berlin.

G. S. der HOCHSEEFLOTTE.
№ 93.

Приложение № 4

Документы Имбри–Акермана (серия Госдепартамента)

А. Первые документы

№ 1

G.G.-S. Nachrichten Bureau. Section R [далее — NB].

№ 883. 9 марта 1918 года.
В Комиссию по борьбе с Контрреволюцией. В. Секретно.

Настоящим сообщается, что наблюдением и в случае необходимости нападением на японских, американских и русских офицеров, командующих оккупационным корпусом в Восточной Сибири, заведуют наши агенты Штауфахер, Кригер, Гизе, Вальдейн, Буттенхоф, Даттан и Скрибанович, к коим и надлежит обращаться как комиссару Кобозеву, так и командированным Комиссией лицам. Адреса агентов указаны в списке № 3.

Начальник R. Bauer. Адъютант М. Крейслер.

Круглая печать NB.
Пометы: Депо № 12. Телегр. Кобозеву [карандашом]. Смт. Телегр. Стренбергу [карандашом]. Дать список [чернилами] Дз.

Справка по списку № 3.
1. Штауфахер — Владивосток, д. Панова
2. Р. Кригер. Никольск-Уссурийский
3. А. Гизе. Иркутск, аптека Жинжеровой
4. Ф. Вальдейн. Владивосток, соб. дом

5. Буттенгоф. Хабаровск, торг. дом «Кунст и Альберс»
6. Даттан А. Томск, Нечаевская ул.
7. бар. Будберг. Харбин, Медиц. Упр. Кит.-Вост. ж. д.
8. Скрибанович Г. Благовещенск-на-Ам., дом «Кунст и Альберс»
9. Панов. Владивосток, соб. дом

Источник: The National Archive of The USA (Далее — NA). RG-59. Sisson Documents (Далее — SD) Box 3. File Miscellanious Documents II. Машинописная «факсимильная» копия, сделанная по распоряжению американского вице-консула Имбри[1].

№ 2

К № 856. 6 марта 1918 г. Совершенно секретно.

Список № 4 агентов нашего Штаба на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири.

1. Адольф Буттенгоф
2. Адольф Даттан
3. Альфред Альберс
4. Рудольф Фельдман
5. Иоганн Реймер
6. Вольф Геннерт
7. Барон Гуго Эльсон
8. Альфред Гезе
9. Август Мейер
10. Альфред Корнелиус
11. Герман Скрибанович
12. Александр Майзель
13. Вильгельм Гультин
14. Артур Вестман
15. Вальтер Мессигер
16. Рудольф Штейнгель
17. Лотар Андерс
18. Д-р бар. Будберг
19. Герман Кабиш
20. Франц Вальдейн
21. Карл Вигандт
22. Михель Стольтенберг
23. Пауль Вертгеймер
24. Иоганн Глянц

Все означенные агенты имеют в своем распоряжении надежных людей как для агитационной, так и для активной деятельности. Комиссары для Сибири Кобозев и Стренберг, а

[1] Оригинал опубликован Эдгаром Сиссоном в брошюре «The German-Bolshevik Conspiracy». Issued by Committee on Public Information». 1918. P. 14. Doc. № 29.

также Члены Военно-революционного Комиссариата Шатов, Васильевский, Свечников и Шутко благоволят обратиться к названным агентам за содействием по наблюдению за американскими агентами в Сибири. Адреса перечисленных лиц указаны в списке «А».

За начальника Разведочного отделения
Германского Генерального Штаба
Р. Бауэр. Адъютант Генрих.

Печать NB.

Пометы: Дайте список «А». В. У.; Список «А» в К. И. Д.; Вызвать Фейерабенда.

Источник: NA. RG-59. SD. Box 3. File Miscellanious Documents III. Оригинал.

№ 3

NB. Section M. № 874. 8 марта 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

По донесению наших агентов, находящихся на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и в Восточной Сибири, местное русское население весьма сочувственно относится к вопросу об оккупации русского Дальнего Востока японскими и американскими войсками. По полученным Отделением сообщениям Германского Генерального Штаба, такое положение терпимо быть не может, так как оно не отвечает общему смыслу Брестского мирного договора. Вытекает последнее заключение из того, что русское население оказывает действительную поддержку отряду есаула Семенова и офицерам, командующим отдельными частями этого отряда, принадлежащим к предполагаемому иностранному оккупационному корпусу.

Есаул Семенов, пользуясь доносами мирного населения, арестовал и казнил Попова, Краснова, Ружицкого и Галкина, под каковыми фамилиями скрывались, как это было известно Контрразведке при Ставке, находящейся ныне в распоряжении Главнокомандующих на внутренних фронтах, офицеры нашего Штаба, посланные на Дальний Восток с особою миссией.

Генеральный Штаб просит Совет Народных Комиссаров срочно командировать во Владивосток, Иркутск, Читу и Харбин тех агитаторов, которых укажет Комиссар Володарский, сделавший уже свой доклад представителю нашего Штаба. Эти агитаторы должны поднять движение против японцев и американцев и всеми мерами стараться столкнуть их между собою.

Для этой цели необходимо ускорить принятие в Российское подданство 11 300 германских военнопленных и 6500 австро-венгерских военнопленных. Эти люди, вооруженные приказом

Комиссариата по военным делам от 28 января, будут разделены на несколько отрядов под общей командой майора Ниссена, уже прибывшего в Красноярск. Штаб наших вооруженных сил остается в Иркутске, аптека Жинжеровой, а склад оружия и припасов будет находиться в Красноярске.

В Харбине агитаторы должны свидеться с бар. Будбергом и лейт. Хемнитц, которые получили инструкции на предмет возбуждения недовольства среди китайцев. Необходимо убедить их в том, что Китайско-Восточная железная дорога должна перейти к Китаю, а также и вся Южная Манджурия, что теперь, благодаря соревнованию Японии и Америки, невозможно, так как все это перейдет к иностранцам. Необходимо также поддержать хунхузов и направить их против японцев и американцев, освещая в печати это движение как восстание китайского пролетариата.

За начальника отделения Р. Бауэр. Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Пометы: В Секр. Отд. № 119; Входящий № 119. Отделение Воен. «С». Н. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 3. File Miscellanious Documents II. Оригинал.

№ 4

NB. № 901. 11 марта 1918 г.
Господину Народному Комиссару по иностранным делам.

По поручению нашего Генерального Штаба имею честь просить экстренно довести до сведения Представителя Российского Правительства в Англии г. Литвинова, что к нему явятся гг. Вознесенский и Сузуко, которые передадут ему указания, где и каким образом на восточном побережье Англии надлежит немедленно установить наблюдение и сигнализацию.

Кроме того, необходимо немедленно под видом красногвардейцев перекинуть весь отряд, сформированный майорами фон Бельке и Энгельмейером в Ростове-на-Дону, в Красноярск и Иркутск под предлогом борьбы с есаулом Семеновым и другими противниками Советской власти.

Этот отряд вместе с вооруженными уже через бар. Будберга и Гезе германскими и австро-венгерскими военнопленными составит ядро [против] будущей и несомненной кампании Японии и Соединенных Штатов против Российского правительства.

В Иркутске все инструкции нашего Штаба будут получаться через революционных, преданных Советской власти казаков: Триполитова, Кольцова и Ружина, а также через известного комиссариату Муратова. Всем этим лицам Комиссариат благово-

лит выдать новые русские паспорта на иные имена, дабы предохранить этих полезных людей от непредвиденной опасности.

За начальника Разведочного отделения
Р. Бауэр. Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Пометы: № 8931. Со; Сообщить тов. Подвойскому. [подпись неразборчива].
Источник: NA. RG-59. SD. Box 3. File Misc. Docs. II. Оригинал.

Б. Основная часть серии

Документ А-1

NB. № 889. 10 марта 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Народный Комиссар Крыленко переслал в Разведочное отделение обширную докладную записку, представленную двумя лицами 26 февраля 1917 г., на имя Верховного Главнокомандующего. Копия заключительной части означенной записки, одобренной Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего ген. М. В. Алексеевым, при настоящем отношении препровождается[1]. Записка эта была рассмотрена в марте бывшим министром Гучковым, который приказал приступить к практическому ее осуществлению. В настоящее время из дел Генерального штаба записка эта поступила в Высший Военный Совет, где, по нашим сведениям, она, в главных чертах, пользуется одобрительным к себе отношением. Отделению известно, что та часть записки, которая останавливается на организации германской разведочной службы в Китае, Японии и С. А. С. Штатах, в настоящее время служит предметом обсуждения.

По предписанию Германского Генерального Штаба имею честь просить немедленно снять с обсуждения упомянутую записку и не поднимать этого вопроса, несомненно ухудшающего отношения между Германской империей и Россией.

За начальника Разведочного отделения
Р. Бауэр. Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Пометы: Снять копии с зап. и отн. М. Скрыпник; В Мал. Совет. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Ackerman. 39 Originals. Оригинал. Документ А-2 — там же.

---

[1] Машинописная копия заключительной части Записки (документ А-2) претендует на то, что она изготовлена в «Разведочном отделении», имеет оттиск печати и заверительную подпись адъютанта Генриха, а также № 513. Сделана не на бланке, а на обычной бумаге. В связи с тем, что она представляет собой часть подлинного русского делопроизводственного документа, в данном приложении не публикуется.

Документ А-3

Контрразведка при Ставке [Далее — КР].
22 марта дня 1918 г. № 1344.
В Военно-революционный комиссариат
Петроградской Трудовой Коммуны.
По Агентурному отделу.

При сем препровождаю три экземпляра германского циркуляра за № 93, найденные в папке Свеаборгской крепости нашим агентом в Гельсингфорсе[1].

Комиссар Ив. Алексеев.

Круглая печать: «К.-Р. отделение Ш. В. Г.»
Помета: М. В. Копию сообщить В. В. Совету, послать 2 снимка. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX.

Документ А-5

NB. № 1195. 22 марта 1918 года.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Несмотря на отписку Народного Комиссариата по военным делам о ненахождении следов дела австрийского подданного Генриха Рубинштейна, румынского подданного Далл-Орсо и др., имею честь просить приложить все усилия для розыска этого дела, долженствовавшего пройти через военно-регистрационный отдел Русского Генерального штаба. Для облегчения поисков сообщается, что дело велось контрразведчиком Южного фронта, капитаном Мусиенко. В числе обвиняемых оказались: 1) банкир Генрих Рубинштейн, имевший документы норвежского консула; у него при обыске среди банковской переписки будто бы была обнаружена записная книжка с записками на немецком языке о численности русских войск, орудий, пулеметов и лошадей в районе Галаца; 2) румынский банкир Альфонс Далл-Орсо, именовавший себя сенатором; у него также будто бы найдена запись численности русских войск и расписание движения воинских поездов; 3) грек Спиро Каруссо; 4) грек Бухоч с женою; 5) Мориц Фалькенштейн и

[1] К документу приложен один экземпляр фотокопии типографского экземпляра на немецком языке циркуляра Главного штаба флота открытого моря за № 93 от 28 ноября 1914 г. (документ А-4). В связи с тем что в приложении № 1 к настоящей книге дан его русский текст («документы Никифоровой», док. № 7), в данном приложении этот «документ» не публикуется. Циркуляр дважды напечатан Эдгаром Сиссоном в брошюре «Германо-большевистский заговор». Он может служить еще одним аргументом в пользу изготовления документов всех трех серий одним лицом.

6) русский инженер Вильгельм Экерле. Все означенные лица были признаны военными шпионами.

Ныне, как уже сообщалось, возбуждено следствие о создании контрразведкой этого вопроса провокационным путем, на что представлены доказательства родственниками Рубинштейна, Карусо и Далл-Орсо.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Печать NB.
Помета: Штабу.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-6

NB. № 1345. 2 апреля 1918 года.
Г. Управляющему делами Совета Народных Комиссаров.
Секретно.

По поручению Генерального Штаба Разведочное отделение имеет честь просить сообщить все обвинения против Г. Председателя Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Свердлова и бывшего Верховного Главнокомандующего Крыленко, возбужденные бывшим Морским комиссаром Дыбенко в Следственной комиссии по делу последнего. Отделение особенно интересуется показаниями комиссара Дыбенко об участии гг. Свердлова и Крыленко в совещаниях с представителями нашего Генерального Штаба в июле 1917 года.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: Переговорить. В. У.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-7

NB. № 1403. 4 апреля 1918 года.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочное отделение уполномочено заявить протест против доказанного участия в боях с финскими белогвардейцами

моряков команды «Грифа», а равно против спешного вывоза архива Штаба Свеаборгской крепости и, в частности, Контрразведывательного отделения Штаба Командующего Балтийским Флотом. Все дела названного отделения должны быть переданы нашим офицерам в Гельсингфорсе во избежание того, чтобы дела отделения сделались достоянием гласности.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Бухгольц.

Печать NB.
Помета: Тов. Дыб. [Инициалы неразборчивы].
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-8

КР. Апреля 5 дня, 1918 г. № 1406.
Господину Председателю Высшего Военного Совета.
Секретно.

Исполняя Ваше личное распоряжение, сообщаю, что в Гельсингфорсе из Отдела морской контрразведки германские офицеры через матросов Кириллова и Кайсу изъяли все дела о вербовке финнов на службу Германии в 1914-1915 гг. и о доставке в Финляндию оружия. Мне с большим трудом удалось получить лишь следующие документы, которые препровождаю[1].

Контрразведчик П. Кораблев.

Печать КР.
Помета: В Секр. Отд.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

---

[1] Далее номера А-9 и А-10 представляют собой два русских делопроизводственных документа — подлинник рапорта коменданта 5-го участка Финляндской пограничной охраны (г. Або) подполковника Волобуева от 3 июля 1915 г. № 115 о вербовке немцами финнов в Стокгольме и Гельсингфорсе и копию, сделанную в «Контрразведке при Ставке» и заверенную «комиссаром Ив. Алексеевым», секретного доклада, видимо, того же подполковника, с подробностями. В данном приложении не публикуются. Источник тот же.

Документ А-11

КР. Марта 12 дня 1918 г.
Г. Председателю Совета Народных Комиссаров.

В порядке срочности прошу распоряжений по следующему вопросу. Начальник Разведочного отделения Германского Генерального Штаба в России майор Рудольф Бауэр обратился ко мне с предписанием выдать русские паспорта для четырех японских граждан, которые должны быть командированы в порты Соединенных Штатов. Имена этих граждан: Акино, Гоши; Икедо, Минезо; Такехара, Кийши; Ниго, Кунизо.

Ввиду частных донесений нашей Разведки означенные японские граждане находятся на службе у германских военных властей, поэтому предоставление им русских паспортов может повлечь за собою крупные политические осложнения. На мой запрос по этому поводу Народный Комиссариат по Иностранным делам указал на необходимость обращения за разъяснением к Председателю Совета Народных Комиссаров.

Заведующий Контрразведкой Фейерабенд.
Комиссар Ив. Алексеев.

Печать КР.
Пометы: Запросить тов. Троцк. М. Скрыпник; Переговорено. Л. Т.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-12

NB. № 1025. 19 марта 1918 года.
Господину Председателю Высшего Военного Совета.

По полученным Отделением сведениям, Контрразведка при Ставке является в настоящее время учреждением, объединяющим все разведочные и контрразведочные учреждения на внутренних фронтах России, хотя и сохраняет прежнее свое название и старую печать. Ввиду этого Разведочное отделение просит назначить следующих германских офицеров в качестве помощников Заведующего Контрразведкой Макса Фейерабенда: фон Бельке, Бихман, Шиллер, Дампф и Бурх. Расходы по их содержанию отделение принимает на свой счет. Все названные офицеры должны быть снабжены русскими паспортами.

За начальника Разведочного отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Печать NB.
Помета: Б. Мал. Сов.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-13

КР. Марта 23 дня 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Германское Разведочное отделение и Штаб оккупирующего Псков германского отряда пользуются в качестве агентов китайцами. 21 марта были задержаны китайцы-торговцы, пытавшиеся проникнуть в Московское контрразведочное отделение. Они сознались, что состоят на службе в германской разведке и вскоре отправляются во Владивосток и в Манджурию для работы под видом японцев. Так как китайцы проникают в расположение советских войск, то их деятельность должна быть ограничена, иначе мы очутимся под постоянным наблюдением шпионов.

Комиссар Ив. Алексеев.

Печать КР.
Пометы: Г. К. Снестись с кит. комис.; Сообщить К. Ин. Д. М. Скрыпник.

Документ А-14

NB. № 1271. 24 марта 1918 г.
Господину Председателю Высшего Военного Совета. Срочно.

Штабом Красной Армии установлено наблюдение за контрреволюционной деятельностью некоторых русских офицеров. Так как наши офицеры при содействии гг. Народных Комиссаров Склянского и Володарского снабжены были документами некоторых казненных офицеров, то и эти наши офицеры подверглись весьма стесняющему их деятельность наблюдению. Одним из агентов наблюдателей Штаба Красной Армии состоит Георгий Клемент, уголовное прошлое которого устанавливается Справкой Петроградской Сыскной полиции № 52700, случайно полученной в копии нашим агентом и препровождаемой при сем[1]. Разведочное отделение просит принять срочные меры по изложенному делу.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

[1] Далее док. А-15 представляет собой копию, «заверенную» «адъютантом NB Генрихом» с нотариальной копии справки Петроградской Сыскной полиции от 28 ноября 1915 г. о приговоре Клементу на два месяца тюремного заключения в 1912 г. В данном приложении не публикуется. Источник тот же.

Печать NB.
Помета: Вызвать Антонова.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-16

NB. 31 марта 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Наша тайная агентура доносит, что оборонческая группа моряков Балтийского флота организует уничтожение русских военных кораблей, находящихся на Гельсингфорсском рейде, а также в Петрограде («Аврора», «Диана» и др.). Членами той же группы убиты матросы, обслуживающие на крейсерах «Аврора» и «Диана» радиотелеграфные переговоры между представителями нашего Штаба и Верховного командования.

Разведочное отделение еще раз настойчиво указывает на необходимость принятия самых срочных мер против явного нарушения мирного договора для избежания воздействия со стороны наших вооруженных сил.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Печать NB.
Пометы: С. О. № 117; Дыб. Б.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-17

NB. № 948. 16 марта 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.
Весьма секретно.

Разведочное отделение получило точные сведения, что Морской коллегией 15 марта обсуждалась резолюция, которую предложено внести на одобрение особого собрания моряков морского берегового отряда флота Российской республики относительно убийства комиссаров Мясникова и Забелло, причем некоторые из присутствующих, а именно Рыбьяков и Измайлов, открыто обвиняли в убийстве германских военных агентов. Обвинение это, по-видимому, исходит от комиссара Дыбенко и адм. Развозова, причем комиссар Раскольников не принял мер противодействия.

По поручению Штаба Разведочное отделение просит провести строгое и быстрое расследование описанного случая. Обсуждавшаяся резолюция редактирована следующим образом:

«Мы, моряки морского берегового отряда Красного флота, узнав о смерти наших лучших товарищей, членов, находящихся при военном отделе начальника отряда, тов. Мясникова и вновь избранного на его место тов. Забелло, председателя комиссии по приему в Красный флот тов. Белозерова, погибших от предательской руки тиранов, мы, моряки вышеозначенного отряда решили: если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступаем с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч тех богачей, которые живут в светлых и роскошных дворцах, организовывая контрреволюционные банды против трудящихся масс, против тех рабочих, солдат и крестьян, которые в октябре вынесли на своих плечах революцию.

Вы, тираны и в то же время подлые трусы, этими отдельными предательскими выступлениями хотите расстроить наши революционные ряды и свергнуть Советскую власть трудящихся. Но мы гордо поднимем красное знамя на всю Россию и на весь мир и провозгласим наши дорогие лозунги: "Да здравствует Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов", "Да здравствует Совет Народных Комиссаров", "Да здравствует социальная революция", "Да здравствует Интернационал".

Мы сожалеем о смерти наших лучших и дорогих товарищей и шлем проклятие убийцам и всем тиранам и врагам народа».

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: К докладу. Н. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-18

NB. № 1431. 6 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.
Доверительно.

По поручению нашего Штаба в Пскове Разведочное отделение имеет честь известить, что навербованные бывшим Морским комиссаром Дыбенко ударные матросские отряды получили из Германии от левых фракций независимых социалистов прокламации, в которых излагаются следующие сведения:

1. Германское правительство решило аннексировать горнопромышленные районы Франции Брие и Лонгви, а также Бельфор, Верден, Туль и все побережье Ла-Манша.

2. Германское правительство решило удержать за империей Антверпен, который для Германии важнее Гамбурга.

3. Германское правительство поработит Польшу, Литву и все Прибалтийские губернии России.

4. Германское правительство не допустит восстановления Сербии и Черногории, которые будут разделены между Австро-Венгрией и Болгарией.

5. Бельгия насильно будет включена в сферу влияния Центрально-европейских держав как зависимое, вассальное княжество.

6. Германское правительство решило заключить мир с Японией за счет Азиатских владений России, но довести войну до полного поражения Англии и ослабления Соединенных Штатов Северной Америки.

Эти немецкие прокламации переведены на русский язык и распространяются в целях возбудить озлобление против германских империалистов среди русских отрядов в прифронтовой полосе, что нарушает мирный договор.

Наш штаб предлагает поручить Заведующему контрразведкой г. Фейерабенду изъять эти прокламации, арестовать их распространителей и просит Совет Народных Комиссаров принять по означенному поводу срочные и решительные меры.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: К-Р Дело. Н. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-19

КР. Марта 5 дня 1918 г. № 1253.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

По нашим сведениям, в Стокгольме и Гельсингфорсе открылись отделения особого учреждения — германской расчетной палаты, задачи которой состоят в противопоставлении долгам неприятельских подданных соответствующих требований к ним, причем палата берет на себя не только проверку этих претензий германских подданных, но и их юридическое и политическое обоснование. В палате уже имеется полный счет и баланс всех долгов и требований, направленных против неприятельских, включая Россию, стран. В настоящее время уже выработаны меры германского вмешательства в дело защиты интересов германских торговых и промышленных кругов в неприятельских странах.

Члены Гельсингфорсского отделения этого учреждения Гейнце и Бухбиндер выезжали 2 марта в Петроград, где имели совещание с представителями немецкой торговли и некоторых банков в России. Подробности совещания неизвестны, так как Заведующий контрразведкой тов. Фейерабенд счел лишним поручить расследование этого события нашим агентам.

Комиссар П. Краблев.

Печать КР.

Пометы: В Мал. Сов. П. Г.; Nota Bene [против фамилий Гейнца и Бухбиндера]; Кто подписал? [против подписи Кораблева].

Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-23[1]

КР. Марта 18 дня 1918 г.
Господину Председателю Высшего Военного Совета.

Препровождая при сем удостоверение, выданное германскому офицеру Роденбаху на бланке Контрразведовательного отделения Северного фронта, присланном из Пскова, с просьбой приложить к удостоверению печать нашей Контрразведки на предмет командирования этого офицера под именем Григория Михайловича Заварзина[2] во Владивосток, а оттуда в С.-Франциско, имею честь просить указаний и распоряжений.

Комиссар О. Кальманович.

Печать КР.

Пометы: С. О.; Перегов. Б.

Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-25

NB. № 1203. 23 марта 1918 года.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочному отделению поручено передать Совету Народных Комиссаров нижеследующую радиотелеграмму, касающуюся торгово-промышленных отношений Германии и России в области изолирования России от английской и американской промышленности.

За начальника отделения Б. Бер. Адъютант М. Крейслер.

---

[1] Под документами 20–22 имеются в виду второй, третий и четвертый документы из раздела «А» настоящего приложения.

[2] Документ А-24 представляет собой машинописный текст удостоверения капитану Г. М. Заварзину, командируемому во Владивосток с правом получения на месте заграничного паспорта, выполненного на подлинном русском типографском бланке с угловым штампом Контрразведывательного отделения штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта (формулировка штампа до декабря 1917 г.). Возможно, дата — 12 марта 1918 г. и № 815, а также подписи и сам текст являются фальшивыми. Удостоверение погашено косой карандашной чертой. Источник тот же.

Печать NB.
Помета: Т. Свердлову и Ломову. М. Павл.; С. О. № 1492.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-26[1]

Гандельстаг[2] извещает, что в настоящее время в Германии закончена концентрация крупного производства и реорганизация транспортного и экспортно-импортного дела, что позволяет германской промышленности удовлетворить все запросы русского рынка, отныне не нуждающегося в товарах английских и американских фабрик.

1. Баденский анилиновый синдикат объединил все фабрики и крупные лаборатории, производящие химические краски и массовое химическое производство.

2. Акционерное общество «Мерк» объединило все фабрики и крупные лаборатории, изготовляющие лекарственные вещества и препараты.

3. Рейнско-Вестфальский союз организовал центральное бюро для приема заказов на машины, двигатели, вагоны и экипажи всякого рода, а также на сырой металл и металл специального назначения.

4. Синдицированы пароходства «Гамбург-Америка Линия» и «Северогерманский Ллойд», вошедшие в соглашение с угольным трестом «Гуго Стиннес» и с колониальной фирмой «Верман» в Гамбурге.

5. В Гамбурге образован «Союз Импортной торговли».

6. В Берлине образован «Центральный союз германского экспорта».

7. В Гамбурге по инициативе Коммиферейна образован «Союз контор по выдаче торговых справок», каковой сумеет выполнить в Германии или Австро-Венгрии все заказы дружественной России.

Подпись: Гольм.

Подлинность и точность настоящей радиотелеграммы удостоверяется подписями и печатью Разведочного отделения Генерального Штаба. 23 марта 1918 г.

За начальника отделения (подпись отсутствует).
Адъютанты Генрих и М. Крейслер.

Печать NB.
Пометы: С. О. № 1492; В малый совет сегодня; В Донецкий бас.? [против слов «Гуго Стиннес»]
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

---

[1] Копия вышеназванной «радиотелеграммы».
[2] Министерство торговли.

Документ А-27

КР. Марта 25 дня 1918 г.
Г. Народному Комиссару по Иностранным Делам.
Секретно.

Довожу до сведения Комиссариата, что сегодня германский разведчик Бауэрмейстер имел продолжительное совещание с Заведующим нашей контрразведкой т. Фейерабендом и с тов. Крыленкой. Дебатировался вопрос о том, чтобы в состав русской делегации, отправляющейся в Соединенные Штаты для ревизии военных заказов, ввести двух лиц: датчанина Гансена и рекомендованного т. Ганецким Пельтенбурга, снабдив их русскими паспортами. Цель их поездки проникнуть к следующим лицам, занятым военно-техническими вопросами: 1) ген. Уильяму Крозьеру, изобретателю исчезающего орудия; 2) Худзону Максиму, изобретателю взрывчатых веществ; 3) Джону Гаммонду, изобретателю мин для защиты берегов; 4) Луи Гасману, изобретателю-артиллеристу; 5) Ли Форесту, специалисту в области радиотелеграфа и телефона; 6) Проф. Фесеендену, спроектировавшему прибор для сношений подводной лодки с военными кораблями; 7) Симону Леку, строителю подводных лодок. Мне неизвестны другие лица, которые будут служить объектом внимания Гансена и Пельтенбурга, равно как и решения товарищей Крыленки и Фейерабенда. Об изложенном счел нужным довести до сведения Комиссариата по Иностранным Делам, хотя я и не могу поручиться за правильность произношения перечисленных фамилий американских изобретателей.

Агент Контрразведки М. Костенко.

Пометы: М. И. Доложить сегодня; Вызвать К-Р и установить смысл этих сведений Н. Г.

Источник: NA. RG-59, SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-28

NB. № 1325. 28 марта 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

По поручению своего Правительства Разведочное отделение просит Вас принять все меры к недопущению «Нью-Йорк Нэшиональ-Сити Банк» или других посредников получить русские правительственные заказы для следующих американских фирм:

1. Этна Эксплозив Комп
2. Этна Поудер Комп
3. Этна Кимикол Комп
4. Геркулес Поудер Комп
5. Америкен Хойст энд Деррик Комп
6. Дю-Пон Поудер Комп
7. Дженерал Электрик Комп
8. Ремингтон Арме Юнион Металлик Картридж Комп
9. Блисс Торпедо Комп
10. Прессед Стил Кар Комп
11. Стил Кар энд Фаундри Комп
12. Истерн Кар Комп
13. Нова Скотия Кар Комп
14. Америкен Кар энд Фаундри Комп
15. Балдвин Локомотив Уэркс
16. Юнайтед Стэтс Стил энд Продьюктс Комп.

Полный список американских фирм, которые нежелательно допустить к работам на русском рынке, сообщен Народному Комиссару по Финансам и Председателю Центрального Исполнительного Комитета.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Помета: К сведению Н. Г.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-29

КР. Марта 31 дня 1918 г. № 1398.
Г. Председателю Высшего Военного Совета.

Согласно запроса Совета, имею честь сообщить, что германское командование назначило мичмана Яковлева начальником Осведомительного отделения, хотя мичман Яковлев состоял во главе следственной комиссии революционного трибунала местного Совдепа. Мичман Яковлев, по сведениям Контрразведки, командируется во Владивосток вместе с несколькими китайцами и германскими агентами, снабженными украинскими паспортами.

Комиссар Ив. Алексеев.

Печать КР.
Помета: Вызвать мичмана. Л. Т.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-30

NB. № 1343. 1 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

По поручению Германского командования на Украине Разведочное отделение имеет честь просить ускорить заключение мира с Украинской республикой, что обусловлено мирным договором.

Одновременно Российскому правительству предлагается принять выработанный Украинской Радой совместно с финансовыми консультантами Германии и Австро-Венгрии финансовый план борьбы с Англией, Францией и Соединенными Штатами Северной Америки и поддерживать его со всей решительностью. Так как в настоящее время иностранными капиталистами принимаются все меры к захвату металлургического, каменноугольного и сахарного производства на Украине, то Российское правительство обязывается, согласно переговорам германских представителей на Брестской конференции с членом русской делегации г. Иоффе, не допускать английского, французского и американского капиталов к названным производствам, к которым немедленно будет применен неограниченный по размерам промышленный капитал. С этой целью необходимо, по проекту советника фон Шанца, установить тщательное наблюдение за «нейтральным» капиталом, под видом которого на юг России и на Украину будут стараться проникнуть капиталы Англии, Франции и Америки.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: т. Свердлову.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-31

NB № 1351. 2 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

По приказу, полученному от Штаба Южного германского экспедиционного отряда, имею честь просить командировать в Киев тех лиц, которых укажут гг. Карахан и Стеклов, для обсуждения вопросов об учреждении Коммерческого Украинского Банка, входящего в группу Дисконто-Гезельшафт, Экспорт-

но-импортной палаты, о восстановлении сахарных заводов и о законопроекте, ограничивающем доступ английских, французских и американских капиталов в украинскую промышленность и торговлю.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: В С. О.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-32

NB. № 1361. 3 апреля 1918 г.

Г. Комиссару внутренних дел
С.-Петербургской Трудовой Коммуны.

Настоящим честь имею просить Вас заменить прилагаемое при сем свидетельство № 445, выданное обер-лейтенанту Линденау на имя солдата Николая Ракитина, на иное свидетельство, так как обер-лейтенант Линденау получил срочную командировку на Дальний Восток для наблюдения за японскими и американскими оккупационными властями и для руководства нашими агентами, выполняющими наш план на Дальнем Востоке. Совершить вторую поездку с прежним документом признано опасным, так как в Штабе Комиссара Западной Сибири на обратном пути обер-лейтенант Линденау встретил значительные затруднения при предъявлении прилагаемого свидетельства[1], а в Саратове был арестован по подозрению в шпионстве.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Печать NB.
Помета: Выдать. В.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

[1] Документы А-33 и А-34 представляют собой подлинные справки, выданные солдату Сводной пехотной дивизии, расположенной в окрестностях г. Острова, для поездки в отпуск на родину в г. Барнаул после выписки из госпиталя. Справки погашены косыми карандашными линиями. В данном приложении не публикуются. Источник тот же.

Документ А-35

NB. № 1410. 4 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочное отделение, исполняя телеграфный приказ Верховного командования, имеет честь просить сделать срочное распоряжение о прикомандировании лица, отлично знакомого с Кавказом, и надежной охраны для советника Эттер и обер-лейтенанта Гратц, отправляющихся на Кавказ для ликвидации Кавказско-турецкого конфликта и для ознакомления с промышленным и торговым положением Кавказа.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: Т. Сталину. Справка. М. С.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-36

NB. № 1412. 5 апреля 1918 г.
Народному Комиссару господину Володарскому.
Секретно. Лично.

Прошу Вас доставить несколько русских паспортов на бурятские фамилии для отправляемых в Маньчжурию и на Дальний Восток агентов-китайцев для исполнения плана нашего Штаба относительно создания конфликтов между Соединенными Штатами Северной Америки и Японией во время их оккупационной кампании на берегах Тихого Океана. Прошу исполнить настоящую просьбу в порядке большой срочности.

Адъютант Генрих.

Печать NB.
Помета: Михайлову.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-37

NB. № 1436. 6 апреля 1918 года.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров
Петербургской Трудовой Коммуны.

На Ваш запрос сообщаю, что агентов-наблюдателей для Мурмана, Архангельска, Вологды, Дальнего Востока и Монголии нужно вербовать в Союзе Китайских Граждан в Петрограде (ул. Жуковского, 7), где надлежит обратиться к комиссару Итцигсону для устройства свидания с нашим агентом Ю-Мень-Сю, которому предъявите настоящую бумагу.

За начальника отделения [подписи нет].
Адъютант Генрих.

Печать NB.

Пометы: Передайте т. Володарскому. В. Зин.; М. П. Дайте в паспортную книжку. Вол.

Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-38

NB. № 1439. 7 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров. В.
Секретно.

Разведочным отделением сегодня получены инструкции, касающиеся агитации против Японии в России и в Америке. Инструкция передана г. Комиссару по Иностранным Делам.

Главные пункты инструкции состоят в следующей программе для агитации:

1. Япония требует исключительного права на занятие торговлей, а также горным, лесным и винокуренным промыслами в Восточной Сибири, т. е. на пространстве от Тихоокеанской береговой линии до линии р. Енисея.

2. Япония на том же пространстве требует уничтожения власти местных Советов и фактического упразднения власти Совета Народных Комиссаров.

3. Япония требует учреждения своих банков, пароходств, страховых и экспортных контор на прежних капиталистических основаниях.

4. Япония требует недопущения капиталов всех государств, за исключением Германской империи.

5. Япония готовит новые провокационные выступления подкупленных русских агентов для дальнейшего оккупирования русских областей.

6. Япония находится в сношениях с Германским правительством и с представителями царского режима и буржуазии.

Необходимо распространить соответственно составленные прокламации в рядах русских войск и переслать их в Северо-Американские Соединенные Штаты. Составление прокламаций на русском и английском языках Разведочное отделение полагало бы полезным поручить комиссару Володарскому.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант Генрих.

Печать NB.
Помета: В. Д. Копию сообщить тов. Троцкому. М. Скрыпник.
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Документ А-39

NB. № 1445. 7 апреля 1918 г.
Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

Генеральный штаб радиотелеграммой от сегодняшнего числа указывает на желательность назначения руководителем действиями против Японии на Дальнем Востоке или Народного Комиссара Крыленки, или Народного Комиссара Антонова. К ним будут прикомандированы наши офицеры Генерального Штаба и специально знакомые с Японией разведчики. Об изложенном пожелании Генерального Штаба Разведочное отделение ставит в известность Совет Народных Комиссаров.

За начальника отделения Р. Бауэр.
Адъютант М. Крейслер.

Печать NB.
Помета: [Один неразборчивый инициал].
Источник: NA. RG-59. SD. Box 1. File IX. Оригинал.

Указатель имен

Содержание

Научное издание

Старцев Виталий Иванович

Немецкие деньги и русская революция

Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского

Редактор *Б. П. Миловидов*

Корректор *М. Э. Дылева*

Верстка и дизайн обложки *Ю. И. Беккерман*

Лицензия ИД № 04786 от 18.05.2001

Подписано в печать 19.05.06. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 1000. Заказ № 1610

ООО «Крига»
195009 СПб., ул. Михайлова, д. 11. т. 449-68-79
E-mail: book@kriga.spb.ru
http: www.kriga.spb.ru

ISBN 5-901805-25-9

9 785901 805259